

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Том 15, № 4, 2022

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сатир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (HESS), Центр исследований индустриализации (СЕМІ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штопка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конек, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода журнала – 6 раз в год

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 08.00.00 – экономические науки; 22.00.00 – социологические науки.

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала направляются в Библиотеку Конгресса США и в Германскую национальную экономическую библиотеку.

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.volinc.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 15, no. 4, 2022

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)

Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Szompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.V. Tret'yakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases:
Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost,
Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc,
Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS,
Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

© VoIRC RAS, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. На пути к преодолению внутреннего рубикона 9

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Тощенко Ж.Т. КТО в России олицетворяет борьбу за сохранение человечества?..... 32

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Балацкий Е.В. Россия в эпицентре геополитической турбулентности:
накопление глобальных противоречий 42

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Блохин А.А., Лихачев А.А. Влияние институциональных факторов
на экономическую динамику в регионах 60

Шаталова О.М., Касаткина Е.В. Социально-экономическое неравенство регионов РФ:
вопросы измерения и долгосрочная ретроспективная оценка 74

Жестянников С.Г. Приоритеты и инструменты трансформации управления
муниципальными образованиями в контексте новой реформы
местного самоуправления 88

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. Финансово-экономические аспекты
экспортно-импортной деятельности цветной металлургии России
за 2013–2020 гг. и направления ее дальнейшего развития 102

ЭКОНОМИКА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Кормишкина Л.А., Кормишкин Е.Д., Иванова И.А., Колосков Д.А.
Экологическое инвестирование как ключевой фактор формирования
и становления инвестиционной модели роста российской экономики 118

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

- Иванов С.Л., Метляхин А.И. Разработка методики оценки влияния инновационного предпринимательства на развитие экономики региона ... 136
- Наумов И.В., Никулина Н.Л. Сценарное моделирование и прогнозирование степени износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности в регионах России 155

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

- Доброхлеб В.Г., Кучмаева О.В., Брагин А.Д., Афзали М. Демографические дивиденды: формирование и использование в странах СНГ и Балтии 172
- Воробьева И.Н., Мехова А.А. Агенты социальных изменений: критерии идентификации и построение индикаторной модели 189
- Великая Н.М., Новоженина О.П. Экологические угрозы как фактор экологизации общественного сознания 209
- Груздева М.А. Возрастной фактор цифрового разрыва: грани неравенства 228

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

- Дементьева И.Н., Шэн Фанфу. Розничная онлайн-торговля в Китае и России: состояние и перспективы развития 242

НАУЧНЫЕ ОТЗЫВЫ. РЕЦЕНЗИИ

- Бобков В.Н., Бобков Н.В., Чашина Т.В. Экономика, уровень и качество жизни в регионе (размышления о словаре-справочнике «Экономика региона» Вологодского научного центра РАН) 262

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

- Мониторинг общественного мнения об эффективности государственного управления 280
- Правила приёма статей 293
- Информация о подписке 299

CONTENT

EDITORIAL

Ilyin V.A., Morev M.V. On the Way toward Crossing the Inner Rubicon 9

PUBLIC ADMINISTRATION

Toshchenko Zh.T. WHO in Russia Embodies the Struggle for the Preservation of Mankind? ... 32

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

Balatsky E.V. Russia in the Epicenter of Geopolitical Turbulence: Accumulation
of Global Contradictions 42

REGIONAL ECONOMICS

Blokhin A.A., Likhachev A.A. The Impact of Institutional Factors on Economic
Dynamics in the Regions 60

Shatalova O.M., Kasatkina E.V. Socio-Economic Inequality of Regions
in the Russian Federation: Measurement Issues and Long-Term Evaluation 74

Zhestyannikov S.G. Priorities and Tools for the Transformation of Municipal Governance
in the Context of the New Reform of Local Self-Government 88

PUBLIC FINANCE

Pechenskaya-Polishchuk M.A., Malyshev M.K. Financial and Economic Aspects
of Export-Import Activity of Russia's Non-Ferrous Metallurgy for 2013–2020
and Its Further Development Trends 102

ENVIRONMENTAL ECONOMICS

Kormishkina L.A., Kormishkin E.D., Ivanova I.A., Koloskov D.A. Environmental
Investment as a Key Factor in the Formation and Evolvement
of an Investment Model for the Growth of the Russian Economy 118

SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION STUDIES

- Ivanov S.L., Metlyakhin A.I. Elaborating a Methodology for Assessing the Impact of Innovation Entrepreneurship on the Development of the Region's Economy 136
- Naumov I.V., Nikulina N.L. Scenario Modeling and Forecast of the Degree of Depreciation of Fixed Assets at Manufacturing Enterprises in Russia's Regions 155

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

- Dobrokhleb V.G., Kuchmaeva O.V., Bragin A.D., Afzali M. Demographic Dividends: Formation and Use in the CIS and the Baltic Countries 172
- Vorobeva I.N., Mekhova A.A. Agents of Social Change: Determining Identification Criteria and Designing an Indicator Model 189
- Velikaya N.M., Novozhenina O.P. Environmental Threats as a Factor Promoting Environmental Consciousness 209
- Gruzdeva M.A. The Age Factor in the Digital Divide: The Edges of Inequality 228

FOREIGN EXPERIENCE

- Dement'eva I.N., Sheng Fangfu. Online Retail in China and Russia: Current State and Development Prospects 242

SCIENTIFIC REVIEWS

- Bobkov V.N., Bobkov N.V., Chashchina T.V. Economy, Standard of Living and Quality of Life in the Region (Reflections on the Dictionary-Reference Book *Regional Economics* Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences) 262

MONITORING OF PUBLIC OPINION

- Monitoring of the Public Opinion on the Efficiency of Public Administration 280
- Manuscript Submission Guidelines 293
- Subscription Information 299

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

На пути к преодолению внутреннего рубикона

Владимир Александрович

ИЛЬИН

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

E-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

Михаил Владимирович

МОРЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

E-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. 24 февраля 2022 года Президент РФ объявил о начале специальной военной операции на территории Украины, что, по сути, стало рубиконом в 30-летней истории существования России в рамках навязанной коллективным Западом либерально-демократической парадигмы развития. С тех пор прошло 6 месяцев. За этот период российское общество столкнулось с беспрецедентным санкционным давлением со стороны США и стран НАТО, с уходом значительного числа крупных зарубежных компаний с российского рынка; не меньшую тревогу продолжает вызывать ситуация на Украине. Как показывают результаты социологических исследований, большинство граждан страны поддерживают Президента и цели спецоперации. Однако представители разных слоев российского общества по-разному реагируют на события, происходящие во внутренней и внешней политической и экономической жизни. В статье на основе долгосрочного мониторинга общественного мнения, реализуемого ВолНЦ РАН на территории Вологодской области, проводится анализ тенденций социальных настроений и уровня

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). На пути к преодолению внутреннего рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 9–31. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. (2022). On the way toward crossing the inner Rubicon. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 9–31. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.1

одобрения деятельности главы государства. Авторы приходят к выводу о том, что меры, принимаемые Президентом РФ и правительством, по смягчению последствий санкционного давления на экономику и качество жизни населения, а также по оздоровлению духовно-нравственной и культурной атмосферы, соответствующей целям национального развития в сложившейся геополитической обстановке, ощущаются широкими слоями российского общества и находят отражение в оценках общественного мнения. В то же время, опираясь на экспертные оценки и данные статистики, авторы обращают внимание на проблему соответствия взглядов отдельных представителей сложившихся в стране правящих кругов, финансовых и культурных элит поставленным Президентом РФ целям «строительства и укрепления сильной суверенной державы, России», суверенитет которой «в XXI веке не может быть частичным, фрагментарным», как отметил В.В. Путин на Петербургском международном экономическом форуме 17 июня 2022 года. То есть суверенитет должен быть полным, не только политическим, экономическим или военным, но, в первую очередь, духовным, культурно-нравственным. Для реализации поставленных целей национального развития требуется смена элит: в системе государственного управления, экономике, культуре. Необходим переход от элиты, формировавшейся в предшествующий спецоперации период движения страны в рамках либерально-капиталистической парадигмы, к элитам, обеспечивающим суверенное развитие России с опорой на традиционные духовно-нравственные ценности и социальную справедливость.

Ключевые слова: спецоперация, цивилизационный конфликт, духовный суверенитет, Президент РФ, социальные настроения, правящие круги.

24 февраля 2022 года, после объявления о начале специальной военной операции на территории Украины, Россия перешла рубикон в своих отношениях с коллективным Западом, запустив открытый и необратимый процесс ухода от «полуколониального» существования, которое имело место на протяжении последних 30 лет с момента распада Советского Союза, в сторону достижения полного национального суверенитета.

«Наши действия – это самозащита от создаваемых нам угроз... Цель специальной военной операции – защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. И для этого мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины, а также преданию суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации»¹.

«...1990-е годы, ельцинщина, – это уже полуколония без всяких „крипто“, и мы обязаны, пусть с трудом и кровью, пусть военным путём, но из этой исторической ловушки выбраться»².

«Что такое Полный Государственный Суверенитет? Он состоит из пяти суверенитетов:

1. Признание международным сообществом территории страны, флаг, герб и гимн.
2. Дипломатический суверенитет – возможность проводить независимую международную политику...
3. Военный суверенитет.
4. Экономический суверенитет.
5. Культурный суверенитет. **Как показала наша история, самый важный. С его отсутствия и начинается путь в никуда»³.**

¹ Обращение Президента РФ к гражданам России 24 февраля 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843>

² Фурсов А. То, что не удалось Гитлеру, сегодня пытаются реализовать англосаксы // Изборский клуб. 29.04.2022. URL: <https://izborsk-club.ru/22708>

³ Стариков Н.В. Дефицит государственного суверенитета // Официальный сайт Н. Старикова. 28.07.2010. URL: <https://nstarikov.ru/defitsit-gosudarstvennogo-suverenite-6047>

Как отмечают эксперты, сегодня Россия проходит «тест на устойчивое развитие»⁴, в ходе которого осуществляется проверка не только её военного и экономического, но и патриотического, культурного, духовно-нравственного потенциала. Это, в первую очередь, касается правящих слоев, представители которых, как показывает история, становятся главной причиной распада государства: если государство этот «тест» не проходит, то «в основе краха лежит одна общая причина – неспособность политических элит обеспечить устойчивое развитие...», когда «накопление богатства начинает вытеснять добродетель и служение государству в качестве основного показателя успеха»⁵.

Шесть месяцев, прошедшие с начала специальной военной операции на территории Украины, показали, что экономический блицкриг, организованный странами НАТО во главе с США, не состоялся, что было констатировано Президентом РФ 17 июня на Петербургском международном экономическом форуме.

«Расчёт был понятен: нахрапом, с наскока смять экономику России, за счёт разрушения бизнес-цепочек, принудительного отзыва западных компаний с российского рынка, заморозки отечественных активов ударить по промышленности, финансам, по уровню жизни людей. Не получилось. Очевидно, это не вышло, не состоялось... То, что пытались осуществить такой блицкриг в отношении нашей экономики, – ясно, что не получилось... То же самое и в отношении блицкрига, касающегося России»⁶.

После встречи лидеров России, Ирана и Турции в Тегеране 19 июля 2022 г. периодические издания западных СМИ вышли с заголовками «Запад **беспомощно** наблюдает, как Россия создает новый миропорядок» (Handelsblatt, Германия), «Тегеран и Путин создают **антинатовскую** ось» (Corriere della Sera, Италия), «Владимир Путин создает новый союз стран-изгоев, который будет представлять **более серьезную угрозу для Запада, чем старый советский блок**» (Daily Mail, Великобритания).

Россия продолжила укреплять международные отношения с теми государствами, которые отказались поддержать страны НАТО в их антироссийской политике, создавая, таким образом, новые экономические и политические фундаменты для своего собственного развития. «Западу не удалось сколотить глобальный антироссийский фронт. Большинство стран мира не поддержали русофобную политику. Санкции не поддержаны ни Китаем, ни Индией, ни Бразилией, ни ведущими странами Африки, ни арабским миром, ни Латинской Америкой»⁷.

Цели специальной военной операции планомерно реализуются, причем изначально главный принцип, которым руководствовался верховный главнокомандующий, – «люди и их жизни»⁸. Этот принцип касается не только непосредственно военнослужащих, **но и сохранения привычного образа жизни гражданского населения**. Как отмечают эксперты, «нормальная жизнь» является «абсолютной целью», поэтому Президент и правительство оперативно

⁴ Арбатова Н. Двадцать веков подъема и упадка империй // Независимая газета. 13.07.2022. URL: https://www.ng.ru/ideas/2022-07-13/7_8485_empires.html

⁵ Там же.

⁶ Выступление В. Путина на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 17 июня 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68669>

⁷ Пушков: Западу не удалось сколотить глобальный антироссийский фронт // Федеральное агентство новостей. 27.07.2022. URL: https://riafan.ru/23559481-pushkov_zapadu_ne_udalos_skolotit_global_nii_antirossiiskii_front

⁸ Выступление В. Путина на Совещании с руководителями субъектов Федерации 28.04.2020 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63288>

принимают необходимые меры для снижения негативного влияния экономических санкций и для того, чтобы «человек, живущий в России, продолжал жить так, как он живёт».

«Человеку, живущему в России, говорится примерно следующее: **Ты можешь и должен продолжать жить так, как ты живёшь, и наш долг – обеспечить тебе такую возможность...** Мы постараемся свести потери нашей профессиональной армии к минимуму. И уж тем более мы постараемся вывести из-под удара ту часть населения, которая не подписывает профессиональный контракт и не берёт на себя добровольно все вытекающие из этого контракта издержки. Эта часть населения вообще не должна быть хоть как-то потревожена... **нормальная жизнь, – абсолютная цель. А реализует эту цель наша политическая система**»⁹.

Одним из главных тезисов публичных выступлений, к которому В.В. Путин обращался фактически на протяжении всех своих президентских сроков, был тезис о том, что «мнение

людей, наших граждан, народа как носителя суверенитета и главного источника власти должно быть определяющим»¹⁰. В этом смысле динамика общественных настроений свидетельствует о том, что задача по поддержанию привычного для граждан образа жизни выполняется.

Так, по данным ВЦИОМ, с момента начала специальной военной операции уровень одобрения деятельности главы государства возрос на 14 п. п. (с 64 до 78%; табл. 1), доля отрицательных оценок уменьшилась на 12 п. п. (с 24 до 12%).

Поддержку спецоперации оказывало и оказывает подавляющее большинство россиян (65–70%). При этом удельный вес тех, кто поддерживает спецоперацию, с февраля по июнь 2022 года возрос на 7 п. п. (с 65 до 72%; табл. 2), а доля тех, кто разделяет противоположное мнение, уменьшилась на 8 п. п. (с 25 до 17%).

Для того чтобы понять тенденции общественных настроений после начала специальной военной операции, нами были проанализированы данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН¹¹ за период с февраля по август 2022 года в сравнении с аналогичным периодом 2021 года.

Таблица 1. Отношение россиян к деятельности Президента РФ в феврале – августе 2022 г. (данные ВЦИОМ), % от числа опрошенных

Оценки населения	20 февр. 2022 г.	21 авг. 2022 г.	Изменение (+/-)
Доля положительных оценок	64,3	78,4	+14
Доля отрицательных оценок	24,4	12,6	-12

Источник: Рейтинг оценки деятельности государственных институтов / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-gosudarstvennykh-institutov/>

Таблица 2. Отношение россиян к спецоперации на территории Украины (данные ВЦИОМ), % от числа опрошенных

Оценки населения	25 февр. 2022 г.	25 июня 2022 г.	Изменение (+/-)
Доля поддерживающих	65	72	+7
Доля не поддерживающих	25	17	-8

Источник: аналитический обзор ВЦИОМ «Специальная военная операция: мониторинг» // Официальный сайт ВЦИОМ. 30.06.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-monitoring-20223006>

⁹ Кургинян С. Чтобы не рухнуть в бездну // Завтра. 29.06.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/chtobi_ne_ruhnut_v_bezdnu

¹⁰ Послание Президента Федеральному собранию РФ 15.01.2020 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>

¹¹ Мониторинг общественного мнения проводится с 1996 г. на территории Вологодской области. Опросы проходят с периодичностью один раз в два месяца (за исключением пропусков «волн» мониторинга в апреле и июне 2020 г. в связи с карантинными ограничениями, установленными на территории региона в целях профилактики распространения пандемии COVID-19). Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов.

За каждый из этих периодов было проведено 4 «волны» опросов (в феврале, апреле, июне и августе), что позволило осуществить сравнительный анализ ключевых показателей общественных настроений, основываясь на оценках 6 тысяч респондентов, представляющих 14 социально-демографических слоев населения¹².

По итогам проведенного исследования (февраль – август 2022 г. в сравнении с февралем – августом 2021 г.) можно констатировать, что большинство граждан поддерживают деятельность Президента РФ, причем их доля после начала спецоперации увеличилась во всех основных социально-демографических группах (в целом по области удельный вес положитель-

ных оценок деятельности главы государства за февраль – август 2022 г. по сравнению с февралем – августом 2021 г. возрос на 4 п. п., с 52 до 56%; табл. 3, вкладка 1).

Доля людей, положительно характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние, также увеличилась (в целом по области на 5 п. п., с 64 до 69%; табл. 3), негативных изменений не отмечается ни в одной из социально-демографических категорий (вкладка 2).

С февраля по август 2022 г.:

✓ уровень одобрения деятельности Президента РФ в целом по региону увеличился на 13 п. п. (с 48 до 61%; табл. 4);

✓ доля положительных оценок социального настроения не изменилась и составила 70% (при этом с апреля по август 2022 года увеличилась доля людей, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное, ровное»: на 3 п. п., с 67 до 70%; табл. 4);

✓ индекс потребительских настроений¹³, отражающий прогнозы людей относительно будущего российской экономики и своего собственного материального положения, составил 84–86 пунктов (при этом с апреля по август 2022 г. он увеличился на 4 пункта, с 80 до 84 п.; табл. 4);

✓ потенциал протеста¹⁴ снизился на 2 п. п. (с 23 до 21%; табл. 4).

Таблица 3. Тенденции ключевых показателей общественных настроений в феврале – августе 2022 г. по сравнению с февралем – августом 2021 г., % от числа опрошенных

	Февраль – август 2021 г.	Февраль – август 2022 г.	Изменение (+/-)
Доля положительных оценок деятельности Президента РФ	51,5	55,8	+4
Доля положительных оценок социального настроения	64,3	68,7	+5
Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.			

¹² Общее количество респондентов в каждой социально-демографической группе представлено в таблице:

Категория населения (кол-во респондентов, чел.)		Февраль – август 2021 г.	Февраль – август 2022 г.
Пол	Мужской	2684	2684
	Женский	3316	3316
Возраст	До 30 лет	880	867
	30–55 лет	2824	2832
	Старше 55 лет	2296	2301
Образование	Неполное среднее и среднее	1956	2215
	Среднее специальное	2282	2174
	Н/высшее и высшее	1753	1606
Доходные группы	20% наименее обеспеченных	1064	1077
	60% среднеобеспеченных	3186	3232
	20% наиболее обеспеченных	1064	1077
Территории	Вологда	1595	1588
	Череповец	1617	1620
	Районы	2788	2792
	Область	6000	6000

¹³ Индекс потребительских настроений рассчитывается исходя из ответов на вопросы:

1. Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи: оно лучше или хуже, чем было год назад? (варианты ответа: «лучше», «хуже»).

2. Если говорить о крупных покупках для дома, то, говоря в общем, как Вы считаете, сейчас хорошее или плохое время для того, чтобы покупать большинство таких товаров? (варианты ответа: «хорошее», «плохое»).

3. Как Вы считаете, через год Ваше материальное положение будет лучше, хуже или примерно таким же, как сейчас? (варианты ответа: «будет лучше», «будет хуже», «будет таким же»).

4. Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут для экономики страны хорошим временем, плохим или каким-либо еще? (варианты ответа: «хорошим», «плохим»).

5. Если говорить о следующих пяти годах, они будут для экономики страны хорошим или плохим временем? (варианты ответа: «хорошим», «плохим»).

Для каждого вопроса рассчитываются частные индексы. Для этого из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100 (нейтральное значение индекса).

Среднее арифметическое частных индексов даёт совокупную величину – индекс потребительских настроений.

¹⁴ Потенциал протеста – доля респондентов, ответивших на вопрос «Что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов?» следующим образом: «Выйду на митинг, демонстрацию»; «Буду участвовать в забастовках, акциях протеста»; «Если надо, возьму оружие, выйду на баррикады».

Таблица 4. Тенденции ключевых показателей общественных настроений в феврале – августе 2022 г., % от числа опрошенных

	Февр. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Изменение (+/-), авг. 2022 к	
					февр. 2022	июню 2022
Доля положительных оценок деятельности Президента РФ	48,0	56,3	58,0	60,9	+13	+3
Доля положительных оценок социального настроения	69,3	66,5	68,7	70,1	+1	+1
Индекс потребительских настроений (ИПН), пунктов	85,7	80,2	81,9	83,9	-2	+2
Потенциал протеста	22,7	19,3	17,5	20,5	-2	+3

Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.

Таким образом, общероссийские исследования ВЦИОМ и региональные социологические исследования ВолНЦ РАН свидетельствуют, во-первых, о том, что на фоне актуализации внешних угроз российское общество консолидируется вокруг главы государства; во-вторых, о том, что предпринимаемые государством меры по смягчению негативного влияния санкций на уровень и качество жизни населения, по сохранению привычного образа жизни граждан находят поддержку в оценках общественного мнения.

Остаются более концептуальные, стратегические задачи, которые имеют принципиальную важность и касаются достижения «духовного суверенитета», главенствующего (как отмечают эксперты) над всеми прочими; обре-

тения «суверенного мышления... как невозможности продолжать копировать Запад и его нормативы, стандарты и правила»¹⁶, а также «цивилизационного равнодушия... как осознания факта того, что для Европы мы чужие»¹⁷.

Решение этих задач невозможно без понимания четкого образа будущего России и без наличия определенной российской идеи или идеологии. Для России это, по сути, тоже рубикон, но уже не внешний (определение своего отношения к коллективному Западу), а внутренний, связанный с достижением своего собственного «духовного суверенитета».

«Суверенитет любого государства означает обособленность его сферы духовного производства...»

Духовный (концептуальный) суверенитет первичен по отношению к технологическому, военному, экономическому и политическому суверенитету, который невозможен на базовых принципах импортированного мировоззрения»¹⁵.

«Мы сейчас обращаемся к фундаментальным вопросам нашего бытия. И специальная военная операция является катализатором этого процесса осмысления нашего места в мире, и конечно, нам нужен образ будущего...»¹⁸

«Вопрос о русской или российской цивилизации обусловлен наличием не тех или иных культурных черт, связующих нас с прошлым, но наличием у России альтернативного западному „образа будущего“, к какому было бы устремлено наше общество»¹⁹.

¹⁵ Халдей А. Трансфер и стратегия суверенитета: заказчики и исполнители // Завтра. 29.07.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/transfer_i_strategiya_suvereniteta_zakazchiki_i_ispolniteli

¹⁶ Дугин А. Отказ от Болонской системы и идеологические судороги элит // Завтра. 08.06.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/otkaz_ot_bolonskoj_sistemi_i_ideologicheskie_sudorogi_elit

¹⁷ Межуев Б. (2022). Возможно ли «цивилизационное равнодушие» России к «коллективному Западу»? // Эксперт. № 26. С. 70.

¹⁸ Глазев С.Ю. Россия воюет за сохранение человечества // Официальный сайт С. Глазьева. 17.06.2022. URL: <https://glazev.ru/articles/153-geopolitika/103254-rossija-vojuet-za-sokhranenie-chelovechestva>

¹⁹ Межуев Б. (2022). Возможно ли «цивилизационное равнодушие» России к «коллективному Западу»? // Эксперт. № 26. С. 69.

Вкладка 1

Доля положительных оценок деятельности Президента РФ в различных социально-демографических категориях населения
(формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ», вариант ответа «полностью и в основном одобряю»), % от числа опрошенных

Категория населения	Среднее за февраль – август 2021 г.	Среднее за февраль – август 2022 г.	Изменение (+/-)
Пол			
Мужской	48,1	52,4	+4
Женский	54,2	58,6	+4
Возраст			
До 30 лет	45,4	51,9	+7
30–55 лет	49,8	53,4	+4
Старше 55 лет	56,1	60,3	+4
Образование			
Неполное среднее и среднее	46,6	50,3	+4
Среднее специальное	51,6	56,8	+5
Н/высшее и высшее	56,8	62,0	+5
Доходные группы			
20% наименее обеспеченных	37,1	40,1	+3
60% среднеобеспеченных	54,8	58,3	+4
20% наиболее обеспеченных	62,6	62,7	0
Территории			
Вологда	46,6	47,2	+1
Череповец	57,2	61,7	+5
Районы	51,0	57,3	+6
Область	51,5	55,8	+4
<i>Всего опрошено за февраль – август (чел.)</i>	<i>6000</i>	<i>6000</i>	
Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.			

В целом по Вологодской области за период с февраля по август 2022 г., по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, доля положительных оценок деятельности Президента РФ увеличилась на 4 п. п. (с 52 до 56%). Позитивные изменения отмечаются во всех основных социально-демографических категориях населения, кроме жителей г. Вологды и 20% наиболее обеспеченных граждан региона (в данных группах оценки населения не изменились).

Обращает на себя внимание рост уровня одобрения деятельности главы государства среди:

- ✓ лиц в возрасте до 30 лет (на 7 п. п., с 45 до 52%);
- ✓ жителей районов (на 6 п. п., с 51 до 57%).

Наиболее низкий уровень одобрения деятельности Президента РФ отмечается среди людей, по самооценкам доходов относящихся к категории 20% наименее обеспеченных жителей области (40%). Однако в данной группе поддержка главы государства увеличилась на 3 п. п. (с 37 до 40%), в то время как среди 20% наиболее обеспеченных слоев населения доля положительных оценок в феврале – августе 2022 г., как и в феврале – августе 2021 г., составила 63%.

Вкладка 2

Доля положительных оценок социального настроения в различных социально-демографических категориях населения

(формулировка вопроса: «Что бы Вы могли сказать о своем настроении в последние дни?», вариант ответа «прекрасное настроение; нормальное, ровное состояние»), % от числа опрошенных

Категория населения		Среднее за февраль – август 2021 г.	Среднее за февраль – август 2022 г.	Изменение (+/-)
Пол	Мужской	63,2	67,8	+5
	Женский	65,2	69,3	+4
Возраст	До 30 лет	70,9	78,1	+7
	30–55 лет	67,8	70,7	+3
	Старше 55 лет	57,4	62,6	+5
	Неполное среднее и среднее	59,7	66,5	+7
Образование	Среднее специальное	65,0	69,9	+5
	Н/высшее и высшее	68,5	69,7	+1
	20% наименее обеспеченных	50,8	59,0	+8
Доходные группы	60% среднеобеспеченных	65,5	69,1	+4
	20% наиболее обеспеченных	77,5	79,0	+2
	Вологда	58,0	61,5	+4
Территории	Череповец	68,9	72,5	+4
	Районы	65,2	70,5	+5
	Область	64,3	68,7	+5
<i>Всего опрошено за февраль – август (чел.)</i>		<i>6000</i>	<i>6000</i>	
Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.				

В феврале – августе 2022 г. по сравнению с февралем – августом 2021 г. доля жителей области, характеризующих свое повседневное настроение как «нормальное, прекрасное, ровное», увеличилась на 5 п. п. (с 64 до 69%). Позитивные изменения зафиксированы во всех социально-демографических категориях населения, кроме людей с незаконченным высшим и высшим образованием, а также представителей категории 20% наиболее обеспеченных жителей области (в этих группах доля положительных оценок социального настроения остается стабильной).

Наиболее существенные изменения в динамике положительных оценок социального настроения произошли среди:

- ✓ лиц в возрасте до 30 лет (удельный вес позитивных характеристик возрос на 8 п. п., с 70 до 78%);
- ✓ лиц с неполным средним и средним образованием (доля положительных оценок увеличилась на 7 п. п., с 60 до 67%);
- ✓ людей, по самооценкам доходов относящихся к категории 20% наименее обеспеченных слоев населения (на 8 п. п., с 51 до 59%).

Сложность задачи по достижению «духовного суверенитета» заключается не только в аморфности ее критериев и сроков реализации.

Результаты общероссийских социологических опросов свидетельствуют о том, что на протяжении уже как минимум 8 лет (с 2014 г.) доля россиян, считающих, что «Россия – особая цивилизация, в ней никогда не привьется западный образ жизни», почти в 3 раза превышает удельный вес тех, кто полагает, что «Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны». Причем за период с 2021 по 2022 год²⁰ она увеличилась на 12 п. п. (с 65 до 77%; рис. 1).

Как отмечают эксперты, в российском обществе есть «запрос на общую судьбу»²¹ и вместе с ним существует понимание его составляющих: «социальная справедливость» (47%), «сильная власть, обеспечивающая порядок и развитие» (40%), «сохранение национальных традиций, моральных и религиозных ценностей» (39%), «обеспечение прав человека, демо-

кратии, свободы выражения личности» (39%), представление о России как о «великой державе мира, объединяющей разные народы» (35%)²².

«Осмысление исторического опыта в свете современных проблем и запросов демонстрирует некоторый (правда, слабо выраженный) рост доли наших сограждан, полагающих, что социализм подходит России больше, чем капитализм.

В наши дни наблюдается новое прочтение, переосмысление обществом самой идеи перемен и пути развития страны... **сегодня в сознании наших сограждан выбранный страной путь и „перемены“ более не противоречат друг другу. Нынешний „путь“ России – это в значительной степени и есть те самые ожидаемые „перемены“ ... в настоящее время путь России понимается через концепт самобытной российской модели мироустройства, ее цивилизационного суверенитета»²³.**

Рис. 1. Динамика установок россиян на западную или особую российскую цивилизационную модель, % от числа опрошенных

Источник: Российское общество в условиях новых вызовов и угроз (контекст социологической диагностики) / ФНИСЦ РАН. М., 2022. С. 115.

²⁰ Последний опрос проходил в марте 2022 г. (источник: Российское общество в условиях новых вызовов и угроз (контекст социологической диагностики) / ФНИСЦ РАН. М., 2022. С. 115).

²¹ Эксперты ЭИСИ обсудили феномен консолидации российского общества (мнение Потуремского В., Институт социального маркетинга) // Российская газета. 04.05.2022. URL: <https://rg.ru/2022/05/04/eksperty-eisi-obsudili-fenomen-konsolidacii-rossijskogo-obshchestva.html>

²² Российское общество в условиях новых вызовов и угроз (контекст социологической диагностики) / ФНИСЦ РАН. М., 2022. С. 187.

²³ Российское общество в условиях новых вызовов и угроз (контекст социологической диагностики) / ФНИСЦ РАН. М., 2022. С. 188, 234.

Другими словами, экспертные оценки, опросы общественного мнения, результаты прошедшего в 2020 году голосования по поправкам к Конституции (которые поддержало 79%, или почти 58 млн российских избирателей), показывают, что **широкие слои российского общества хотели бы видеть в России социальное государство, основанное на верховенстве законов, социальной справедливости, приоритете традиционных духовно-нравственных ценностей.**

Достижение этого общественно-политического консенсуса (особенно укрепившегося после «крымской весны» 2014 г.) является одним из результатов президентской деятельности В.В. Путина, который изначально видел в выстраиваемой им новой, постсоветской государственности три столпа: «Российскую идею», «Сильное государство» и «Эффективную экономику» (причем именно в такой последовательности²⁴).

Однако позиции, по которым в настоящее время достигнут консенсус в российском обществе, — это **всего лишь контуры, требующие наполнения «реальным цивилизационным содержанием»**

«Говорить о суверенитете в России глупо. Этот суверенитет уже по факту обретен, **задача состоит в том, чтобы наполнить этот суверенитет каким-то реальным цивилизационным содержанием»**²⁵.

жанием». Каким оно будет — вопрос, который пока что остается открытым.

Как показывают данные общероссийских и региональных опросов экспертного сообщества, «желаемое будущее России и реально прогнозируемая ситуация в стране в среднесрочной перспективе не просто различаются, а во многом являются противоположными»²⁶ (вкладка 3). И этот скептицизм выступает, пожалуй, одной из главных причин, объясняющих то, как именно эксперты оценивают состояние российского общества после начала спецоперации: **«Страна находится в очень необычном состоянии. Это подобно зависанию между уже окончившимся прошлым и ещё не наставшим, вернее, наставшим, но еще не осознанным, не принятым будущим... Мы безвозвратно и радикально порвали с Западом. Но этого пока ещё не осмыслили»**²⁷.

Откуда растут «корни» этого скептицизма? Специальная военная операция показала, что сомнение (а скорее даже неверие) людей в то, что желательный образ будущего может стать реально достижимым, происходит из глубокого проникновения ценностей и идеалов культуры общества потребления (либерально-капиталистической идеологии) в саму ткань российской элиты, под которой мы понимаем не только (хотя и прежде всего) представителей правящих кругов, но и многих политиков, бизнесменов, деятелей культуры и искусства, «звезд» шоу-бизнеса и т. д.

²⁴ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 30.12.1999. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html

²⁵ Межуев Б. (2022). Возможно ли «цивилизационное равнодушие» России к «коллективному Западу»? // Эксперт. № 26. С. 71.

²⁶ Ильин В.А., Морев М.В. (2018). И снова к вопросу о будущем российской государственности... // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 5. С. 11.

²⁷ Дугин А. Г. Интегральный суверенитет // Официальный сайт Изборского клуба. 04.07.2022. URL: <https://izborskclub.ru/23057>

Вкладка 3

Распределение оценок необходимости различных факторов (условий) для достижения к 2020 г. **желательной ситуации** в российском обществе (средняя оценка по шкале от 1 – нет необходимости до 10 – совершенно необходимо), баллы*

Данные общероссийского опроса (ИС РАН, 2015 г.)	Данные опроса, проведенного на территории Вологодской области (ВолНЦ РАН, 2018 г.)
1. Ротация политической элиты в центре и на местах	1. Изменение отношения государства к сфере культуры, образования и науки, отказ от коммерциализации этой сферы
2. Проведение прозрачных (с общественным контролем) и легитимных выборов на всех уровнях власти	2. Стабильность законодательства, «правил игры»
3. Стабильность законодательства, «правил игры»	3. Проведение прозрачных (с общественным контролем) и легитимных выборов на всех уровнях власти
4. Изменение отношения государства к сфере культуры, образования и науки, отказ от коммерциализации этой сферы	4. Сохранение внешнеполитического курса на восстановление сильной роли России в мировой политике и самостоятельность, активная защита национальных интересов
5. Усиление роли представительных органов власти, развитие многопартийности	5. Ротация политической элиты в центре и на местах
6. Отмена санкций со стороны стран Запада, восстановление диалога и отношений с Западом	6. Усиление роли представительных органов власти, развитие многопартийности
7. Сохранение внешнеполитического курса на восстановление сильной роли России в мировой политике и самостоятельность, активная защита национальных интересов	7. Отмена санкций со стороны стран Запада, восстановление диалога и отношений с Западом
8. Усиление влияния Русской православной церкви, расширение сети ее приходов	8. Усиление влияния Русской православной церкви, расширение сети её приходов
9. Продолжение приоритетного развития сырьевого сектора экономики с учетом конкурентных преимуществ России в мировом разделении труда; поддержание относительно низких цен на труд и сырье	9. Продолжение приоритетного развития сырьевого сектора экономики с учётом конкурентных преимуществ в России в мировом разделении труда; поддержание относительно низких цен на труд и сырьё
* Формулировка вопроса: «Как Вы считаете, насколько необходимы следующие условия для достижения желательной ситуации в российском обществе к 2030 году?».	
Зеленой заливкой выделены факторы, которые по шкале от 1 до 10 набрали более 5 баллов, то есть, по мнению экспертов, являются самыми необходимыми.	

Экспертные опросы, проведенные ИС РАН в 2015 г.²⁸ и ВолНЦ РАН в 2018 г.²⁹, показали, что в пятилетней перспективе необходимыми факторами для **желательного развития ситуации** в России являются «ротация политической элиты в центре и на местах», «стабильность законодательства и правил игры», «проведение прозрачных (с общественным контролем) и легитимных выборов на всех уровнях власти», «изменение отношения государства к сфере культуры, образования и науки, отказ от коммерциализации этой сферы», «усиление роли представительных органов власти, развитие многопартийности».

²⁸ Экспертный опрос проводился Институтом социологии РАН при участии Исследовательской группы ЦИРКОН в июле – октябре 2015 г. В опросе приняли участие 154 эксперта: 94 – из Москвы, 64 – из различных регионов страны. К анкетированию были привлечены пять типов специалистов: государственные и муниципальные служащие, чиновники, управленцы высокого уровня, руководители государственных вузов; представители (руководители) бизнес-структур и бизнес-ассоциаций, коммерческих консалтинговых центров; представители (руководители) общественных объединений, НКО, независимых интеллектуальных организаций, клубов и т. п.; журналисты, публицисты, активно выступающие в СМИ с материалами по тематике исследования; исследователи, ученые, специалисты аналитических центров, профессионально занимающиеся изучением проблем и перспектив развития страны (Источник: Горшков М.К. [и др.]. (2016). Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова М.: Весь Мир. 400 с.).

²⁹ Опрос проводился ФГБУН ВолНЦ РАН на территории Вологодской области в феврале – марте 2018 г. Выборку составили авторитетные в своих кругах специалисты (руководители, их заместители, люди со значительным трудовым стажем, кандидаты и доктора наук и т. д.), представляющие те сферы, которые, на наш взгляд, наиболее полно отражают ситуацию в российском обществе: власть; бизнес; «третий сектор» (некоммерческие организации); средства массовой информации; наука. В каждой из 5 ключевых сфер было опрошено 5–7 человек. Общий объем выборки составил 30 человек.

Распределение оценок **вероятности факторов (условий)**, в контексте которых будет проходить развитие российского общества в ближайшие пять лет (средняя оценка степени вероятности по шкале от 1 — маловероятно до 10 — наиболее вероятно), баллы*

Данные общероссийского опроса (ИС РАН, 2015 г.)	Данные опроса, проведенного на территории Вологодской области (ВолнЦ РАН, 2018 г.)
1. Сокращение доходов населения, рост цен и падение уровня жизни, безработица	1. Пролонгация санкций западных стран в отношении России; потеря возможности импорта критически важных товаров, ресурсов, технологий, идей
2. Пролонгация санкций западных стран в отношении России; потеря возможности импорта критически важных товаров, ресурсов, технологий, идей	2. Резкое повышение востребованности инженерно-технических профессий и специальностей, спроса на ИТР, переориентация рынка труда со сферы услуг на сферу производства
3. Резкое падение цен на нефть и газ, кризис российской нефтегазовой отрасли, сокращение поступлений в бюджет	3. Сокращение доходов населения, рост цен и падение уровня жизни, безработица
4. Разрушение инфраструктуры социальной сферы (здравоохранение, образование, культура), уход профессионалов, сокращение персонала и учреждений, развал внутриотраслевых коммуникаций	4. Разрушение инфраструктуры социальной сферы (здравоохранение, образование, культура), уход профессионалов, сокращение персонала и учреждений, развал внутриотраслевых коммуникаций
5. Ужесточение внутренней политики, сокращение прав и свобод граждан, введение формальной и/или неформальной цензуры в СМИ и т. п.	5. Ужесточение внутренней политики, сокращение прав и свобод граждан, введение формальной и/или неформальной цензуры в СМИ и т. п.
6. Массовое распространение технологий слежения за поведением граждан, тотальная потеря приватности	6. Успешное импортозамещение, развитие несырьевых отраслей экономики, улучшение инвестиционного климата
7. Технологические и иные катастрофы, крупные аварии, в т. ч. вызванные человеческим фактором	7. Массовое распространение технологий слежения за поведением граждан, тотальная потеря приватности
8. Усиление террористического давления на Россию (теракты, диверсии, запугивание)	8. Усиление террористического давления на Россию (теракты, диверсии, запугивание)
9. Резкое повышение востребованности инженерно-технических профессий и специальностей, спроса на ИТР, переориентация рынка труда со сферы услуг на сферу производства	9. Резкое падение цен на нефть и газ, кризис российской нефтегазовой отрасли, сокращение поступлений в бюджет
10. Масштабная война на Украине с прямым или косвенным участием России и стран НАТО	10. Технологические и иные катастрофы, крупные аварии, в т. ч. вызванные человеческим фактором
11. Уменьшение притока в страну мигрантов из стран Азии, рост миграции (рабочие, специалисты) из стран Европы	11. Масштабная война на Украине с прямым или косвенным участием России и стран НАТО
12. Успешное импортозамещение, развитие несырьевых отраслей экономики, улучшение инвестиционного климата	12. Уменьшение притока в страну мигрантов из стран Азии, рост миграции (рабочие, специалисты) из стран Европы

* Формулировка вопроса: «Оцените, пожалуйста, вероятность следующих факторов и условий, в контексте которых будет проходить развитие российского общества в ближайшие пять лет?».

Наиболее вероятными негативными факторами, под влиянием которых будет формироваться будущее нашей страны, по мнению экспертов, являются «сокращение доходов населения, рост цен и падение уровня жизни, безработица», «пролонгация санкций западных стран в отношении России; потеря возможности импорта критически важных товаров, ресурсов, технологий, идей»; «резкое падение цен на нефть и газ, кризис российской нефтегазовой отрасли, сокращение поступлений в бюджет»; «разрушение инфраструктуры социальной сферы (здравоохранение, образование, культура), уход профессионалов, сокращение персонала и учреждений, развал внутриотраслевых коммуникаций»; «ужесточение внутренней политики, введение формальной и/или неформальной цензуры в СМИ и т. п.».

Следует согласиться с экспертами в том, что это не элита в классическом понимании данного термина (от франц. elite, что означает «лучший», «отборный»), предполагающего, в том числе, наличие «высоких нравственных и гражданских качеств»³⁰. «Это деятели, занимающие такие социально-политические позиции, которые дают им возможность возвыситься над средой обыкновенных людей и принимать решения, имеющие крупные последствия... те, кто занимает ключевые позиции в экономике, политике и других сферах общественной жизни»³¹. **То есть это люди, которые в силу своей публичности, обладания финансовыми ресурсами, властными полномочиями, социальным статусом, популярностью в народе должны нести на себе обязанность практической реализации контуров образа будущего, ожидаемых широкими слоями российского общества.** Должны, но во многих случаях не делают этого по причине приоритета своих собственных, личных целей и интересов — власти, денег, известности и т. д.

Специальная военная операция, запустив, по словам В.В. Путина, процесс «естественного и необходимого самоочищения общества... который укрепит нашу страну, нашу солидарность, сплочённость и готовность ответить на любые вызовы»³², позволила пофамильно³³ увидеть некоторых людей, ментально и материально связанных с Западом и западным образом жизни, ставящих личные интересы, личный образ жизни, свое финансовое состояние выше интересов страны и её граждан. При этом, как отмечают эксперты, существуют «...открытые и латентные глобалисты. Открытые уехали, латентные остались — в том числе и на своих должностях»³⁴.

«Ни для кого не является секретом, что правящий класс, пришедший на „приватизационной“ волне 90-х, и обслуживающее его чиновничество и интеллигенция, проводящие линию на сдачу государственных интересов и отстаивающие интеграцию России в западное сообщество, сохранили в основном свои позиции в структурах власти и пытаются реализовать свои клановые интересы... Да, в последнее время в этой среде начались чистки..., но многие остались на своих местах и продолжают свою разрушительную деятельность»³⁵.

Наличие таких людей показывает, что между совпадающими в целом интересами общества и инициативами Президента находится серьезная «брешь», которая не позволяет наполнить реальным содержанием уже сформированные, но пока всего лишь контуры образа будущего.

Поэтому, например, потребность российского общества в социальной справедливости (как один из основных таких контуров) продолжает оставаться крайне острой и принятые в 2020 году поправки к Конституции РФ никак не повлияли на снижение её актуальности: с 2021 (когда вступили в силу поправки к Конституции РФ) по 2022 год оценки населения существенно не изменились: 60% людей считают современное российское общество несправедливым, 17–18% (то есть почти в 3 раза меньше) — придерживаются противоположного мнения (рис. 2).

³⁰ Тощенко Ж.Т. (2012). Элита второй свежести? // Поиск. Вып. 21. URL: <https://poisknews.ru/magazine/3473/>

³¹ Там же.

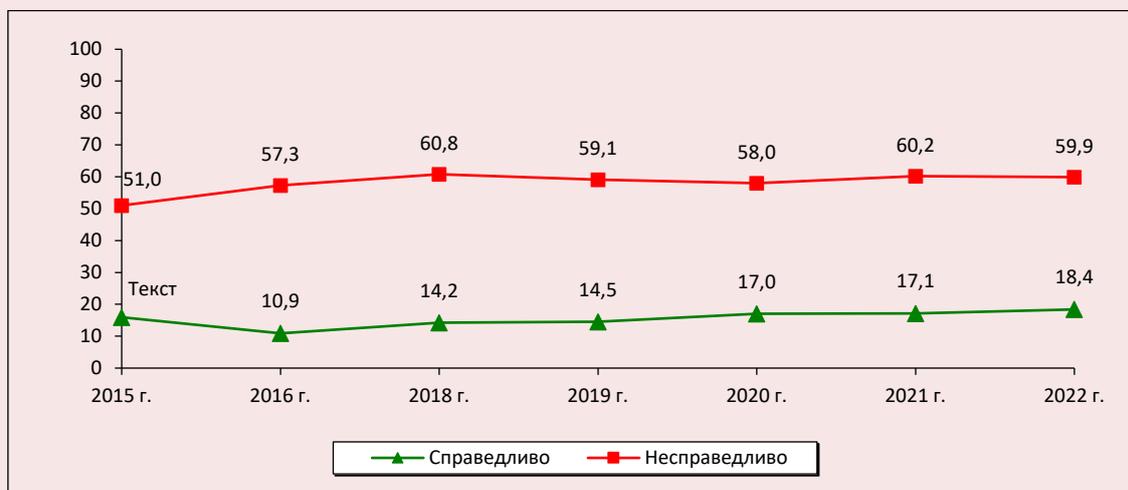
³² Выступление В. Путина на совещании о мерах социально-экономической поддержки регионов 16 марта 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67996>

³³ Среди них: бывшие вице-премьеры (А. Кох, А. Чубайс, А. Хлопонин, А. Дворкович, И. Клебанов); бизнесмены (М. Фридман, А. Панов, М. Прохоров); деятели культуры, журналисты и «звезды» шоу-бизнеса (А. Пугачева, М. Галкин, Д. Дибров, И. Ургант, Р. Литвинова, А. Макаревич, К. Собчак, А. Васильев) и др. (Источники: Информационный портал Хакасия. Артель старателей. 07.06.2022. URL: <https://19rusinfo.ru/politika/12587-priyutili-na-svoyu-golovu-evropa-vzvyala-ot-khamstva-ukraintsev-i-tsen#menu>; новостной портал Emigrating.ru. 18.08.2022. URL: <https://emigrating.ru/kto-pokinul-rossiyu-v-2022-godu-iz-za-ukrainy/#i-2>).

³⁴ Халдей А. Почему мир на Украине невозможен: об «усталости» хитрой российской элиты // Regnum. 26.07.2022. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3652253.html>

³⁵ Апухтин Ю. Почему российская элита противится проведению спецоперации // Военное обозрение. 03.08.2022. URL: <https://topwar.ru/199775-pochemu-rossijskaja-jelita-protivitsja-provedeniju-specoperacii.html>

Рис. 2. Как Вы считаете, российское общество устроено в целом справедливо или несправедливо?*, % от числа опрошенных

* В 2022 г. вопрос задавался в ходе каждой «волны» мониторинга: в феврале, апреле, июне, августе.

Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.

Таким образом, «социальное государство» как инициатива главы государства, идущая «сверху» вместе с изменением Конституции РФ, и «социальная справедливость» как уже многолетняя потребность широких слоев населения, идущая «снизу», в конечном итоге пока что «не встретились». Они существуют изолированно, каждая на своем уровне: «социальное государство» — на верхнем уровне в виде законодательных и стратегических документов, а также в публичной риторике органов власти; «социальная справедливость» — на нижнем уровне в виде одной из основных потребностей населения.

Не сошлись они «посередине», потому что «посередине» (как показала спецоперация) существует культ праздности и сиюминутных развлечений, дешевой скандальной популярности и индивидуального обогащения. Общество и Президент видят потребности и инициативы друг друга, чувствуют их совпадение на мен-

тальном уровне, консолидируются перед лицом внешних угроз, но их общий образ будущего пока что так и остается лишь задачей, требующей решения. Требуемой, возможно, нового общественного договора, в котором правящие слои и элитарные круги осознают свою роль и несут реальную ответственность за реализацию национальных интересов.

Создание такого общественного договора в первую очередь требует действий со стороны главы государства — такой же четкой и быстрой организации реального воплощения предложенной идеи, какая была им продемонстрирована в 2020 году в ходе изменения Конституции РФ (напомним, что с момента публичного озвучивания В.В. Путиным инициативы по внесению поправок в текст Конституции до официального принятия закона «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в неё поправками» прошло всего лишь 6 месяцев, с января по июль 2020 г.³⁶).

³⁶ Предложение о внесении поправок к Конституции РФ были озвучены главой государства в ходе очередного Послания Федеральному Собранию РФ 15 января 2020 г.

С 25 июня по 1 июля 2020 г. состоялся общероссийский референдум, в ходе которого 79% избирателей (58 млн чел.) поддержали изменения к Основному закону.

3 июля 2020 г. Президентом РФ был подписан Указ «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в неё поправками» (текст Указа размещен на официальном сайте Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/63598>).

Конечно, сложно поспорить с экспертами, отмечающими, что «судьба России и будущего мироустройства... во многом будет определяться по итогам специальной военной операции»³⁷, но следует также признать, что спецоперация обязательно закончится, и после того, как геополитическая ситуация в мире достигнет более-менее устойчивого состояния, внутренний вопрос о том, «какое государство мы строим», встанет, что называется, «ребром».

Похожего эффекта в виде «естественного самоочищения» общества спецоперация достигла и в несколько другом аспекте, но тоже имеющем прямое отношение к достижению духовного суверенитета. Усиление антифейкового законодательства и борьбы с иноагентами (вкладка 4 (стр. 27–28), табл. 5), которого потребовала гибридная специфика протекания современных глобальных конфликтов (а именно война на информационном фронте), приводит к обнаружению (и, соответственно, к пресечению возможностей негативного влияния) всё большего числа НКО, СМИ, физических лиц (в том числе имеющих прямое отношение к воспитанию молодежи), которые открыто или полуоткрыто пропагандируют ценности общества потребления и либерально-капиталистической идеологии (включая гендерную толерантность, противоречащую традицион-

ным морально-нравственным ценностям, закрепленным в Конституции РФ).

Ряд экспертов отмечают, что использование именно таких субъектов или пока еще «спящих агентов», как стратегия «отмены» России, будет актуализироваться Западом по мере того, как будет становиться всё более очевидной неэффективность попыток экономического и военного давления. Именно такая стратегия принесла успех коллективному Западу в «холодной войне» 1946–1991 гг., закончившейся распадом Советского Союза.

«Среди ближайших ожидаемых антироссийских сценариев – попытки обострить напряжение в обществе. Как в среде интеллигенции, так и внутри управляющего класса...

В течение почти 30 лет... мы внутри страны должны были получить достаточное количество людей, ориентированных на Запад. Причём не столько молодёжь, сколько вполне серьёзных людей, занимающих соответствующие должности в крупных корпорациях, в других заметных местах. Это те, кого называют „спящие агенты“. До поры их никто не использовал. Но сегодня Запад для решения своих задач, вероятнее всего, задействует их...»³⁸.

Таблица 5. Иностранное средства массовой информации, физические лица, НКО, выполняющие функции иностранного агента

	2020	2021–2022	Изменение (+/-)
СМИ*	2	37	+35
Физические лица*	5	117	+112
НКО**	5	12	+7

*Источник: Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента / Министерство юстиции РФ. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/> (последние данные на 29.07.2022).

**Источник: Реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента / Министерство юстиции РФ. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx> (последние данные на 12.08.2022).

³⁷ Апухтин Ю. Почему российская элита противится проведению спецоперации // Военное обозрение. 03.08.2022. URL: <https://topwar.ru/199775-pochemu-rossijskaja-jelita-protivitsja-provedeniju-specoperacii.html>

³⁸ Переслегин С. Стратегии Запад и спящие // Завтра. 25.06.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/pereslegin_svo

Таким образом, специальная военная операция обнажила острую проблему постсоветского общества, связанную с устойчивым, многолетним нахождением у власти, в бизнесе, в культуре конкретных людей, разделяющих и культивирующих (своей деятельностью, своим примером, своей биографией, «историей успеха») систему ценно-

стей, которая противоречит образу будущего России и её целям по достижению полного национального суверенитета. По сути, их усилиями шел процесс морально-нравственного «разложения»³⁹ российского общества, что, в частности, наглядно демонстрируют данные социологических исследований⁴⁰ (табл. 6).

Таблица 6. Динамика отношения людей к различным морально-нравственным качествам, явлениям, поступкам за период с 1996 по 2020 год*, % от числа опрошенных

Негативные морально-нравственные явления и поступки	1996 г.	2020 г.	Изменение (+/-) 2020 к 1996 г.
Доля людей, для которых не важны...			
Отзывчивость, чуткость к другим людям	13,6	21,9	+8
Взаимопомощь и взаимовыручка	11,9	19,4	+8
Терпимость, уважение к взглядам и мнениям других людей	13,3	21,1	+8
Порядочность	6,3	13,0	+7
Честность, правдивость	7,1	13,8	+7
Доля людей, для которых приемлемы, вполне нормальны...			
Лень	22,3	42,6	+20
Стремление поменьше работать, побольше получать	36,1	49,1	+13
Зазнайство, высокомерие	10,9	20,0	+9
Подхалимство, угодничество	9,0	15,7	+7
Неуважительное отношение к женщине	5,6	11,4	+6
Доля людей, которые не испытывают угрызения совести при совершении таких поступков, как...			
Невольно (или сознательно) нанесенная Вами обида другому, грубость	16,2	34,7	+19
Недостаточное внимание к родителям (матери, отцу)	34,4	53,0	+19
Под давлением обстоятельств или по доброй воле совершенная Вами несправедливость	24,5	41,1	+17
Невыполненное обещание, данное кому-нибудь	25,3	39,9	+15
Плохое отношение к детям (своим или чужим)	54,5	67,4	+13
<p>* В таблице представлены варианты ответов, показавшие наиболее негативные изменения за период с 1996 по 2020 год. Подробнее см.: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Трудная дорога после рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 9–41.</p> <p>Формулировки вопросов: «Люди по-разному оценивают различные жизненные явления. Для одних важно одно, для других – другое... Что из перечисленного ниже важно для Вас, а что нет?»; «Выскажите, пожалуйста, своё отношение к нижеперечисленным явлениям...»; «Приходилось ли Вам испытывать чувство вины, угрызения совести в перечисленных ниже случаях или нет?».</p> <p>Источник: данные мониторинга трудового потенциала населения Вологодской области. Мониторинг проводится ВолНЦ РАН с 1996 года 1 раз в год. Репрезентативность получаемой социологической информации обеспечивается использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения. В структуру районирования входят 2 города (Вологда и Череповец), а также 8 муниципальных районов с различным уровнем социально-экономического развития. Опрашивается население в трудоспособном возрасте – от 16 лет до возраста выхода на пенсию (мужчины – до 59 лет, женщины – до 54 лет включительно; в связи с увеличением пенсионного возраста с 2020 г. – 61 и 56 лет соответственно).</p>			

³⁹ Выступление С. Шойгу на панельной дискуссии Всероссийского молодежного образовательного форума «Территория смыслов» (август 2021 г.). URL: https://zavtra.ru/events/shojgu_nazval_strashnejshuyu_ugrozu_dlya_rossii

⁴⁰ В данной статье приводим квинтэссенцию полученных результатов – количество позитивных и негативных изменений в динамике оценок общественного мнения за период с 1996 по 2020 год. Более подробная информация представлена в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Трудная дорога после рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 9–41.

Как отмечают эксперты, Президент и несколько человек в его окружении, по сути, оказались единственными «заказчиками» движения России к обретению полного национального суверенитета; без поддержки «класса крупной национальной буржуазии». Часть сегодняшних российских правящих кругов, сформированных в период 30-летия, предшествовавшего специальной военной операции, **не просто не хочет, а неспособна** осуществить те комплексные преобразования общественного сознания, которые сегодня диктуют условия цивилизационного конфликта. Многие представители элитарных кругов продолжают жить «по-старинке» в надежде на то, что всё вернётся на круги своя.

«...кто в России способен быть заказчиком стратегии суверенитета?... **На стратегию суверенитета главный заказчик – это Путин и несколько человек в его окружении.** То есть это субъективный фактор. Без объективного – класса крупной национальной буржуазии, поставившей целью добиться отстройки от Запада...»⁴¹

У элиты «не только мировоззрения нет для последнего решительного боя с Западом. У неё **вся система долговременных интересов протестует против чего-то подобного...** Система десятилетиями обеспечивала обывательское благополучие, и она ничего другого не может и не хочет делать»⁴².

На это, в частности, указывают такие эпизоды, как история российского спортсмена И. Куляка, которого российские чиновники перестали допускать к участию в национальных

соревнованиях после публичной демонстрации им поддержки российских вооруженных сил на награждении Кубка мира по спортивной гимнастике⁴³; попытки вернуть на экраны центрального телевидения различных представителей шоу-бизнеса, которые покинули страну после начала спецоперации⁴⁴.

В условиях, когда «целые министерства, целые отрасли, целые сегменты правительства являются жертвами зомбирования о том, что Запад – это цель, Россия – это ее периферия»⁴⁵, **актуализируется задача по организации планового перехода от старых элит к новым, способным и внутренне мотивированным на осуществление комплексных перемен, соответствующих национальным интересам России и большинства её граждан, а также обладающим для этого соответствующим жизненным опытом и практическими навыками, полученными не в кабинетах, а в ходе реального управления на производстве, в культуре, науке...**

«...это такой гипноз в течение десятилетий, о том, что Россия – это недоразумение, что только Запад, что надо ориентироваться на либеральные ценности. Это массовый гипноз, что Запад – это цель, Россия – это ее периферия... на этом построено все наше образование»⁴⁶.

При этом под «плановым переходом» подразумевается невозможность быстрого, революционного решения задачи. Как отмечают эксперты, «скверну Смутного времени невозможно устранить по указу, росчерком пера. Эту скверну надо отскрести стальными скребками. И не со всех ее удастся соскрести – для многих она стала их сущностью. **Так что не стоит делать вид, что нынешние элиты легко перестроятся на новый лад. Так не бывает**»⁴⁷.

⁴¹ Халдей А. Трансфер и стратегия суверенитета: заказчики и исполнители // Завтра. 29.07.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/transfer_i_strategiya_suvereniteta_zakazchiki_i_ispolniteli

⁴² Кургинян С.Е. Чтобы не рухнуть в бездну // Суть времени. 30.06.2022. URL: <https://eot.su/node/23743>

⁴³ Сошенко А. Спортивные чиновники: как козлы за морковкой // Завтра. 12.07.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/sportivnie_chinovniki_kak_kozli_za_morkovkoj

⁴⁴ Например, периодические появления И. Ургант на корпоративах российских фондов и частных лиц; появление в эфире «Первого канала» телеведущего А. Васильева и др.

⁴⁵ Дугин А. Элиты еще не поняли, что это навсегда // Радио «Комсомольская правда». 24.06.2022. URL: <https://radiokp.ru/podcast/dialogi/635161>

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Аверьянов В.В. Предстоит битва за обновление государства // Официальный сайт Изборского клуба. 16.07.2022. URL: <https://izborsk-club.ru/23090>

Это должна быть системная работа, нацеленная на отстранение со своих постов и должностей лиц, которые не выполняют поручения Президента как главного «заказчика» на достижение Россией полного национального суверенитета, а также на замену этих людей теми, кто доказал свою преданность национальным интересам страны и свой профессионализм реальными делами.

Некоторые меры, предпринимаемые главой государства по реализации такой системной работы, по оздоровлению духовно-нравственной атмосферы в правящих слоях и обществе в целом, представлены во *вкладке 4* (их мониторинг мы начали в предыдущей статье⁴⁸).

Таким образом, «тест на устойчивое развитие», который сегодня проходит Россия в условиях глобального цивилизационного конфликта с коллективным Западом, требует от общества движения в сторону преодоления «внутреннего рубликона», в сторону преодоления многолетнего гипнотического влияния либерально-капиталистической парадигмы развития; осмысления, формулировки и принятия собственной системы духовно-нравственных ценностей, соответствующей традиционным и уже сложившимся контурам образа будущего России, в основе которых лежат такие понятия, как «суверенитет», «социальное государство», «социальная справедливость», «традиционные ценности».

Это прежде всего касается властвующих, культурных, финансовых элит страны, поскольку, как отмечают эксперты, «самый страшный вызов исходит не от Запада, не от транснациональных сетей, не от финансового интернационала, не от мегакорпораций... **главным нашим врагом является низкая степень осознанности вызовов, стоящих перед цивилизацией, а также неадекватность этим вызовам значительной части всё ещё правящих элит**»⁴⁹.

Национальная элита (не только правящий класс, но и деятели культуры, искусства, науки, бизнеса) в конечном итоге должна служить национальным интересам страны, то есть интересам

большинства её граждан, а не интересам отдельных лиц, западных «кураторов» или даже своим собственным.

Если принять во внимание, что по оценкам ученых от 50 до 75% экономически активного населения России принадлежит к числу «прекариата» — «нового феномена», «нового класса, занявшего место пролетариата, формирующегося практически из всех слоев современного общества» и состоящего из людей, которые «не имеют отчетливого видения своего будущего, не уверенных в обеспеченности своей жизни и гарантированности спокойной старости по завершению трудовой деятельности»⁵⁰, то становится вполне очевидным, что **для преодоления «внутреннего рубликона» необходимо наполнить контуры образа будущего (уже сложившиеся в обществе представления о желаемом векторе развития России) реальным содержанием.** Люди должны понимать, как лично они, их семьи, дети «вписываются» в этот образ будущего: на какие социальные гарантии они могут реально рассчитывать, какие иметь траектории профессионального и личностного роста, возможности поддержания и развития уровня жизни, участия в общественно-политической жизни страны и т. д.; они должны ощущать, что это будущее для них является не просто желанным, а **понятным, прогнозируемым и реально достижимым** (хотя бы в перспективе будущих поколений)...

«...для большинства россиян до сих пор непонятно, какое общество строит Россия. Общих слов – социальное государство, модернизация – недостаточно, ибо они слишком абстрактны, похожи на всеохватывающие обещания, присущие практически каждой современной стране... Иначе говоря, без программ, которые бы служили мощным импульсом для возвышения человека, невозможно представить дальнейшее развитие страны. И чем больше их будет, тем меньше людей будут хотя бы в духовно-нравственном отношении чувствовать себя прекариями»⁵¹.

⁴⁸ Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Трудная дорога после рубликона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 29–32.

⁴⁹ Аверьянов В.В. Предстоит битва за обновление государства // Официальный сайт Изборского клуба. 16.07.2022. URL: <https://izborsk-club.ru/23090>

⁵⁰ Тощенко Ж.Т. (2018). Прекариат: от протокласса к новому классу: монография. М.: Наука. С. 270.

⁵¹ Там же. С. 269.

Мониторинг действий федеральных органов государственной власти по укреплению внутренних основ национального суверенитета⁵²

<p>28 июня 2022 г. – Президент РФ подписал Закон № 1101162-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части определения направления использования средств пенсионных накоплений, оставшихся после расчетов с кредиторами негосударственных пенсионных фондов)».</p> <p>Как отмечают эксперты, «для непосвященной публики это событие прошло незаметно, однако профессиональные экономисты усмотрели в нем целый ряд поистине революционных и судьбоносных изменений...». Данное нововведение «финансово блокирует офшоры и вместе с этим – законный вывод средств за границу, фактически делегирует правительству определение текущего курса доллара, предоставляет Президенту чрезвычайно широкие полномочия по обеспечению финансовой стабильности России... Закон вывел из игры Набиуллину... У президента в последние месяцы появился управленческий прием оставлять членов команды на местах и в то же время лишать их полномочий... По сути, создается „финансовая ЧК“, которая будет определять правила финансовой игры в экономике. Причем далеко не факт, что в нее войдут Набиуллина, Силуанов, Кудрин, но наверняка – Мишустин, Белоусов, Егоров»⁵³.</p>
<p>29 июня 2022 г. – в Москве сменили руководителей трех столичных театров: художественным руководителем театра имени Гоголя (бывшего «Гоголь-центра») вместо К. Серебренникова назначен А. Яковлев; в Школе современной пьесы место И. Райхельгауза займет Д. Астрахан; В. Рыжаков уволен из «Современника», а творческую политику театра будет определять худсовет. Все трое бывших руководителей неоднократно проявляли антироссийскую риторику (в своих действиях, высказываниях, театральных постановках).</p> <p>Как отмечают эксперты, «культурное руководство госучреждений решило, наконец, „вынести мусор“, к чему сама ситуация буквально обязывает... все три храма Мельпомены находятся в ведении Департамента культуры Москвы, а подчиненные этому ведомству театры в большинстве своем, увы, пользуются дурной славой среди „традиционных“ зрителей, ибо промышляют самым что ни на есть либеральным и „свободным“, экспериментальным искусством и резонансными назначениями на руководящие посты, за редкими исключениями. Выходит, железная рука дотянулась и до этого бюджетного кластера»⁵⁴.</p>
<p>30 июня 2022 г. – по обвинению в хищении денежных средств РАНХиГС был арестован ректор академии В. Мау. Как отметили эксперты, это стало «знаковым событием; серьёзным поражением всего либерал-монетаристского спектра; ещё одним важным шагом по разрыву нынешней России с ельцинской эпохой»⁵⁵. В настоящее время В.Мау освобожден под подписку о невыезде, однако следствие по его делу продолжается.</p>
<p>8 июля 2022 г. – состоялась встреча Президента РФ с лидерами думских фракций, которая «расставила акценты в общественно-политическом поле»⁵⁶. В беседе с депутатами В.В. Путин «четко обозначил приоритеты России в стремительно меняющемся мире в связи с проведением спецоперации на Украине»⁵⁷: «Политика парламента опирается на волю народа России, на твердую позицию, на убеждение в нашей исторической правоте, на непререкаемую решимость подавляющего большинства граждан страны отстаивать суверенитет России, оказать помощь нашим людям на Донбассе. Именно это лежит и в основе политики нашего государства в целом»⁵⁸.</p>

⁵² Вкладка 4 представляет собой продолжение мониторинга управленческих решений органов власти, который мы начали в предыдущей статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Трудная дорога после рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 29–32.

⁵³ Экономист Кричевский: Путин вывел из игры Набиуллину. URL: <https://sibkrai.ru/news/2127/957162/>

⁵⁴ Породина Д. В трех московских театрах поменяли худруков, выступавших с антивоенной и русофобской позицией. URL: <https://readovka.news/news/103154>

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ «Нет ничего важнее и выше судьбы Отечества!»: в Госдуме рассказали про встречу с Президентом РФ. 08.07.2022. URL: https://riafan.ru/23526656_net_nichego_vazhnee_i_vishe_sud_bi_otechestva_v_gosdume_rasskazali_pro_vstrechu_s_prezidentom_rf

⁵⁷ И непотопляемые тонут. URL: https://zavtra.ru/events/i_nepotoplyaemie_tonut_arestovan_rektor_ranhighs_mau_podrobnosti

⁵⁸ Стенограмма выступления В. Путина на встрече с лидерами думских фракций 8 июля 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68836>

<p>11 июля 2022 г. – указом Президента РФ⁵⁹ введен упрощенный порядок получения российского гражданства для всех жителей Украины.</p> <p>Эксперты оценили эту меру как «серьезный политический шаг... к денацификации Украины путем кардинального размежевания от прежнего политического режима»⁶⁰; «этим решением он [Президент] показывает, что рассматривает всю Украину как русский народ, который имеет право быть в составе России, если хочет. Видимо, его можно расценивать и как некий контрответ на действия со стороны Запада»⁶¹.</p>
<p>14 июля 2022 г. – Президентом РФ подписан Федеральный закон № 255 «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», согласно которому «иностранный агент не вправе осуществлять просветительскую деятельность в отношении несовершеннолетних и педагогическую деятельность в государственных и муниципальных образовательных организациях»⁶². Речь в законе «идет уже не столько о политических несогласных, сколько в целом о нелояльных гражданах, чиновниках и бизнесменах»⁶³. Как отмечают эксперты, это «своего рода кодекс об иноагентах... Его суть – в размещении всех категорий иноагентов в едином реестре Минюста, унификации разнообразных запретов и ограничений»⁶⁴.</p>
<p>15 июля 2022 г. – по итогам внеочередного заседания Государственной Думы в системе государственного управления произошли кадровые изменения: министр промышленности и торговли Д. Мантуров стал вице-премьером. Вице-премьер Ю. Борисов, отвечавший за ОПК, ушел со своей должности и возглавил «Роскосмос», сменив на этом посту Д. Рогозина. Эксперты оценили эти назначения как «первые серьезные перестановки после 24 февраля»⁶⁵.</p>
<p>18 июля 2022 г. – в Государственную Думу внесен законопроект №165975-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части запрета информации, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения». Законопроектом предусматривается запрет на распространение информации, которая отрицает семейные ценности и пропагандирует нетрадиционные сексуальные отношения; в частности, предлагается не выдавать прокатные удостоверения фильмам соответствующего содержания. Как отмечено в пояснительной записке к законопроекту, «отрицание семьи, как общественной ценности, пропаганда так называемого образа жизни „чайлдфри“ (без детей) и популяризация нетрадиционных сексуальных отношений имеют не меньшую степень опасности для развития российского общества, чем... пропаганда суицида, наркотиков, экстремизма, преступного поведения»⁶⁶.</p>
<p>31 июля 2022 г. – утверждены Морская доктрина Российской Федерации и Корабельный устав Военно-морского флота. Как отметили эксперты, эти документы «отвечают велению времени»⁶⁷; «Россия показывает всему миру, что будет защищать себя всеми доступными способами»⁶⁸. К основным угрозам национальной безопасности России впервые отнесён «стратегический курс США на доминирование в Мировом океане и их глобальное влияние на развитие международных процессов». Также к основным угрозам причислены продвижение инфраструктуры НАТО к российским границам, зависимость России от морских перевозок и функционирования морских трубопроводных систем; международные санкции против судостроительных предприятий промышленного комплекса и нефтегазовых компаний и т. д.</p>

⁵⁹ О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 24 апреля 2019 г. № 183 «Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке»: Указ Президента РФ от 11.07.2022 № 440; Об отдельных категориях иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке: Указ Президента РФ от 29 апреля 2019 г. № 187.

⁶⁰ Мнение советника ректора по стратегическим инициативам Казанского инновационного университета О. Агапова (источник: <https://www.tatar-inform.ru/news/eksperty-ukaz-putina-ob-uproshhennom-grazdanstve-dast-zashhitu-ukraincam-ot-kievskoi-xunty-5873887>).

⁶¹ Мнение политолога И. Гращенкова (источник: Почему Путин пригласил всех украинцев стать гражданами России. 11.07.2022. URL: <https://sevastopol.su/news/pochemu-putin-priglasil-vseh-ukraincev-stat-grazhdanami-rossii>).

⁶² О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием: Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ // Российская газета. 19.07.2022. URL: <https://rg.ru/documents/2022/07/19/document-inoagent.html>

⁶³ Родин И. Драконовские законы применяют не только к оппозиции // Независимая газета. 28.06.2022.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Черкасов Б. Кадровый вызов: почему ради назначения Дениса Мантурова Дума прервала каникулы. 15.07.2022. URL: https://www.forbes.ru/mneniya/471739-kadrovyyj-vyzov-pocemu-radi-naznachenia-denisa-manturova-duma-prervala-kanikuly?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

⁶⁶ Пояснительная записка к законопроекту // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/2D204B07-B68D-4F90-BF3C-1D82B1FB47BA>

⁶⁷ В. Дандыкин (военный эксперт) (источник: Морская доктрина России – это ответ на амбиции США в Арктике // Взгляд. 31.07.2022. URL: <https://vz.ru/news/2022/7/31/1170278.html>)

⁶⁸ Герой Российской Федерации контр-адмирал И. Козлов (источник: там же).

Деятельность главы государства в этом направлении свидетельствует об осознании им данной задачи (или даже миссии). Однако, как отмечает академик С.Ю. Глазьев, «появление новой системы управления, а это в первую очередь отношения между людьми, **не может не сочетаться с новой системой идей, взглядов и принципов**»⁶⁹. Поэтому комплексное противоречие между объективной необходимостью преодолеть границы существующей либерально-капиталистической парадигмы и неспособностью российских элит к осуществлению этого шага – задача, которая не решается одними лишь кадровыми перестановками и громкими арестами.

Для этого требуется идеология – основанное на общественных интересах, отрефлексированное и сформулированное понимание «Российской идеи», о которой В.В. Путин говорил еще в 1999 году⁷⁰; **понимание образа государства, которое мы по большому счету только начали строить после событий февраля 2022 года.**

* * *

Как известно, история циклична, и Россия уже неоднократно находилась в ситуации, когда перед лицом внешних угроз требовались форсированные и комплексные изменения в подготовке кадров новой формации, соответствующих сложившемуся историческому периоду, обеспечивающих необходимые изменения в системе управления, экономике, хозяйственной жизни.

Один из примеров. 4 мая 1935 г., выступая перед выпускниками военных академий в Кремлевском дворце, генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин произнес речь, квинт-эссенция которой, можно сказать, приобрела исторический характер, поскольку подготовленные партией большевиков кадры обеспечили то, что Советский Союз сумел не только выстоять, но и победить фашистскую Германию, являвшуюся прямой угрозой существованию страны.

«Идеология это:

✓ логическая и психологическая **поведенческая основа системы политического управления;**

✓ **система** взглядов и идей, политических программ и лозунгов, философских концепций, в которых **осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, которые выражают интересы различных социальных классов, групп, обществ;**

✓ **совокупность принципов, норм и правил, определяющих, устанавливающих и регулирующих отношения внутри сферы общественного производства и потребления**»⁷¹.

«Вопрос стоял так: ЛИБО мы эту задачу разрешим в кратчайший срок и укрепим в нашей стране социализм, ЛИБО мы ее не разрешим, и тогда наша страна – слабая технически и темная в культурном отношении – **растеряет свою независимость и превратится в объект игры империалистических держав...**

Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. Надо понять, что при наших нынешних условиях „кадры решают все“»⁷².

⁶⁹ Глазьев С.Ю. Россия воюет за сохранение человечества // Официальный сайт С. Глазьева. 04.07.2022. URL: <https://glazev.ru/articles/153-geopolitika/104465-rossija-vojuet-za-sokhranenie-chelovechestva>

⁷⁰ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 30.12.1999. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html

⁷¹ Мочар К.Ю. (2019). Идеология как созидаящая сила общества // История и современность. Выпуск № 4 (34). URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/2433435/>

⁷² Речь Сталина И.В. перед выпускниками военных академий 4 мая 1935 года // Онлайн библиотека Dslov.ru. URL: <https://dslov.ru/txt/t10.htm>

В 2017 г. в статье «Актуальность тезиса „Кадры решают всё!“ для современной России»⁷³ мы обращали внимание на важность кадровой политики для реализации целей национального развития России, буксующих по причине того, что кадры не обеспечивали своевременное и полное выполнение поручений Президента РФ. С этой целью мы публиковали полный текст выступления И. Сталина, акцентируя внимание на наиболее важных моментах.

За 5 лет, прошедших с тех пор, Президент РФ В.В. Путин сделал много ключевых, системообразующих шагов по пути к укреплению российской государственности: изменились Конституция РФ и Стратегия национальной безопасности, в правительстве появились новые люди (включая председателя кабинета

министров), фактически были нивелированы возможности негативного влияния иностранных агентов, получающих финансирование из-за рубежа (в том числе из недружественно настроенных по отношению к России стран), и многое другое.

Однако после 24 февраля 2022 г., когда Россия, по сути, открыла новую страницу в своей истории и когда вопрос о возможности её суверенного будущего приобрел новый уровень остроты, задача повышения эффективности кадровой политики стала еще более важной, чем 5 лет назад.

Только кадры способны и должны обеспечить нашей стране достижение полного, а значит духовного, военного, экономического, политического, территориального национального суверенитета.

Литература

- Межуев Б. (2022). Возможно ли «цивилизационное равнодушие» России к «коллективному Западу»? // Эксперт. № 26.
- Мочар К.Ю. (2019). Идеология как созидаящая сила общества // История и современность. № 4 (34). URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/2433435/>
- Российское общество в условиях новых вызовов и угроз (контекст социологической диагностики) (2022) / ФНИСЦ РАН. М. 240 с.
- Российское общество и вызовы времени (2016). Книга четвертая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова М.: Весь Мир. 400 с.
- Тощенко Ж.Т. (2018). Прекариат: от протокласса к новому классу: монография. М.: Наука. 350 с.
- Тощенко Ж.Т. (2012). Элита второй свежести? // Поиск. Вып. 21. URL: <https://poisknews.ru/magazine/3473/>

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

⁷³ Ильин В.А. (2017). Актуальность тезиса «Кадры решают всё!» для современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 3. С. 9–31.

Ilyin V.A., Morev M.V.

On the Way toward Crossing the Inner Rubicon

Abstract. February 24, 2022, the President of the Russian Federation announced the beginning of a special military operation on the territory of Ukraine; this, in fact, became a Rubicon in the 30-year history of Russia's existence within the framework of the liberal-democratic development paradigm imposed by the Collective West. Six months have passed since the launch of the operation. During this period, Russian society has faced unprecedented sanctions pressure from the United States and NATO and the withdrawal of a significant number of large foreign companies from the Russian market; the situation in Ukraine continues to arouse significant concerns. Sociological surveys indicate that the majority of Russian citizens support the President and the goals of the special operation. However, representatives of different social strata react differently to the events taking place in internal and external political and economic life. The article analyzes trends in social sentiment and the level of approval of the President's work on the basis of long-term monitoring of public opinion conducted by VolRC RAS in the territory of the Vologda Oblast. We conclude that the broad strata of Russian society feel the effect of the measures taken by the RF President and the RF Government to mitigate the effects of sanctions pressure on the economy and the quality of life and improve the spiritual, moral and cultural atmosphere that corresponds to the goals of national development in the current geopolitical situation; the attitude toward the measures is reflected in the assessments of public opinion. Besides, relying on expert assessments and statistical data, we dwell upon the problem of whether the views of individual representatives of Russia's ruling circles and financial and cultural elites correspond to the RF President's goals to "build and strengthen Russia as a strong sovereign power", whose sovereignty "cannot be segmented or fragmented in the 21st century" as Vladimir Putin noted at the Saint Petersburg International Economic Forum on June 17, 2022. That is, sovereignty must be complete, not only political, economic or military, but, first of all, spiritual, cultural and moral. To achieve the set goals of national development, it is necessary to change the elites in the system of public administration, economy and culture. It is necessary to move from the elite, which was formed during the period of the country's life in the framework of the liberal-capitalist paradigm before the special operation, to the elites that ensure the sovereign development of Russia based on traditional spiritual and moral values and social justice.

Key words: special operation, civilizational conflict, spiritual sovereignty, RF President, social sentiment, ruling circles.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

КТО в России олицетворяет борьбу за сохранение человечества?

**Жан Терентьевич
ТОЩЕНКО**

Российский государственный гуманитарный университет
Институт социологии ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: zhantosch@mail.ru

Аннотация. Дается анализ основных идей статьи С.Ю. Глазьева «Россия воюет за сохранение человечества» (газета «Завтра» от 4 июня 2022 года), в которой центральное место занимают размышления о роли и значении общественного сознания и государственной идеологии. Однако в статье уделяется недостаточно внимания вопросам – КТО олицетворяет, КТО является носителем общественного сознания и ЧЬИ ИНТЕРЕСЫ должна выражать государственная идеология в современной России. В соответствии с указанной целью осуществляется анализ роли общественного сознания в исторических судьбах народов, места и роли государственной идеологии. Дается характеристика основных классов и общностей (страт) в современном российском обществе, их мировоззренческих установок и ориентаций. Особое внимание уделяется прекариату, который, на взгляд автора, определяет лицо современного российского общества. В заключение обосновывается вывод о том, что мировоззренческие, идеологические позиции являются не только частью общественной жизни, а некоей пронизывающей компонентой, которая касается, помимо духовной культуры, всех без исключения сфер экономической, социальной и политической деятельности.

Ключевые слова: общественное сознание, идеология, мировоззрение, классы, прекариат.

Для цитирования: Тощенко Ж.Т. (2022). КТО в России олицетворяет борьбу за сохранение человечества? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 32–41. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.2

For citation: Toshchenko Zh. T. (2022). Who in Russia embodies the struggle for the preservation of mankind? *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 32–41. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.2

Оценка роли общественного сознания

Разделяя основные положения, высказанные в статье, хотел бы поразмышлять над отдельными принципиальными идеями.

Для меня оказалось очень важным утверждение, что на первое место по значимости С.Ю. Глазьев поставил следующее умозаключение: «В рамках нового мирохозяйственного уклада сейчас войны идут за сознание, за умы граждан разных стран и, в отличие от войны прошлого века, нынешняя война — это война, прежде всего, за доминирование в общественном сознании». И когда в качестве третьего фактора (на втором месте по значению у него находятся валютно-финансовые проблемы) он называет идеологию, ее роль и значение в преобразовании мира, это тоже, по сути, разговор об общественном сознании, вернее, о той его особенной части, которая оформляется в виде государственной политики и идеологии, приобретающих первостепенное значение при решении как внутренних, так и геополитических проблем.

Однако, на мой взгляд, значимость и роль общественного сознания стали достоянием всей новейшей истории, а не только нынешней ситуации. Напомню общеизвестный факт, на который мало или не всегда обращают внимание. При выборах в бундестаг в 1932 г. НСДАП (партия Гитлера) получила 33,1% голосов, а более половины немцев проголосовали за социал-демократов и коммунистов. Но так как коалиция сторонников социализма не состоялась, то к власти на пост канцлера пришел А. Гитлер. И сразу же началось ускоренное и не безуспешное реформирование общественного сознания немецкого народа, привитие ему установок фашистской идеологии: главное в жизни общества не классы, как в марксизме, а принадлежность к расе, к избранному этносу, к которым, дескать, принадлежат немцы. И именно эта высшая раса должна править миром. Такое направление в политике германских фашистов оказалось успешным, так как уже через 8 лет, к 1941 году, большинство немцев были заражены фашистской идеологией, что они наглядно продемонстрировали в ходе боевых действий на территории многих государств, но особенно в нашей стране. Некоторые деятели в СССР не могли долгое время в это поверить, утверждая в своих предвоенных статьях

и выступлениях, что немецкие солдаты, будучи представителями и выходцами из рабочего класса, никогда не пойдут воевать против своих братьев — советских рабочих, строящих социализм, к которому стремились и большинство немцев. Действительность опровергла эти заблуждения. Немецкая армия в своем большинстве состояла из убежденных фашистов, которые кровавыми делами проявили себя как на фронте, так и на оккупированной территории.

В настоящее время не менее успешной оказалась акция по реформированию общественного сознания украинского населения, особенно после 2014 года, после присоединения Крыма. Признаки сущностного изменения общественного сознания украинцев проявились задолго до этого, в процессе распада СССР, когда на первый план вышли националистические идеи, на что справедливо указывает С.Ю. Глазьев. В беседе со мной академик Национальной академии наук Украины П.П. Толочко говорил, что он дважды приходил к послу РФ В.С. Черномырдину с тревогой, что Россия упускает работу с населением, с молодежью Украины, в то время как США и ее сателлиты тратят огромные деньги на гранты, обучение в своих странах, на создание соответствующих общественных и политических организаций, на формирование прозападных сил. На это, с горечью говорил Толочко, Черномырдин ему отвечал: «Не надо преувеличивать ситуацию. Мы даем Украине газ, нефть, без которых им никак не обойтись». Но история наглядно показала — обойтись можно, да еще как. И не нужно себя обманывать. Сознание многих украинцев, особенно молодежи, отравлено националистической, антирусской и антисоветской пропагандой.

К этому можно добавить, что националистический настрой составляет (и тут прав Глазьев) важный и в известной степени решающий компонент осуществляемой политики и идеологии многих постсоветских (и не только их) стран.

Да и другие идеи, к которым обращается С.Ю. Глазьев (русофобия, либеральные идеи, английский и американский антисоветизм, гибридная война), также в немалой степени выходят на проблемы общественного сознания и его мобилизации для достижения геополитических целей.

КТО претендует на роль ведущего в российском общественном сознании?

Ратуя за то, чтобы в России осознали важность работы с общественным сознанием, необходимость иметь государственную идеологию, ссылаясь на опыт Китая и Индии, С.Ю. Глазьев открытым оставляет вопрос о том, КТО будет олицетворять эту потребность в новой идеологии или, говоря языком философии, кто будет субъектом, определяющим состояние общественного сознания и сторонником государственной политики. Иначе говоря, для успешного существования государства необходим общественный договор с народом, который является критерием и гарантом существующего строя. Можно согласиться с автором, что такими критериями, обеспечивающими крепость идеологического взаимопонимания, выступают осознание своей принадлежности к судьбе своего народа и своей страны, гарантии благосостояния и четкое понимание и представление своего будущего.

Но как эти критерии реально выражены в сознании тех основных классов, общностей и социальных групп, из которых состоит российское общество?

Сразу замечу: вопреки некоторым либеральным и постмодернистским утверждениям о том, что классы исчезли, не существуют в современном мире, они никуда не делись — они приобрели иную форму выражения и иные показатели (критерии) своего существования по сравнению с теми чертами, которыми наделялись в марксистском их понимании в течение длительного времени в прошлом. Реальная социально-экономическая ситуация кардинально изменилась. Прежние характеристики утратили роль, которую играли во времена классического капитализма. К концу XX — началу XXI века появились новые социальные слои, занявшие специфическое место (особенно сфера услуг), что привело к существенному изменению их роли в общественном производстве и способов получения доли общественного богатства. На первый план вышли проблемы гарантированной трудовой, социальной и повседневной жизни, связанные с достижением приемлемого уровня благосостояния, здоровья и уверенности в будущем жизнеустройстве.

На наш взгляд, реально существуют следующие классы (социальные общности), которые претендуют на то, что они, руководствуясь своими идеологическими установками, определяют лицо современного российского общества.

Прежде всего, это *правящий класс*, владеющий политической и экономической властью в стране. Его часто называют элитой, что, на наш взгляд, не имеет никакого научного и морально-этического основания. По большому счету, он сориентирован на достижение тех либеральных ценностей, которые исповедуют высшие круги западных стран. К ним примыкает когорта обслуживающих групп, которые и словом и делом стремятся доказать верность своим хозяевам. Многие представители этого класса, особенно экономического блока, тесно связаны с западом, где хранится их богатство, функционируют созданные ими банки. Они часто обладают гражданством этих стран. Ясно, что во многих случаях патриотами России они являются лишь номинальными, хотя на словах могут ратовать не менее эмоционально, как и купленные ими журналисты всех мастей и расцветок. Ждать, что они будут ратовать за государственную идеологию, не приходится. Наоборот, на всякую регулирующую роль государства они реагируют отрицательно, будь это предложения о введении (возрождении) стратегического планирования или о необходимости государственной идеологии. Кстати, принятое в 2018 году официальное решение об осуществлении стратегического планирования до сих пор не выполнено, ибо утоплено в томах различных разработок, проектов и рекомендаций. А против государственной идеологии звучит набор давно известных заклинаний — что это будет покушение на демократию, на зажим прав и свобод человека и даже как возвращение сталинизма. Поэтому рассчитывать на действительное их участие, за исключением ограниченного числа лиц, в нормализации и необходимом ориентировании общественного сознания не приходится.

Есть еще одно любопытное наблюдение, выполненное мною при анализе олигархов и обслуживающих их лиц. Большинство из этих привратников бизнеса и власти — завязанных либералов — в прежней советской жизни практически не были вовлечены в реальную соци-

дательную деятельность. Они не работали на производстве, практически не бывали в российской глубинке, не имели деловых контактов с реальными участниками черновой повседневной работы, но зато были всегдашними столичных и камерных тусовок, всякого рода интриг и претензий на свою особость, любителями престижных курортов и других мест приятного для них отдыха. Меньшая часть из этой группы обслуживания, хотя была связана с производством, поражена другой болезнью — они считали, что в Советском Союзе их не признавали выдающимися, не продвигали по службе согласно их «таланту». Поэтому все они — и те и другие — нашли иной путь для продвижения вверх по карьерной лестнице — сначала в рамках демократических движений в Советском Союзе, а затем во властных и бизнес-структурах в постсоветской России. Но очевидно, что именно эта группа, отмежеввавшаяся от «проклятого советского прошлого», стала питательной почвой для предательства, коррупции, игнорирования национальных интересов. Они никогда не представляли и не будут представлять интересы народа в силу своих карьеристских, сугубо личностных эгоистических намерений.

Напомню интересный исторический факт. Когда проходили первые выборы в Государственную Думу в 1994 году, либеральные деятели в лице партии Гайдара «Демократический выбор России», будучи уверенными в своей абсолютной победе, в день голосования организовали прямую трансляцию по телевидению о текущих результатах выборов. Можно было видеть лица участников этого шоу, когда первые сообщения, начиная с дальневосточных регионов, шокировали их: их поддержало ничтожное меньшинство. Сначала их комментарии были успокаивающими — мол, дойдет дело до «настоящих регионов», все изменится. И вот в эфире уже Красноярск. И с теми же результатами. И шоу решили прекратить, так как шок парализовал их воображение — как это люди не поддержали их прекрасные задумки, которые они осуществляли в своей политике. Именно к этому времени относится восклицание одного из активных деятелей либерализма Ю. Карякина: «Россия, ты одурела». Они никак не могли понять и даже представить, почему люди отвели им черной неблагодарностью, ведь они

так стремились улучшить и сделать иной жизнь россиян. В дальнейшем отношение к либеральным деятелям только ухудшалось, они не стали попадать в Государственную Думу. Итогом их взаимоотношений с народом могут быть слова поэта и писателя Наума Коржавина: «Либералы считали, что народ должен любить их только за то, что они либералы. Но этого не получилось. Народ не поддержал их. И поэтому они стали называть его быдлом».

Все это позволяет сделать вывод, что правящий класс и его обслуга оказались не способными и не могут выражать основные интересы общественного сознания, а их идеология — это рудимент уходящего исторического прошлого.

Говоря о следующей социальной группе, о так называемом *среднем классе*, можно сказать, что этим понятием стали оперировать в отношении тех людей, которые имели гарантированный доход, позволяющий им не только удовлетворять базовые потребности, но и претендовать на дополнительные блага (счета и ценные бумаги, жилье в многочисленных вариантах, отдых, в том числе за границей, оплата за сбережение здоровья, учеба детей за рубежом и т. д.). Однако вскоре выяснилось, что средний класс очень неоднороден и его представители имеют различные возможности по поддержанию своего статуса и благосостояния. Поэтому сторонники этой терминологии ввели странные и экзотические наименования «высший средний», «средне-средний» и «низший средний» слои этого класса. А что касается попыток определить их мировоззрение, содержание и сущность их общественного сознания, их ориентации в жизни, то социологические исследования показали, что они представляют калейдоскоп убеждений, которые не могут быть приведены к единому знаменателю. Да и благосостояние этого класса, особенно так называемого нижнего среднего, оказалось под вопросом, что привело к его значительному сокращению сначала в кризис 2008–2009 гг., затем в кризис 2013–2014 гг. и, наконец, в период пандемии. В реальности в России так и не реализовались упования либералов на то, что средний класс составит опору правящего режима, как на Западе. На деле этот вывод в России никак не подтверждался — средний класс был представлен в разных политических партиях,

значительная его часть занимала нейтральное положение, что особенно наглядно проявилось по его (не)участию в большинстве избирательных кампаний.

Одним из ограниченных представлений о среднем классе продолжает оставаться нерешаемый вопрос: какая часть населения составляет этот класс. В 2000-х годах некоторые социологи утверждали, что в средний класс входило до 40–45% работающего населения. По данным исследователей РИА Новости, основанных на статистических данных 2021–2022 гг., к этому классу относятся всего 11,5% семей. Тогда возникает вполне резонный вопрос – насколько этот класс может выражать общественное сознание всего народа и может ли он иметь единые мировоззренческие позиции, если учесть его огромную дифференциацию по доходам и разные политические ориентации. Да и само определение вызывает размышления: по мнению исследователей, средним классом принято считать «работающих людей с трудовыми доходами, позволяющими приобретать дорогостоящее имущество (жилье, машины), а также имеющих относительно высокий уровень текущего потребления» (под ним они понимают не менее двух прожиточных минимумов на человека после выплат обязательных налогов и кредитов (напомню, в среднем по РФ величина прожиточного минимума с июня 2022 года составляет почти 14 тыс. руб. на душу населения)).

Не дает ответа, кто является выразителем российского общественного сознания, и попытка рассмотреть эту проблему с позиций словесного деления общества, в основу которого положено распределение всех людей по принципу дистрибутивных (потребительских, распределительных) отношений. Осуществляемые попытки охарактеризовать такие социальные образования, как бюрократия, чиновничество, силовые структуры, бизнес-группы и другие, не позволяют определить роль и место каждого из них с точки зрения влияния на устойчивость общественного сознания, на их вклад в формирование своей, отличной от других мировоззренческой позиции.

Обзор преобладающих в настоящее время представлений о социально-классовой структуре российского общества и основных целевых установок классов все не дает ответа на вопрос – КТО определяет сущность и содержание обще-

ственного сознания в России и чьи идеи, потребности и интересы должны лежать в основе государственной идеологии?

Кто реально определяет лицо современного российского общества?

Чтобы ответить на поставленный вопрос, на наш взгляд, необходимо рассмотреть *социальное положение* россиян и то, какие *мировоззренческие ориентации* существуют в современной России.

Что касается *социального положения*, то более внимательный и тщательный анализ социологических данных привел к выводу, что в современной социально-классовой структуре общества преобладают слои населения, социальные общности и группы, существующие в состоянии большой неопределенности. Причем они состоят не только из рабочих и крестьян, но и служащих, интеллигенции, работников сферы услуг и ряда других социальных ниш. Эта неопределенность и неустойчивость социального положения обусловлена тем, что, по данным всероссийских исследований Российского государственного гуманитарного университета в 2018–2022 гг., значительная часть: а) не имеет трудовых договоров (например, в строительстве и сфере услуг до 30% от всех занятых); б) до 10% имеет ограниченный срок трудовых соглашений (от 2–3 месяцев до 1 года); в) имеют нестабильную оплату труда, в том числе «в конверте», о чем заявили 28% опрошенных; г) лишены полностью или частично социальных гарантий (нет оплаты отпуска, нет оплаты больничных, не оплачивается вынужденный простой и др.; до 40%); д) не участвуют в решении проблем своей организации (до 80–85%); е) не видят перспектив в будущем (до 70%). На наш взгляд, наличие этих характеристик у преобладающей части работающего населения следует назвать *прекариатом* (от лат. неустойчивый, нестабильный, негарантированный). Конечно, эти показатели неустроенности и ограниченности по-разному касаются различных социально-профессиональных групп. Часть работников имеет одновременно несколько названных черт, другие – только одну или две характеристики, что позволяет говорить о них как кандидатах в прекариат. Однако в целом эти слои и группы, по различным подсчетам, охватывают от 50 до 75% экономически активного населения (Бобков и др., 2018). Значит,

эти общности и группы в значительной степени представляют лицо современной социально-классовой структуры российского общества.

Но каковы они?

Чтобы ответить на указанный вопрос, необходимо знать причины появления этого класса, как и каким образом формировались группы неустойчивого, нестабильного и негарантированного труда? На наш взгляд, они возникли под влиянием двух противоречивых процессов.

С одной стороны, развивающаяся экономика требует постоянного совершенствования технологических процессов, нередко кардинально изменяющих производственный алгоритм, смысл и принципы профессиональной деятельности работника. А это, в свою очередь, требует перестройки и гибкости процессов комплектования и использования рабочей силы, привлечения специалистов иного профиля и другой квалификации и/или организации переобучения рабочей силы. В таких условиях работодатель часто не был заинтересован в работниках с пожизненным наймом. Объективные условия постоянно совершенствующихся технологических процессов побуждали(ют) работодателя прибегать к ограниченному — краткосрочному, временному использованию рабочей силы, что стало характерной чертой как крупных предприятий (организаций), так и среднего и малого бизнеса.

С другой стороны, эта объективная потребность оборачивается огромными социальными издержками, ущемлением прав и гарантий работников: их увольняют, переводят на сокращенный рабочий день, им снижают оплату труда, не гарантируют оплату отпуска, больничных листов. И главное — по сути бросают на произвол судьбы. В реальной жизни стал господствовать принцип, так любимый нашими либералами: человек ответственен за свою жизнь, и, если он не умеет устроиться в ней, пусть пеняет на себя. При этом работодатель, а за ним и государство в очень незначительной степени помогают таким работникам заново устроиться в жизни, сохранить и/или модернизировать свой профессиональный потенциал и социальные связи. А ведь эти люди, обладая в своем большинстве образовательным и профессиональным потенциалом, хотят продолжать быть полезными обществу, сохранять ранее достигнутый уровень и качество жизни, иметь гарантии будущего устройства личной жизни и жизни своих детей.

Но так как они образуют относительное большинство населения страны, ее лицо, то именно они и определяют сущность и содержание общественного сознания. Для этого мы сделаем следующий шаг — проанализируем современное состояние мировоззрения работающего российского населения (*таблица*).

Каких политических взглядов вы придерживаетесь? (%)

Взгляды	Год			Отрасль					
	2018	2019	2022	Строительство	Транспорт	Торговля, бытовое обслуживание	Промышленность	Сельское хозяйство	Наука
Левых (социалистических, коммунистических)	22,5	25,2	24,3	27,7	26,3	21,7	20,0	28,0	21,0
Правых (либеральных)	14,5	14,9	16,6	13,7	18,0	13,0	23,0	13,7	28,0
Патриотических, национальных	36,8	24,2	32,5	26,0	26,3	20,3	29,7	18,7	29,0
Монархических	1,2	1,2	1,3	0,7	2,3	0,7	1,7	1,0	2,0
Религиозных (христианских, мусульманских или др.)	5,0	9,1	7,3	8,3	6,3	12,7	4,7	11,7	2,0
Других (напишите)	1,5	—	1,8	—	—	—	13,7	11,3	13,0
Никаких	18,6	18,9	—	18,3	15,7	22,7	—	—	—
Не ответили	—	6,4	16,3	5,3	5,0	9,0	7,3	15,7	5,0

Источник: Данные всероссийских социологических опросов, проведенных в 2018–2020 гг. в шести отраслях национальной экономики и культуры социологами РГГУ и Центром социального прогнозирования и маркетинга (подробнее см.: Прекариат: становление нового класса (2020): колл. монография / под ред. Ж.Т. Тощенко М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 400 с.; Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности (2021): колл. монография / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь мир.).

Анализ данных показывает, что в политической и духовной жизни в современной России существует много мировоззренческих ориентаций. Преобладают две ориентации — социалистические и народно-патриотические. Эти цифры коррелируют с примерной численностью людей, которых мы охарактеризовали как прекариат. Более того, в реальном сознании людей эти две ориентации нередко трудно разделить. Что касается социалистической ориентации людей, то очевидно, что и 30 лет спустя после разгрома Советского Союза, несмотря на кризис идей социализма и коммунизма, в современной России продолжает существовать социалистическое мировоззрение. Эта идеология никуда не исчезла, более того, имеет тенденцию к дальнейшему сохранению и даже большему распространению. Она продолжает существовать, так как олицетворяет собой вековую и даже тысячелетнюю мечту о справедливом государстве, каким и был в представлениях этих групп населения Советский Союз при всех имевшихся зигзагах его развития.

Национально-патриотические взгляды в настоящее время представляют собой ряд довольно разношерстных социально-политических ориентаций — от идей традиционализма, ценностей предшествующих поколений до разного рода социал-демократических и морально-этических установок. В том или ином варианте все они выступают за сохранение исторических и национально-культурных ценностей, их приумножение, воспитание преданности стране, поддержку традиций и обычаев в жизни современных граждан, считая их скрепляющей и нравственной силой. Правда, следует признать, что в одежды патриотов облачаются и те, кто сбежал за границу, прихватив немало уворованных в стране средств, и те, кто живет в криминальном мире, и те, кто ради получения различных дивидендов готов присоединиться к этой идеологии. Однако в выборку конкретных исследований представители указанных групп вряд ли попадают, поэтому можно сделать вывод — в этой группе преобладают люди, которые олицетворяют гражданские качества верности и преданности своей стране, ее культуре, образу жизни.

Необходимо отметить, что социальная база социалистических и национал-патриотических идей изменилась: ни рабочие, ни крестьяне, ни

интеллигенция, ни работники сферы услуг не представляют нечто единое, гомогенное — они раздроблены, трудятся в различных социально-экономических условиях, опосредованных различными формами собственности. На наш взгляд, социальную базу левых и национал-патриотических ориентаций и идей составляют прекарные слои, которые включают большие социальные группы, живущие в состоянии неуверенности в стабильности своего нынешнего и будущего положения. Именно эти группы заинтересованы в реализации социалистических и патриотических идей, которые они считают олицетворением справедливого общества. Представители названных групп при этом не отвергают существование частных форм собственности, ратуют за установление социального (но не уравнительного) равенства и в качестве желаемой цели — за социальную справедливость.

Если обратиться к данным таблицы, то мы видим достаточно ограниченную и даже незначительную поддержку либеральных идей. Показательно, что либеральная идеология, хотя и нацелена на такие внешне привлекательные ценности, как развитие демократии и обеспечение прав человека, подразумевает нацеленность на превращение государства в «ночного сторожа», на абсолютную, безоговорочную ответственность каждого человека за выбор своего жизненного пути, свою конкурентоспособность для выживания в нынешних реалиях. Более того, открыто провозглашается, например В. Иноземцевым (Иноземцев, 2011), что «новое неравенство» не может считаться несправедливым, поскольку в его основе лежит не принуждение, а результат деятельности творческих (креативных) личностей.

Показательно, что социальная база либерализма за все годы существования новой России значительно сократилась. Народ отверг правые партии в их стремлении захватить законодательные и представительные органы власти. В общественном мнении были развенчаны и прежние, и существующие лидеры либерализма, начиная с Е. Гайдара. Однако, несмотря на отсутствие поддержки народа, экономические идеи либерализма остаются на государственном уровне. Именно их существование и продолжение реализации на официальном уровне привело (наряду с другими факторами) к стагнации

социально-экономического развития России, росту социального неравенства, увеличению социальной напряженности, формированию общества травмы.

Ограниченность и даже бесперспективность идей либерализма стала очевидной и для президента страны, когда в интервью газете «Financial Times» в июне 2019 года прозвучала низкая оценка роли и значения либерализма в жизни как всего мира, так и отдельных стран. Причем президент особо подчеркнул: проблема состоит не столько в том, что либералы и их идеи существуют, сколько в том, что «эта часть общества достаточно агрессивно навязывает свою точку зрения подавляющему большинству».

Анализ социального положения и мировоззрения россиян показывает, что именно из их потребности, ценностных ориентаций и интересов должно исходить государство при построении экономической и социальной политики. Это тем более важно, потому что, как показывают социологические данные, большинство представителей прекариата являются государственниками, ратуют за укрепление российского общества, хотят участвовать в его совершенствовании.

А раз в общественном сознании преобладают такие ориентации и установки, то и государственная идеология должна строиться именно на этих основаниях, которые, по сути, преследуют такие общественные и личные цели, как установление социальной справедливости, возможность устойчивого уровня благосостояния и уважение достоинства человека. В ином случае государство в лице прекарных слоев как *значительной массы трудоспособного населения* утрачивает поддержку со стороны *интеллектуальных слоев общества, обладателей огромного трудового и творческого потенциала, владельцев образовательного и профессионального капитала*.

Социальная значимость общественного сознания

Говоря о значимости ориентации государства на общественное сознание, хотелось напомнить такой факт: победа большевиков в октябре 1917 г. состоялась не в результате, как пишут либеральные авторы, заговора и не вследствие обмана или коварства большевиков, а в результате того, что единственная партия — партия большевиков — взяла на вооружение то, что хотело большинство народа: мир,

заводы — рабочим, землю — крестьянам. Именно поэтому большевиков поддержали во время гражданской войны и иностранной интервенции, вдохновились планами по переустройству общества, начиная с электрификации страны и ликвидации неграмотности до пятилетних планов развития народного хозяйства. То, что этот курс был верен, подтвердил героический и трагический опыт Великой Отечественной войны. В связи с этим учет и понимание основных установок и ориентаций общественного сознания были и будут залогом существования соответствующего политического строя и его идеологии.

Именно поэтому современная государственная идеология должна строиться не из неких абстрактных пожеланий, высказанных кем-то мудрым сверху или сбоку, а из того, что желает и к чему стремится большинство народа, и, конечно, учитывать интересы других социальных классов и групп. Т. е. речь, повторяю, идет о том, чтобы определиться с основным субъектом исторического процесса, знать, что происходит в его сознании, и на этом строить государственную политику.

У меня есть статья под названием «Народ всегда прав, даже если он не прав» (Тощенко, 2020). Этим я хотел выразить, что нельзя не считаться с господствующими в народе ориентациями и установками, даже если они не совпадают с выводами правящих слоев, которые хотели бы вести народ к своим целям, или противоречат им. В такой ситуации остро стоит вопрос — понять, почему и по каким причинам народ имеет другие потребности и интересы. И только тогда станет понятным, что необходимо сделать, для того чтобы скорректировать проводимую политику и на деле обеспечить существование общественного договора с народом.

На мой взгляд, и вторая причина, которую называет С.Ю. Глазьев, — валютно-финансовый фронт, помимо самих сугубо банковских и финансовых характеристик, имеет самое непосредственное отношение к сознанию и соответствующей идеологии. На фронте, где преобладают либерально-ориентированные деятели, исповедуется и осуществляется экономическая политика, полностью ориентированная на реализацию мировоззренческих установок, учитывающих интересы только этой группы, а не большинства народа. И, судя по реальному их

поведению, они мытьем или катанием, путем игнорирования и манипулирования стремятся провести свои цели, заставить народ согласиться с их проектами и планами. Но в условиях, когда прекарные слои продолжают увеличиваться, в том числе за счет среднего класса, становится все очевидней, что без учета их потребностей и интересов невозможно добиться успехов в обеспечении подлинной экономической, политической, социальной и культурной независимости и самостоятельности. Т. е. экономическая политика, осуществляемая либералами, находящимися у власти, и выраженная даже в сугубо специальной терминологии, все равно остается орудием борьбы за сознание, за навязываемую идеологию.

В заключение можно сказать, что ситуация после 24 февраля отчетливо высветила противостояние различных мировоззренческих

ориентаций и установок, более предметно и наглядно показав, чьи интересы отражают противники и сторонники проводимой специальной военной операции. При этом следует обратить внимание на тот факт, что большинство народа – почти 80% – поддерживает эту акцию, тогда как сравнительно небольшая группа, особенно тех, кто убежал за рубеж (у кого есть средства жить там), представляет собой крикливую и самовлюбленную массу, следующую по пути конфронтации с покинутой родиной.

Все это в конечном счете позволяет сделать следующий вывод: так как главные черты общественного сознания представлены большинством народа, имеющего черты прекарного социального положения, то именно они должны в максимальной степени учитываться в государственной политике и ее идеологии.

Литература

- Анисимов Р.И. (2017). Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования. № 11. С. 44–52.
- Башкатова А. (2022). Российский средний класс пришлось искать со статистической лупой // Независимая газета. 26 июля.
- Бобков В.Н., Квачев В.Г., Колмаков И.Б. [и др.]. (2018). Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения. М.: КноРус. 342 с.
- Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. (2015). Прекариат как новое явление в современной социальной структуре // Наемный работник в современной России. М.: Новый Хронограф. С. 121–138.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. (2020). Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН. 668 с.
- Иноземцев В. (2011). Кризис великой идеи // Свободная мысль. № 1. С. 17–28.
- Левашов В.К. (2020). Российское государство и общество в период либеральных реформ. 2-е изд. М.: Юрайт. 356 с.
- Попов А.В., Соловьева Т.С. (2019). Анализ и классификация последствий прекаризации занятости: индивидуальный, организационный и общественный уровни // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 6. С. 182–196.
- Прекариат: становление нового класса (2020): колл. монография / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 400 с.
- Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности (2021): колл. монография / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь мир.
- Стэндинг Г. (2014). Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем.
- Тощенко Ж.Т. (2020). Народ всегда прав, даже когда он не прав // Мир перемен. № 2. С. 171–179.
- Тощенко Ж.Т. (2018). Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука. 350 с.
- Трансформация труда в (де)глобализирующемся обществе (2021): сборник научных статей / под ред. Н.Г. Скворцова, Р.В. Карапетяна. СПб.: Скифия-принт. 215 с.
- Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. (2015). Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. № 12. С. 99–110.

Сведения об авторе

Жан Терентьевич Тощенко — член-корреспондент РАН, научный руководитель социологического факультета, Российский государственный гуманитарный университет (125047, Российская Федерация, г. Москва, Миусская площадь, д. 6); главный научный сотрудник, Институт социологии, ФНИСЦ РАН (109544, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5. стр.1; e-mail: zhantosch@mail.ru)

Toshchenko Zh.T.

WHO in Russia Embodies the Struggle for the Preservation of Mankind?

Abstract. The paper provides an analysis of the main ideas of the article by S.Yu Glazyev “Russia is fighting for the preservation of mankind” (newspaper *Zavtra*, April 6, 2022), in which an important, actually central place is occupied by reflections on the role and significance of public consciousness and state ideology. However, the article pays little attention to the questions of WHO embodies the struggle, WHO the bearer of social consciousness is, and WHOSE INTERESTS should be expressed by the state ideology in modern Russia. In accordance with this goal, an analysis of the role of public consciousness in the historical destinies of peoples, the place and role of state ideology is carried out. The characteristics of the main classes and communities (strata) in modern Russian society and their worldview attitudes and orientations are given. Particular attention is paid to the precariat, which, in the author’s opinion, determines the face of modern Russian society. The conclusion is substantiated that worldview, ideological positions are not only a part of public life, but a certain penetrating component that concerns not only culture, but also all spheres of economic, social and political activity.

Key words: social consciousness, ideology, worldview, classes, precariat.

Information about the Author

Zhan T. Toshchenko — RAS Corresponding Member, Scientific Director of the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities (6, Miusskaya Square, Moscow, 125047, Russian Federation); Chief Researcher, Institute of Sociology — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (5, Bolshaya Andronyevskaya Street, building 1, Moscow, 109544, Russian Federation; e-mail: zhantosch@mail.ru)

Статья поступила 09.08.2022.

Россия в эпицентре геополитической турбулентности: накопление глобальных противоречий

**Евгений Всеволодович
БАЛАЦКИЙ**

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: evbalatsky@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-3371-2229; ResearcherID: D-8752-2018

Аннотация. В статье рассматривается ситуация попадания России в 2022 году в эпицентр геополитических сдвигов, когда она оказалась в состоянии гибридной войны с коллективным Западом. Новизна авторского подхода состоит в реконструкции ключевых событий геополитической конкуренции последних 15–20 лет с привлечением обширного арсенала смежных научных понятий: экономических (ошибка Траута, неоколониализм), кибернетических (законы Эшби и Седова), управленческих (внешнее управление, гибридная война), синергетических (синергетический эффект, сложность системы), политологических (безопасность, свобода, структура власти), политэкономических (цикл накопления капитала Арриги, мировой центр капитала, норма прибыли), институциональных (перекладывание физических рисков в социальные), географических (горизонтальная диффузия инноваций), психологических (война смыслов, война нервов). Это позволило собрать воедино многие плохо совместимые явления разной природы, осуществить синтез используемых понятий и раскрыть логику процесса борьбы геополитических игроков за мировую гегемонию. Для углубления анализа дана авторская типология мировых войн и их характеристики. Обосновано, что специальная военная операция на Украине обнажила тупиковость экономического курса России и консолидировала другие страны в гибридной войне против США, тем самым став ключевым событием истории и дав старт глобальному геополитическому противостоянию Запад/Не-Запад. Главный вывод исследования состоит в том, что Россия объективно оказалась в эпицентре геополитической

Для цитирования: Балацкий Е.В. (2022). Россия в эпицентре геополитической турбулентности: накопление глобальных противоречий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 42–59. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.3

For citation: Balatsky E.V. (2022). Russia in the epicenter of geopolitical turbulence: Accumulation of global contradictions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 42–59. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.3

турбулентности, а потому не может уклониться от прямого столкновения с коллективным Западом, следовательно, на протяжении последующих 15–20 лет ей предстоит пройти все этапы новой мировой войны гибридного типа.

Ключевые слова: геополитическая турбулентность, мировой центр капитала, конкуренция, война, мирохозяйственная система.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства РФ Финансовому университету на 2022 г. по теме «Социально-экономическое развитие в эпоху фундаментальной трансформации систем».

Введение

В 2022 г. накопленные противоречия между коллективным Западом и Россией, равно как и внутри самой РФ, вылились в специальную военную операцию (СВО) России на Украине. Сегодня уже всем ясно, что СВО является не противостоянием двух государств – России и Украины, а разрушением консенсуса по поводу предыдущих соглашений о разделе мира. В связи с этим возникший военный конфликт послужил своеобразным детонатором к сворачиванию глобализации мира и созданию региональных геополитических блоков стран. Совершенно очевидно, что масштаб пришедших в движение сил в перспективе приведет к пересмотру прежнего мирового порядка и формированию новой геополитической конфигурации. Вместе с тем многие аспекты начавшихся сдвигов еще не до конца ясны и трудно понимаемы из-за вхождения мировой системы в переходный режим, который принято называть режимом *глобальной турбулентности* и для которого характерна неустойчивость многих процессов и нестроенность всех социальных механизмов взаимодействия участников глобального политического рынка.

Главное событие последних десятилетий – СВО – обнажило многие скрытые стратегии Запада, России и других глобальных игроков мирового политического пространства, что ставит задачу переосмысления большого отрезка мировой истории и создания нового социального знания, способного системно объяснить события нынешнего и будущего времени. Эта задача выходит за рамки одной социальной науки и составляет содержание блока из трех авторских статей. В данной – первой – статье этого блока рассмотрим период 1945–2022 гг., в течение которого постепенно накапливались

противоречия послевоенной системы мирового порядка. Авторский подход состоит не только в новой трактовке рассматриваемых событий и процессов, но и в новом объяснении причин их возникновения и логики протекания.

Мировые войны: новая хронология и реконструкция событий

Россия в своих разных ипостасях – Российская империя, СССР или нынешняя Российская Федерация – на протяжении, по крайней мере, последних 200 лет всегда была одним из главных игроков мирового геополитического пространства (МГПП). Неудивительно, что и в 2022 г. посредством СВО именно Россия положила старт деглобализации МГПП (Ильин, Морев, 2022). Рассмотрим генезис этого события.

Традиционная хронология и понимание мировых войн таково: в 1914–1918 гг. имела место Первая мировая война, в 1939–1945 гг. – Вторая. С этого момента человечество с опасением ждет Третьей мировой войны. Однако в настоящее время есть два тезиса, которые обретают все большее значение и позволяют по-иному посмотреть на мир. Первый состоит в том, что война никогда не заканчивается до конца, а потому «история всех до сих пор существовавших обществ была историей войн и военного искусства» (Девятов, 2020а, с. 11). Второй тезис связан с эволюцией самого явления войны, а именно с окончательной кристаллизацией ее новой формы – войны гибридного типа (Комлева, 2017). Сегодня гибридная война представляет собой *войну смыслов и нервов* и ставит своей целью «оглушение национальных элит и оскотинивание (расчеловечивание) масс» (Девятов, 2020б, с. 83). Соответственно, задача *войны смыслов* состоит в разрушении культуры

народа-противника – его традиционной картины мира, этических и эстетических координат, ценностей, веры и других элементов мировоззрения. Задача *войны нервов* заключается в том, чтобы добиться максимально быстрой и точной реакции своих сил на сигналы управления и, наоборот, затормозить реакцию противника за счет апатии или изматывающего деструктивного возбуждения (Девятков, 2020b, с. 159). Война гибридного типа является по своей сути информационной, ее «удары» встраиваются в национальную экономику и культуру, нарушая их исходный формат и направление эволюции.

Если не учитывать указанные концептуальные положения, то послевоенное развитие мира адекватно описать становится практически невозможным. Если же эти уточнения принять, то получим следующую хронологию мировых войн: 1914–1918 гг. – Первая мировая война (горячая); 1939–1945 гг. – Вторая мировая война (горячая); 1945–1991 гг. – Третья мировая война (холодная); 2014 – н/в – Четвертая мировая война (гибридная). В *таблице* приведены характеристики указанных четырех мировых войн, что требует определенных комментариев.

Во-первых, особенностью Первой и Второй мировых войн был их *горячий* характер, т. е. действия на физическое уничтожение противника – его живой силы и инфраструктуры. При этом уровень технологического развития человечества в Первую мировую войну еще не позволял осуществить тотальное уничтожение противника, тогда как во Вторую мировую, закончившуюся испытанием атомной бомбы, – это уже было возможно. После испытания Соединенными Штатами Америки атомной бомбы практически сразу началась Третья мировая война, когда противостояние между сложившимися двумя центрами силы – США и СССР – носило глобальный характер, ибо захватывало мировые капиталистическую и социалистическую системы и имело форму военно-техно-

гического соревнования. Задачами этого периода стало обретение участниками войны более совершенного оружия массового поражения и дискредитация самой сущности социальной системы противника. Это подразумевало *войну за умы* населения страны-противника и нанесение максимального урона ее экономике. Именно поэтому можно говорить о *гибридном характере* Третьей мировой войны, которая по масштабу противостояния была ограниченной в силу ограниченности возможностей информационных систем того времени.

Во-вторых, в ходе Третьей мировой войны выявилось ее важное свойство – она никем официально не объявляется, но ее окончание, так же как и в обычной горячей войне, завершается победой одной стороны и поражением другой со всеми вытекающими отсюда последствиями. Именно это и произошло в 1991 г., когда Советский Союз в лице своего руководства признал поражение в холодной войне и был подвергнут послевоенным репарациям в новой, модифицированной форме, которые от этого не перестают быть таковыми. На этом аспекте мы более подробно остановимся в следующем разделе.

В-третьих, четыре известные мировые войны образуют два эволюционных этапа мировой истории – горячий и холодный (гибридный). Противоречия мировой капиталистической системы, накопленные к 1914 г., требовали радикального изменения мирового порядка, чего не удалось сделать посредством Первой мировой войны, в связи с чем потребовался ее повтор в 1939 г. В 1945 г. мировой порядок действительно кардинально изменился, возникло два глобальных центра силы – США и СССР, а обретение ими после 1949 г. эффективных ядерных сил массового поражения сделало горячие войны неэффективными и бессмысленными. Однако главный трансформационный результат двух горячих войн был достигнут – «фактор

Характеристики мировых войн

Название	Период	Характер	Разновидность
Первая мировая	1914–1918	Горячий (вооруженный)	Ограниченный
Вторая мировая	1939–1945		Тотальный
Третья мировая	1945–1991	Гибридный (холодный)	Ограниченный
Четвертая мировая	2014 – н/в		Тотальный

Источник: составлено автором.

раздражения» в лице Германии был подавлен, а центр мира сместился из Евразии (Восточного полушария) в Северную Америку (Западное полушарие), что и знаменовало собой качественно новый порядок в МГПП.

В-четвертых, длительность мировых войн возрастает, особенно длительность гибридных войн. Так, Первая мировая война длилась 4 года, Вторая – 6 лет, а Третья – уже 46 лет. Правоммерно предположить, что Четвертая мировая война, длящаяся уже 8 лет, затянется еще лет на 15–20. Такие изменения в длительности войн связаны с несильным и непрямым столкновением государств-конкурентов. «Война умов» и «война за умы», составляющие сущность гибридных войн, ведутся мирными способами в технологическом и информационном пространстве, а локальные горячие конфликты имеют непрямую форму и возникают, как правило, в третьих странах. В этом отношении СВО выступает классическим проявлением *войны чужими руками* – США с 2014 г. готовили Украину к горячей войне с Россией путем разжигания националистических чувств украинского населения и дезинформации мирового сообщества относительно истинных событий в регионе.

В-пятых, победа США в Третьей мировой войне не была окончательной, как и результаты Первой мировой были неудовлетворительными. Если в результате Первой мировой войны Германия проиграла, но осталась в качестве главного политического фактора Евразии, что потребовало ее «добивания» в ходе Второй мировой, то после Третьей мировой войны СССР проиграл, но в лице РФ сохранился в качестве грозной силы МГПП, что, в конечном счете, стало окончательно ясно после 2014 г., когда Россия присоединила к своей территории Крым и продемонстрировала возможность восстановления былого могущества. Это и привело к эскалации военных действий объединенного Запада для окончательной «ликвидации» российского фактора мировой политики, что воплотилось в необъявленной Четвертой мировой войне, начавшейся в форме локальных горячих столкновений на территории Украины в 2014 г. С 2022 г. гибридная война стала тотальной и абсолютно бескомпромиссной. С точки зрения объединенного Запада во главе с США

завершиться эта война может только полным разрушением культурной идентичности России и проживающих на ее территории народов с последующим установлением абсолютной гегемонии западной идеологии.

Последний тезис нуждается в определенном пояснении. Так, согласно Сэмюэлу Хантингтону (Samuel Huntington), после крушения в 1991 г. Советского Союза противостояние глобальных идеологий исчезло, а вместо этого должна прийти война цивилизаций как неких обособленных и непримиримых друг к другу сообществ с разной культурно-религиозной основой (Хантингтон, 2021). Однако сегодня ошибочность этой концепции стала уже совершенно очевидной. Хантингтон рассматривал идеологическую оппозицию Капитализм/Коммунизм, однако сегодня стало ясно, что деление проходит по другой границе – Запад/Не-Запад. Именно поэтому после введения в 2022 г. в отношении России беспрецедентных международных санкций со стороны коллективного Запада образовался Не-Западный альянс исламского Ирана, синского Китая и православной России. Тем самым идеологическое противостояние осталось, но приняло иное измерение, чем после Второй мировой войны. В общественном дискурсе оно иногда фигурирует в самых разнообразных парах оппозиций – Глобалисты/Националисты, Демократы/Силовики, Либералы/Народники и др. Следовательно, Четвертая мировая война должна привести либо к окончательной победе западного мировоззрения во всем мире, что автоматически сделает мир институционально и культурно более гомогенным, чем он когда-либо был раньше, либо к победе идеи национальной идентичности с продолжающимися витками противоречий и локальных войн, но на иной технологической основе. Данная дихотомия имеет геополитическое звучание – дальнейшая эволюция мировой цивилизации будет определяться либо в Новом Свете (в Северной Америке и Западном полушарии), либо снова в Старом (в Евразии и Восточном полушарии). В связи с этим нельзя не упомянуть, что об «унификации мира» в процессе социальной эволюции писал Арнольд Тойнби (Arnold Toynbee) еще в конце 1940-х годов (Тойнби, 2011, с. 66).

Тотальный характер нынешней Четвертой мировой войны проявляется в доминировании Запада в информационной сфере и использовании этого преимущества против России без всяких ограничений. Фактически все информационные каналы, контролируемые Западом, перешли на откровенную фальсификацию фактов, что, тем не менее, не снижает силы и ответственности этого оружия массового поражения сознания масс. Интрига глобального столкновения состоит в том, насколько быстро и эффективно смогут страны Не-Западного блока организовать сопротивление на информационном фронте. Напомним в этой связи два важных факта: Советский Союз, уступая Германии в военных технологиях в начале Второй мировой войны, в конце войны ее превзошел; Китай уже сегодня взял под контроль информационное пространство, купирова нежелательные сигналы Запада и сохраняя за счет этого свою идеологическую целостность и культурную идентичность. Сказанное недвусмысленно свидетельствует, что дальнейшие события непредсказуемы, что и создает интригу современного исторического момента.

Мировые войны, ошибка Траута и феномен неокOLONиализма

После завершения в 1945 г. Второй мировой войны в мире сложился негласный консенсус относительно наказания потерпевших поражение стран. Уже к середине XX века в МГПП начал проявлять себя феномен, получивший название *ошибки Траута*: в условиях глобальной конкуренции любая серьезная ошибка субъекта становится фатальной (Балацкий, 2011). Напомним, что, согласно Джеку Трауту (Jack Trout), компании, добившиеся успеха в середине XX века, действовали буквально в тепличных условиях, делая множество ошибок и быстро их исправляя; в XXI веке любая деловая оплошность становится фатальной — рынок карает за нее жесточайшим образом, ведя к разорению и закрытию фирмы (Траут, 2009, с. 12–13).

Как оказалось, в масштабах государства ошибка Траута в полной мере проявила себя уже к середине XX века. На уровне государств эффект Траута можно сформулировать следующим образом: *для страны, потерпевшей поражение в мировой войне, данное событие становится фатальным, ибо она навсегда лишается права*

на политический суверенитет. Данное положение истинно, прежде всего, в отношении стран, проигравших Вторую мировую войну. Напомним судьбу Германии после 1945 г.: она была разделена на две части, одна из которых попала под патронаж США, а другая — СССР. С этого момента политический суверенитет Германии был потерян фактически навсегда — вплоть до настоящего времени. Более того, идентичность немцев если и не была полностью подавлена, то сильно нивелирована посредством воспитания у молодежи чувства вины за содеянные их предками злодеяния. И даже восстановление единства Германии, состоявшееся в 1990 г., и крах в 1991 г. СССР не вернули ей политический суверенитет: сегодня ее территория покрыта сетью военных баз США, а экономика не имеет стратегически важных отраслей: ракетостроения, гражданского самолетостроения, судостроения, электронной промышленности в части производства электронных плат. Тем самым на примере Германии видно, что побежденная страна берется полностью под контроль страной-победителем, проводящей *политику селективного запрета*, суть которой состоит в наложении негласного вето на стратегически значимые производства и виды деятельности. Аналогичная политика проводилась в отношении Японии — на нее были сброшены две атомные бомбы, сама страна отошла под патронаж США, а ее экономика также ограничена в стратегической функциональности; воспитательная политика молодежи привела к тому, что сегодня значительная часть японского населения считает, что атомные бомбы на их страну сбросил Советский Союз. Похожая судьба постигла Корею, которая была разделена на коммунистическую Северную Корею и капиталистическую Южную Корею; аналогичный сценарий США пытались реализовать во Вьетнаме. В послевоенном Китае в результате гражданской войны 1945–1950 гг. и победы Коммунистической партии произошла автономизация Тайваня с его попаданием под патронаж США.

На политике дробления побежденных стран, берущей начало в древнеримском принципе «Разделяй и властвуй», следует остановиться особо. Эффективность данного подхода для страны-победителя уже получила как теоретическое, так и эмпирическое подтверждение. Так, теоретически ослабление побеж-

денной страны путем дробления ее территории означает разрушение *синергетического эффекта* за счет разрыва связей между ее отдельными фрагментами (частями); математически это иллюстрируется исчезновением системного эффекта в балансовом соотношении потенциала страны. Эмпирически это доказано для бывших республик СССР, где после 1991 г. за 31 год не было ни одного примера значительных экономических достижений: в странах-осколках развивалась депопуляция, росла внешнедолговая зависимость, происходили военные конфликты и т. п. (Гусев и др., 2022).

Сказанное выше свидетельствует, что после Второй мировой войны возродился феномен колониализма в модифицированной форме — побежденные страны дробились на части, которые лишались политического суверенитета и де-факто попадали под *внешнее управление* страны-победителя без срока давности — можно сказать, навсегда. Это и есть система послевоенного *неоколониализма*, когда побежденное в войне государство лишалось шансов на дальнейшее полноценное развитие.

В контексте сказанного уместно напомнить, что практика запрета на развитие государства-конкурента всегда была одним из главных способов геополитического противоборства и поддержания порядка, выгодного стране-гегемону. Так, согласно Даниэлю Арно (Daniel Arnaud), уже в I тысячелетии до н. э. ассирийцы сочли неприемлемым, чтобы на территории враждебных племен образовывались государства: если разведка доносила им о подобной угрозе, то на соседнюю территорию снаряжалась военная экспедиция, которая ее настолько разоряла, что какая-либо государственная организация там становилась невозможной иногда на целые столетия (Арно, 2009, с. 29). В XX веке принципиально ничего не изменилось — методы поддержания геополитической монополии лишь слегка модифицировались.

Из сказанного становятся понятными метаморфозы СССР после 1991 г. Советский Союз проиграл Третью мировую войну, признал свое поражение и подписал в 1991 г. акт капитуляции в форме Беловежского соглашения, согласно которому Россия, Белоруссия и Украина признали факт прекращения существования СССР как субъекта международного права и геополитической реальности. После этого стра-

на была расчленена на 15 «самостоятельных» стран-осколков, каждая из которых, за исключением Белоруссии, попала под прямое внешнее управление (Волконский, 2021). Последнее было организовано посредством созданных в странах-осколках *сетей эмиссаров Запада*, которые накрыли национальные правительства. Эмиссары, как это делалось во все времена в компрадорских властных элитах, рекрутировались из граждан стран-осколков, которые, как правило, обучались и стажировались на Западе и позже ставились на ключевые правительственные посты. Впоследствии эмиссары Запада принимали государственные решения на основе политики селективного запрета по согласованию с центром в лице уполномоченных лиц со стороны США. Тем самым все страны-осколки были успешно вовлечены в орбиту политических интересов США.

Постсоветское пространство было реорганизовано таким образом, что все ядерные силы СССР локализовались в России. Тем самым остальные страны оказались де-факто беззащитными и неспособными отстоять свой политический суверенитет. Исключение составляла только РФ, которая после распада Союза осталась единственным фактором риска в регионе, в связи с чем и продолжала оставаться в зоне пристального внимания Запада, цель которого состояла в дальнейшем разделении страны на несколько (или множество) малых государств с их окончательной демилитаризацией. Этот мотив — окончательное уничтожение потенциального конкурента — и стал главенствующим для администрации США на все последующие 32 года. Больших успехов на этом пути Запад достиг во время правления Б.Н. Ельцина, когда страна была лишена наукоемких производств, а затем передовой науки и образования, после чего оказалась на грани дальнейшего дробления. Однако *логика самоорганизации* крупной нации затормозила этот процесс. Если его расшифровать в самых общих чертах, то дальнейшие события выглядят следующим образом. Представители силовых служб России, предвидя свою собственную ликвидацию как класса при сохранении курса Б.Н. Ельцина, организовали оппозицию эмиссарам Запада, в результате чего уже в 2000 году на пост президента страны была инкорпорирована консенсусная фигура В.В. Путина, которая до конца не устраивала ни

силовики, ни глобалистов, но и не вызывала у них полного отторжения. С этого момента начинается длительный период балансирования интересов двух центров сил, которые получили разные наименования – Силовики/Либералы, Националисты/Глобалисты и т. п.; частично нарушилось политическое равновесие в 2014 г., когда возникший конфликт в сфере военной безопасности был решен путем присоединения Крыма к России.

До указанного периода неокOLONиальная политика селективного запрета демонстрировала очень высокую эффективность. Доказательством тому служат многие факты, противоречащие экономической логике: неспособность страны, имевшей 10–15 лет назад в своем арсенале самое передовое гражданское самолетостроение, восстановить это производство до разумного уровня; хронические неудачи в налаживании производства электронных микросхем, что практически в это же самое время с нуля сделали Тайвань, Южная Корея и Китай, и т. д. Это связано с тем, что политика селективного запрета, проводимая в отношении России эмиссарами Запада, изначально базируется на принципе разрушения, а не созидания, что до предела упрощает государственное управление: нужно не *заставлять* людей делать нечто экстраординарное (что очень сложно (!)), а *запрещать* им делать это (что очень просто (!)). Иными словами, вся российская система государственного управления на протяжении 23 лет поощряла не подъем отечественной экономики, а ее деградацию. Неудивительно, что такое положение дел вело к колоссальному нарастанию социального недовольства и напряжения практически во всех слоях населения России, что рано или поздно должно было найти выход в открытой форме. Этот протест в 2014 г. принял форму мирной интеграции Крыма в свое государство, что спровоцировало Четвертую мировую войну в форме еще более активных действий Запада по обеспечению распада РФ; в 2022 г. этот конфликт перешел в горячую форму на территории Украины.

Классической иллюстрацией механизма неокOLONиализма служит описание Леонидом Шебаршиным, бывшим главой Первого главного управления КГБ СССР, разговора с министром природных ресурсов Пакистана, а позже

министром иностранных дел, Зульфикаром Али в 1961 г.: «Америка, держащая Пакистан мертвой хваткой военной и продовольственной помощи..., создавшая здесь свои, нацеленные на Советский Союз, базы, Америка, подкупающая пакистанскую бюрократию и военных...» «Именно из Пакистана, с американской базы Бадабера, совсем недавно вылетел печально знаменитый шпионский самолет У-2, пилотируемый Пауэрсом. Самолет был сбит над Советским Союзом, разразился невиданный международный скандал...» (Шебаршин, 2017, с. 40). «На многих высоких постах в Пакистане сидят американские платные агенты, шпионящие за каждым шагом [фельдмаршала] Айюб-хана, контролирующие все действия правительства», мешающие «наладить добрососедские отношения с Индией» (Шебаршин, 2017, с. 41). Эта калька неокOLONиализма была без каких-либо изменений перенесена на Россию после 1991 года.

Сказанное подводит к выводу, что история суверенной России, строго говоря, начинается с 24.02.2022 – с момента введения СВО; только в этот момент верховная власть страны в своих принципиальных решениях смогла окончательно освободиться от влияния Запада. До этой даты РФ представляла собой новую колонию Запада по поставке природных ресурсов. Трагедия неокOLONиализма для России состоит в том, что эта участь постигла ее тогда, когда большинство бывших колоний уже не только отвоевали свой суверенитет, но и начали претендовать на роль лидеров. Например, А. Тойнби еще в 1947 г. в поисках «третьей великой державы», способной сбалансировать ситуацию противостояния США и СССР, говорил, что это «уж никак не в Китае или в Индии, ибо, несмотря на их древние цивилизации и огромное население, обширные территории и ресурсы, эти мастодонты наверняка не смогут напрячь свои латентные силы в течение того критического периода истории, который, как представляется, предстоит нам пройти» (Тойнби, 2011, с. 136). Критический период истории, исчисляемый 75 годами, миновал, и Индия, Китай, Иран и Пакистан преодолели бремя неокOLONиализма и обрели долгожданный суверенитет, а с ним и необходимую военную и экономическую мощь. Именно поэтому названные четыре страны

игнорируют призывы США к введению санкций против России и продолжают сотрудничать с ней, настойчиво преследуя свои собственные интересы.

Надо отметить, указанные страны долго и тяжело шли к своей независимости. Для того чтобы понять их усилия, обратимся снова к свидетельству Л. Шебаршина: «Трезвый расчет, прагматизм с изрядной долей цинизма, строгий учет государственных интересов — таков стальной стержень индийской политики, замаскированный гирляндами цветов, ворохами философских трактатов, фонтанами высокопарной риторики. Умение индийцев добиваться своих целей не может не вызывать уважения и даже зависти. За их плечами цивилизация, насчитывающая пять тысяч лет» (Шебаршин, 2017, с. 80).

Подведем предварительный итог. Вторая мировая война закончилась самоуничтожением Европы: Германия перестала быть «фактором раздражения», а остальные европейские страны не обладали критической мощью, чтобы претендовать на веское слово в мировой политике. Центр силы сместился в Западное полушарие, в Новый Свет, в Северную Америку. Альтернативный центр силы в лице СССР носил черты евразийской цивилизации, а само противостояние двух центров приняло форму военно-технического и идеологического противостояния стран-гигантов. Итогом этого антагонизма и Третьей (холодной) мировой войны стало поражение СССР и его радикальное ослабление в форме его главного осколка — РФ. Безобидность России после 1991 г. во многом поддерживалась посредством системы неокOLONиализма, когда при формальной независимости страна находилась под внешним управлением и двигалась в орбите интересов страны-метрополии, в качестве которой выступали США. Однако внутренние процессы в России по обретению суверенитета привели к «политическому демаршу» в 2014 г. путем реинтеграции Крыма, что спровоцировало Четвертую (гибридную) мировую войну. СВО 2022 г. окончательно сделала Россию «неуправляемой» для Запада, в связи с чем против нее были развернуты беспрецедентные международные санкции, которые оказались возможны благодаря полной «покорности» стран Европы (плюс Япония) диктату США. Наибольшую лояль-

ность Соединенным Штатам продемонстрировала Германия, которая проводит решения, полезные стране-метрополии, но вредные, если не сказать убийственные (!), для ее собственной экономики, что лишний раз доказывает факт отсутствия у нее политического суверенитета спустя почти 80 лет с момента ее поражения в мировой войне прошлого века. Ошибка Траута, приводящая корпорации к экономической смерти, аналогичным образом привела целые страны: Германию, Японию, Украину и др. — к политической смерти; теперь это лишь карты для розыгрыша мировой политики.

В противовес политике экономического остракизма России в мире развернулось мощное «движение неприсоединения» к санкциям со стороны Ирана и Китая, которые и образовали триумвират союзников Китай — Россия — Иран, усиленный Индией, Турцией и Саудовской Аравией. Страны первой группы являются ближайшими претендентами на геополитическую зачистку Соединенными Штатами, что и обуславливает их позицию; страны второй группы пользуются сложившейся уникальной ситуацией для радикального усиления своих международных позиций. Возникшая конфигурация геополитических игроков создает неустойчивое равновесие, которое само себе свидетельствует о конце эры гегемонии США. Тем не менее последние проявляют поразительную настойчивость в отношении ликвидации России с политической арены, что нуждается в системном объяснении и станет предметом рассмотрения в следующем разделе.

Циклы накопления капитала, их значение и механизм

Логику геополитического противостояния современности нельзя понять без концепции циклов накопления Джованни Арриги (Giovanni Arrighi). Согласно этой концепции, вопреки расхожим представлениям о многополярном мире мировая капиталистическая система существует в рамках моноцентрической модели, когда на планете существует некий мировой центр капитала (МЦК), где формируются правила международных отношений и откуда ведется управление мировой системой. На протяжении наблюдаемой истории капитализма в качестве МЦК последовательно выступали Генуя, Венеция, Нидерланды, Великобритания и США (Арриги, 2006). Повторим: страна, получившая

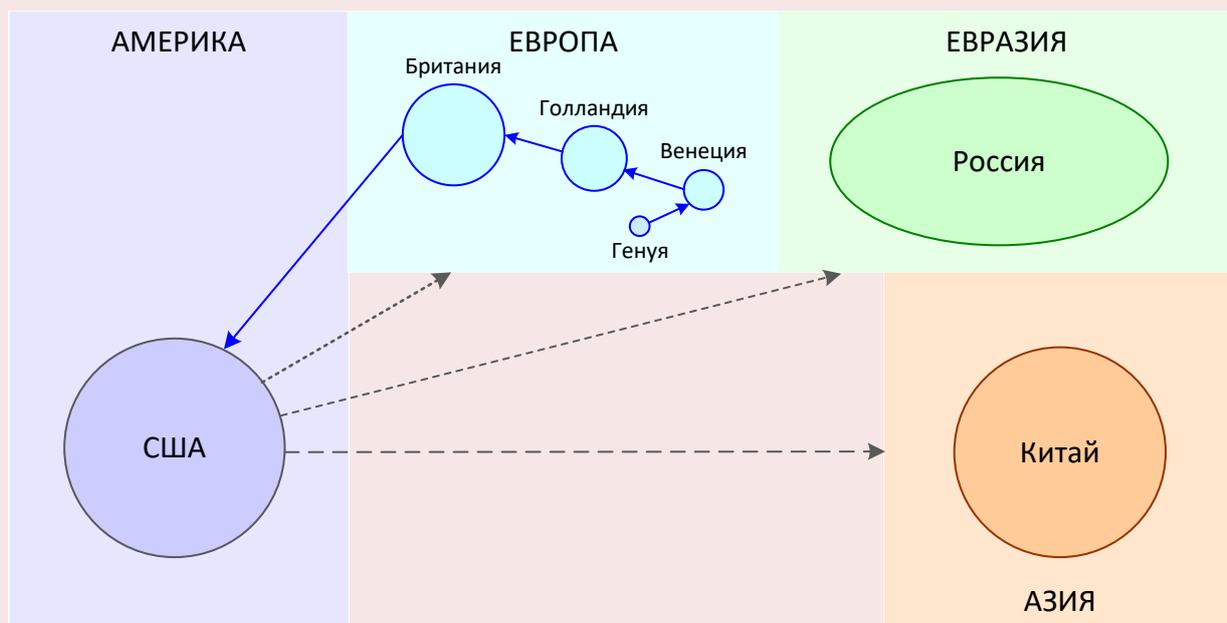
статус МЦК, выступает в качестве подсистемы управления всей мирохозяйственной системы, тогда как последняя выступает в качестве управляемой подсистемы. В МЦК формируются инструменты, правила и нормы отношений между экономическими агентами, государствами и обычными людьми. В отсутствие МЦК или при наличии множества конкурирующих центров порядок в мировой системе уменьшается и нарастают проявления хаоса и дезорганизации. Схематично процесс перемещения МЦК во времени и пространстве показан на *рис. 1*.

В последние 3–4 десятилетия США выступали в качестве всемирного «законодателя» экономических отношений, служили центром притяжения капитала, квалифицированных кадров и культурных достижений. При этом власть США проявлялась в том, что практически любая спорная ситуация в любой точке мира решалась политическим руководством страны в пользу ее национальных интересов. Как справедливо подчеркивал Дж. Арриги, США «интернализировали», т. е. взяли под свое управление, не только оборонную и производственную функции государства, но и функцию по управлению внешними рынками (Арриги,

2009а, с. 40). Иными словами, последние 30–35 лет США пользовались мировой политической и экономической монополией.

Однако со временем очередной цикл накопления капитала приходит к своему естественному завершению и передаче политической гегемонии от старого МЦК новому, который и «запускает» новый цикл накопления. Период, когда старый МЦК уже не справляется со своими «обязанностями» по управлению мировой системой, а новый центр еще не до конца оформился и пока не может взять на себя управление миром, называют режимом геополитической инверсии или режимом *глобальной турбулентности*. Для него характерна неустойчивость многих процессов и недостроенность всех социальных механизмов взаимодействия политических игроков глобального рынка, обострение конкуренции между государствами, возникновение многочисленных локальных военных конфликтов в горячей форме. В настоящее время мир переживает этот крайне неприятный этап, когда гегемония США уходит, а их место пока никто не может занять. Именно в этой точке возникает ключевая интрига мировой политики.

Рис. 1. Стилизованная схема истории движения мировых центров капитала

Источник: составлено автором.

Сам Дж. Арриги указывал на смещение МЦК из США в Азию и преимущественно в Китай (Арриги, 2009b, с. 40). Однако позже был рассмотрен альтернативный МЦК в лице России, хотя и высказано сомнение в реализации его потенциалов (Balatsky, 2014). В настоящее время ситуация начинает кардинально меняться и требует более пристального рассмотрения всех возможных сценариев развития мировой экономической системы; данная неопределенность в формировании нового МЦК в схематичной форме показана на рис. 1. Все нынешние действия США подтверждают, что их задача состоит в предотвращении полноценного развития трех потенциальных МЦК в лице объединенной Европы, России и Китая.

Хотя общая диспозиция на мировой политической арене понятна, ее детали нуждаются в прояснении. Для этого концепция Арриги должна быть дополнена несколькими важными положениями, на которых мы и остановимся ниже.

Во-первых, главным драйвером экономического роста и социальной эволюции в капиталистическом обществе выступает не просто прибыль, а явление сверхприбыли. Данное положение доказано как теоретически, так и эмпирически. Например, из основного уравнения экономического роста вытекает, что его поддержание требует наличия «особого» сектора экономики, годовая рентабельность капитала в котором исчисляется трех- и четырехзначными цифрами (в процентах) (Balatsky, 2021). Оценка нормы прибыли разных видов бизнеса в различные исторические периоды времени подтверждает этот вывод (Балацкий, Екимова, 2020). Главное же состоит в том, что основным реципиентом феномена сверхприбыли всегда выступал МЦК: астрономическая рентабельность была характерна для экономики Нидерландов и Великобритании периода их гегемонии, а сегодня она является нормой для бизнеса США. При этом явление сверхприбыли и МЦК идут рука об руку: МЦК посредством мировой монополии на самые привлекательные сферы деятельности обеспечивает себе сверхприбыль, а последняя в свою очередь позволяет стране удерживать за собой статус мирового лидера. Нарушение этого механизма порождает глобальные сбои в жизни МГПП.

Сегодня привилегированное положение США поддерживается множеством «неестественных» фактов: правом эмиссии доллара в качестве мировой валюты без адекватного товарного покрытия, контролем мирового трафика наркоторговли спецслужбами США¹, монополией на высокие технологии и т. п. Только этими обстоятельствами можно объяснить известный лозунг Штатов о том, что жизнь американца священна — при возникновении угрозы жизни даже одному рядовому гражданину Америки даже за пределами страны правительство посылает туда авианосец. Хотя этот лозунг является во многом патриотическим клише, однако в нем всегда имелось достаточно правды, чтобы задуматься о том, какие же должны быть у государства доходы, чтобы оно было способно идти на такие финансовые жертвы. Отсюда недвусмысленно вытекает, что при угрозе разрушения сложившегося механизма глобальной монополии США они не ни перед чем не остановятся, чтобы не допустить этого. Однако именно такая угроза сегодня нависла над США. Этим фактом объясняется та непримиримость, с которой американский истеблишмент добивается гибели всех своих конкурентов.

Во-вторых, многие данные говорят в пользу появления нового МЦК на территории России. Российская Федерация имеет площадь территории в 1,8 раза больше, чем США. Если же допустить даже неформальную реинтеграцию России, Белоруссии, Украины и Казахстана, то индекс территориального превосходства объединения составит уже 2,2 раза по сравнению с США (Balatsky, 2014). В условиях глобализации МГПП такое преимущество следует признать уникальным козырем России, какого даже близко нет ни у какой другой страны. Если к сказанному добавить абсолютно беспрецедентную наделенность РФ ценными природными ресурсами и ее положение между двумя ключевыми регионами мировой торговли — Европы и Азии, то правомерно предположить, что именно на ее территории может возникнуть

¹ По этому поводу имеется много работ. Для поверхностного ознакомления с вопросом можно воспользоваться коротким репортажем Лайлы Тахельдин (Laila Tajeldine). URL: <https://inosmi.ru/20151218/234850836.html>

новый центр мировой экономической активности – МЦК. С учетом военной мощи и способности принять к себе гигантские массы капитала и трудовых ресурсов с историческим опытом их «переплавки» в Русский Мир Россия становится самым опасным противником США, что и объясняет абсолютную непримиримость последней к СВО; даже Китай не обладает такими привлекательными параметрами для превращения в МЦК. Для США на кону стоит сверхприбыль и мировая гегемония, а Россия выступает в качестве главного претендента на эти цивилизационные блага. При этом данная ситуация не зависит ни от России, ни от США, это своего рода каприз Природы и Провидения, а потому ни та, ни другая страна не могут уклониться от столкновения, чем, в конечном счете, и обусловлено их бескомпромиссное противостояние.

В-третьих, новый МЦК должен реализовать новую управленческую функцию, что, судя по всему, США сделать уже не могут. Например, Арриги считал, что этим новым свойством должна стать способность МЦК к воспроизводству (Арриги, 2009а, с. 39). Приход президента Д. Трампа фактически означал попытку «перезапустить» цикл накопления капитала в рамках юрисдикции старого МЦК и тем самым сохранить его гегемонию. Однако этот сценарий не прошел, следовательно, центр будет продолжать смещаться в другой регион. Можно сказать, что управлять миром по-старому США уже не могут, а по-новому не хотят.

В этом пункте нужно сделать важные пояснения. Дело в том, что *цикл накопления капитала* следует трактовать и как *управленческий цикл*. В момент старта нового МЦК он осуществляет адекватное управление глобальными процессами, однако с течением времени мирохозяйственная система усложняется – растет число ее элементов (населения, компаний, технологий и т. п.) и связей. В соответствии с законом У.Р. Эшби, который иногда называют законом необходимого разнообразия, управляющая подсистема (МЦК) должна быть не менее сложной, чем управляемая подсистема (мирохозяйственная система) (Эшби, 2021); в противном случае система разрушается. На первом этапе цикла накопления МЦК достаточно прогрессивен и способен эффективно противостоять растущей сложности, однако рано или поздно сложность

МГПП становится чрезмерной и центр уже не успевает перестраиваться адекватным образом. Именно на втором этапе цикла накопления начинают развиваться проблемы управления мирохозяйственной системой. Если МЦК не поспевает за изменениями мира, следовательно, закон Эшби нарушается, то «включается» закон Е.А. Седова, который еще называют законом иерархических компенсаций: растущая сложность управляемой подсистемы компенсируется управляющей подсистемой путем накладки на нее ограничений (Балацкий, 2013). Данное утверждение соответствует концепции сложности Данило Дзоло (Дзоло, 2010), согласно которой политика есть поиск равновесия между *безопасностью* системы и *свободой* ее участников; перманентные мировые шоки сложности (демографический прессинг, рост неравенства между странами, массовая миграция, широкое распространение всех видов оружия, терроризм, экологические катастрофы и т. п.) ведут к доминированию репрессивных (ограничивающих), но вполне эффективных (!) политических режимов (Дзоло, 2010). Наблюдения за миром в период глобальной турбулентности подтверждают это положение.

Безграничным источником роста социальной сложности служит фундаментальная планетарная закономерность, подмеченная Дугласом Норттом (Douglass North): мир развивается путем перекалывания рисков из физического мира в мир социальный. Тем самым знания и новые технологии ведут к снижению неопределенности окружающей физической среды, но одновременно становятся источником социальной неопределенности (Норт, 2010, с. 38). Перманентное усложнение общества ведет к желанию властей упростить его, что и оправдывает становление политических режимов авторитарного типа.

Сказанное позволяет понять, как образуется дефицит управления в мирохозяйственной системе на второй половине цикла накопления капитала. Именно в этой фазе МЦК переходит от конструктивной политики управления миром к деструктивной – ограничению развития всех своих конкурентов для сохранения своего привилегированного положения в МГПП. Инструментом такой политики становится механизм поддержания неокOLONIALИЗМА. На этом этапе начинает расти протест сдерживаемых

стран относительно сложившегося мирового порядка. Именно этот протест толкнул Россию на СВО, а Иран и Китай — на союз с ней. И именно этот протест приводит к деглобализации мировой системы и стагнации гегемонии США.

В этом пункте анализа правомерно задаться вопросом: а что мешает, например, властям США перестроить свою систему управления миром? Почему бы им не перейти к более прогрессивным политическим решениям?

Исчерпывающие ответы на указанные вопросы дал Стивен Льюкс (Steven Lukes) в своей концепции неделимости власти (Льюкс, 2010). Так как власть поддерживается соответствующей структурой власти, то ее нельзя перераспределить, ее можно только разрушить и построить заново (Льюкс, 2010, с. 105). Власть — это не большой пирог, от которого можно отрезать кусок нужной величины и поделиться им с конкурентом. Либо все, либо ничего. Именно поэтому мировую власть США, поддерживаемую соответствующей структурой власти, нельзя слегка подкорректировать, чтобы снять глобальные конфликты с такими конкурентами, как Китай и Россия. Любая уступка власти со стороны Соединенных Штатов потребует полного демонтажа имеющейся архитектуры глобальных властных сетей, что чревато полной потерей позиций страны (Балацкий, 2019). Таким образом, требование сохранения власти и феномен неделимости власти автоматически порождают потерю ее эффективности и перемещение центра капитала в иную географическую нишу. Именно этот процесс и приводит к противостоянию различных центров силы с присутствующими ему мировыми войнами разного типа.

Краткий итог изложенного: объективность цикла накопления капитала и смены МЦК на фоне крайне высоких ставок в игре — мировая власть и сверхприбыль — делают борьбу государств-конкурентов абсолютно бескомпромиссной, чем и обусловлена «мертвая хватка» США в отношении России, которая имеет все возможности стать новым лидером. Иными словами, США не могут не воевать с Россией, равно как и Россия не может не воевать с США. С учетом прочих обстоятельств эта война перерастает в цивилизационное противостояние Запад/Не-Запад.

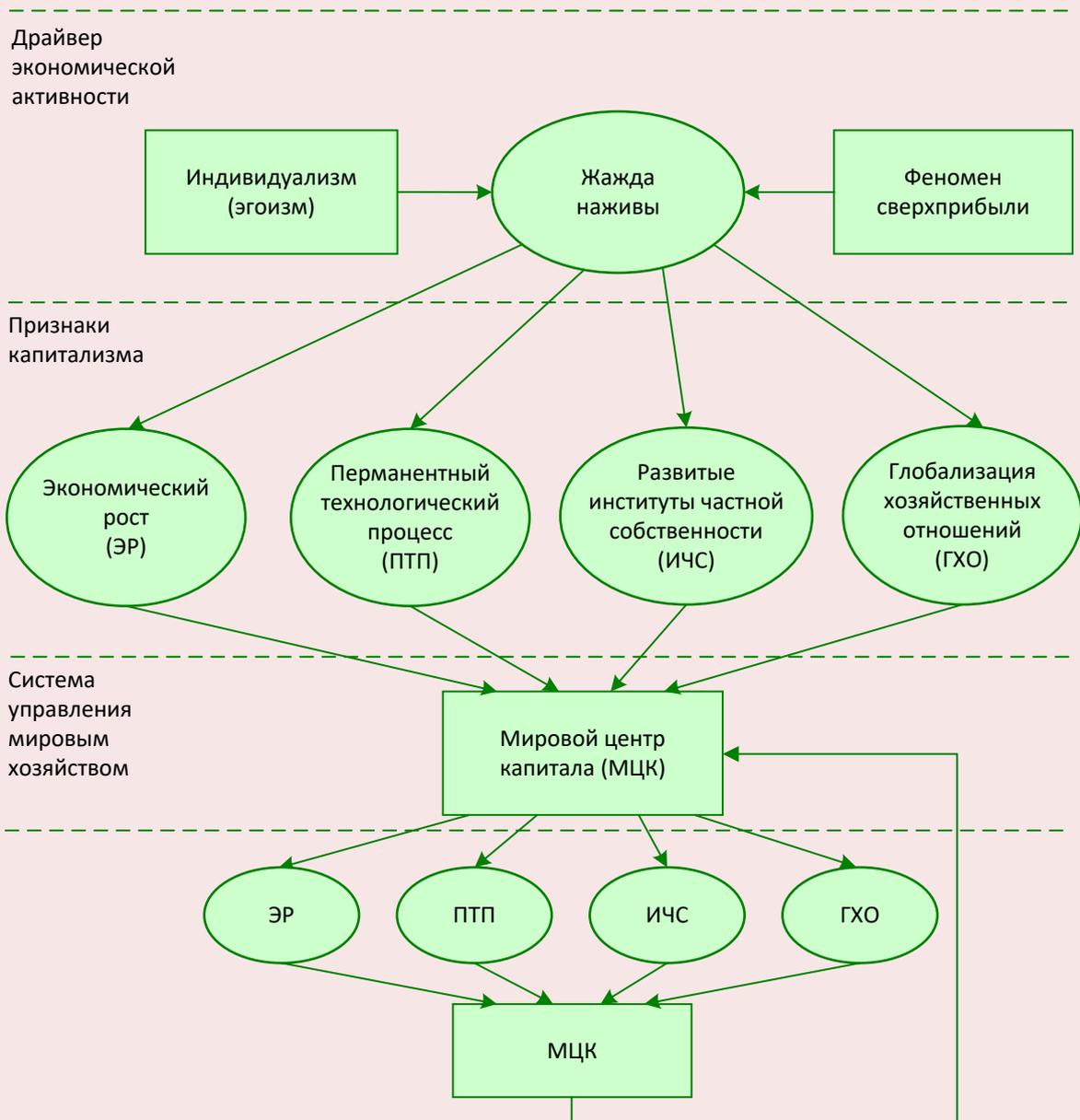
Специфика нынешнего периода глобальной геополитической турбулентности

Описанная логика смены циклов накопления имеет общий характер, однако в настоящее время требует серьезных уточнений из-за масштабности происходящих геополитических сдвигов. Рассмотрим эти аспекты подробнее.

Для начала напомним историческую хронологию циклов накопления по Арриги: 1560–1740 гг. — Первый, венециано-генуэзский (продолжительность 180 лет); 1740–1870 — Второй, голландский (130 лет); 1870–1970 — Третий, британский (100 лет); 1970 — н/в — Четвертый, американский (≈80–85 лет) (Арриги, 2006, с. 42–49). Такая закономерность позволила Арриги утверждать, что длительность цикла накопления со временем сокращается, а эпоха заката могущества США уже началась и сейчас страна находится в стадии терминального кризиса. Согласно хронологии Арриги Четвертый цикл накопления должен закончиться примерно в 2055 г., до которого осталось чуть больше 20 лет, в течение которых и должен оформиться новый МЦК. Однако пока этот центр так и не определен, в связи с чем возможно нарушение установившегося ритма смены циклов. Это связано со следующими особенностями нынешней глобальной геополитической турбулентности.

Первая особенность Пятого цикла накопления состоит в его формировании в фазе угасания капиталистических эффектов, в том числе угасания экономического роста. Для лучшего понимания этого ограничения можно обратиться к рис. 2, где показаны истоки возникновения мирового капитализма и его фундаментальные признаки, без которых трудно представить его дальнейшее существование. Одним из этих признаков выступает феномен экономического роста, однако уже более десятилетия идут дискуссии о его завершении в силу достижения своего физического предела. Так, Ричард Хейнберг (Richard Heinberg) доказывает, что на пути дальнейшего экономического роста стоит три непреодолимых препятствия: истощение ключевых природных ресурсов (нефть, металлы, вода, тяжелые элементы и пр.); ухудшение экологической обстановки (загрязнение мирового океана, ухудшение воздуха в городах, изменение климата и т. п.); перенакопление государственной и негосударственной

Рис. 2. Признаки капитализма и циклы накопления капитала

Источник: составлено автором.

задолженности (невозможность возврата накопленных долгов без экономической катастрофы для всего мира) (Heinberg, 2011). Мировая статистика говорит если не о полной остановке роста, то о замедлении его темпов практически во всех странах мира. Это означает, что будущий Пятый МЦК не сможет «влететь» в МГПП на волне всеобщего роста, что неиз-

бежно влечет замедление этапа его кристаллизации. Скорее всего, нарушение глобального режима роста «растянет» Четвертый цикл накопления и отодвинет приход нового государства-лидера. Свидетельством этому служит «топтание на месте» претендентов на новый МЦК – США, Китая, России и, может быть, Ирана.

Вторая особенность тесно связана с первой и состоит в замедлении технологического прогресса. Темпы роста производительности труда, равно как и темпы экономического роста, во всех странах в последние десятилетия снижаются, и нет никаких гарантий, что эта тенденция сменится новым технологическим взрывом. Как утверждает Клаус Шваб (Klaus Schwab), в США за последние 70 лет темпы роста производительности труда сократились более чем в два раза (Шваб, 2018, с. 46). При этом лишь 0,5% трудовых ресурсов США заняты в отраслях, не существовавших в начале XX века; менее 8% новых рабочих мест было создано в 80-х годах прошлого века и лишь 4,5% новых рабочих мест — в 90-е годы (Шваб, 2018, с. 51). Таким образом, нынешний технологический прогресс ведет к медленному росту производительности труда и почти не стимулирует создания нового предложения на труд. Это тормозит эффект производственной экспансии, на который должен опираться новый МЦК.

Третья особенность состоит в окончательном разрушении в 2022 г. «священного» права собственности, на котором базировался капиталистический строй. Арест Западом золотовалютных резервов суверенного государства — России, арест зарубежных счетов и объектов недвижимости многих граждан и компаний России и Белоруссии (олигархов, чиновников и пр.), правовая защита лиц, незаконно занимающих частное жилье в отсутствие их хозяев, принудительный вывод бизнеса своих граждан из России, невмешательство полиции в бесчинства мародеров в США предвыборного периода президентской гонки 2020 г. и т. д. — все это говорит о крахе института частной собственности. В таких условиях запуск Пятого цикла накопления капитала может потребовать принципиальной перестройки мировой капиталистической системы даже при ее сохранении. Эта особенность накладывает пока не вполне понятные институциональные ограничения на Пятый МЦК.

Четвертая особенность Пятого цикла накопления сопряжена с эффектом глобализации. С одной стороны, завершенность этого процесса предопределила гигантский масштаб всех геополитических рокировок, с другой — СВО на Украине окончательно закрепила тренд на

деглобализацию. Это опять-таки будет сильно мешать новому МЦК распространять свое экономическое влияние и увеличивать свою относительную мощь.

Все перечисленные особенности не просто создают помехи нормальной смене МЦК, но и ставят вопрос о том, при каком строе произойдет эта смена. Учитывая, что наиболее реальный претендент на Пятый МЦК — Китай — в настоящий момент является государством с коммунистической партией во главе, а другой потенциальный претендент — Россия — имеет опыт (хотя и негативный) построения коммунистического режима, можно говорить об открытости вопроса о замене традиционного капиталистического строя в ходе геополитической инверсии.

Сюда же примыкает и другой вопрос — о новой модели управления миром. Говоря об этом еще в 1947 г., А. Тойнби проницательно заметил: «Спасение, вероятно, лежит — как это чаще всего и бывает — в поисках среднего пути. В политике эта золотая середина не будет означать ни неограниченного суверенитета отдельных государств, ни полнейшего деспотизма центрального мирового правительства; в экономике это также будет нечто, отличное от неконтролируемой частной инициативы или, напротив, явного социализма» (Тойнби, 2011, с. 35). Но если деспотия правления миром со стороны США предыдущих 30 лет будет ослаблена новым МЦК, то можно ли говорить о сохранении концентрической модели накопления капитала? Или в том или ином виде возобладает пресловутая многополярность?

Эти вопросы пока остаются открытыми.

Нельзя не подчеркнуть и тот факт, что намечавшееся перемещение нынешнего МЦК заведомо предполагает торможение формирования нового цикла накопления. Так, если раньше все рокировки МЦК происходили внутри Запада и Западной цивилизации, то новый центр уже совершенно точно будет вне Запада — Россия или Китай, неважно. Это усложняет и удлиняет период геополитической турбулентности. Усугубляет положение дел и происходящая рокировка стран Центра и Периферии. Так, страны Европы, традиционно составлявшие ядро мировой экономики и центр нашей Цивилизации, медленно, но верно превраща-

ются в ее периферию, тогда как страны Азии осуществляют прямо противоположный дрейф (Волконский, 2021).

Все сказанное вносит значительный элемент неопределенности в процесс происходящей геополитической инверсии.

Россия как центр сборки новой системы мирового порядка

К 2022 г. Россия невольно оказалась в эпицентре начавшихся геополитических сдвигов. Она имеет такие экономические и геополитические параметры, которые делают ее потенциальным новым МЦК. Ее возможности освоения собственной территории почти безграничны, что позволяет «запустить» эффект масштаба и за счет этого добиться высокой эффективности любых мегапроектов. Не менее солидным потенциалом она обладает и в отношении принятия иммигрантов, что было всегда для нее характерно.

Назревающий ресурсный мировой кризис привел к перестановке базовых экономических ценностей: стала очевидна первичность природных ресурсов и вторичность — технологий. А именно природными ресурсами Россия богата как никакая другая страна. Еще Арриги подметил чередование экстенсивного и интенсивного типов развития мировой системы при формировании циклов накопления капитала. Так, при генуэзском и британском режимах накопления капитала осуществлялась экспансия мировой экономики, а при голландском и американском — ее географическая консолидация (Арриги, 2006, с. 41). Следовательно, следующий цикл должен снова стать экстенсивным, а это способна осуществить сегодня только Россия — ни Китай, ни США, ни Бразилия не обладают таким потенциалом.

Более того, в свое время Джаред Даймонд (Jared Diamond) обосновал приоритет Евразии в рождении современной человеческой цивилизации ее удачной геометрической формой по сравнению с остальными континентами: она вытянута с востока на запад, а не с юга на север, как Америка и Африка (Даймонд, 2010). По его мнению, это стало причиной распространения всех ее продуктивных инноваций по горизонтали, то есть гораздо быстрее и легче, чем по вертикали в других регионах, где приходилось преодолевать естественные перепа-

ды в климате. Как ни парадоксально, сегодня Россия по-прежнему обладает этим преимуществом по сравнению с Америкой и даже с Китаем, только в ее пользу теперь работает потепление климата, наличие современных технологий и прочие факторы.

Неоходимо сказать, что даже для распространения технологических инноваций отмеченный «горизонтальный эффект» для России предоставляет огромные возможности в условиях перенакопления мирового капитала и его готовности ринуться в освоение выгодных сфер экономики (на рис. 1 данное преимущество России подчеркивается ее эллиптической формой в отличие от окружностей других стран). Все это дает России колоссальные объективные козыри для розыгрыша своей геополитической партии. Однако субъективные обстоятельства на протяжении 31 года были категорически против нее: отсутствие политического суверенитета и дееспособной властной элиты, постепенное угасание трудовой и творческой активности масс, утечка мозгов и т. п. Однако возвышение России будет означать автоматический упадок США, что американский истеблишмент не может допустить. Именно поэтому Соединенные Штаты разыгрывают свою геополитическую партию путем ведения против России Четвертой (гибридной) мировой войны.

Еще раз вернемся к вопросу о том, что в России к 2022 г. окончательно назрело главное противоречие развития страны предыдущего периода, которое накапливалось во время правления Б.Н. Ельцина, Д.А. Медведева и В.В. Путина: граждане России постепенно жили все лучше и лучше, а страна катилась в пропасть. Иными словами, односторонность развития за счет ресурсного сектора экономики, позволяющая «размазать» доходы от природной ренты по населению, стала очевидна и нестерпима. Это противоречие сыграло свою роль в расколе общества на момент начала СВО: значительная часть россиян желала продолжить прежнюю жизнь, другая — не желала. Сама же СВО на Украине, не только обнажившая экономические проблемы России, но и консолидировавшая другие страны в гибридной войне против США, стала *ключевым событием истории* и с него начинается старт глобального геополитического противостояния Запад/Не-Запад.

Заключение

Выше была дана элементарная реконструкция послевоенных событий, которые раскрывают логику нынешней геополитической турбулентности. Проведенный анализ позволяет понять, почему современная Россия находится в крайне противоречивом состоянии: имея колоссальный экономический потенциал, она даже после 31 года после распада СССР по-прежнему не имеет важнейших отраслей экономики. Одновременно с этим она характеризуется уникальным геополитическим положением, что выводит ее в ряды наиболее вероятных претендентов на роль МЦК Пятого цикла накопления. Сами по себе эти два факта образуют мощное противоречие как внутри РФ, так и за ее пределами — в глазах политических конкурентов, что и ведет к социальному напряжению в мирохозяйственной системе. Острота указанных противоречий привела к тому, что именно Россия выступила в роли первичного детонатора геополитических сдвигов.

Для реконструкции событий, предшествовавших СВО 2022 года, привлекались смежные научные понятия: экономические (ошибка

Траута, неокOLONиализм); кибернетические (законы Эшби и Седова); управленческие (внешнее управление, гибридная война); синергетические (синергетический эффект, сложность системы, порядок, хаос); политологические (безопасность и свобода, структура власти); политэкономические (цикл накопления капитала, мировой центр капитала, норма прибыли); институциональные (перекладывание физических рисков в социальные); географические (горизонтальная диффузия инноваций); психологические (война смыслов, война нервов). Это позволило собрать воедино многие плохо совместимые явления и раскрыть логику процесса геополитической конкуренции, имевшей место последние 50–60 лет.

Итогом проведенного анализа можно считать вывод, согласно которому Россия, оказавшись в эпицентре геополитической турбулентности, не может уклониться от прямого столкновения с коллективным Западом. Отныне на протяжении последующих 15–20 лет ей предстоит пройти все тяготы Четвертой (гибридной) мировой войны. Вопрос о возможном исходе этой войны выходит за рамки данной статьи.

Литература

- Арно Д. (2009). Навуходоносор II, царь Вавилонский. М.: Молодая гвардия. 242 с.
- Арриги Дж. (2006). Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего. 472 с.
- Арриги Дж. (2009а). Послесловие ко второму изданию «Долгого двадцатого века» // Прогнозис. № 1 (17). С. 34–50.
- Арриги Дж. (2009б). Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век. М.: Институт общественного проектирования. 456 с.
- Балацкий Е. В. (2011). Концепция текучей реальности З. Баумана и ее приложения // Общественные науки и современность. № 3. С. 134–146.
- Балацкий Е. В. (2019). Измерения власти по С. Льюксу // Мир России. Т. 28. № 2. С. 172–187.
- Балацкий Е. В. (2013). Концепция сложности и экономическая теория демократии // Общество и экономика. № 5. С. 5–24.
- Балацкий Е. В., Екимова Н. А. (2020). «Особый сектор» экономики как драйвер экономического роста // Journal of New Economy. Т. 21. № 3. С. 5–27.
- Волконский В. А. (2021). Смысловые установки и роль государства в эпоху многополярного мира. М.: Книжный мир. 384 с.
- Гусев А. Б., Юревич М. А., Екимова Н. А., Адвокатова А. С. (2022). Постсоветское пространство 30 лет спустя: самостоятельность vs синергия // Terra Economicus. Т. 20. № 2. С. 21–39.
- Даймонд Дж. (2010). Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ. М.: АСТ. 604 с.
- Девятов А. П. (2020а). Небополитика. Для тех, кто принимает решения. М.: ИП Соколова А. А. 280 с.
- Девятов А. П. (2020б). Разведка будущего как искусство образов и подобий. М.: ИП Соколова А. А. 276 с.
- Дзоло Д. (2010). Демократия и сложность: реалистический подход. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 313 с.

- Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Рубикон пройден: 24 февраля 2022 г. наступил новый этап развития России в XXI веке // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 2. С. 9–30. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.1
- Комлева Н.А. (2017). Гибридная война: сущность и специфика // *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*. № 3 (167). С. 128–137.
- Льюкс С. (2010). *Власть: Радикальный взгляд*. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 240 с.
- Норт Д. (2010). *Понимание процесса экономических изменений*. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 256 с.
- Тойнби А.Дж. (2011). *Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад*. М.: АСТ: Астрель. 318 с.
- Траут Дж. (2009). *Большие бренды – большие проблемы*. СПб.: Питер. 256 с.
- Хантингтон С. (2021). *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ. 640 с.
- Шваб К. (2018). *Четвертая промышленная революция*. М.: Э. 208 с.
- Шебаршин Л.В. (2017). *Рука Москвы. Записки начальника внешней разведки*. М.: Алгоритм. 336 с.
- Эшби У. Росс (2021). *Введение в кибернетику*. М.: Ленанд. 432 с.
- Balatsky E.V. (2014). Prerequisites for global geopolitical inversion. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2(32), 28–42.
- Balatsky E.V. (2021). Return on equity as an economic growth driver. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(1), 26–40.
- Heinberg R. (2011). *The End of Growth: Adapting to Our New Economic Reality*. Cabriola Island, B.C.: New Society Publishers.

Сведения об авторе

Евгений Всеволодович Балацкий – доктор экономических наук, профессор, директор, Центр макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (109456, Российская Федерация, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4; e-mail: ebalatsky@inbox.ru), главный научный сотрудник, лаборатория математической экономики, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47)

Balatsky E.V.

Russia in the Epicenter of Geopolitical Turbulence: Accumulation of Global Contradictions

Abstract. The article examines the situation of Russia falling into the epicenter of geopolitical shifts in 2022, when the country found itself involved in the hybrid warfare with the Collective West. The novelty of our approach consists in reconstructing key events of the geopolitical competition of the last 15–20 years with the use of an extensive range of related concepts from various fields: economics (Trout’s mistake, neocolonialism), cybernetics (Ashby’s Law and Sedov’s Law), management (external management, hybrid warfare), synergetics (synergetic effect, system complexity), political science (security, freedom, power structure), political economy (Arrighi’s cycles of capital accumulation, global capital center, rate of return), institutionalism (shifting risks from the physical world to the social world), geography (horizontal diffusion of innovations), psychology (war of meanings, war of nerves). This made it possible to bring together many poorly compatible phenomena of different nature, synthesize the concepts used and reveal the logic behind the struggle of geopolitical players for world hegemony. To deepen the analysis, we provide our own typology of world wars and their characteristics. We prove that the special military operation in Ukraine exposed the impasse of Russia’s economic policy and consolidated other countries in a hybrid war against the United States, thereby becoming a key event in history and giving rise to a global geopolitical confrontation between the West and the Non-West. Our main conclusion is that Russia

has objectively found itself in the epicenter of geopolitical turbulence, and, consequently, cannot avoid a direct collision with the Collective West; therefore, over the next 15–20 years the country will have to go through all the stages of a new hybrid world war.

Key words: geopolitical turbulence, world capital center, competition, war, world economic system.

Information about the Author

Evgeny V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, director, Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Lane, Moscow, 109456, Russian Federation; e-mail: evbalatsky@inbox.ru); Chief Researcher, Laboratory of Mathematical Economics, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation)

Статья поступила 01.08.2022.

Влияние институциональных факторов на экономическую динамику в регионах

**Андрей Алексеевич
БЛОХИН**

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Финансовый университет при Правительстве РФ
Москва, Российская Федерация
e-mail: andraleks@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-2132-4664; ResearcherID: R-6009-2017

**Алексей Александрович
ЛИХАЧЕВ**

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: 79168346515@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0109-4873

Аннотация. Статья посвящена проблеме совмещения институциональных и экономических характеристик в региональных исследованиях и прогнозировании. Обосновывается, что значимость институциональных факторов, в том числе в региональном разрезе, проявляется при существенных различиях институциональных условий для бизнеса, позволяющих устойчиво получать институциональную ренту, что ведет к его расслоению по уровням альфа-, бета- и гамма-бизнеса. Объектом исследования выступает лидирующий в регионе крупный бизнес. Распределение по регионам глобальных и федеральных крупнейших компаний, а также наличие сформировавшейся группы лидеров региональной экономики требует их отдельного мониторинга и прогнозирования. Предложен авторский подход к определению характеристик консолидации крупного бизнеса. Показано, что диапазон разброса их уровней как между регионами, так и во

Для цитирования: Блохин А.А., Лихачев А.А. (2022). Влияние институциональных факторов на экономическую динамику в регионах // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 60–73. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.4

For citation: Blokhin A.A., Likhachev A.A. (2022). The impact of institutional factors on economic dynamics in the regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 60–73. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.4

времени значим и может составлять десятки процентов и/или процентных пунктов, что дает основания для повышенного внимания исследователей к этим показателям. С помощью метода сопоставления характеристик консолидации крупного бизнеса в регионах и построенных количественных оценок обоснована типология способов (моделей) экономического роста в регионах в зависимости от наличия или отсутствия в них крупнейших глобальных, федеральных, региональных компаний и их роли в экономике региона. Теоретическая значимость данного подхода состоит в совмещении институционального анализа архитектуры региональных рынков со стоимостными и натурально-физическими аспектами анализа, что позволит повысить качество диагностики региональных и межрегиональных проблем, а также обоснованность прогнозов. Практическая значимость определяется возможностями учета архитектуры региональных рынков в региональной экономической политике.

Ключевые слова: институты, институциональные условия, институциональная рента, альфа-бизнес, консолидация крупного бизнеса, экономический рост регионов, институциональная география.

Введение

При анализе и прогнозировании пространственного развития экономики большое внимание обычно уделяется макроэкономическим, социальным, технологическим показателям. Учитываются также тенденции развития инфраструктур, минерально-сырьевой базы, как правило, в натуральных показателях. Принимаются во внимание особенности культурно-исторического, климатического, экологического, географического характера. При этом в зависимости от целей исследования регионы объединяются в примерно однородные по названным признакам группы, которые сравниваются между собой (Гранберг, 2000; Лексин, Швецов, 2012; Михеева, 2021).

Институциональные факторы регионального развития не встроены в макропрогнозы и «тяготеют», скорее, к политологическим построениям о федерализме, электоральных предпочтениях или геополитике либо анализируются в разрезе бюджетной, налоговой, таможенной, денежно-кредитной политики (Ильин, Поварова, 2017; Кувалин, 2019), вопросов реформирования различных сфер деятельности. В этих рамках ведутся споры между сторонниками поддержки регионов — локомотивов роста либо необходимости выравнивания уровней развития территорий, развития агломераций, стимулирования сдвигов в структуре производительных сил и системе расселения (Марчен-

ко, Мачульская, 2000; Савельева, 2012; Зубаревич, 2014). В этой же парадигме разработана и утверждена Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года¹.

С экономической точки зрения институциональное пространство страны воспринимается обычно как в целом однородное (с учетом разграничения полномочий между федеральным, региональным и муниципальным уровнями), а его изменение — рукотворным, зависящим от политической воли законодательной и исполнительной власти. В рамках сложившихся институтов действующая система управления и стратегические линии ее развития характеризуются большим весом связей «центр — периферия» и относительно слабым межрегиональным взаимодействием (Барбашова, Герасимова, 2018; Климанов и др., 2021).

Однако представление институционального пространства страны однородным — сильное упрощение, из-за которого институты рассматриваются, как правило, отдельно от других факторов экономического развития. Институциональное пространство же обычно представляется как метафора, не привязанная к территории. При этом в экономической науке устоялось противопоставление географических и институциональных аспектов при определении наиболее значимых факторов экономического роста. Д. Фролов указывает на некоррект-

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

ность такого противопоставления, вызванного исторически сложившейся научной специализацией: «Экономические географы на протяжении многих лет массово пренебрегали учетом роли институтов в пространственном развитии. В свою очередь институциональные экономисты, сделав акцент на изменениях институтов во времени, ... в значительной степени абстрагировались от территориальной специфики отдельных институтов и институциональной среды в целом» (Фролов, 2015).

В ряде зарубежных работ рассматриваются институциональные различия в страновом аспекте (Busenitz et al., 2000; Freeman, 2002; Wind et al., 2017). Институциональные различия регионов внутри одной страны, как правило, существенно менее выражены (Lugovoy et al., 2007). Институциональные различия регионов преимущественно исследуются в аспекте неоднородности культурной среды для формирования подходов к управлению с учетом региональных особенностей (Schlevogt, 2001; Peterson, van Iterson, 2015).

Следует отметить отсутствие определенности в том, что составляет содержание пространственной экономики и каково ее место в экономической науке. Существующие подходы в рамках региональной экономики не удовлетворяют потребности описания пространственного аспекта многомерных экономических систем в современных условиях (Минакир, Демьяненко, 2010). В ещё большей степени эти проблемы относятся к институциональной экономической географии, которая пока находится в зачаточном состоянии (Sheppard, 2008). Поэтому развитие методологической базы и формирование новых подходов к институциональным исследованиям в пространственном разрезе представляются актуальными задачами.

П. Минакир считает, что дихотомия институционального пространства аналогична дихотомии «частица – волна» в квантовой механике и ее следует учитывать в случае явного перехода в практике управления на позиции пространственной дихотомии: «пространство – совокупность мест – пространство – система отношений» (Минакир, 2016). Но для использования таких свойств, в частности в целях разработки стратегий регионального развития, следует выработать подходы к его изучению, включая выделение институциональных факторов

пространственного развития и их анализ. Здесь можно обратиться к опыту географической науки, где применительно к географическому пространству принято говорить о таких его свойствах, как континуальность и дискретность, в равной степени присущих объектам географии (Арманд, 1969). Под первой подразумевают отсутствие разрывов пространства, а вторая выражается в наличии разрывов, локализации ареалов. П. Бакланов говорит о разной их степени во всех типах геосистем (Бакланов, 2015), при этом универсальность таких свойств географического пространства распространяется и на природные, и на социально-экономические территориальные комплексы. Так, институциональное пространство в рамках названной дихотомии можно разделить на регионы (ареалы) с примерно однородной институциональной средой, то есть с одинаковым значением институционального показателя. Можно рассматривать исследуемую территорию и как непрерывное поле значений таких показателей. Использование одного или другого подходов, а также их сочетания для картографирования институционального пространства может стать методологической основой для развития институциональной географии.

В статье обосновывается, что институциональный анализ может и должен играть большую роль в изучении и прогнозировании пространственного развития российской экономики. Расширение сферы его применения и совмещение со стоимостными, социальными и материально-вещественными аспектами анализа, а также формирование методических подходов к исследованию институциональных факторов в пространственном аспекте позволит повысить качество диагностики региональных и межрегиональных проблем, обоснованность прогнозов и в целом эффективность региональной политики.

Институциональная неоднородность экономики в региональном разрезе

При изучении институционального пространства основное внимание нужно уделять существующим различиям институциональных условий деятельности бизнеса в регионах, а не сравнению действующих институтов с какими-то «эталонными». Такой подход согласуется с идеями теории экономического доминирования в многоуровневой экономике (Блохин, 2019; Блохин и др., 2019; Вертоградов,

2020). Согласно этой теории, бизнес, работающий в лучших институциональных условиях, получает институциональную ренту и благодаря этому доминирует над остальными. Различия условий проявляются прежде всего в доступности дешевого финансирования, государственной поддержки, более современных технологий, любых других качественных ресурсов. О замещении качественных ресурсов массовыми в советской экономике писал Ю.В. Яременко (Яременко, 1981), однако подобные закономерности распространяются на все крупные экономики и даже – глобальную (Блохин, 2019).

Получая институциональную ренту в качестве дополнительного дохода и источника своего развития, бизнес растет с опережением других, инвестирует больше средств, в том числе в изменение правил и институтов, закрепляющих его лидерское положение. Согласно названной теории, экономика «расслаивается» по уровням альфа-, бета-, и гамма-бизнеса в зависимости от институциональных условий их существования. Между уровнями формируются барьеры, которые могут становиться непреодолимыми – «запирающими» бизнес в своем уровне как в «институциональных ловушках» (Полтерович, 1998).

В региональном разрезе значимость институциональных факторов определяется тем, как они меняют различия между регионами – усиливают или ослабляют их, создавая условия для получения институциональной ренты и доминирования одних групп бизнеса над другими и, возможно, одних регионов над другими. В «запущенном» виде такие межрегиональные ловушки могут становиться причинами формирования депрессивных территорий или иных зон низкоэффективного развития.

В полном объёме задача описания межрегиональных каналов получения институциональной ренты слишком сложна, поскольку на естественные региональные способы доминирования: федерального центра над субъектами федерации, столицы по отношению к периферии, крупных городов – к пригородам и т. п., накладывается сложная система доминирования на соответствующих территориях крупного и крупнейшего бизнеса в отношении среднего и малого. При этом «сетка» таких отношений зависит от географического распределения бизнеса не напрямую, а через консолидацию крупного российского и зарубежного бизнеса

разных отраслей на конкретных региональных рынках. Перемещения активности этого бизнеса в новые регионы, будь то перенос штаб-квартир или создание крупных производственных подразделений, формирование полюсов роста (Petroux, 1968) или развитие смежных технологических цепочек (Лукин, 2022), иногда принципиально меняют региональную и межрегиональную систему доминирования, связанную с архитектурой соответствующих рынков (Бурдые, 2005; Радаев, 2011; Флигстин, 2013).

Таким образом, неоднородность институционального пространства нужно рассматривать в сочетании трёх ее аспектов:

- отличие внутренних институтов и создаваемых ими условий для бизнеса от внешних, зарубежных;
- разграничение в стране политических и административных условий, связанных с налоговыми, бюджетными и иными финансово-экономическими полномочиями;
- различие архитектуры региональных рынков по консолидации крупного бизнеса, формированию лидерами рынка их привилегированных зон и по барьерам входа в эти зоны рынков для остальных его участников.

Вероятно, все они взаимосвязаны и поведение крупнейшего бизнеса играет в этой «триаде» ведущую роль, поскольку он имеет силу и возможности влиять на федеральные и региональные политические институты. С точки зрения Я. Паппэ и Я. Галухиной, именно возможность такого влияния и является коренным отличием сверхкрупного бизнеса (Паппэ, Галухина, 2009). Однако, не вдаваясь в тонкости взаимодействия государства и бизнеса, ограничимся в статье лишь анализом третьего аспекта из перечисленных, понимая при этом его более значимую роль в формировании институционального пространства регионов.

Отметим, что за последние годы создано немало рейтингов, характеризующих институциональные признаки развития регионов, в том числе Рейтинг кредитоспособности регионов, Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ, Рейтинг эффективности управления в субъектах РФ, Рейтинг регионов по уровню содействия развитию конкуренции, Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России (RAEX). Все они и многие похожие смешивают три приведённых выше аспекта институциональной

неоднородности либо выделяют отдельные узкие аспекты, связанные, например, с инновациями или государственно-частным партнерством. Удобного рейтинга, а следовательно источника сведенной воедино информации для оценки различий регионов по архитектуре рынка пока не создано. Возможно, он может быть построен на основе предлагаемого в статье подхода к сравнению регионов по институциональным признакам.

Построение такого рейтинга может создать систему оценок институционального профиля региона как для использования в мониторинге и сравнении регуляторных воздействий с региональной спецификой, так и для выработки бизнесом своих региональных стратегий. Предложения по созданию подобного рейтинга не являются прямой задачей, поставленной в статье, но могут впоследствии стать дополнительным ее результатом. Представляется, что ключевые характеристики описания архитектуры рынков – устойчивость лидирующих на них групп бизнеса и консолидация рынка вокруг этой лидирующей группы. Во всяком случае даже их анализ, как показано в статье, дает глубокие содержательные и количественные результаты.

Ряд институциональных признаков, связанных с концентрацией бизнеса в секторах экономики и его консолидацией вокруг лидирующей на рынке группы компаний, может отражать качественные изменения архитектуры рынков, усиление явного или неявного доминирования, формирование институциональных барьеров и ловушек. В таком анализе могут проявляться и иные институциональные факторы, связанные с региональной или отраслевой налоговой политикой, поддержкой экспорта, развитием федеральных инфраструктур или филиальных сетей банков и иных посреднических организаций, а также другие институциональные факторы.

Многие из названных факторов носят устойчивый характер и поэтому должны использоваться в прогнозировании как институциональных трансформаций, так и экономической динамики. И наоборот, разные по степени устойчивости должны по-разному включаться в соответствующие прогнозы – с учетом их горизонта и точности оценок. При этом для включения институциональных

факторов, не обладающих высокой устойчивостью, но значимо определяющих развитие отдельных групп бизнеса, необходимо строить альтернативные сценарии развития экономики в целом или ее отдельных секторов. Добавим, что трансформации архитектуры рынков, связанные с опережающим ростом крупного бизнеса, существенно влияют на отраслевую динамику и структурные сдвиги, но не синхронизированы по отраслям и неравномерны во времени, что, конечно, усложняет задачу анализа и прогнозирования.

С учетом высказанных оговорок в статье поставлена цель обосновать значимость институциональной неоднородности пространственной структуры экономики и предложить подход к ее описанию и учету в прогнозировании.

Характеристики консолидации крупного бизнеса в регионах

Для расчетов использован следующий методический подход. По каждому региону из системы СПАРК-Интерфакс взяты данные о 1000 наиболее крупных по выручке российских компаний за 2010–2019 гг. В качестве лидирующей в каждом регионе выделена группа 10 наиболее крупных по объему выручки компаний за соответствующий год. Данные брались до 2019 года, чтобы исключить эффекты «пандемийных» лет. Остальные компании региона не учитывались. Метод удобен для экспресс-анализа структурной динамики, поскольку выручка первой 1000 компаний регионов по СПАРК тесно коррелирует с выручкой всего регионального бизнеса по Росстату (коэффициент корреляции – 0,98). Далее, говоря о консолидации крупного бизнеса в регионах, будем использовать именно эти данные, если иное не оговорено специально. Консолидация рассчитывалась как отношение выручки 10 крупнейших компаний региона к выручке первой 1000 компаний.

Показатели консолидации крупного бизнеса на региональном рынке могут оцениваться по доле топ-5, топ-10 компаний в общих показателях, например, выручки или иного выбранного количества лидеров рынка. Для более тонких расчетов можно брать их переменное для каждого регионального рынка количество с учетом устойчивости сформировавшейся на нем лидирующей группы. Однако для упрощения ограничимся выделением топ-10 компаний в каждом регионе.

Дифференциация институциональных условий по регионам по-разному проявляется в экономических показателях развития. Крупный бизнес влияет на объемы и долю продукции просто потому, что производит ее больше других, становится лидером развития или «выкачивает» ресурсы из региона, создает высокие мультипликаторы для других отраслей, причем не только в межрегиональных потоках продукции, но и через зарплату и спрос своих работников, диффузию технологий, формирование стандартов и правил, развитие рыночных и материальных инфраструктур для региональных рынков, а также через другие прямые и косвенные влияния. Кроме того, крупный бизнес задает баланс межрегиональных экономических связей. В статье мы рассмотрим лишь некоторые из подобных факторов, но считаем нужным обозначить их широкий спектр для исследований.

Полученные данные о консолидации крупного бизнеса подтверждают (табл. 1–3) высо-

кую дифференциацию регионов по выбранным параметрам.

Как видно из таблицы 1, ядро регионов с высокой консолидацией довольно устойчиво, хотя его состав изменился. В частности, к 2019 году Астраханская, Томская, Магаданская и Мурманская области вытеснили из группы «лидеров 2010 года» Карачаево-Черкесскую Республику, республики Саха (Якутия), Тыва и Ингушетия. Остальные шесть регионов остались в списке, хотя и переменили позицию в нем. Такие изменения произошли, в первую очередь, под влиянием отраслевых сдвигов в экономике, а также развития общероссийских инфраструктур. Отметим, что высокий/низкий уровень консолидации сам по себе не говорит о более высоком или низком развитии экономики региона. В таблице 1 присутствуют как экономически более развитые регионы, так и «отстающие». Аналогично, в таблице 2 представлены регионы с наименьшими по стране показателями консолидации бизнеса.

Таблица 1. Регионы с наиболее высокой консолидацией крупного бизнеса в 2010 и 2019 гг., %

Регион	2010	Регион	2019
Чукотский АО	84,1	Респ. Коми	76,2
Респ. Ингушетия	67,1	Чукотский АО	75,9
Респ. Коми	64,8	Астраханская обл.	70,0
Респ. Тыва	63,7	Вологодская обл.	66,21
Респ. Саха (Якутия)	62,2	Респ. Хакасия	58,3
Респ. Бурятия	60,1	Магаданская обл.	55,5
Карачаево-Черкесская Респ.	59,5	Респ. Бурятия	55,2
Вологодская обл.	57,2	Оренбургская обл.	53,6
Респ. Хакасия	55,4	Томская обл.	52,7
Оренбургская обл.	55,2	Мурманская обл.	52,4

Источники: СПАРК-Интерфакс, расчеты авторов.

Таблица 2. Регионы с наиболее низкой консолидацией крупного бизнеса в 2010 и 2019 гг., %

Регион	2010	Регион	2019
Ивановская обл.	18,9	Воронежская обл.	16,7
Воронежская обл.	19,1	г. Севастополь	17,7
Ростовская обл.	20,0	Ивановская обл.	19,7
Пензенская обл.	21,8	Московская обл.	19,9
Кировская обл.	22,1	Кировская обл.	21,7
Приморский край	22,4	Омская обл.	23,5
Новосибирская обл.	23,1	Ростовская обл.	23,7
Московская обл.	24,7	Чувашская Респ.	23,8
Респ. Алтай	25,3	Крым	24,1
Тверская обл.	25,5	Смоленская обл.	24,3

Источники: СПАРК-Интерфакс, расчеты авторов.

Таблица 3. Лидеры роста и снижения относительного уровня консолидации крупного бизнеса

Регионы – лидеры роста консолидации	2019 г. в % к 2010 г.	Регионы – лидеры снижения консолидации	2019 г. в % к 2010 г.
Приморский край	45,7	Карачаево-Черкесская Респ.	-76,9
Респ. Алтай	38,3	Респ. Ингушетия	-52,0
Новосибирская обл.	37,6	г. Москва	-51,5
Краснодарский край	37,5	Чеченская Респ.	-48,1
Томская обл.	29,9	Омская обл.	-45,1
Псковская обл.	29,8	Тульская обл.	-31,5
Мурманская обл.	27,3	Чувашская Респ.	-28,2
Астраханская обл.	24,8	Респ. Тыва	-27,5
Респ. Северная Осетия – Алания	24,5	Московская обл.	-23,9
Магаданская обл.	20,8	Респ. Саха (Якутия)	-20,8
Источники: СПАРК-Интерфакс, расчеты авторов.			

Ядро регионов с низкой консолидацией крупного бизнеса тоже довольно устойчиво, хотя его состав к 2019 году изменился: сохранились лишь 5 регионов, при этом добавились Крым и Севастополь, то есть проявились не только отраслевые, но и геополитические процессы.

В таблице 3 представлены данные о регионах с наиболее сильной динамикой показателей консолидации бизнеса.

Как свидетельствуют данные таблицы 3, в числе лидеров роста/снижения уровня консолидации оказались очень разные регионы – из разных федеральных округов, с разным уровнем экономического потенциала и экономического роста, различной социальной структурой населения. В целом высокие или низкие показатели консолидации бизнеса могут демонстрировать как наличие/отсутствие сильного крупного бизнеса в регионе, так и диверсификацию экономики, как, например, в Москве.

Полные таблицы со всеми регионами страны здесь не приводятся из соображений экономии места. Лидеры роста, снижения и уровня консолидации бизнеса представлены, чтобы показать широкий диапазон разброса соответствующих параметров. Он составляет десятки процентов либо процентных пунктов как во времени – за десятилетие, так и в межрегиональном сопоставлении. Одно это подчеркивает необходимость их внимательного изучения, тем более качественного анализа институциональных факторов, лежащих в основе подобных

изменений, и их возможного влияния на региональные структурные сдвиги и институциональные трансформации в перспективе.

Подчеркнем, что разложение макроэкономических региональных и отраслевых показателей по размеру бизнеса, таких, например, как выручка, добавленная стоимость, капитализация и иные, в экономическом анализе и прогнозировании до сих пор не применялось. Предложенный подход позволяет сравнительно экономными способами построить массив относительно точных данных об уровне и тенденциях консолидации бизнеса по отраслям и регионам страны. Анализ такого массива расширяет возможности изучения экономических процессов и помогает оценивать влияние институциональных факторов на экономическую динамику в регионах, отраслях, на отдельных рынках.

Институциональные особенности экономического роста в регионах

Характеристики устойчивости лидерской группы и консолидации крупного бизнеса по отраслям или регионам могут отражать различные способы (или модели) экономического развития.

- Доминирование на рынке зарубежных, в том числе глобальных, компаний.
- Доминирование на рынке российских компаний федерального или глобального уровня (возможно – из других регионов), поддерживаемых государством либо относящихся к государственному сектору.

- Наличие 10–20 крупных компаний, конкурирующих за положение лидеров рынка при отсутствии явного доминирования (в этом случае формирование лидирующей группы на рынке можно только прогнозировать, но ее динамика уже может отличаться от остальной совокупности).

- Отсутствие явных лидеров рынка и потенциально формирующейся их группы (в этом случае рынок может развиваться благодаря росту сегментов среднего или малого бизнеса либо смежных отраслей/регионов, устойчивость такой динамики определяется потенциалом развития его растущих сегментов).

Возможны также сочетания приведенных способов (моделей) экономического развития регионов.

Для всех субъектов России была исследована динамика темпов прироста бизнеса по показателю выручки за 10 лет (с 2010 по 2019 год) для двух кластеров: с 1 по 10 (первые 10 компаний региона – лидеры регионального бизнеса) и с 11 по 1000 (следующие 990 компаний). Оговоримся, что эти кластеры характеризуются большей или меньшей стабильностью своего состава. Одни компании за этот период по тем или иным причинам покидают кластер – закрываются, реорганизуются, поглощаются другими или сливаются с ними, другие – появляются. В определенном смысле первая десятка и следующие 990 компаний – абстракция, так как имеются в виду не столько конкретные компании, сколько их общность (лидирующая группа и остальные). В этой логике компания – это не только конкретная организация, но и «место на рынке», заполняющееся соответствующими ему организациями или их подразделениями. При таком подходе мы получаем характеристику именно двух зон рынка, а не конкретных компаний на нем.

Для обоих кластеров рассчитывается совокупный среднегодовой темп прироста по формуле CAGR (Compound Annual Growth Rate), то есть средняя геометрическая темпов прироста по годам.

Как правило, рост компаний со временем замедляется, крупный бизнес с меньшей веро-

ятностью может в течение длительного периода увеличиваться на десятки процентов в год, что связано как с более высокой базой, так и особенностями быстрорастущих компаний, которые принято ассоциировать с инновационным бизнесом, средним по размеру, часто представленным технологическими компаниями – «газелями». Более быстрый рост крупнейшего бизнеса может быть индикатором происходящих в регионе значимых структурных изменений, а опережающие темпы кластера «остальных» могут объясняться как органическим ростом бизнеса этих 990 компаний, так и снижением темпов роста лидеров из-за конъюнктуры рынка или институциональных преобразований. Предполагается, что эти сценарии роста могут иметь общие черты для разных регионов, не схожих по отраслевой специализации.

Если распределить все регионы, начиная с тех, где опережение роста лидирующей группы по отношению к остальным компаниям было наивысшим, до тех, где, наоборот, оказалось наивысшим опережение остальных компаний, то наиболее выраженное действие институциональных факторов будет заметно по «краям» шкалы. Соответственно, чем менее выражены различия этих показателей, тем ниже необходимость их учитывать при построении экономических прогнозов. В *таблице 4* приведены регионы, характеризующиеся наибольшим опережением крупного бизнеса по отношению к остальным компаниям.

С учетом данных *таблицы 4*, а также результатов анализа регионов России с опережающим ростом топ-10 компаний над остальными, не представленных в *таблице*, могут быть определены следующие сценарии экономической динамики.

- Опережающий рост федерального бизнеса со штаб-квартирой в регионе (Краснодарский край, Новосибирская область). В этом случае крупный региональный бизнес относится к глобальным или общероссийским альфа-компаниям, его развитие определяется внешними по отношению к региону факторами и должно прогнозироваться отдельно.

Таблица 4. Регионы с наибольшим превышением темпов прироста крупнейших 10 компаний по сравнению с остальными

Регион	Разность показателей CAGR по 10 крупнейшим и остальным компаниям, %	Примечания
Приморский край	11,2	Появление в регионе бизнеса федерального уровня вследствие реорганизации группы компаний «ДНС» (50 юридических лиц объединены в «ДНС Ритейл» с офисом во Владивостоке)
Краснодарский край	9,7	Опережающий рост бизнеса федерального уровня с головным офисом в регионе (АО «Тандер» – 21,5% в год при приросте ВРП региона 10,6%)
Астраханская обл.	9,5	Опережающий рост дочерней компании бизнеса федерального уровня (ООО «Лукойл-Нижевожскнефть» – с 15 места до 1 в рейтинге крупнейших компаний региона за 10 лет)
Респ. Алтай	8,1	Масштаб бизнеса и экономики региона в целом незначительны, поэтому при отсутствии устойчивых, выраженных лидеров появление растущего бизнеса обеспечивает его опережающий рост по сравнению с другими
Томская обл.	7,9	Опережающий рост бизнеса федерального уровня с головным офисом в регионе (ООО «КДВ-групп» – один из крупнейших российских пищевых холдингов) и рост дочерней компании федерального бизнеса (АО «Томскнефть» ВНК – ПАО «Газпром нефть» – 50%, НКК Ойл – 50%)
Мурманская обл.	7,2	Опережающий рост дочерней компании (АО «Кольская ГМК») бизнеса федерального уровня (ПАО «ГМК „Норильский никель”»)
Новосибирская обл.	6,9	Опережающий рост бизнеса федерального уровня с головным офисом в регионе: АО НПК «Катрен» (один из крупнейших фармдистрибьютеров в России), АО «Авиакомпания „Сибирь”» (вторая крупнейшая авиакомпания России)
Респ. Коми	6,7	Опережающий рост бизнеса федерального уровня с головным офисом в Москве (дочерние предприятия ПАО «Лукойл» и ПАО «Газпром»)
Респ. Северная Осетия – Алания	6,5	Лидеры регионального бизнеса – вновь созданные компании
Магаданская обл.	6,1	Опережающий рост дочерних компаний бизнеса федерального уровня: АО «Полюс Магадан» (ПАО «Полюс»), АО «Серебро Магадана» (ПАО «Полиметалл»)

Источники: СПАРК-Интерфакс, расчеты авторов.

- Опережающий рост дочернего бизнеса федеральных компаний в регионе (Астраханская обл., Респ. Коми, Мурманская обл.). Крупный региональный бизнес является зависимой от внешнего структурой, его издержки, прибыль, выручка формируются за пределами региона. Прогнозировать его динамику и развитие остальной экономики следует отдельно, а затем сводить их в общий прогноз.

- Опережающий рост крупного регионального бизнеса. В этом случае он может «стягивать» на себя ресурсы региона и, возможно, других, близлежащих территорий. Его развитие

определяется использованием более качественной ресурсной базой региона, остальная часть растет, используя менее качественные ресурсы.

- Появление в регионе лидера вследствие реорганизации (Приморский край). В этом случае новый крупный бизнес растет по-другому, не так как раньше, но прогнозировать этот рост можно, лишь когда новая траектория станет устойчивой, до этого разумно применять сценарные прогнозы.

В таблице 5 представлены регионы, для которых характерны противоположные тенденции.

Таблица 5. Регионы с наибольшим отставанием темпов прироста крупнейших 10 компаний по сравнению с остальными

Регион	Разность показателей CAGR по 10 крупнейшим и остальным компаниям, %	Примечания
Чувашская Респ.	-4,0	Отсутствие устойчивой группы лидеров при высокодиверсифицированной экономике региона
Респ. Саха (Якутия)	-5,3	Повышение диверсификации экономики региона вследствие инвестиционной активности бизнеса федерального уровня (начало промышленной эксплуатации ПАО «Роснефть» Среднеобуобинского нефтегазоконденсатного месторождения)
Тульская обл.	-5,6	Развитие регионального бизнеса вследствие инвестиционной активности крупнейших компаний бизнеса федерального уровня
Омская обл.	-6,1	Банкротство крупнейшего по объему выручки регионального бизнеса (НПО «Мостовик» – крупнейшее по выручке предприятие региона в 2010 г.); закрепление лидерства дочерней компании бизнеса федерального уровня (АО «Газпромнефть-ОНПЗ» – дочерняя компания ПАО «Газпром нефть»)
Чукотский АО	-6,4	Появление в числе лидеров дочерней компании бизнеса федерального уровня (начало разработки золота в 2013 году ООО ЗК «Майское» – ПАО «Полиметалл» – вывело предприятие на 2 место в регионе по выручке)
Респ. Тыва	-7,7	Низкая устойчивость лидеров – крупнейший региональный бизнес теряет лидерство, показывая низкий темп роста, а его место занимает иностранный бизнес
г. Москва	-8,8	Рост крупнейшего федерального бизнеса отстает от динамичного роста крупного и среднего бизнеса, в том числе – дочерних компаний
Карачаево-Черкесская Респ.	-12,2	Отсутствие устоявшейся и растущей группы лидеров регионального бизнеса в регионе «кризисной постиндустриализации»; какой «слой» компаний поддерживает экономический рост в регионе, следует уточнять
Респ. Ингушетия	-12,7	Отсутствие устоявшейся и растущей группы лидеров регионального бизнеса в регионе «кризисной постиндустриализации»; какой «слой» компаний поддерживает экономический рост в регионе, следует уточнять
Чеченская Респ.	-13,8	Отсутствие устоявшейся и растущей группы лидеров регионального бизнеса в регионе «кризисной постиндустриализации»; дочерняя компания бизнеса федерального уровня показывает низкий темп роста (ОАО «Грознефтегаз» – ПАО «Роснефть»)

Источники: СПАРК-Интерфакс, расчеты авторов.

С учетом сказанного могут быть установлены следующие сценарии развития регионов с опережающим ростом компаний второго или третьего эшелона.

- Федеральный/глобальный бизнес со штаб-квартирой в регионе показывает низкий темп роста (г. Москва). Его развитие внутри региона определяется внешними по отношению к региону факторами.

- Дочерний бизнес федеральной компании в регионе показывает низкий темп роста, его издержки, прибыль, выручка формируются за пределами региона и зависят от материнской компании.

- Банкротство или реорганизация крупного регионального бизнеса (Омская обл.). Происходит изменение состава лидеров в регионе, причем не только из-за ухода данной компа-

нии, но и передела рынка другими лидерами. В результате ситуация становится неустойчивой, прогнозировать ее можно лишь по мере формирования новых тенденций, до этого разумно строить сценарные прогнозы.

- Рост диверсификации региональной экономики (Респ. Чувашия). В этом случае прогноз по региону, вероятно, следует строить отдельно по сегментам, имеющим разные темпы роста, и потом сводить их в общий прогноз.

- Низкая устойчивость бизнеса регионов «кризисной постиндустриализации» (Клюев, 2010) обуславливает экономическую динамику. В таких регионах лучше строить сценарные прогнозы и переходить к традиционным экстраполяционным прогнозам лишь по мере появления новых факторов устойчивости, связанных с формированием их архитектуры.

Помимо перечисленных могут реализоваться и иные сценарии со своими способами прогнозирования, например:

- в регионе реализуются крупные проекты, инвестиции приходят из других регионов, от крупного регионального, федерального или международного бизнеса или иных аналогичных источников; в этом случае тренды регионального развития «ломаются» и новая динамика будет определяться развитием нового крупного игрока на фоне предшествовавших процессов; до того как они приобретут устойчивость, разумно строить лишь сценарные прогнозы;

- малый и средний бизнес деградируют или «уходят» из региона; растет теневая, неформальная экономика; все больший объем вновь созданной компаниями региона стоимости переносится в другие регионы по технологическим цепочкам; в этих случаях, так же как и в предыдущем, следует опираться на сценарные прогнозы или оценивать динамику официальной и неформальной экономики отдельно, а потом сводить их в общий прогноз.

Во всех перечисленных вариантах экономический рост в регионе неоднородный — имеют особенности прогнозирования и планирования, своя типология устойчивых и растущих сегментов, свои модели роста и «производительные функции» для более динамичных сегментов и остальной совокупности. При отсутствии явных отличий сегментов по устойчи-

вости внутри региона или отрасли их динамику можно прогнозировать как для однородной совокупности. Каждый из приведенных примеров и многие похожие на них в значительной мере определяются институциональными факторами. При этом группы регионов с примерно одинаковым набором таких факторов могут сводиться в общий прогноз, структурированный по институциональным признакам.

Заключение и выводы

1. При анализе и прогнозировании экономических процессов в региональном разрезе необходимо наряду с макроэкономическими и материально-вещественными характеристиками учитывать институциональные факторы, точнее — межрегиональную институциональную неоднородность пространственной структуры. Она связана, прежде всего, с изменением архитектуры региональных рынков, создаваемой крупнейшим бизнесом в регионе.

2. Теория экономического доминирования в многоуровневой экономике (Блохин, 2019; Блохин и др., 2019), определяющая закономерности «расслоения» компаний по уровням альфа-, бета- и гамма-бизнеса и получение институциональной ренты более «высокими» уровнями такой иерархии, позволяет проводить анализ указанных институциональных факторов.

3. Оценки устойчивости лидирующей группы бизнеса в регионах и консолидации крупнейшего бизнеса существенно различаются по регионам и динамично меняются. Структурные и временные различия между ними могут достигать десятков процентов или процентных пунктов, при этом они не связаны с уровнем экономического развития регионов.

4. Закономерности формирования способов (моделей) экономического роста в регионах связаны с доминированием в них или во взаимодействующих с ними субъектах крупного глобального, федерального, регионального бизнеса. Они могут быть выявлены с использованием данных о консолидации крупного бизнеса.

5. Сопоставление опережающего/отстающего роста лидирующей в регионе группы и остальных компаний дает возможность прогнозировать экономический рост с учетом устойчивости, структуры и динамики крупнейшего

в регионе бизнеса. При этом прогнозы по лидирующей группе и остальным компаниям при существенных различиях их параметров должны строиться отдельно, а потом сводиться в общий прогноз. Так, в 19 регионах разница в темпах прироста опережающей и отстающей группы составила более 5 процентных пунктов, из них в четырех – более 10.

6. В регионах с неустоявшейся группой лидирующих компаний необходимо строить сценарные прогнозы экономического роста и структурной динамики или хотя бы проверить их на такую необходимость. Анализ показал,

что в 33 регионах в первой десятке лидеров сменилось 5–6 компаний. Не менее 7 компаний сменилось в 17 субъектах страны.

7. С учетом значимости институциональных факторов в региональном развитии может быть сформирована методология институциональной экономической географии, охватывающая закономерности пространственного изменения институтов, их влияние на социально-экономические показатели регионов, а также институциональные трансформации, происходящие в зависимости от экономических и социальных процессов в региональном разрезе.

Литература

- Арманд Д.Л., Преображенский В.С., Арманд А.Д. (1969). Природные комплексы и современные методы их изучения // Изв. АН СССР. Сер. геогр. № 5. С. 5–16.
- Бакланов П.Я. (2015). Подходы и основные принципы структуризации географического пространства // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 5. С. 7–18. DOI: 10.15356/0373-2444-2013-5-7-18
- Барбашова Н.Е., Герасимова Ю.В. (2018). Проблемы соответствия между целями, инструментами и финансовыми потоками в региональной политике // Мир новой экономики. № 3. С. 90–97. DOI: 10.26794/2220–6469-2018-12-3-90-97
- Блохин А.А. (2019). Институциональная рента в многоуровневой экономике // Проблемы прогнозирования. № 4. С. 16–26. DOI: 10.1134/S 1075700719040026
- Блохин А.А., Ломакин-Румянцев И.В., Наумов С.А. (2019). Альфа-бизнес на российском продовольственном рынке // Экономические стратегии. № 6. С. 68–77. DOI: 10.33917/es-6.164.2019.68–77
- Бурдые П. (2005). Социальное пространство: поля и практики: пер. с фр. / сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии. 576 с.
- Вертоградов В.А. (2020). Рыночные стратегии альфы, беты и гаммы в контексте теории экономического доминирования // Экономические стратегии. № 2. С. 50–53. DOI: 10.33917/es-2.168.2020.50–53
- Гранберг А.Г. (2000). Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ. 495 с.
- Зубаревич Н.В. (2014). Межбюджетные отношения центра и регионов: экономические и институциональные аспекты // Журнал НЭА. № 3. С. 158–160.
- Ильин В.А., Поварова А.И. (2017). Недостатки налогового администрирования крупного бизнеса и их влияние на региональные бюджеты // Экономика региона. Т. 13. № 1. С. 25–37. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28807315_57727029.pdf
- Климанов В.В., Казакова С.М., Яговкина В.А. (2021). Инструменты межрегионального взаимодействия в системе государственного управления // Регионология. Т. 29. № 2. С. 250–282. DOI: 10.15507/2413-1407.115.029.202102.250–282
- Клюев Н.Н. (2010). Российские контрасты как угроза территориальной целостности страны // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 3. № 1. С. 18–29.
- Кувалин Д.Б. (2019). Современные проблемы пространственного развития России // Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект: мат-лы VIII междунар. науч.-практ. конференции. Вологда. С. 10–18.
- Лексин В.Н., Швецов А.Н. (2012). Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: Либроком.
- Лукин Е.В. (2022). Регулирование межрегиональных цепочек добавленной стоимости: проблемы анализа и моделирования // Проблемы прогнозирования. № 1 (190). С. 19–33. DOI: 10.47711/0868-6351-190-19-33

- Марченко Г.В., Мачульская О.В. (2000). Финансовые механизмы межрегионального выравнивания // *Финансы и кредит*. № 1 (61). С. 13–21.
- Минакир П.А., Демьяненко А.Н. (2010). Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // *Экономическая наука современной России*. № 3 (50). С. 6–32.
- Минакир П.А. (2016). Институциональные отображения пространственного развития // *Пространственная экономика*. № 4. С. 7–12.
- Михеева Н.Н. (2021). Пространственные аспекты разработки экономических прогнозов: научный доклад / под ред. чл.-корр. РАН А.А. Широва. М.: Арт-Принт. 120 с. (Научный доклад ИПП РАН).
- Паппэ Я.Ш., Галухина Я. (2009). Российский крупный бизнес: первые 15 лет Экономические хроники 1993–2008 гг. М.: ГУ-ВШЭ. 423 с.
- Полтерович В.М. (1998). Институциональные ловушки и экономические реформы. М.: Российская экономическая школа. 42 с.
- Радаев В.В. (2011). Кому принадлежит власть на потребительских рынках: отношения розничных сетей и поставщиков в современной России. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 383 с.
- Савельева М.В. (2012). Уникальные преимущества как критерии регионов – «локомотивов роста» // *Региональная экономика: теория и практика*. № 2. С. 20–26.
- Флигстин Н. (2013). Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века / пер. с англ. А. А. Куракина; под науч. ред. В.В. Радаева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 392 с.
- Фролов Д.П. (2015). Имеют ли институты значение для пространственной экономики? // *Пространственная экономика*. № 1. С. 14–37.
- Яременко Ю.В. (1981). Структурные изменения в социалистической экономике. М.: Мысль. 303 с.
- Busenitz L.W., Gomez C., Spencer J.W. (2000). Country institutional profiles: Unlocking entrepreneurial phenomena. *Academy of Management Journal*, 43(5), 994–1003.
- Freeman R.V. (2002). Institutional differences and economic performance among OECD countries. *CEP Discussion Papers dp0557*.
- Lugovoy O., Dashkeev V., Mazayev I. et al. (2007). *Analysis of Economic Growth in Regions: Geographical and Institutional Aspect*. Moscow: IET.
- Perroux F. (1968). Les investissements multinationaux et l'analyse des poles de developpement et des poles d'integration. *Revue Tiers-Monde*, 9(34).
- Peterson M.F., van Itersson A. (2015). Differences in work goals among regions of the Netherlands and Germany: Functional, institutional and critical event influences. *The International Journal of Human Resource Management*, 26(2), 277–297.
- Sheppard E. (2008). *A Companion to Economic Geography*. John Wiley & Sons.
- Schlevogt K.A. (2001). Institutional and organizational factors affecting effectiveness: Geoeconomic comparison between Shanghai and Beijing. *Asia Pacific Journal of Management*, 18(4), 519–551.
- Wind B., Lersch P., Dewilde C. (2017). The distribution of housing wealth in 16 European countries: Accounting for institutional differences. *Journal of Housing and the Built Environment*, 32(4), 625–647.

Сведения об авторах

Андрей Алексеевич Блохин – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, пр. Нахимовский, д. 47; e-mail: andraleks@rambler.ru); профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (125167, Российская Федерация, г. Москва, пр. Ленинградский, д. 49)

Алексей Александрович Лихачев – соискатель, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, пр. Нахимовский, д. 47; e-mail: 79168346515@yandex.ru)

Blokhin A.A., Likhachev A.A.

The Impact of Institutional Factors on Economic Dynamics in the Regions

Abstract. The article is devoted to the problem of combining institutional and economic features in regional research and forecasting. We substantiate that the importance of institutional factors, including those in the regional context, manifests itself under significant differences in the institutional conditions for business that make it possible to receive stable institutional rent; this leads to the stratification of business by levels of alpha, beta and gamma business. The object of the study is top large business in the region. The distribution of major global and federal companies in the context of regions, as well as the presence of an established group of leaders in the regional economy, requires their separate monitoring and forecasting. We propose our own approach to determining the features of consolidation of large business. We show that the range of dispersion of their levels among regions and over time is significant and can be tens of percent and/or percentage points, which urges researchers to focus on these indicators. By comparing the features of consolidation of large business in the regions and using the constructed quantitative estimates, we substantiate the typology of methods (models) of economic growth in regions, depending on the presence or absence of major global, federal, and regional companies in them and their role in regional economy. Theoretical significance of this approach consists in combining the institutional analysis of the architecture of regional markets with the cost and physical aspects of the analysis; this will help improve the quality of diagnostics of regional and interregional problems and the validity of forecasts. Practical significance is determined by the possibilities of taking into account the architecture of regional markets in regional economic policy.

Key words: institutions, institutional conditions, institutional rent, alpha business, consolidation of large business, economic growth of regions, institutional geography.

Information about the Authors

Andrei A. Blokhin – Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: andraleks@rambler.ru); professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky Avenue, Moscow, 125167, Russian Federation)

Aleksei A. Likhachev – degree-seeking applicant, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: 79168346515@yandex.ru)

Статья поступила 06.04.2022.

Социально-экономическое неравенство регионов РФ: вопросы измерения и долгосрочная ретроспективная оценка

Ольга Михайловна

ШАТАЛОВА

Удмуртский филиал Института экономики УрО РАН

Ижевск, Российская Федерация

e-mail: oshatalova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0849-4231; ResearcherID: ABG-9458-2021

Екатерина Васильевна

КАСАТКИНА

Ижевский государственный технический университет

имени М.Т. Калашникова

Ижевск, Российская Федерация

e-mail: e.v.trushkova@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6596-0086; ResearcherID: M-6863-2016

Аннотация. Статья посвящена проблеме межрегионального неравенства в экономическом пространстве РФ. Исследование охватывает долгосрочный период (с 1990 по 2020 гг.), в течение которого имели место значительные изменения в экономическом, институциональном, политическом устройстве страны. Оценка уровня дифференциации регионов составлена по основным социально-экономическим показателям, данные о которых формируются в системе государственной региональной статистики. В качестве базового метода измерения неравенства использован индекс Тейла, что позволило оценить динамику пространственной локализации экономической активности по основным социально-экономическим показателям, а также сформировать задел для продолжения исследования – оценки внутригрупповой и межгрупповой компонент в отраслевом аспекте. Для структурного анализа проблемы неравенства

Для цитирования: Шаталова О.М., Касаткина Е.В. (2022). Социально-экономическое неравенство регионов РФ: вопросы измерения и долгосрочная ретроспективная оценка // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 74–87. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.5

For citation: Shatalova O.M., Kasatkina E.V. (2022). Socio-economic inequality of regions in the Russian Federation: Measurement issues and long-term evaluation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 74–87. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.5

регионов предложен авторский алгоритм формирования дискретного вариационного ряда и расчета интегрального децильного коэффициента. Численная реализация предложенного алгоритма позволила составить многомерную классификацию регионов по уровню их экономической активности и рассчитать на этой основе децильный коэффициент, который интегрирует совокупность основных социально-экономических показателей, принятых для исследования. В ходе проведенного исследования выявлены долгосрочная динамика нарастания неравенства и его существенный уровень в сопоставлении с дореформенным периодом. Составлена численная оценка меры неравенства, измеряемой по комплексу основных экономических показателей регионов с помощью интегрального децильного коэффициента; установлено, что в долгосрочном периоде (1995–2020 гг.) уровень экономического неравенства регионов увеличился с 2,4- до 5,6-кратного уровня. Регионы РФ классифицированы по уровню экономической активности, которая отображает характер их дифференциации, географию размещения центров концентрации экономической активности.

Ключевые слова: региональная экономика, межрегиональная дифференциация, индекс Тейла, интегральный децильный коэффициент, пространственная локализация, экономическая активность.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с Программой фундаментальных научных исследований государственных академий наук и планом НИР Института экономики Уральского отделения РАН на 2021–2023 гг. по теме «Методология инновационного развития регионально-ориентированных систем в условиях нестабильной экономической конъюнктуры».

Введение

Актуальность проблемы социально-экономической дифференциации регионов обусловлена тем, что их высокая неоднородность препятствует созданию полноценного экономического пространства страны, обеспечению равных возможностей развития предпринимательской и социальной среды в субъектах РФ, влечет неравенство в доступности общественных благ и т. д. Экономическая неоднородность регионов РФ является следствием различий в присущих им природно-климатических и географических условиях, исторически сложившейся отраслевой специализации и производственном потенциале, а также ряда других *объективных* факторов. В то же время значительные изменения в экономическом, институциональном, политическом устройстве страны повлекли трансформацию пространственной организации национальной экономики и усиление межрегиональных различий.

В совершенствовании территориальной организации национальной экономики и сокращении межрегиональных социально-экономических диспропорций заключается одна из важных функций государственной региональ-

ной политики. Соответствующие проблемы и задачи ее решения декларированы, в частности, Стратегией пространственного развития РФ до 2025 года¹ (далее – «Стратегия ...2025»). В этом программном документе отмечается, что «в течение последних десяти лет в результате проводимой государственной политики регионального развития наблюдается сокращение межрегиональных социально-экономических диспропорций».

При оценке межрегиональной дифференциации имеют значение не только текущее состояние и среднесрочные тенденции. Нельзя не учитывать, что «в начале 1990-х гг. происходило существенное нарастание <...> дифференциации» (Бахтизин и др., 2017) и с этим периодом связаны значительные политические и социально-экономические преобразования, которые оказали влияние и на трансформацию экономического пространства страны. То есть для

¹ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 23.03.2021). URL: <http://government.ru/docs/35733>

характеристики сложившихся межрегиональных социально-экономических диспропорций более репрезентативным следует признать соответствующий тридцатилетний период – с 1990 по 2020 год. Такая глубина исследования позволит, по нашему мнению, составить более полную характеристику экономического пространства страны, в том числе выявить тенденции изменения межрегиональных различий в социально-экономическом положении субъектов РФ и динамику пространственной локализации (концентрации) экономической активности.

Проблема межрегиональной социально-экономической дифференциации представляет собой предмет исследования значительного массива научных публикаций зарубежных и российских экономистов. Вместе с тем нужно отметить, что при высокой проработанности методического аппарата измерения неравенства остается открытым вопрос о возможности его применения на многомерном пространстве критериев экономической активности и социально-экономической дифференциации регионов страны.

Цель исследования – долговременная многомерная оценка экономического неравенства российских регионов для выявления тенденций в изменении экономического пространства страны и новых центров концентрации экономической активности. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи:

- сбор и предобработка данных по принятым для исследования показателям социально-экономического положения регионов;
- оценка уровня дифференциации регионов на основании индекса Тейла, рассчитанного для принятых в исследовании показателей социально-экономического положения регионов, и выявление долговременных тенденций в изменении экономического пространства страны;
- расчет *интегрального* показателя экономической активности регионов, обобщающего совокупность исследуемых признаков их социально-экономического положения, а также использование этого показателя для классификации регионов по уровню экономической активности;
- оценка средних (в выделенных группах регионов) величин исследуемых экономиче-

ских признаков для верификации качества выполненной классификации и содержательной интерпретации ее результатов;

- расчет *интегрального* децильного коэффициента, основанный на составленной классификации регионов; децильный коэффициент в этом случае представляет многомерную численную оценку межрегиональной дифференциации по всей совокупности показателей социально-экономического положения регионов;
- графическое представление структуры экономического пространства страны, основанное на составленной многомерной классификации регионов и отображающее географию размещения центров экономической активности.

Новизна результатов исследования состоит в развитии методических подходов к измерению экономического неравенства регионов и долговременной ретроспективной характеристике структуры экономического пространства страны. Реализация предложенных подходов позволила дополнить сложившиеся представления о характере неравенства регионов, что имеет значение для уточнения политики развития экономического пространства РФ.

Методические основания и методика исследования

Обзор методических подходов к измерению межрегионального неравенства

Вопросы межрегионального неравенства в масштабах национальной экономики вызывают высокий научный интерес среди российских и зарубежных ученых-экономистов. Необходимо отметить наиболее значимые для проводимого нами исследования работы.

Статья А.Р. Бахтизина, Е.М. Бухвальда, А.В. Кольчугиной (Бахтизин и др., 2017) содержит обзор норм правового регулирования государственной региональной политики в решении задач экономического выравнивания регионов РФ. В ней представлены численные оценки масштабов дифференциации регионов за период 1995–2014 гг. Измерение дифференциации проводилось на основе децильного коэффициента, рассчитанного по удельным экономическим показателям регионов: уровень ВРП, объем инвестиций в основной капитал, объем производства, уровень доходов населения. В статье подтверждена гипотеза авторов о

тенденции к усилению межрегиональной дифференциации в периоды экономического подъема; сформулированы выводы об актуальности комплексного подхода в использовании инструментов развития территорий, селективности (адресности) в реализации мер выравнивания экономики регионов на основе их типизации по приемлемым критериям.

В работах Е.А. Коломак (Коломак, 2014а; Коломак, 2014б; Коломак, 2020) содержатся оценки дифференциации регионов, сформированные на основе индекса Тейла, коэффициента вариации, индекса Хиршмана – Херфиндаля; измерения дифференциации составлены по объемным экономическим показателям: ВРП, численность населения, численность занятых – и удельному показателю ВРП на душу населения; представлено исследование факторов пространственной концентрации в регрессионных моделях и посредством декомпозиции индекса Тейла.

В работах К.П. Глушенко даны решения по вопросам методологии измерения дифференциации регионов (Глушенко, 2016; Gluschenko, 2018) и результаты оценки неравенства территорий по уровню доходов населения (Глушенко, 2010).

Публикации Н.В. Зубаревич (Зубаревич, 2014; Зубаревич, Сафронов, 2014) посвящены широкому кругу вопросов межрегионального неравенства: оценена дифференциация регионов по уровню доходов и занятости населения; представлены вопросы совершенствования бюджетной политики экономического выравнивания регионов; описано влияние институциональных факторов развития экономического пространства и др. Эмпирические оценки автора основаны на таких измерителях, как индекс Джини и децильный коэффициент.

Высокий интерес представляют публикации зарубежных исследователей об уровне и условиях дифференциации экономического пространства России и предлагаемых способах обеспечения регионального выравнивающего развития² (Benini, Czyzewski, 2007). Для исследования также важен зарубежный опыт в решении проб-

² Blöchliger H., Durand-Lasserve O. (2018). The drivers of regional growth in Russia: A baseline model with applications. *Working Paper OECD for Conference "Monitoring the Russian Economy"*. Available at: [https://one.oecd.org/document/ECO/WKP\(2018\)71/en/pdf](https://one.oecd.org/document/ECO/WKP(2018)71/en/pdf)

лемы экономической дифференциации регионов в целях обеспечения экономического роста³ (Obradović et al., 2016).

Публикации Б.Л. Лавровского и Е.А. Шильцина (Лавровский, Шильцин, 2009; Лавровский, Шильцин, 2016) отражают существенные аспекты межрегиональной дифференциации по отдельным социально-экономическим показателям: уровень ВРП, производительность труда, бюджетная обеспеченность. Оценки дифференциации построены на использовании статистических измерителей неравенства, таких как коэффициент вариации, децильный коэффициент.

Важное методологическое значение имеют работы М.Ю. Малкиной, раскрывающие методические особенности применения основных измерителей экономического неравенства регионов (Малкина, 2016а), их использования в ходе исследования вопросов государственной региональной и бюджетной политики (Малкина, 2014; Малкина, 2016б).

Представительность современных исследований экономической дифференциации регионов свидетельствует о высокой актуальности этой научной проблемы, а также о формировании значительного научного опыта соответствующих измерений, основанных на общей методологии математической статистики при изучении вариации совокупности объектов. Следует выделить несколько групп методов:

– *статистические индикаторы вариации*: представлены показателями «относительное линейное отклонение», «коэффициент вариации» и др.; методы этой группы характеризуются высокой объективностью, однако, применяя их, невозможно дать исчерпывающую характеристику совокупности;

– *структурные индикаторы распределения*: позволяют составить графическую интерпретацию распределения объектов совокупности и выявить его особенности; в составе этой груп-

³ Fournier J., Johansson A. (2016). The effect of the size and the mix of public spending on growth and inequality. *OECD Economics Department Working Papers*. No. 1344. Paris: OECD Publishing. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/f99f6b36-en>; Gal P., Egeland J. (2018). Reducing regional disparities in productivity in the United Kingdom. Organization for Economic Co-operation and Development. Available at: <http://www.oecdilibrary.org/content/workingpaper/54293958-en>

пы методов широкое распространение в исследованиях регионального неравенства получил децильный коэффициент;

– *индикаторы концентрации*: предназначены для измерения степени неравномерности – меры концентрации исследуемого признака среди объектов совокупности; в составе этой группы наиболее применимыми в современных исследованиях региональной экономики стали индекс Джини, индекс Хиршмана – Херфиндаля, коэффициент Лоренца;

– *индикаторы «общей энтропии»*: являются результатом преобразования формулы информационной энтропии К. Шеннона (под энтропией в данном случае понимается мера случайности); наиболее часто в экономических исследованиях применяются среднее логарифмическое отклонение, индекс Тейла, индекс Аткинсона.

Методы измерения неравенства используются в отношении отдельных показателей экономической активности: объем ВРП, численность населения, уровень доходов населения и др. Однако экономическая активность регионов – комплексная категория, характеризующаяся совокупностью показателей. Вопрос о составе показателей экономической активности регионов является дискуссионным. Вместе с тем справедливо следующее положение: важным элементом стратегии сокращения неравенства выступают структурные преобразования и рост экономики, способствующие повышению занятости и трудовых доходов населения⁴; при этом практическое приложение данной декларации требует использования показателей, формируемых в системе государственных статистических наблюдений. Таким образом, видится актуальным развитие сложившихся подходов к исследованию экономического неравенства регионов на основе многомерного анализа, а также применение соответствующего интегрального измерителя межрегиональной дифференциации.

В ходе исследования нами был разработан и апробирован новый алгоритм расчета децильного коэффициента, включающий базовые

методы математической статистики и предусматривающий многомерную обработку данных, аналитическое структурирование разброса вариации по значимым для исследования критериям. Пространство критериев классификации в этом случае включает широкий состав существенных для исследования показателей социально-экономического состояния регионов. Формируемые таким образом группы регионов являются статистически однородными, что обеспечивает возможность их содержательной интерпретации и межгрупповых сопоставлений, а также применения этой группировки для расчета интегрального децильного коэффициента.

Авторская методика исследования

В рамках проведенного исследования были использованы два измерителя неравенства: индекс Тейла как «обобщенный индекс энтропии» (Generalised Entropy index) второго порядка (Theil, 1967) и децильный коэффициент. Выбор данных показателей обусловлен следующим:

– *использование индекса Тейла* для оценки уровня дифференциации регионов позволяет, во-первых, сопоставить полученные результаты с результатами ранее проведенных исследований (Бахтизин и др., 2017; Коломак, 2014а; Глушенко, 2015 и др.); во-вторых, детализировать оценки, поскольку индекс Тейла допускает возможность декомпозиции его значения (Theil, 1979; Adelman, Levy, 1984 и др.);

– *использование децильного коэффициента* дает возможность составить структурную характеристику неравенства в экономическом пространстве страны; сама категория «неравенства» в этом случае рассматривается в комплексном проявлении как результат интеграции широкого состава показателей социально-экономического положения регионов.

Расчет индекса Тейла проведен в двух формах – для *объемных* показателей социально-экономического положения регионов ($GE(1)$) и для *удельных* показателей ($GE_T(1)$).

$$GE(1) = \frac{1}{n} \sum_{j=1}^n \frac{x_j}{\bar{x}} \ln \frac{x_j}{\bar{x}}, \quad (1)$$

где n – количество объектов исследуемой совокупности (количество регионов РФ); x_j – значение оцениваемого (основного) объемного показателя в регионе j ; \bar{x} – среднее значение оцениваемого (основного) объемного показателя в исследуемой совокупности.

⁴ Combating Poverty and Inequality: Structural Change, Social Policy and Politics. Available at: <https://cdn.unrisd.org/assets/library/publication-aux-pages/pdf-files/combating-poverty-and-inequality/povrep-small.pdf>

$$GE_T(1) = \sum_{j=1}^n \frac{x_j}{X} \ln \frac{x_j/X}{p_j/P}, \quad (2)$$

где X – суммарное для исследуемой совокупности регионов значение оцениваемого (основного) объемного показателя: $X = \sum_{j=1}^n x_j$; p_j – значение нормирующего объемного показателя в регионе j ; P – суммарное для исследуемой совокупности регионов значение нормирующего объемного показателя: $P = \sum_{j=1}^n p_j$. Под нормирующим понимается показатель, участвующий в расчете удельной величины y_j по основному показателю x_j : $y_j = \frac{x_j}{p_j}$. В качестве нормирующего был принят показатель «численность населения».

Децильный коэффициент, характеризующий соотношение между средними значениями двух крайних децилей в исследуемой совокупности объектов, при измерении межрегиональной дифференциации обычно рассчитывается по основному показателю социально-экономического положения регионов – ВРП на душу населения⁵ (Бахтизин и др., 2017 и др.). Методологически значимым вопросом при использовании этого измерителя является задание правила структурирования размаха вариации. При задании такого правила сложился ряд методов: эмпирическое правило Стерджеса, правило Скотта, правило Фридмана – Дьякониса и др. (Орлов, 2013).

В исследовании был проведен расчет интегрального децильного коэффициента (ИДК), призванный решить две проблемы:

1) обеспечить комплексный подход к измерению уровня неравенства за счет интеграции набора основных показателей экономической активности регионов (в удельном представлении):

$$\left\langle \frac{Y_j}{P_j}, \frac{FC_j}{P_j}, \frac{I_j}{P_j}, \frac{Pz_j}{P_j}, W_j \right\rangle, \quad (3)$$

⁵ Николаев И.А., Точилкина О.С. (2011). Экономическая дифференциация регионов: оценка, динамика, сравнения: аналитический доклад. ФБК. М. URL: www.fbk.ru/upload/images/regions_doklad.pdf (дата обращения 01.03.2022).

где Y_j – объем ВРП; FC_j – стоимость основных фондов; I_j – инвестиции в основной капитал; Pz_j – численность занятого населения; P_j – численность населения; W_j – сумма начисленной заработной платы работников организаций в регионе;

2) обеспечить аналитические основания к разбиению размаха вариации исследуемой совокупности регионов на существенные классификационные группы.

Методика исследования раскрывается следующими положениями.

1. *Сбор и предобработка данных.* Для исследования использованы данные Росстата об основных социально-экономических показателях экономической активности регионов. Предобработка состояла главным образом в расчете удельных значений этих показателей (на душу населения).

2. *Численное измерение и оценка меры дифференциации регионов.* Измерение меры дифференциации проводилось с помощью индекса Тейла, рассчитываемого для каждого из принятых в исследовании социально-экономических показателей регионов. Характеристика межрегиональной дифференциации формируется на основе исследования долгосрочной динамики индекса Тейла.

3. *Структурный анализ межрегиональной дифференциации.* Выполнен с помощью ИДК, рассчитанного на основании следующего алгоритма.

Шаг 1: нормализация удельных показателей экономической активности (i) регионов (j); нормализация реализована линейным методом:

$$\eta_{ij} = \frac{y_{ij} - y_{i\min}}{y_{i\max} - y_{i\min}}, \quad (4)$$

где η_{ij} – нормализованное значение показателя y_{ij} .

Шаг 2: расчет интегрального коэффициента экономической активности регионов (ИКЭА) $K_{ЭА}$; проводится посредством аддитивной свертки по показателям η_{ij} :

$$K_{ЭАj} = \sum_i \eta_{ij}. \quad (5)$$

Шаг 3: классификация регионов по группам экономической активности:

1) разбиение размаха вариации на минимальные интервалы I_k^{\min} :

$$I_k^{\min} = I_{k-1}^{\min} + \frac{K_{\mathcal{A}\min} - K_{\mathcal{A}\max}}{M},$$

$$k = 1, \dots, M, \quad (6)$$

где M – экспертно задаваемое количество групп (принятое в рамках исследования значение $M = 17$ было установлено по результатам численного эксперимента); $I_0^{\min} = K_{\mathcal{A}\min}$ – нижняя граница первого минимального интервала;

2) распределение регионов исходя из соотношения их расчетных значений ИКЭА с полученным разбиением на минимальные интервалы;

3) качественная характеристика полученного распределения и объединение интервалов для малочисленных групп (с частотой менее пяти объектов), направленное на повышение статистической устойчивости формируемой классификации;

4) проверка устойчивости полученного решения с помощью эмпирического правила Стерджеса (Sturges, 1926).

Шаг 4: расчет интегрального децильного коэффициента в порядке, принятом для случая неравных интервалов:

$$\text{ИДК} = D_9/D_1, \quad D_k = I_{i_k}^{\min} + \frac{h_{i_k}}{f_{i_k}} \left(\frac{kn}{10} - \sum_{i=1}^{i_k-1} f_i \right),$$

$$k = 1, \dots, 9, \quad (7)$$

где $I_{i_k}^{\min}$ – нижняя граница i_k интервала, содержащего k -й дециль; h_{i_k} – ширина децильного интервала; f_{i_k} – частота децильного интервала; $\sum_{i=1}^{i_k-1} f_i$ – сумма накопленных частот, предшествующих децильному интервалу.

Предложенный алгоритм предназначен для формирования дискретного вариационного ряда как основы многомерной классификации регионов по уровню экономической активности, а также для расчета интегрального децильного коэффициента.

Результаты и обсуждение

Проведенное исследование основано на данных государственной системы региональ-

ной статистики⁶. Исходный набор данных содержит 13410 записей об основных социально-экономических показателях регионов РФ:

$$\langle Y_j, FC_j, I_j, Pz_j, W_j, P_j \rangle. \quad (8)$$

Данные сформированы в форме матрицы $A = (x_{ij})$, где i – социально-экономический показатель, $i = \overline{1,6}$; j – регион, $j = \overline{1,82}$. Матрица A сформирована за 1990 год и 1995–2020 гг. Поскольку в обнародованных данных государственной региональной статистики отсутствуют сведения об объеме ВРП за 1990 год, для этого периода матрица A содержит пять показателей.

Сформированный набор данных использован для расчета и оценки двух измерителей межрегиональной дифференциации: индекса Тейла и интегрального децильного коэффициента; также на основе этого массива данных регионы классифицированы по уровню экономической активности.

Индекс Тейла как измеритель межрегиональной дифференциации

Индекс Тейла рассчитывался по абсолютным величинам экономических показателей $Y_j, FC_j, I_j, Pz_j, P_j$; при этом использовалась формула (1). Для измерения межрегионального неравенства применялись также удельные показатели: $Y_j/P_j, I_j/P_j$; расчет индекса Тейла в этом случае проведен по формуле (2).

Результат вычислений проиллюстрирован на рисунках 1 и 2. Представленные графики отражают динамику межрегиональной дифференциации за период 1990–2020 гг.

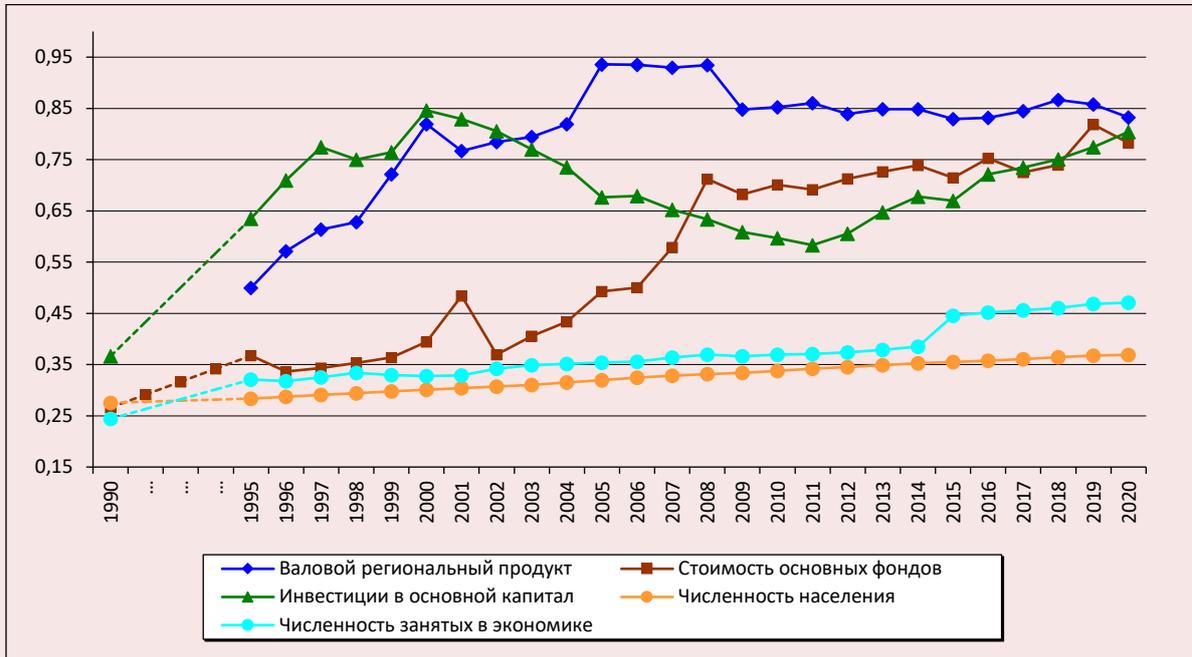
Учитывая долгосрочную динамику индекса Тейла по основным социально-экономическим показателям, можно сделать ряд заключений:

1) в базовом 1990 году, который можно отнести к дореформенному периоду, в экономическом пространстве страны наблюдался достаточно низкий уровень дифференциации регионов;

2) в период до 2000 года происходило значительное нарастание неравенства регионов по показателю «инвестиции в основной капитал»,

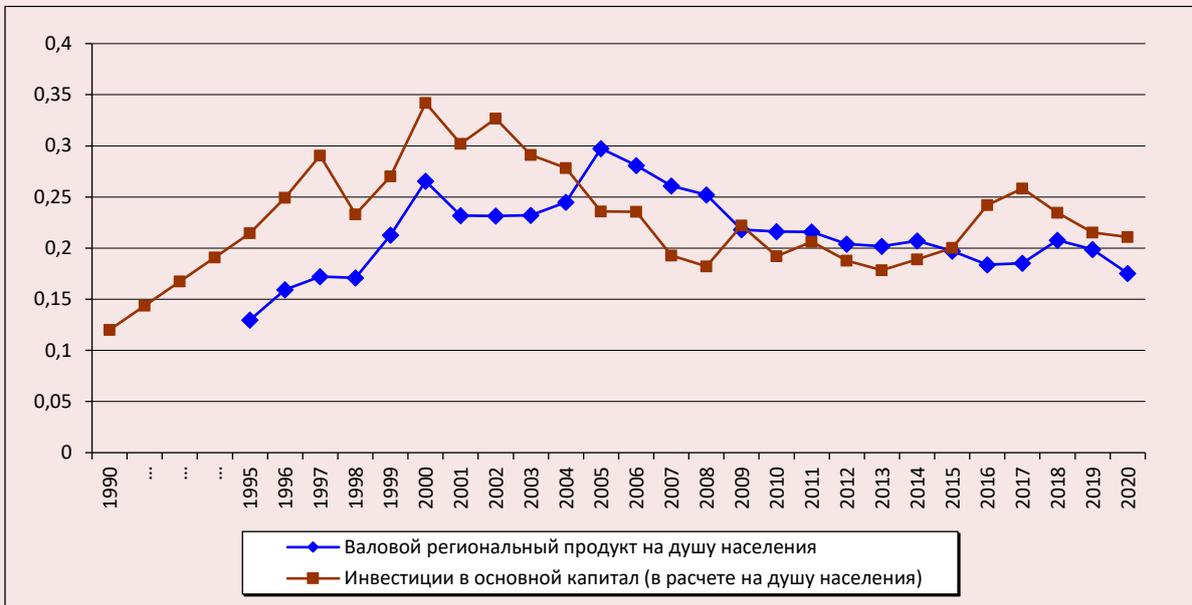
⁶ Статистические сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели...» (2003, 2011, 2018, 2021 гг.). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>; Раздел «Витрина данных». URL: <https://showdata.gks.ru/finder/> (дата обращения 01.03.2022).

Рис. 1. Динамика индекса Тейла по основным социально-экономическим показателям регионов (в абсолютных величинах)

Источник: расчеты авторов.

Рис. 2. Динамика индекса Тейла по основным социально-экономическим показателям регионов (в удельных величинах)

Источник: расчеты авторов.

которое впоследствии (с 2001 года) трансформировалось в увеличение межрегиональной дифференциации по показателю «стоимость основных фондов»;

3) по объему ВРП можно отметить выраженное усиление межрегиональной дифференциации в период с 1995 по 2008 год: уровень индекса Тейла по этому показателю достиг в 2008 году 0,95, что составляет 1/5 от максимального значения этого измерителя (максимальное значение индекса Тейла составляет 4,4 и означает такую условную ситуацию, когда вся экономическая активность сконцентрирована в одном центре);

4) дифференциация регионов по показателям «численность населения» и «численность занятых» увеличилась в исследуемом периоде не столь значительно; такая динамика может быть следствием низкой трудовой мобильности и/или усиления экономического влияния секторов экономики с низкой потребностью в трудовых ресурсах (Зубаревич, Сафронов, 2014 и др.);

5) характеристики дифференциации, рассчитанные по удельным показателям, увеличиваются меньшими темпами, но также свидетельствуют о существовании проблемы экономического неравенства регионов.

Проблема нарастающего неравенства регионов требует изучения структурных характеристик экономического пространства страны, в том числе видятся актуальными задачи чис-

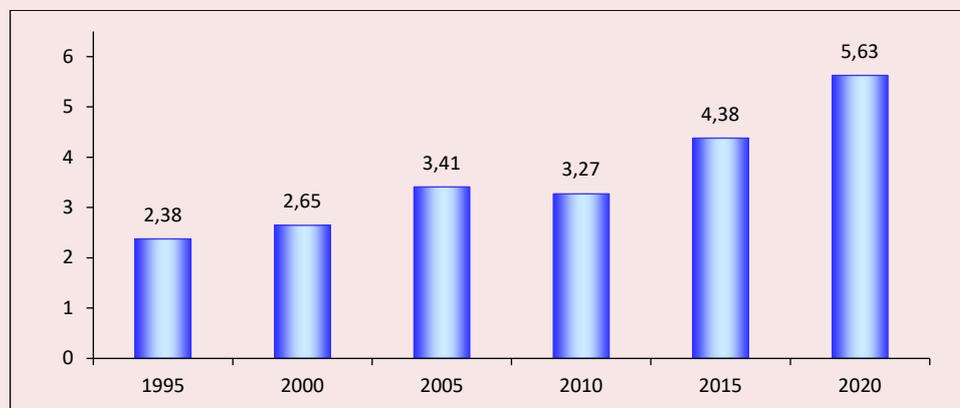
ленной оценки структуры неравенства и классификации регионов по уровню экономической активности.

Структурный анализ в исследовании концентрации экономической активности

Исследование структурных характеристик экономического неравенства регионов было проведено на основе предложенного алгоритма (4) – (7). Авторский алгоритм позволил классифицировать регионы и рассчитать децильный коэффициент на основании интегрального показателя экономической активности ИКЭА. Оценка ИКЭА выполнена посредством аддитивной свертки (5) нормализованных значений удельных показателей, состав которых отражен в (3).

ИКЭА послужил комплексным критерием многомерной классификации регионов, составленной путем разбиения исследуемой совокупности на семь статистически однородных групп; нужно отметить, что аналитически установленное число интервалов в исследуемой совокупности соответствует правилу Стерджеса. Классификация регионов по уровню их экономической активности послужила основанием для расчета децильного коэффициента по годам исследуемого периода. Рассчитанный таким образом интегральный децильный коэффициент отражает комплексную структурную характеристику экономического пространства страны. Результат расчета ИДК представлен в форме диаграммы на *рис. 3*.

Рис. 3. Значения интегрального децильного коэффициента – структурной характеристики экономического неравенства российских регионов в период 1995–2020 гг.

Источник: расчеты авторов.

Значения ИДК подтверждают оценки, основанные на индексе Тейла, свидетельствуют о нарастании межрегиональной дифференциации. В течение исследуемого периода различие между крайними децилями совокупности регионов страны увеличилось с 2,4- до 5,6-кратного уровня. Поскольку рассматриваемый децильный коэффициент является интегральным измерителем межрегионального

неравенства на многомерном пространстве критериев, важно понимать его внутреннее содержание – состав параметров, принятых в оценку ИДК. В *таблице* приведены данные за 2020 год об интервальных значениях ИКЭА по классификационным группам регионов, а также о параметрах, его образующих, в форме средних оценок \bar{y}_k и коэффициента вариации V_k .

Параметры интегрального децильного коэффициента – структурной характеристики экономического неравенства российских регионов в 2020 году

Группа регионов, k	Интервал значений интегрального коэф-та экономической активности, $I_k^{\min} - I_k^{\max}$	Параметры ИДК										Число регионов, f_k	Состав регионов
		ВРП на д.н., млн руб.		Доля занятых		Объем основных фондов на д.н., млн руб.		Объем произведенных инвестиций на д.н., млн руб.		Средняя заработная плата, тыс. руб.			
		\bar{y}_k	V_k	\bar{y}_k	V_k	\bar{y}_k	V_k	\bar{y}_k	V_k	\bar{y}_k	V_k		
1	0.13–0.38	0.23	23%	0.35	9%	0.70	31%	0.06	30%	32.6	15%	9	Р. Адыгея, Р. Дагестан, Р. Ингушетия, Кабардино-Балкарская Р., Чеченская Р., Карачаево-Черкесская Р., Р. Северная Осетия – Алания, Р. Алтай, Р. Тыва
2	0.40–0.64	0.32	10%	0.41	6%	1.32	23%	0.06	38%	32.9	9%	15	Брянская обл., Ивановская обл., Костромская обл., Орловская обл., Псковская обл., Р. Калмыкия, г. Севастополь, Р. Марий Эл, Чувашская Р., Кировская обл., Саратовская обл., Ульяновская обл., Курганская обл., Алтайский край, Р. Бурятия
3	0.66–0.91	0.41	15%	0.44	5%	1.64	22%	0.09	25%	36.9	12%	21	Владимирская обл., Курская обл., Рязанская обл., Смоленская обл., Тамбовская обл., Тверская обл., Новгородская обл., Р. Крым, Волгоградская обл., Ростовская обл., Ставропольский край, Р. Башкортостан, Р. Мордовия, Удмуртская Р., Оренбургская обл., Пензенская обл., Р. Хакасия, Кемеровская обл., Омская обл., Забайкальский край, Еврейская АО
4	0.95–1.12	0.52	9%	0.47	5%	1.96	12%	0.10	18%	40.1	9%	16	Белгородская обл., Воронежская обл., Липецкая обл., Тульская обл., Ярославская обл., Р. Карелия, Калининградская обл., Краснодарский кр., Астраханская обл., Пермский кр., Нижегородская обл., Самарская обл., Свердловская обл., Челябинская обл., Новосибирская обл., Томская обл.
5	1.19–1.54	0.66	17%	0.46	7%	2.53	21%	0.16	25%	49.5	12%	10	Калужская обл., Архангельская обл., Вологодская обл., Ленинградская обл., Р. Татарстан, Иркутская обл., Приморский кр., Московская обл., Красноярский кр., Хабаровский кр.
6	1.83–2.28	0.91	24%	0.51	9%	3.74	25%	0.24	44%	68.4	18%	7	Р. Коми, Амурская обл., Мурманская обл., г. Санкт-Петербург, Р. Саха (Якутия), Камчатский кр., Тюменская обл.
7	3.01–4.55	2.00	15%	0.63	8%	4.65	56%	0.46	36%	96.2	21%	4	г. Москва, Магаданская обл., Сахалинская обл., Чукотский АО

Источник: расчеты авторов.

По данным таблицы можно сделать следующие основные заключения:

- составленная на основании авторского алгоритма классификация регионов позволила получить статистически однородные группы, что, во-первых, служит подтверждением обоснованности полученной классификации, во-вторых, дает возможность увидеть содержательную интерпретацию каждой группы регионов и провести оценку межгрупповых различий;
- численные значения параметров ИКЭА свидетельствуют о действительно высокой дифференциации сложившихся групп регионов: средние оценки параметров показывают 8,0-кратное различие по удельному объему инвестиций, 8,6-кратное – по уровню ВРП, 6,7-кратное – по удельному объему основных фондов;
- к группам наибольшего уровня концентрации экономической активности – (7) и (6) – относятся регионы с моноотраслевой экономической специализацией в добывающей промышленности (Шаталова и др., 2022), а также г. Санкт-Петербург и г. Москва; следует отметить, что высокие значения удельных показателей по объему ВРП, инвестиций, основных фондов (нормированных по численности населения) в таких регионах, как Магаданская обл., Сахалинская обл., Чукотский АО, отчасти обусловлены малочисленностью населения, по-

стоянно проживающего в них; совокупная по трем этим регионам численность населения составляет 0,5%, вместе с тем их «вклад» в общий по РФ объем ВРП и инвестиций – 1,50 и 1,45% соответственно;

- регионы, специализирующиеся в секторе обрабатывающей промышленности, относятся преимущественно к группам (3) и (4), то есть не имеют выраженных признаков концентрации экономической активности; исключение составляют Калужская обл., Ленинградская обл., Р. Татарстан, которые вошли в группу (5).

Таким образом, по результатам проведенного исследования нужно заключить, что в течение рассмотренного тридцатилетнего периода в экономическом пространстве страны отмечается тенденция нарастающего межрегионального неравенства при усилении роли первичного сектора («первичный сектор» определен в соответствии с теоретической концепцией трехсекторной модели экономики Фишера – Кларка (Fisher, 1939)).

Для визуального представления составленной классификации регионов была сформирована цветограмма, отображающая структуру экономического пространства страны по уровню концентрации экономической активности (рис. 4). Она наглядно показывает характер дифференциации регионов РФ и географию

Рис. 4. Структура экономического пространства страны по уровню концентрации экономической активности регионов (2020 год)

размещения центров концентрации экономической активности.

Заключение

Исследование, результаты которого представлены в статье, направлено на оценку неравенства российских регионов в долгосрочной ретроспективе. Для решения поставленной исследовательской задачи использовались сложившиеся статистические методы измерения неравенства, в том числе расчет индекса Тейла и децильного коэффициента. В целях адаптации методов структурного анализа вариации к специфике проводимого исследования авторами предложен алгоритм расчета интегрального децильного коэффициента и формирования дискретного вариационного ряда. Численная реализация предложенного алгоритма позволила составить многомерную классификацию регионов по уровню их экономической активности и рассчитать децильный коэффициент, интегрирующий совокупность ключевых социально-экономических показателей.

Основные результаты исследования раскрываются следующими положениями:

— с помощью расчета индекса Тейла по основным социально-экономическим показателям выявлена долгосрочная тенденция к нарастанию дифференциации регионов по сравнению с дореформенным периодом; особенно значима дифференциация регионов по таким показателям, как объем ВРП, объем производственных инвестиций, стоимость основных фондов;

— структурные характеристики неравенства регионов, измеренные с помощью интегрального децильного коэффициента, также свидетельствуют о негативных изменениях в экономическом пространстве страны — дифференциация экономического состояния регионов, входящих в крайние децили, возросла с 2,4- до 5,6-кратного уровня;

— классификация регионов, проведенная на основании авторского алгоритма, показала, что концентрация экономической активности смещается в сектор добывающей промышленности (преимущественно в районы Сибири и Дальнего Востока), а также г. Москва и Санкт-Петербург. Для регионов, экономическая специализация которых ориентирована на высокотехнологичные отрасли промышленности, высокая концентрация экономической активности, как правило, не характерна.

Полученные результаты согласуются с положениями исследований, проведенных ранее российскими учеными-экономистами (Бахтин и др., 2017; Коломак, 2014а; Глушенко, 2015 и др.), о высокой значимости проблемы экономического неравенства российских регионов и актуальности действенной государственной политики выравнивающего развития. При этом в рамках нашего исследования была изучена долгосрочная ретроспектива и показан уровень нарастания неравенства в сопоставлении с дореформенным периодом. Авторский алгоритм оценки децильного коэффициента развивает сложившиеся методы измерения дифференциации регионов: позволяет составить интегральную оценку межрегиональной дифференциации по совокупности основных социально-экономических показателей и раскрыть ее структурный компонент.

Практическая значимость результатов исследования видится в возможности их использования при реализации государственной региональной политики, одним из направлений которой определено «сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов РФ и снижение внутрирегиональных социально-экономических различий»⁷. Решение соответствующих задач требует мониторинга и контроля достигаемых результатов по реализации мер выравнивающего развития территорий. Однако содержащийся в действующей редакции «Стратегии ...2025» набор целевых показателей пространственного развития не включает необходимых измерителей экономического неравенства регионов страны, в связи с чем необходимо дополнить этот набор показателей на основе современных достижений экономической науки и мирового опыта.

Принимая во внимание актуальность проблемы межрегиональной дифференциации в стране и широкие возможности методического аппарата ее изучения, представляется важным продолжать исследование в следующих направлениях: количественная и качественная оценка влияния сложившихся центров экономического роста на экономическую конвергенцию внутри соответствующих макрорегионов; оценка

⁷ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 23.03.2021). URL: <http://government.ru/docs/35733>

характера межрегиональной дифференциации в разрезе отраслевых кластеров и выявление центров пространственной локализации отраслевых производственных систем; проведение межстрановых сравнений и исследование зарубежного опыта по сокращению экономического неравенства регионов в условиях неоиндустриального императива экономического роста.

Литература

- Бахтизин А.Р., Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. (2017). Экономическая дифференциация регионов России: новые оценки и закономерности // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. № 1. С. 41–56.
- Глушенко К.П. (2010). Исследования неравенства по доходам между российскими регионами // Регион: Экономика и Социология. № 4. С. 88–119.
- Глушенко К.П. (2016). К вопросу о применении коэффициента Джини и других показателей неравенства // Вопросы статистики. № 2. С. 71–80.
- Зубаревич Н.В. (2014). Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. № 4 (478). С. 6–27.
- Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (2014). Территориальное неравенство доходов населения России и других крупных постсоветских стран // Региональные исследования. № 4 (46). С. 100–110.
- Коломак Е.А. (2014а). Пространственная концентрация экономической активности в России // Пространственная экономика. № 4. С. 82–99.
- Коломак Е.А. (2014б). Эволюция пространственного распределения экономической активности в России // Регион: Экономика и Социология. № 3 (83). С. 75–93.
- Коломак Е.А. (2020). Трансформация пространственных пропорций развития современной России: направления, темпы, факторы // Интерэкспо Гео-Сибирь. Т. 3. № 1. С. 88–95.
- Лавровский Б.Л., Шильцин Е.А. (2009). Российские регионы: сближение или расслоение? // Экономика и математические методы. Т. 45. № 2. С. 31–36.
- Лавровский Б.Л., Шильцин Е.А. (2016). Оценка и прогноз пространственной конфигурации валового продукта регионов России // Экономика региона. Т. 12. № 2. С. 383–395.
- Малкина М.Ю. (2014). Исследование взаимосвязи уровня развития и степени неравенства доходов в регионах Российской Федерации // Экономика региона. № 2. С. 238–248.
- Малкина М.Ю. (2016а). К вопросу о необходимости взвешивания в межрегиональных исследованиях (ответ на статью К.П. Глушенко) // Пространственная экономика. № 1. С. 163–184.
- Малкина М.Ю. (2016б). Оценка факторов конвергенции/дивергенции российских регионов по уровню бюджетной обеспеченности на основе декомпозиции индексов Тейла – Бернулли // Пространственная экономика. № 3. С. 16–37.
- Орлов Ю.Н. (2013). Оптимальное разбиение гистограммы для оценивания выборочной плотности функции распределения нестационарного временного ряда // Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша. № 14. 26 с. URL: <http://library.keldysh.ru/preprint.asp?id=2013-14> (дата обращения: 01.03.2022).
- Шаталова О.М., Касаткина Е.В., Лившиц В.Н. (2022). Кластерный анализ и классификация промышленно ориентированных регионов РФ по экономической специализации // Экономика и математические методы. Т. 58. № 1. С. 80–91.
- Adelman I., A. Levy (1984). Decomposing Theil's index of income in equality into between and within component. *The Review of Income and Wealth*, 30(32), 119–121.
- Benini R., Czyzewski A. (2007). Regional disparities and economic growth in Russia: New growth patterns and catching up. *Econ Change*, 40, 91–135. DOI: 10.1007/s10644-007-9026-0.
- Fisher A.G.B. (1939). Production, primary, secondary and tertiary. *Economic Record*, 15(1), 24–38. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/j.1475-4932.1939.tb01015.x>.
- Gluschenko K. (2018). Measuring regional inequality: To weight or not to weight? *Spatial Economic Analysis*, 13(1), 36–59.
- Obradović S., Lojanica N., Stančić O. (2016). The influence of economic growth on regional disparities: Empirical evidence from OECD countries. *Zb. Rad. Ekon. Fak. Rij*, 34(1), 161–186. DOI: 10.18045/zbfri.2016.1.161.
- Sturges H. (1926). The choice of a class-interval. *J. Amer. Statist. Assoc.*, 21, 65–66.
- Theil H. (1967). *Economics and Information Theory*. Amsterdam: North-Holland.
- Theil H. (1979). The measurement of inequality by components of income. *Economics Letters*, 2(2), 197–199.

Сведения об авторах

Ольга Михайловна Шаталова — доктор экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Удмуртский филиал, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (426000, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4; e-mail: oshatalova@mail.ru)

Екатерина Васильевна Касаткина — кандидат физико-математических наук, доцент, Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашникова (426069, Российская Федерация, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Студенческая; д. 7; e-mail: e.v.trushkova@gmail.com)

Shatalova O.M., Kasatkina E.V.

Socio-Economic Inequality of Regions in the Russian Federation: Measurement Issues and Long-Term Evaluation

Abstract. The article is devoted to the problem of interregional differences in the economic area of the Russian Federation. The research covers a long period (from 1990 to 2020), since this period saw significant changes in the economic, institutional and political structure of the country. The assessment of the level of differences of regions is based on the main socio-economic indicators, data on which are formed in the system of state regional statistics. The Theil index was used as the basic method for measuring inequality. This made it possible to assess the dynamics of the spatial localization of economic activity in terms of the main socio-economic indicators, as well as form the groundwork for continuing the research — assessing its intragroup and intergroup components in the sectoral aspect. For a structural analysis of the problem of regional differences, we propose our own algorithm that allows us to form a discrete variation series and calculate the integral decile coefficient. The numerical implementation of the proposed algorithm made it possible to compile a multidimensional classification of regions according to the level of their economic activity and calculate the decile coefficient on this basis; the decile coefficient integrates the totality of the main socio-economic indicators adopted for the research. The results of the research show the long-term dynamics of the growth of differences and its significant level in comparison with the pre-reform period. A numerical assessment of the measure of differences, measured using the integral decile coefficient for a set of basic economic indicators of the regions, has been compiled. On this basis, it was found that in the long term (1995–2020) the level of economic differences of the regions increased from 2.4 to 5.6 times. A classification of regions according to the level of economic activity has been compiled, which reflects the nature of the differences of the regions of the Russian Federation, as well as the geography of the location of centers of concentration of economic activity.

Key words: regional economy, interregional differences, Theil index, integral decile coefficient, spatial localization, economic activity.

Information about the Authors

Olga M. Shatalova — Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Senior Researcher, Udmurt Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (4, Lomonosov Street, Izhevsk, 426004, Russian Federation; e-mail: oshatalova@mail.ru)

Ekaterina V. Kasatkina — Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, associate professor of department, Kalashnikov Izhevsk State Technical University (7, Studen'cheskaya Street, Izhevsk, Udmurt Republic, 426069, Russian Federation; e-mail: e.v.trushkova@gmail.com)

Статья поступила 11.05.2022.

Приоритеты и инструменты трансформации управления муниципальными образованиями в контексте новой реформы местного самоуправления

Сергей Геннадиевич
ЖЕСТЯННИКОВ

Представительное Собрание Вологодского муниципального района
Вологда, Российская Федерация
e-mail: jestyannikovsg@volraion.ru

Аннотация. Одним из приоритетных направлений развития муниципальных образований в контексте новой реформы местного самоуправления в России является трансформация системы местного самоуправления, включая дальнейшее укрупнение территориальных систем муниципального уровня. Данные вопросы в определенной степени нашли отражение в науке, в том числе в рамках изучения агломерационных процессов. Вместе с тем проблематика трансформации муниципального управления в настоящее время является слабо проработанной в методическом плане. Наряду с общими закономерностями, на наш взгляд, необходимо особое внимание уделить специфике развития муниципальных образований, расположенных вокруг крупного города. Эти обстоятельства и обусловили актуальность представленной работы. Целью настоящего исследования является разработка методического подхода к обоснованию приоритетов и инструментов трансформации управления муниципальными образованиями в контексте новой реформы местного самоуправления. Для достижения указанной цели использованы методы анализа и синтеза, структурно-функциональный, монографический, статистический методы, исследования муниципальных практик и др. Научная новизна проведенного исследования заключается в разработке методического подхода к обоснованию приоритетов и инструментов трансформации управления муниципальными образованиями в контексте новой реформы местного самоуправления. Показан позитивный социально-экономический эффект для муниципального образова-

Для цитирования: Жестянников С.Г. (2022). Приоритеты и инструменты трансформации управления муниципальными образованиями в контексте новой реформы местного самоуправления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 88–101. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.6

For citation: Zhestyannikov S.G. (2022). Priorities and tools for the transformation of municipal governance in the context of the new reform of local self-government. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 88–101. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.6

ния таких методов трансформации, как объединение сельских поселений и переход к одноуровневой системе организации местного самоуправления, передача полномочий с уровня сельских поселений на уровень муниципального района, развитие межмуниципального сотрудничества. Результаты работы могут быть тиражированы и использованы в практике управления развитием муниципальных образований России, а также служить основой для дальнейших исследований по данной тематике, касающихся совершенствования системы управления на местном уровне.

Ключевые слова: муниципальные образования, местное самоуправление, реформа местного самоуправления, городские агломерации, межмуниципальное сотрудничество.

Введение

Современные тенденции в развитии муниципальных образований, связанные с наличием социально-экономических и организационно-управленческих проблем, необходимостью выстраивания комплексной системы стратегического управления развитием территорий, более широкого учета потенциала местного сообщества и ресурсной базы, обуславливают актуальность разработки методических подходов для обеспечения сбалансированного развития территории. Одно из направлений его достижения заключается в трансформации управления муниципальными образованиями, предусматривающей комплекс решений по оптимизации организационных структур управления и сокращению асимметрии в социально-экономическом развитии муниципальных образований, прежде всего являющихся ближайшей периферией в городской агломерации.

Активное взаимодействие крупных городов с численностью населения от 250 тыс. человек с прилегающими территориями в радиусе 50–60 километров, их организационная, экономическая и культурная интеграция обеспечивают значительный мультипликативный эффект для развития как самого города, так и прилегающих муниципальных образований. Их роль в региональном аспекте состоит, с одной стороны, в обеспечении усиления межмуниципальной кооперации, позволяющей эффективно использовать трудовые, организационные, финансовые, рекреационные и иные ресурсы для решения задач городского развития, с другой — в обеспечении трансляции городской динамики социально-экономических изменений на периферийные территории.

Вышеуказанные ориентиры определены в ряде стратегических документов развития страны. Так, согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до

2025 года важнейшая цель — сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации, в том числе посредством повышения устойчивости системы расселения за счет развития опорных населенных пунктов, сельских территорий, учитывая плотность населения, различный характер освоения и использования таких территорий, природные условия, удаленность от крупных городов и др.¹

В Основах государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года в качестве приоритетных задач закреплены необходимость обеспечения экономической связанности городов с прилегающими к ним территориями, а также городских агломераций между собой, сокращение различий в качестве жизни в городах и сельской местности².

Указанные приоритеты получили дальнейшее развитие в обновленной Конституции России, Федеральном законе от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», законопроекте № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (принят в первом чтении 25 января 2022 года). Очередной этап муниципальной реформы призван повысить эффективность взаимодействия всех уровней публичной власти в целях социально-экономического

¹ О Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р.

² Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 года № 13.

развития территорий посредством перехода к новой пространственной организации регионов на основе одноуровневой модели местного самоуправления³.

Таким образом, рассмотрение тенденций и проблем в сфере трансформации управления муниципальными образованиями в условиях реформирования местного самоуправления является актуальным для обоснования управленческих подходов к оптимизации организационных структур и сокращению асимметрии в социально-экономическом развитии муниципальных образований.

Обзор литературы

В ходе поиска эффективных путей социально-экономического развития территорий зарубежные и российские ученые отмечают различные методы управления развитием муниципальных образований: экономические, финансовые, административные, нормативно-правовые, программно-целевые и др. Субъектами управления в данном контексте выступают органы местного самоуправления и население муниципалитета. К субъектам прямого или косвенного влияния на развитие муниципалитетов можно также отнести органы государ-

ственной власти, бизнес-структуры, некоммерческий сектор. Объектом управления является муниципальное образование как социально-экономическая система пространственного типа. В *таблице 1* представлены примеры классификаций методического инструментария.

Имеющиеся классификации не в полной мере отражают современные тенденции развития муниципальных образований, направленные на решение задач трансформации управления в условиях реформирования местного самоуправления. В этом плане с позитивной стороны отметим исследование Т.В. Усковой, Н.В. Ворошилова (Ускова, Ворошилов, 2015), в котором в качестве инструмента регулирования рассматривается формирование социально-экономических округов для устранения территориальных диспропорций. Важность применения указанных методов в условиях ограниченных ресурсов отмечают и другие авторы (Орешников, Атаева, 2018).

В результате обобщения подходов к управлению развитием муниципальных образований нами разработана оригинальная классификация (*табл. 2*).

Таблица 1. Классификации методов управления развитием муниципальных образований, разработанные в научной литературе

Автор	Методы	Инструменты
Д.С. Хайруллин (Хайруллин, 2019)	Экономические	Прямые: бюджетное финансирование, централизованные капиталовложения, установление тарифов и цен на услуги и товары; косвенные: местные налоги, платежи за пользование природными ресурсами, аренда муниципальной собственности и др.
	Административные	Нормативно-правовая база
Т.В. Ускова, Н.В. Ворошилов (Ускова, Ворошилов, 2015)	Финансовые	Дотации, субсидии, субвенции, налоговые льготы, субсидии на подготовку кадров, экспертизу проектов развития и бюджетов
	Организационные	Оказание консалтинговых услуг
	Административные	Формирование социально-экономических округов для устранения территориальных диспропорций; совершенствование нормативно-правовой базы
И.М. Павленков (Павленков, 2018)	Финансовые	Прямые финансовые инструменты – финансовая помощь из бюджетов разного уровня
	Нефинансовые	Безвозмездная передача или продажа со скидкой стоимости муниципального или государственного имущества; развитие инфраструктуры (водоснабжение, дороги, канализация и др.), субсидирование за счет бюджета повышения квалификации и профессиональной подготовки специалистов и т. д.

Источник: составлено автором на основании анализа литературы.

³ Проект федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8>

Таблица 2. Классификация методов и инструментов управления развитием муниципальных образований

Методы	Инструменты
Финансовые	Бюджетное финансирование (включая трансферты, субсидии, субвенции, дотации, гранты), муниципальные займы
	Внебюджетные фонды
	Софинансирование участия муниципальных образований в реализации национальных проектов
Экономические	Создание экономических и административных зон с особым статусом (технопарки, наукограды, моногорода, зоны территориального развития, территории опережающего экономического развития и др.), кластеров
	Тарифное, ценовое и налоговое регулирование
	Управление муниципальной недвижимостью
	Поддержка малого бизнеса, в том числе посредством муниципального заказа, грантовой поддержки, льгот
	Привлечение инвестиций
	Муниципально-частное партнерство
Нормативные и административные	Муниципальные нормативно-правовые акты
	Разработка и реализация стратегий, программ
	Проектное управление
	Территориальный маркетинг
	Консалтинг муниципального управления, повышение квалификации кадров
	Разработка социальных и экономических нормативов
Регулирования социального настроения общества	Цифровизация муниципального управления и предоставления услуг
	Предоставление социально значимых услуг
	Аудит и открытость для общественности результатов деятельности органов муниципального управления
	Развитие форм общественного участия населения, включая инициативное бюджетирование, ТОС
Муниципально-территориального и пространственного развития	Изменение вида и границ муниципальных образований
	Межмуниципальное сотрудничество
Источник: составлено автором.	

В рамках статьи проанализированы методы муниципально-территориального и пространственного развития, включающие изменение вида и границ муниципальных образований, а также межмуниципальное сотрудничество, которые позволяют осуществлять социально-экономическое развитие муниципального образования с учетом фактора размещения и возможностей обмена ресурсами.

Научные подходы к организации межмуниципального сотрудничества исследованы как зарубежными (Casula, 2020), так и отечественными учеными (Гайнанов и др., 2017), закреплены в правовых актах⁴. Вместе с тем, в настоящее время практика применения межмуниципальных взаимодействий реализуется на

локальном уровне фрагментарно. В зависимости от целей и организационно-правового содержания межмуниципальное сотрудничество может осуществляться в формах ассоциативного и договорного, реже – хозяйственного сотрудничества (Ворошилов, 2021a; Ворошилов, 2021b). Однако отметим, что наряду с межмуниципальным сотрудничеством имеются и другие методы развития муниципалитетов, в том числе муниципально-частное партнерство, проектное управление и т. д.

Межмуниципальное сотрудничество является эффективным методом объединения ресурсов различных муниципалитетов для решения вопросов и проблем местного значения, а также реализации крупных инвестиционных проектов, требующих большей координации совместных действий, что особо значимо для эффективного управления развитием муниципальных образований, входящих в городские

⁴ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ.

агломерации, для обеспечения экономического подъема всех ее составляющих, а не только «центра» (Fang, 2019; Dadashpoor, Ahani, 2019; Kössler Kress, 2021).

Ученые (Shmidt et al., 2016; Li et al., 2020; Zidong, Xintao, 2021) обосновали, что крупные города должны выступать инновационными центрами по отношению к территории, на которую распространяется их политико-административное, культурное и экономическое влияние. Транспортно-коммуникационной базой опорного каркаса являются «полимагистралы» – коридоры инфраструктур, экономические оси, вдоль которых формируются полосы концентрации населения и хозяйства.

В контексте изложенных изменений территориального устройства представляется логичным дальнейший переход к одноуровневой организации местного самоуправления⁵.

Централизация как актуальный тренд муниципального развития России, необходимость применения научных подходов к территориально-пространственным изменениям, в том числе агломерированию, исследованы многими отечественными учеными на примерах конкретных регионов (Дементьев, 2019; Сираждинов, 2021).

В ряде научных работ, в том числе на материалах Северо-Западного федерального округа (Мищенко и др., 2020; Коречков и др., 2021), дана оценка правовых, организационных, социально-экономических аспектов муниципальной реформы по переходу к одноуровневой системе местного самоуправления, выработаны рекомендации, позволяющие органам власти и населению адаптироваться к предстоящим переменам. В качестве положительных аспектов реформы исследователями выделены и обоснованы потенциал увеличения доходов бюджета округа, оптимизация аппарата и расходов на организацию управления, документооборо-

та и нормативно-правовой базы, повышение организационной эффективности, единство документов территориального планирования и управления имуществом комплексом. Среди негативных моментов отмечаются возможная протестная активность, необходимость трудоустройства работников администраций поселений, «отдаленность» власти и муниципальных услуг от населения.

Методы и данные

Исследование осуществлялось с помощью применения методов анализа и синтеза, структурно-функционального, монографического метода, инструментария статистического анализа, исследования муниципальных практик и др.

Выводы и предложения обосновываются результатами анализа данных Росстата, информации об исполнении местных бюджетов (База данных показателей муниципальных образований Росстата), нормативно-правовой базы в сфере новой реформы местного самоуправления в России, практики трансформации муниципальных образований и управления ими (данные сети Интернет).

Результаты исследования

Анализ опыта местного управления в зарубежных странах и России показывает, что период второй половины XX – начала XXI века связан с активным преобразованием на локальном уровне. Одной из основных тенденций стало укрупнение муниципалитетов, а также переход к одноуровневой модели местного самоуправления, неизбежными причинами которого многие авторы считают изменение системы расселения, концентрацию экономического роста и человеческого капитала в городах, сокращение численности сельского населения (Буркова, 2013; Кузнецов и др., 2019; Бухвальд и др., 2021).

Изменениями, внесёнными в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», с 2017 года установлена возможность преобразования муниципальных районов в городские округа, а с 2019 года – в муниципальные округа⁶.

⁶ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ.

⁵ О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: Федеральный закон от 3 апреля 2017 года № 62-ФЗ; О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: Федеральный закон от 1 мая 2019 года № 87-ФЗ; Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ.

На основе изменения законодательной базы наиболее значимые трансформации в направлении укрупнения муниципальных образований за счет объединения сельских поселений произошли в Ленинградской, Вологодской, Калининградской областях, Республике Коми (табл. 3). В настоящее время процессы перехода к образованию муниципальных округов осуществляются в большинстве субъектов Северо-Запада России. Завершен переход к одноуровневой системе местного самоуправления в Калининградской области⁷.

В Вологодской области в 2017 году укрупнение муниципальных образований произошло в пяти муниципальных районах. В качестве объекта более пристального внимания автором был выбран Вологодский муниципальный район⁸.

Вологодский муниципальный район – один из развитых и крупных сельскохозяйственных районов региона. По состоянию на 1 января 2022 года административно разделен на 10 сель-

ских поселений. Район имеет выгодное экономико-географическое положение вокруг административного центра региона и входит в Вологодскую агломерацию. Организационная эффективность деятельности органов местного самоуправления позволяет реализовывать целый ряд эффективных муниципальных практик. В 2018–2021 гг. Вологодский район занимал 1 место в региональных рейтингах муниципальных районов области по результатам оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления, проводимой в соответствии с Указом Президента РФ от 28 апреля 2008 года № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов».

Район является типичным для рассмотрения проблем и перспектив пространственных изменений муниципальных образований Северо-Запада России в контексте реформы местного самоуправления (табл. 4).

Таблица 3. Количество муниципальных образований Северо-Западного федерального округа в 2017–2020 гг. по видам муниципальных образований (за исключением города федерального значения Санкт-Петербурга)

Субъект	Всего		МР*		ГО**		ГП***		СП****		МО*****	
	2017	2021	2017	2021	2017	2021	2017	2021	2017	2021	2017	2021
Северо-Западный федеральный округ	1322	1247	146	137	53	56	206	195	917	853	0	6
Республика Карелия	126	125	16	16	2	2	22	22	86	85	0	0
Республика Коми	185	178	14	14	6	6	14	14	151	144	0	0
Архангельская область, в том числе:	226	218	20	19	8	8	21	20	177	170	0	1
Ненецкий автономный округ	21	21	1	1	1	1	1	1	18	18	0	0
Вологодская область	218	207	26	26	2	2	22	21	168	158	0	0
Калининградская область	32	22	3	0	19	22	6	0	4	0	0	0
Ленинградская область	217	205	17	17	1	1	64	66	135	121	0	0
Мурманская область	40	36	5	4	12	12	13	10	10	9	0	1
Новгородская область	142	120	21	17	1	1	19	17	101	81	0	4
Псковская область	136	136	24	24	2	2	25	25	85	85	0	0

*Муниципальный район; ** городской округ; *** городское поселение; **** сельское поселение; ***** муниципальный округ.
Составлено по: База данных показателей муниципальных образований / Росстат. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst.htm>

⁷ О регулировании отдельных вопросов, связанных с наделением статусом муниципального округа отдельных городских округов Калининградской области: Закон Калининградской области от 27 декабря 2019 года № 378.

⁸ О преобразовании некоторых муниципальных образований Вологодского муниципального района и о внесении изменений в Закон области «Об установлении границ Вологодского муниципального района, границах и статусе муниципальных образований, входящих в его состав»: Закон Вологодской области от 29 мая 2017 года № 4148-ОЗ.

Таблица 4. Численность населения крупных городов Северо-Запада России и расположенных вблизи них муниципальных образований (2021 год), чел.

№	Крупный город	Численность населения	Муниципальное образование, расположенное вблизи крупного города	Численность населения	Субъект России
1.	Калининград	482 443	Гурьевский район	68 579	Калининградская область
2.	Архангельск	348 343	Приморский район	24 278	Архангельская область
3.	Череповец	316 529	Череповецкий район	38 635	Вологодская область
4.	Вологда	311 846	Вологодский район	51 999	Вологодская область
5.	Мурманск	292 465	Кольский район	40 293	Мурманская область
6.	Петрозаводск	280 170	Прионежский район	21 931	Республика Карелия
	Итого	2 031 796		245 715	

Составлено по: База данных показателей муниципальных образований / Росстат. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst.htm>

В научной литературе имеются неоднозначные оценки последствий объединения муниципальных образований для социально-экономического развития территорий. Конкретный показательный пример отсутствия позитивного эффекта от объединения сельских поселений Кичменгско-Городецкого района Вологодской области представлен в исследовании (Ворошилов, 2017). Справедлив вывод ученого о необходимости преобразования муниципально-территориального устройства на основе комплексного исследования целесообразности с помощью четко установленных количественных и качественных критериев и реальной эффективности процессов. Дополнением к этому выводу может служить решение на основе всестороннего анализа уровня развития территории о недостаточности данной меры для депрессивной территории и необходимости дополнительных комплексных мер государственного регулирования.

В ходе анализа последствий объединения сельских поселений в Вологодском муниципальном районе выявлена позитивная тенденция, что подтверждается данными об исполнении бюджетов Марковского и Подлесного сельских поселений за 2017 год и сельского поселения Подлесное за 2021 год (табл. 5). В качестве основных эффектов укажем:

- повышение инвестиционной привлекательности территории объединенного поселения и, как следствие, увеличение налогооблагаемой базы по налогу на доходы физических лиц на 177% к уровню 2017 года;

- повышение эффективности управления налоговым потенциалом собственной налого-

вой базы (налог на имущество физических лиц, земельный налог) в целом на 127% к уровню 2017 года;

- дополнительно поступившие налоги позволили увеличить финансирование социальной сферы в области культуры (на 130%) и физической культуры и спорта (на 123%);

- снижение расходов на аппарат управления составило 3%, однако с учетом повышения заработной платы муниципальным служащим с 2020 года на 20% можно отметить как факт недопущение роста общегосударственных расходов.

Кроме того, безусловным свидетельством повышения эффективности управления и прозрачности взаимодействия с частным бизнесом и населением является рост количества реализованных инвестиционных и инфраструктурных проектов, в том числе с применением механизмов инициативного бюджетирования (табл. 6).

Представленные положительные эффекты от объединения поселений могут служить основанием для рассмотрения вопроса о преобразовании поселений, входящих в состав Вологодского муниципального района, путём их объединения и наделения вновь образованного муниципального образования статусом муниципального округа. В контексте цели исследования представляется важным рассмотреть вопрос о реализации практики заключения договоров по передаче полномочий между районным и поселениями, входящими в его состав⁹.

⁹ О Порядке участия Вологодского муниципального района в межмуниципальном сотрудничестве: Решение Представительного Собрания Вологодского муниципального района от 17 июня 2014 года № 243.

Таблица 5. Анализ исполнения бюджетов Марковского и Подлесного сельских поселений за 2017 год и сельского поселения Подлесное за 2021 год, тыс. руб.

Наименование показателя	2017 год		2021 год
	МСП*	ПСП**	СПП***
Исполнение по доходам:			
Налоговые и неналоговые доходы	2 740,07	6 189,77	12 987,90
Налог на доходы физических лиц	207,07	1 315,31	2 706,80
Единый сельхозналог	3,05	0,00	0,00
Налог на имущество физических лиц	701,55	1 301,22	2 428,24
Земельный налог	1 481,85	3 477,41	6 584,35
Государственная пошлина	27,64	38,14	25,59
Задолженность и перерасчеты по отмененным налогам, сборам и иным обязательным платежам	0,00	0,00	-11,86
Доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности	307,91	57,69	391,78
Штрафы, санкции, возмещение ущерба	11,00	0,00	11,00
Исполнение по расходам:			
Общегосударственные расходы, в том числе функционирование высшего должностного лица муниципального образования, местных администраций	3 481,2	7 745,2	10 980,4
Национальная оборона	79,9	199,9	261,2
Национальная экономика	2 546,3	3 729,5	0,0
Жилищно-коммунальное хозяйство, в том числе благоустройство	351,2	437,2	8 112,1
Образование	0,0	19,5	25,0
Культура	2 928,1	4 957,0	10 254,6
Социальная политика	317,5	154,5	878,9
Физическая культура и спорт	1 150,0	0,0	2 658,6
*МСП – Марковское сельское поселение; **ПСП – Подлесное сельское поселение; ***СПП – сельское поселение Подлесное. Составлено по: данные отчета об исполнении бюджета Вологодского муниципального района, предоставленного финансовым управлением администрации района.			

Таблица 6. Объемы финансирования инвестиционных проектов и проектов в рамках программы «Народный бюджет», реализованных в 2017–2021 гг. на территории Марковского и Подлесного сельских поселений и сельского поселения Подлесное, млн руб.

Наименование показателя	2017 год		2018 год	2019 год	2020 год	2021 год
	МСП*	ПСП**	СПП***			
Инвестиционные проекты	0	0	281,334 (строительство коровника в п. Харачево, открытие предприятия ООО «Вологодская зелень» в п. Васильевское)	424,8 (начало реализации проекта по строительству рыбоводного хозяйства «Аквапродукт» в п. Грибково, запуск строительства молочно-товарной фермы «ОАО «Родина» в п. Васильевское)	393,4 (продолжение реализации проектов 2019 года)	607,47 (строительство фельдшерско-акушерского пункта в п. Грибково, строительство молочно-товарной фермы в п. Васильевское, продолжение реализации проекта по строительству рыбоводного хозяйства «Аквапродукт»)
Проекты в рамках программы «Народный бюджет»	0	0	0,25 (детская площадка)	1,3 (2 спортивные площадки, освещение хоккейного корта, приобретение спортивного инвентаря)	1,9 (3 детские площадки, ремонт дворовой территории)	4,3 (4 детские площадки, обустройство уличного освещения, обустройство тренажерного зала)
*МСП – Марковское сельское поселение; **ПСП – Подлесное сельское поселение; ***СПП – сельское поселение Подлесное. Составлено по: данные Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial						

В настоящее время межмуниципальное «хозяйственное» сотрудничество в районе не представлено, район и его поселения не являются учредителями или участниками каких-либо межмуниципальных организаций.

Анализ передаваемых объемов финансирования за 2017–2022 гг. (табл. 7) наглядно показывает тенденцию централизации исполнения полномочий – увеличивается объем финансирования полномочий, передаваемых от поселений на уровень района. В структуре передаваемых объемов эту тенденцию обеспечивают:

- сокращение финансирования самостоятельно исполняемых на уровне поселений полномочий по водоснабжению и осуществлению дорожной деятельности в отношении автомобильных дорог общего пользования местного значения (справочно: 99,7% от общего объема финансирования передаваемых полномочий составляет финансирование дорожной деятельности);

- возрастающий объем финансирования передаваемых от поселений на уровень района полномочий на реализацию мероприятий программы по формированию современной городской среды (благоустройству) на территории

поселения, выполнение полномочий в области культуры и ведения бюджетного (бухгалтерского учета) поселений района (справочно: 84,7% от общего объема финансирования передаваемых полномочий составляет финансирование полномочий по благоустройству).

С 2019 года полномочия по дорожной деятельности тремя поселениями переданы на уровень района и реализуются в межпоселенческом формате – МБУ ВМР «Дорожно-ремонтно-строительное управление» (далее – МБУ ВМР «ДРСУ»). В 2021 году МБУ «ДРСУ» обслуживало пять наиболее крупных поселений района. Анализ затрат (табл. 8) на реализацию полномочия (с учетом удорожания материалов и роста заработной платы) показывает, что в период 2017–2021 гг. ежегодные затраты на самостоятельное исполнение полномочий сельскими поселениями возросли на 162,3%, затраты на дорожную деятельность при передаче полномочий в МБУ ВМР «ДРСУ» – на 121% (при сохранении площади обслуживаемой территории)¹⁰.

В Вологодском муниципальном районе на основании Закона Вологодской области от 6 мая 2022 года № 5122-ОЗ осуществляется

Таблица 7. Объем финансирования передаваемых полномочий за 2017–2022 гг. в Вологодском муниципальном районе, тыс. руб.

Поселение	2017 год		2018 год		2019 год		2020 год		2021 год		2022 год	
	↓*	↑**	↓	↑	↓	↑	↓	↑	↓	↑	↓	↑
Кубенское	5904,1	4574	5811,8	4272	6674,1	659	8214,6	757	10260,5	774	8909,6	710
Лесковское	3592,8	74	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0
Майское	4845,8	224	5319,3	176	6098,6	918	358,5	503	179,6	910	14,1	930
Марковское	2442,3	74	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0
Новленское	4503,9	74	6499,5	89	5958,3	536	7840,9	436	9042,0	636	7708,4	1330
Подлесное	3821,1	74	6002,7	171	110,4	643	115,4	585	10,4	792	10,4	790
Прилуцкое	993,0	74	1010,1	89	1769,5	437	3640,0	436	1520,6	636	1601,6	680
Семеновское	7783,3	74	3041,4	172	693,6	647	331,0	508	3,1	762	3,1	855
Сосновское	2625,9	74	6006,1	158	5778,3	590	245,9	530	4,5	747	4,5	770
Спасское	5196,3	74	4435,6	170	674,5	637	215,0	2052	6,0	6294	6,0	6128
Старосельское	6006,6	74	4719,3	89	6409,6	508	7632,2	585	7981,0	723	7908,0	767
Федотовское	865,6	224	1299,2	359	1801,5	740	1601,5	609	1451,5	902	1500,5	928
Итого:	48580,7	5688	44145,0	5744	35968,4	6315	30195,0	7002	30459,3	13176	27666,2	13888

*↓ – полномочия, исполняемые органами власти поселений; **↑ – полномочия, исполняемые органами власти района.
Составлено по: данные отчета об исполнении бюджета Вологодского муниципального района, предоставленного финансовым управлением администрации.

¹⁰ Об утверждении комплексной схемы организации дорожного движения Вологодского муниципального района: Постановление Администрации Вологодского муниципального района от 8 февраля 2021 года № 234-01.

Таблица 8. Затраты на осуществление дорожной деятельности исполнителями полномочий в 2017 и 2021 гг., тыс. руб.

Исполнитель полномочий по дорожной деятельности	Протяженность дорог (км)	Объемы финансирования	
		2017 год	2021 год
<i>1. Самостоятельное исполнение полномочий в 2017–2021 гг.</i>			
1.1. Кубенское поселение	255,43	5640,30	9480,00
1.2. Новленское поселение	215,85	4245,40	7950,00
1.3. Прилуцкое поселение	26,00	928,40	1519,00
1.4. Старосельское поселение	208,77	5596,00	7636,20
1.5. Федотовское поселение	5,74	865,10	1451,00
Итого 1	711,78	17275,20	28036,20
<i>2. Самостоятельное исполнение полномочия в 2017 году и централизованное обслуживание в 2021 году</i>			
2.1. Майское поселение	165,67	4714,40	-
2.2. Подлесное поселение	170,31	6113,50	-
2.3. Семеновское поселение	93,54	3436,20	-
2.4. Сосновское поселение	183,64	6064,30	-
2.5. Спасское поселение	156,50	5049,10	-
МБУ «ДРСУ»	769,67	0,00	30748,60
Итого 2	1539,34	25377,50	30748,60
ИТОГО 1 и 2	2251,12	42652,70	58784,80
Составлено по: данные отчета об исполнении бюджета Вологодского муниципального района, предоставленного финансовым управлением администрации.			

муниципальная реформа и переход к одноуровневой системе местного самоуправления с переходным периодом до 1 января 2023 года¹¹.

Модель организации местного самоуправления на территории района (рисунок) основана на сохранении органов власти на местах в формате территориальных органов администрации района с правами юридического лица, в полномочия которых планируется отнести благоустройство, участие в реализации Стратегии социально-экономического развития Вологодского муниципального района на период до 2030 года, работу с местным сообществом (территориальное общественное самоуправление, институт старост, общественные организации на местах).

В отраслевую подведомственность перейдут поселенческие учреждения сфер культуры и спорта, также планируется полностью централизовать бухгалтерский учет и дорожную деятельность.

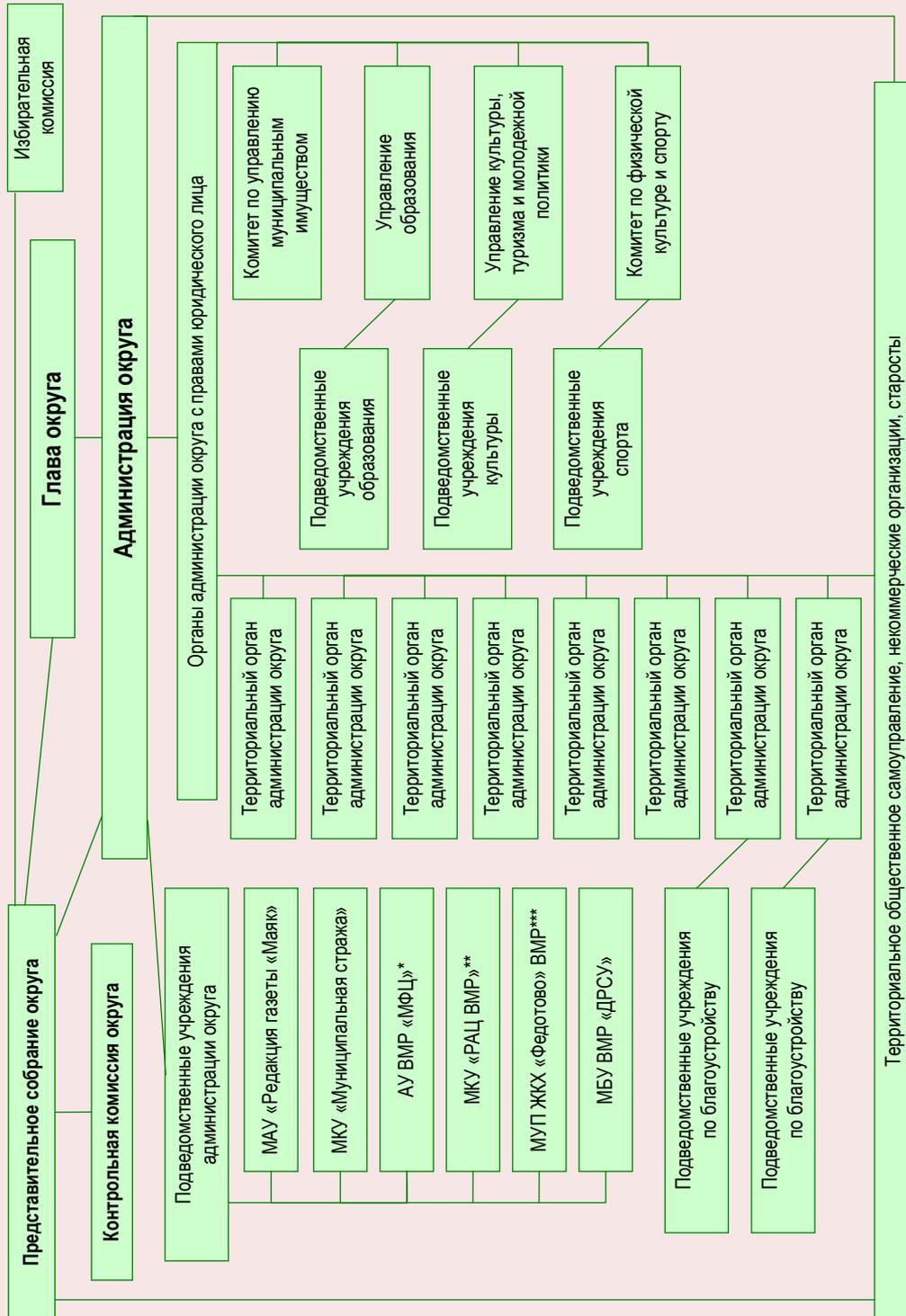
¹¹ О преобразовании всех поселений, входящих в состав Вологодского муниципального района Вологодской области, путем их объединения и наделении вновь образованного муниципального образования статусом муниципального округа и о внесении изменений в отдельные законы области: Закон Вологодской области от 6 мая 2022 года № 5122-ОЗ.

Необходимость такой структуры продиктована существующей системой расселения на территории района, отсутствием районного центра, наличием значительного количества крупных населенных пунктов. В этих условиях необходимо сохранить социальную, дорожную, инженерную инфраструктуру и предотвратить стягивание ресурсов и населения в городской округ. Предлагаемая модель в синтезе с опорой на развитие различных форм общественного самоуправления поможет нивелировать основные риски реформы, связанные с «отдалением» власти от населения.

Преобразование органов местного самоуправления позволит повысить организационную эффективность: исключить дублирование вопросов местного значения на разных уровнях власти, обеспечить единство документов территориального планирования и управления имуществом комплексом, оптимизировать межбюджетные отношения, документооборот и нормативно-правовую базу.

Вследствие сокращения расходов на проведение муниципальных выборов и аппарат управления в размере более 15,0 млн рублей появляется возможность направить высвободившиеся средства на реализацию проектов развития. Важнейшим результатом реформы

Модель организации местного самоуправления в Вологодском муниципальном округе

Сокращения:

* АУ ВМР «МФЦ» – автономное учреждение Вологодского муниципального района «Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг»;

** МКУ «РАЦ ВМР» – муниципальное казенное учреждение «Расчетно-аналитический центр Вологодского муниципального района»;

*** МУП ЖКХ «Федотово» ВМР – муниципальное унитарное предприятие жилищно-коммунального хозяйства «Федотово» Вологодского муниципального района.

Источник: составлено автором.

станет более эффективное управление ресурсами, прежде всего землей. Вектор развития района направлен на инфраструктурное и демографическое развитие, в связи с чем исключительно важно устранить административные барьеры для инвесторов и граждан. Переход к новой модели организации местного самоуправления позволит реализовать более эффективную политику территориального развития в отношении использования экономического потенциала развитых поселений.

Межмуниципальное сотрудничество, тор-мозом для которого служила двухуровневая организация местного самоуправления, может стать ключевым ресурсом развития территории округа в рамках формирующейся Вологодской агломерации. В целях реализации этой стратегии необходимо подписать Соглашение о сотрудничестве между городским округом городом Вологодой и Вологодским муниципальным округом, где зафиксировать направления, формы, механизмы, порядок реализации сотрудничества между данными муниципальными образованиями. Механизмом реализации соглашения может стать разработка Концепции развития Вологодской агломерации, предусматривающей основные направления и этапы развития с учетом включения в перспективе в ее состав Сокольского и Грязовецкого районов Вологодской области.

Образование муниципального округа позволит перейти к следующему этапу – агломерационному развитию территории через создание сети опорных населенных пунктов в качестве локальных социально-экономических центров развития. Совершенствованию структуры расселения, диверсификации экономики, активизации промышленного развития будет способствовать изменение документов территориального планирования. Подтверждением того, что этот процесс уже идет, может служить согласование вопроса о создании на террито-

рии района индустриального парка Лесково на территории 63 га. Реализация проекта поможет создать новые рабочие места, снизить зависимость региона от крупнейших предприятий металлургии и химической отрасли.

Заключение

Исследование позволило выявить проблемы и перспективы трансформации управления муниципальными образованиями как комплекса решений по оптимизации организационных структур управления и сокращению асимметрии в социально-экономическом развитии муниципальных образований, прежде всего являющихся ближайшей периферией в городской агломерации.

Автором разработаны и адаптированы теоретико-методические положения и практические рекомендации по совершенствованию управления муниципальным образованием, расположенным вблизи крупного города. Доказан положительный экономический эффект для социально-экономического развития муниципального образования, расположенного вблизи крупного города, таких методов, как объединение сельских поселений, передача полномочий с уровня сельских поселений на уровень муниципального района, переход к одноуровневой системе организации местного самоуправления.

Научная новизна проведенного исследования заключается в разработке методического подхода к обоснованию приоритетов и инструментов трансформации системы управления муниципальными образованиями в контексте новой реформы местного самоуправления.

Результаты, представленные в статье, могут быть тиражированы и использованы в практике управления развитием муниципальных образований России, а также служить основой для дальнейших исследований по данной тематике, касающихся совершенствования системы управления на местном уровне.

Литература

- Буркова О.М. (2013). Местное самоуправление Франции // Муниципальная власть. № 4. С. 12–18.
- Бухвальд Е.М., Валентик О.Н., Кольчугина А.В., Одинцова А.В. (2021). К новым «Основам государственной политики в сфере развития местного самоуправления». М.: Институт экономики РАН. 43 с.
- Кузнецов С.В., Межевич Н.М., Шамахов В.А. (2019). Пространственный аспект эволюции местного самоуправления в Российской Федерации: возможности учета зарубежного опыта // Управленческое консультирование. № 9. С. 8–14.

- Ворошилов Н.В. (2017). Муниципально-территориальное устройство в России: адаптация к разнообразию // Вопросы территориального развития. № 2 (37). С. 1–15.
- Ворошилов Н.В. (2021a). Межмуниципальное сотрудничество в России: состояние, проблемы и перспективы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 6. С. 141–159.
- Ворошилов Н.В. (2021b). Тенденции и перспективы изменения муниципально-территориального устройства в России // Проблемы развития территории. Т. 25. № 5. С. 105–124.
- Гайнанов Д.А., Тажитдинов И.А., Атаева А.Г. (2017). Межмуниципальное сотрудничество в Российской Федерации: теоретические и практические аспекты // Экономика и предпринимательство. № 8-2 (85). С. 295–300.
- Дементьев В.С. (2019). Оптимизация административно-территориального деления Псковской области: оценка последствий // Географический вестник. № 1 (48). С. 14–25.
- Коречков Ю.В., Великороссов В.В., Ракаускиене О.Г. (2021). Инновационные организационно-экономические подходы к укрупнению муниципальных образований (на примере создания Череповецкого муниципального округа) // Социально-политические исследования. № 3 (12). С. 56–71.
- Мищенко В.В., Лякишева В.Г., Юдина В.В. (2020). О внедрении опыта регионов России при создании муниципальных округов в контексте совершенствования административно-территориального устройства Алтайского края // Экономика. Профессия. Бизнес. № 4. С. 81–89.
- Орешников В.В., Атаева А.Г. (2018). Территориальная трансформация или межмуниципальное сотрудничество: сравнительная оценка последствий на основе экономико-математического моделирования // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Т. 4. № 4. С. 271–296.
- Павленков И.М. (2018). Программный подход к стимулированию развития муниципального образования // Инновации в менеджменте. № 3 (17). С. 44–53.
- Сираждинов Р.Ж. (2021). Современный этап реализации стратегии территориального развития России // Муниципальная академия. № 2. С. 122–127.
- Ускова Т.В., Ворошилов Н.В. (2015). Региональная политика территориального развития. Вологда: ИСЭРТ РАН. 156 с.
- Хайруллоев Д.С. (2019). Формы и методы муниципального управления социально-экономическим развитием территории муниципального образования // Вестник Казанского технологического университета. № 23. С. 207–214.
- Casula M. (2020). A contextual explanation of regional governance in Europe: Insights from inter-municipal cooperation. *Public Management Review*, 22(12), 1819–1851.
- Fang C. (2019). The basic law of the formation and expansion in urban agglomerations. *Journal of Geographical Sciences*, 29, 1699–1712.
- Dadashpoor H., Ahani S. (2019). A conceptual typology of the spatial territories of the peripheral areas of metropolises. *Habitat International*. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2019.102015>
- Kössler K., Kress A. (2021). European cities between self-government and subordination: Their role as policy-takers and policy-makers. In: *European Yearbook of Constitutional Law 2020*. Vol. 2. The Hague: T.M.C. Asser Press.
- Li Li, Xiaojian Li, Jiawei Xu. (2020). Evolution of rural settlement in an inland nonmetropolitan region of China at a time of rapid urbanization: The case of Gongyi. *Journal of Rural Studies*, 79, 45–56.
- Shmidt A.V., Antonyuk V.S., Francini A. (2016). Urban agglomerations in the regional development: Theoretical, methodological aspects. *Economy of Region*, 12(3), 776–789.
- Zidong Yu, Xintao Liu. (2021). Urban agglomerations economies and their relationships to built environment and socio-demographic characteristics in Hong Kong. *Habitat International*. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2021.102417>

Сведения об авторе

Сергей Геннадиевич Жестянников — Глава Вологодского муниципального района, Представительное Собрание Вологодского муниципального района (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Пушкинская, д. 24; e-mail: jestyannikovsg@volraion.ru)

Zhestyannikov S.G.

Priorities and Tools for the Transformation of Municipal Governance in the Context of the New Reform of Local Self-Government

Abstract. One of the priority areas in the development of municipal formations in the context of the new reform of local self-government in Russia is the transformation of the system of local self-government, including further consolidation of territorial systems at the municipal level. These issues are to a certain extent reflected in scientific studies and in the research on agglomeration processes as well. At the same time, in the methodological aspect, insufficient attention is paid to the transformation of municipal governance. We believe it is necessary to focus not only on general patterns, but also on the specifics of development of municipal formations located around a large city; these provisions have determined the relevance of the work. The purpose of our study is to develop a methodological approach to substantiating priorities and tools for the transformation of municipal governance in the context of the new reform of local self-government. To this end, we use methods such as analysis and synthesis, structural, functional, monographic, statistical methods, review of municipal practices, etc. Scientific novelty of the research lies in the development of a methodological approach to substantiating priorities and tools for the transformation of municipal governance in the context of the new reform of local self-government. We show that transformation methods such as unification of rural settlements and transition to a single-level system of organization of local self-government, transfer of powers from the level of rural settlement to the level of municipal district, development of inter-municipal cooperation provide positive socio-economic effects for municipal formations. The findings of our work can be replicated and used in the practice of managing the development of municipal formations in Russia; they can also serve as a basis for further research on this topic concerning the improvement of the management system at the local level.

Key words: municipal formations, local self-government, local self-government reform, urban agglomerations, inter-municipal cooperation.

Information about the Author

Sergei G. Zhestyannikov – Head of Vologodsky Municipal District, Representative Assembly of Vologodsky Municipal District (24, Pushkinskaya Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: jestyannikovsg@volraion.ru)

Статья поступила 04.05.2022.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.7

УДК 339.56.05, ББК 65.59(2Рос)

© Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К.

Финансово-экономические аспекты экспортно-импортной деятельности цветной металлургии России за 2013–2020 гг. и направления ее дальнейшего развития

Мария Александровна

ПЕЧЕНСКАЯ-ПОЛИЩУК

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: 5164088@bk.ru

ORCID: 0000-0002-6067-2103; ResearcherID: I-6618-2016

Михаил Константинович

МАЛЫШЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: mmk1995@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1311-1888

Аннотация. Цветная металлургия имеет довольно высокую значимость для российской экономики. Отрасль создает рабочие места, спрос на высококвалифицированных специалистов, предоставляя достаточно высокую относительно других отраслей заработную плату. Металлургия цветных металлов по своей значимости не уступает черной металлургии. Продукция отрасли выступает в роли незаменимых компонентов при производстве электроники и бытовой техники, аккумуляторов, систем освещения, станков и оборудования, ювелирных изделий, различного рода проводов и кабелей, кухонных приборов, сантехники и прочих предметов быта. Цветная металлургия предполагает более высокую относительно черной металлургии цену на конечную

Для цитирования: Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. Финансово-экономические аспекты экспортно-импортной деятельности цветной металлургии России за 2013–2020 гг. и направления ее дальнейшего развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 102–117. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.7

For citation: Pechenskaya-Polishchuk M.A., Malyshev M.K. (2022). Financial and economic aspects of export-import activity of Russia's non-ferrous metallurgy for 2013–2020 and its further development trends. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 102–117. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.7

продукцию и более низкие производственные объемы. Цель исследования – проанализировать ключевые финансово-экономические показатели развития внешнеторговой деятельности цветной металлургии в России, а также спрогнозировать дальнейшие направления развития товарооборота в сложившихся новых экономических условиях. Объектом исследования являются внешнеторговые отношения, возникающие между Российской Федерацией и зарубежными странами по поводу экспорта и импорта цветных металлов. При написании статьи использовались методы структурного (весового) и динамического анализа; методы сравнения, систематизации и прогнозирования. Информационной базой выступили статистические данные об экспортно-импортной деятельности цветной металлургии России; отечественная и зарубежная литература по вопросам развития отрасли; статистика Росстата, а также информация из годовых отчетов крупнейших российских корпораций цветной металлургии ПАО «Русал» и ПАО «Норникель».

Ключевые слова: внешняя торговля, экспортно-импортные операции, рынки сбыта в условиях санкций, цветная металлургия, добавленная стоимость товарооборота.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

Введение в проблематику

Ввиду быстроменяющихся условий внешней и внутренней среды, различного рода новых санкций и ограничений, в которых экономика Российской Федерации привыкла функционировать, устойчивое социально-экономическое развитие может достигаться с определенными трудностями.

Россия имеет высокую степень интеграции в мировую экономику, во многом играя роль первых звеньев в международных производственных цепочках добавленной стоимости. Так или иначе, любое производство начинается с ресурсов, материалов, энергии или, по-другому, с сырья. В этом и состоит одна из важных проблем российской экономики – сырьевой и низкочередельный относительно дешевый экспорт в обмен на высокотехнологичный и наукоемкий дорогой импорт. Продавая за рубеж крупнотоннажные сырьевые ресурсы, Россия отдаёт добавленную стоимость, на которой успешно обогащаются иностранные компании и, соответственно, экономики других стран.

В статье мы рассмотрим тенденции и особенности развития внешней торговли России в отрасли цветной металлургии, поскольку данная отрасль является экспортно ориентированной и приносит стране и компаниям валютные денежные ресурсы. А тот факт, что в отече-

ственной экономической литературе практически отсутствуют исследования, связанные с внешнеторговой деятельностью цветной металлургии России, повышает актуальность статьи.

Таким образом, исходя из обозначенной в аннотации цели, в исследовании будут решены следующие задачи: анализ экспортно-импортных операций, их структуры и объема в денежном и натуральном выражении; рассмотрение изменений в рынках сбыта и закупки по странам; определение ключевых экспортируемых и импортируемых цветных металлов, а также тех субъектов РФ, которые являются регионами-экспортерами и импортерами продукции цветной металлургии в наибольшей степени.

Теоретический обзор и степень изученности темы

В настоящее время самое большое положительное сальдо наблюдается у Китая, рекордное отрицательное – у Соединенных Штатов Америки. Это не удивительно, т. к. Китай, характеризующийся большой численностью населения и постоянно растущими производственными мощностями, является неким «заводом» для всего мира, в то время как США, с бесконечной эмиссией ничем не обеспеченных долларов, – глобальным потребителем материальных

благ, который производит намного меньше, чем потребляет¹. С начала XXI века торговый дефицит Соединенных Штатов варьировался от 350 до 730 млрд долларов ежегодно². За это же время государственный долг США вырос с 5,6 трлн долларов в 2000 году до 30,3 трлн долларов в 2022 году³. Естественно, что для США выгодно как можно дольше сохранять монополизм своей валюты в мировой экономике. Ясно, что всё имущество США не стоит тех денег, сколько они запустили в мировую экономику с 1944 года после подписания Бреттон-Вудской системы⁴ (Dibooglu, 1999; Bordo, 2014; Baumann, 2015). Существует немалое количество исследований, касающихся огромного государственного долга США, однако практически любые типы налоговой политики не смогут существенно повлиять на его постоянное нарастание, а увеличение подоходного налога для американцев значительно снизит покупательную способность их зарплат и приведет к снижению потребления, что также плохо для экономики (Birkeland, Prescott, 2007; Chen, Imrohoroğlu, 2017).

Переходя непосредственно к теме работы, стоит отметить, что в экономической литературе недостаточно исследований, затрагивающих вопрос товарооборота цветной металлургии.

Например Е.А. Растянникова (Институт востоковедения РАН) проанализировала мировой рынок ресурсов цветной металлургии, отметив увеличение объемов мирового производства цветных металлов, в первую очередь за счет роста спроса быстроразвивающихся стран Азии, а именно Китая, Индии и Южной Кореи. Показана главенствующая роль Китая в потреблении всех видов руд и концентратов цветных металлов. Он импортирует 78% мирового производства алюминиевых руд, 61% медных руд, 26% цинковых, 50% свинцовых,

¹ Торговый баланс. URL: https://www.banki.ru/wikibank/torgoviy_balans/

² Соединенные Штаты – Торговый баланс. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/united-states/balance-of-trade>

³ Госдолг США в 2022 г. превысил 30 триллионов долларов. URL: <http://global-finances.ru/gosdolg-ssha/>

⁴ Зачем в 1965 году генерал де Голль отправил в США корабль с долларами. URL: <https://finance.rambler.ru/markets/40113848-zachem-v-1965-godu-general-de-goll-otpravil-v-ssha-korabl-s-dollarami/>

86% никелевых, 33% титановых и 90% кобальтовых руд и концентратов. При этом Китай не входит в число лидеров, экспортирующих руды и концентраты цветных металлов (Растянникова, 2020).

С.И. Ультан и Н.Ю. Роговская освещали темы, связанные с проблемами роста экспортного потенциала России, в том числе методологические основы его формирования на примере цветной металлургии. Авторами систематизированы индикаторы оценки экспортного потенциала страны на мировом рынке цветных металлов, включающие анализ текущего состояния экспортной деятельности, финансовую ситуацию, кадровый потенциал, инвестиционную ситуацию, производственную активность, ценовой фактор и деловой климат (Ультан, Роговская, 2012; Ультан, Роговская, 2013).

В статье исследователя Российской таможенной академии М.С. Журавлева рассмотрены условия повышения конкурентоспособности отраслей цветной металлургии в государствах – членах ЕАЭС. Приведены данные, полученные в ходе анализа минерально-сырьевой базы цветных металлов, а также импорта и экспорта продукции цветной металлургии стран ЕАЭС. Обозначены основные направления кооперационного сотрудничества в сфере цветной металлургии, среди которых формирование наднационального механизма координации отрасли, развитие и нормативное регулирование перспективных форм взаимовыгодной промышленной кооперации и субконтрактации, различных инструментов финансовой поддержки, развитие индустриально инновационной инфраструктуры (Журавлев, 2018).

Об особенностях развития мировой и отечественной металлургии, как черной, так и цветной, говорили исследователи Вологодского научного центра РАН. В монографиях и статьях ими были проанализированы финансовые и производственные результаты крупных российских металлургических корпораций, распределительная и дивидендная политика (Ильин, Поварова, 2019; Печенская-Полищук, Малышев, 2021a; Печенская-Полищук, Малышев, 2021b; Ильин и др., 2021).

Заведующий лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования РАН И.А. Буданов рассмотрел сюжеты, касающиеся

управления развитием глобального металлургического рынка и развития отрасли с опорой на социальные ориентиры. Им исследованы дисбалансы рынка металла и конфликты его участников. Показана взаимосвязь процессов развития металлургии и особенностей механизма управления отраслевыми потоками продукции, ресурсов, капитала. Выделены специфика, преимущества и недостатки механизмов, определяющих процессы отраслевого развития (Буданов, 2020).

Кроме того, И.А. Буданов предложил подход к прогнозированию отраслевого развития под влиянием процессов в социальной сфере, рассмотрел противоречия, связанные с влиянием металлургического производства на формирование социально-экономических условий в стране. Показано, что социальные факторы играли значимую роль в принятии решений по созданию предприятий металлургии и управлению рынком металла. Выделены основные социальные функции, которые выполняет металлургия (Буданов, 2021).

Стоит сказать, что в предыдущих выпусках журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» представлены некоторые статьи, посвященные экспортно-импортной тематике. Например, коллектив авторов Вологодского научного центра РАН изучал возможности роста экономики субъектов РФ на основе развития несырьевого экспорта. Исследователями рассмотрена эволюция взглядов на роль экспортной деятельности в экономическом росте. Кроме этого, разработан научно обоснованный методический подход к оценке реальной доли несырьевого экспорта регионов РФ в общем объеме отгруженной за рубеж продукции, а также авторский подход к классификации несырьевого экспорта (Гулин и др., 2018). Ученые Волгоградского государственного университета рассматривали вопросы развития методических подходов к оценке результативности импортозамещения в России. Их методика была апробирована на примере продовольственных товаров. Авторами выявлены процессы, тормозящие импортозамещение в продовольственной отрасли, и его позитивные тенденции, подтверждающие результативность

импортозамещения. Рассчитана оптимальная структура товарных ресурсов, обеспечивающая полное достижение результативности импортозамещения продовольственных товаров (Литвинова и др., 2019).

В исследовании российских авторов, опубликованном на английском языке, представлен анализ, касающийся торговли стран Евразийского экономического союза с внешними партнерами. Авторами было отмечено, что наращивание и стабильность экспорта стран ЕАЭС обусловлены стабильной ситуацией в спросе на нефтепродукты и цветные металлы. В некотором смысле такая структура экспорта была унаследована от Советского Союза, когда основную часть экспорта составляли энергоресурсы и металлы (Ayuchatova et al., 2013).

В англоязычной литературе есть исследование, посвященное изучению импортозависимости цветной металлургии в Индии. Его автор отмечает, что наиболее значимыми металлами для развития отраслей машиностроения являются медь, алюминий, свинец, цинк и олово. Они составляют основу для надлежащего функционирования обрабатывающей промышленности и других секторов, таких как сельское хозяйство, торговля, транспорт и оборона. В связи с этим импортозамещение и удешевление производства указанных цветных металлов самым благоприятным образом скажется на экономике Индии (Leela, 1979).

Ученые из Китая отмечают, что прогнозирование цен на цветные металлы имеет решающее значение для инвесторов, политиков и исследователей. Точное и надежное прогнозирование цен на цветные металлы является сложной, но необходимой задачей в связи с сильными колебаниями и нерегулярными циклами в изменении цен на металлы. Для того чтобы исследовать эффективность прогнозирования предложенной модели, были проведены обширные эксперименты с использованием ежедневных будущих цен на цинк, медь и алюминий на Лондонской бирже металлов (LME) с помощью шести современных методов. Результаты эксперимента демонстрируют, что предложенная модель обладает превосходной производительностью для прогнозирования цен на цветные металлы (Liu et al., 2020).

Результаты исследования

Во внешнеэкономической деятельности любой страны под товарооборотом понимается суммарный объем экспорта и импорта, показанный в денежном или натуральном (весовом) выражении⁵.

Данные Федеральной таможенной службы, затрагивающие экспорт и импорт металлургической продукции России, констатируют сокращение общего товарооборота с 62,5 до 50,7 млрд долларов (или на 19%) в период с 2013 по 2020 год. Наибольший удельный вес в экспортно-импортной торговле металлами приходится на продукцию черной металлургии, он составляет 255,7 млрд долл. (60%) за период. Товарооборот ключевых цветных металлов: медь – 45,5 млрд долл. (10,7%); никель – 24,2 млрд долл. (5,7%); алюминий – 60 млрд долл. (14,1%). Суммарный объем внешней торговли меди вырос с 5,8 до 7,2 млрд долл. (+24%), торговля никелем и алюминием сократилась на 23 и 26% соответственно (табл. 1).

Говоря о производственной структуре, среди ключевых цветных металлов мы также можем отметить преобладание алюминия. Всего за восемь лет товарооборот алюминия во внешне-

экономической деятельности России достиг почти 30 млн тонн, что составляет 6,4% от общего товарооборота металлургической отрасли страны. Совокупная масса товарооборота меди составила 7,5 млн тонн (1,6%), а никеля – 2 млн тонн (0,4%). За период 2013–2020 гг. суммарный объем экспортно-импортных продаж меди в России вырос на 57% за счет увеличения поставок в Кувейт и Китай, а также роста закупок у Германии и Финляндии. Товарооборот никеля в 2013 и 2020 гг. был примерно равным (около 265 тыс. тонн), однако наименьшее его значение зафиксировано в 2016 году (232 тыс. тонн), что в большей степени вызвано снижением экспорта в Нидерланды в 2,4 раза относительно 2013 года. Сокращение товарооборота алюминия на 15% обусловлено снижением экспорта в США и Нидерланды на 77 и 60% соответственно, а также 10-кратным уменьшением импорта из Казахстана.

Стоит сказать, что продукция черной металлургии, обладая естественной крупнотоннажностью и более низкой стоимостью в сравнении с цветными металлами, стабильно занимает около 90% от общей товарооборотной массы (табл. 2).

Таблица 1. Финансовая структура товарооборота металлургической отрасли России по основным группам металлов и изделий из них

Период	Медь		Никель		Алюминий		Черные металлы и изделия*		Прочие цветные металлы и изделия**		Итого, млрд долл.
	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%	млрд долл.	%	
2013	5,8	9,3	4,1	6,5	8,8	14,1	37,7	60,3	6,1	9,8	62,5
2014	5,9	9,9	4,2	7,0	7,8	13,1	36,4	60,9	5,5	9,2	59,8
2015	4,9	11,0	2,7	6,1	7,9	17,6	25,0	56,1	4,1	9,1	44,6
2016	3,7	9,4	2,1	5,3	6,5	16,4	23,4	58,9	4,0	10,0	39,7
2017	5,5	10,5	2,2	4,1	7,7	14,5	32,5	61,5	4,9	9,3	52,8
2018	6,2	10,1	2,7	4,5	7,8	12,8	38,6	63,3	5,7	9,4	61,0
2019	6,3	11,3	3,1	5,6	7,0	12,7	33,4	60,3	5,6	10,1	55,4
2020	7,2	14,2	3,1	6,2	6,5	12,9	28,7	56,6	5,2	10,2	50,7
Итого:	45,5	10,7	24,2	5,7	60,0	14,1	255,7	60,0	41,1	9,6	426,5
2020 к 2013, раз	1,24	1,53	0,77	0,95	0,74	0,92	0,76	0,94	0,84	1,03	0,81

* В данную категорию входят: прокат, прутки, уголки, предельный чугун, ферросплавы, отходы и лом цветных металлов, железо, нелегированная сталь в слитках и первичных формах и прочее.
 ** Олово, цинк, свинец, недргоценные металлы (вольфрам, титан, кадмий, висмут, молибден, тантал, сурьма, цирконий и т. д.), металлокерамика, ложки, вилки, ножи, замки, фурнитура, крепеж и прочее.
 Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной таможенной службы.

⁵ Товарооборот внешней торговли. Система показателей товарооборота. URL: https://spravochnick.ru/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/vneshnyaya_torgovlya/

Таблица 2. Производственная структура товарооборота металлургической отрасли России по основным группам металлов и изделий из них

Период	Медь		Никель		Алюминий		Черные металлы и изделия*		Прочие цветные металлы и изделия**		Итого, тыс. тонн
	тыс. тонн	%	тыс. тонн	%	тыс. тонн	%	тыс. тонн	%	тыс. тонн	%	
2013	781	1,4	265	0,5	4067	7,3	49446	89,2	874	1,6	55433
2014	806	1,4	246	0,4	3556	6,3	50563	90,2	886	1,6	56057
2015	879	1,6	234	0,4	3953	7,0	50572	89,7	758	1,3	56396
2016	761	1,3	232	0,4	3939	6,9	51094	89,9	777	1,4	56803
2017	941	1,6	248	0,4	3859	6,4	54494	90,2	879	1,5	60421
2018	989	1,5	250	0,4	3719	5,7	59068	91,0	918	1,4	64944
2019	1067	1,8	274	0,5	3463	5,8	53675	90,4	899	1,5	59378
2020	1230	2,2	264	0,5	3438	6,1	50210	89,6	900	1,6	56042
Итого:	7454	1,6	2013	0,4	29994	6,4	419122	90,0	6891	1,5	465474
2020 к 2013, раз	1,57	1,56	1,00	0,99	0,85	0,84	1,02	1,00	1,03	1,02	1,01

* В данную категорию входят: прокат, прутки, уголки, предельный чугун, ферросплавы, отходы и лом цветных металлов, железо, нелегированная сталь в слитках и первичных формах и прочее.

** В данную категорию входят: олово, цинк, свинец, недргоценные металлы (вольфрам, титан, кадмий, висмут, молибден, тантал, сурьма, цирконий и т. д.), металлокерамика, ложки, вилки, ножи, замки, фурнитура, крепеж и прочее.

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной таможенной службы.

Рассмотрим более подробно динамику экспортно-импортных продаж ключевых цветных металлов. Данные Федеральной таможенной службы позволяют сделать вывод о том, что суммарный экспорт меди, как в финансовых, так и в производственных показателях, значительно превышает ее импорт. За 2013–2020 гг. экспорт меди составил 38,6 млрд долл. и 6,4 млн тонн, что в 5,6 и 6,2 раза больше ее импорта. Наибольшая разница была характерна для 2015 года, когда экспорт меди составил 90% от ее товарооборота. Такая ситуация связана с сокращением импорта меди и ее удорожанием, которые произошли в результате санкционных

ограничений и падения курса рубля из-за украинского конфликта и присоединения Крыма к территории Российской Федерации в 2014 году. Несмотря на то, что средняя стоимость экспортируемой тонны меди за 8 лет была ниже импортируемой тонны на 10%, или 604 доллара, сокращение средней стоимости тонны импортной меди за исследуемый период составило 37%, а экспортной – 18%. Кроме того, к положительным сдвигам можно отнести превышение средней стоимости тонны экспорта меди над ее импортом начиная с 2017 года, что говорит об эффективности импортозамещения (табл. 3).

Таблица 3. Динамика экспортно-импортных продаж меди в России за 2013–2020 гг.

Период	Экспорт меди			Импорт меди			Соотношение экспорта и импорта		
	млн долл.	тыс. тонн	тыс. долл. за тонну	млн долл.	тыс. тонн	тыс. долл. за тонну	млн долл.	тыс. тонн	тыс. долл. за тонну
2013	4980	686	7259	825	94,4	8739	6,0	7,3	0,8
2014	4930	742	6644	975	64,4	15140	5,1	11,5	0,4
2015	4470	824	5425	447	54,8	8157	10,0	15,0	0,7
2016	3270	692	4725	461	68,5	6730	7,1	10,1	0,7
2017	4720	780	6051	813	161	5050	5,8	4,8	1,2
2018	5380	857	6278	788	132	5970	6,8	6,5	1,1
2019	5220	886	5892	1030	181	5691	5,1	4,9	1,0
2020	5650	945	5979	1560	285	5474	3,6	3,3	1,1
Итого:	38620	6412	6023	6899	1041,1	6627	5,6	6,2	0,9
2020 к 2013, раз	1,13	1,38	0,82	1,89	3,02	0,63	0,60	0,46	1,31

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной таможенной службы.

В условиях санкций и высокого курса доллара отмечается рост объемов продаж никеля на 9% при снижении стоимости сделок на 20%. Импорт никеля сократился более чем в 10 раз. Негативным моментом является удорожание стоимости импортной тонны никеля в 3,5 раза, при этом экспортный никель подешевел на 27% за тонну. Тем не менее выручка от реализации российского никеля за 8 лет составила 23,2 млрд долл., что в 22,6 раза больше затрат на импортный никель. Суммарный вес экспортного никеля составил чуть меньше 1,97 млн тонн, что в 46,1 раза больше массы никеля, ввозимого в страну. Ключевое место в структуре экспорта никелевой продукции России принадлежит необработанному никелю, который имеет более низкую добавленную стоимость в сравнении с импортируемыми никелевыми штейнами и агломератами. Таким образом, корпорации

цветной металлургии России, производящие никель, имеют значительный потенциал в импортозамещении, а также в экспорте никеля более высокой добавленной стоимости (табл. 4).

Объем экспортируемого из России алюминия за 2013–2020 гг. составил 27,5 млн тонн, что в 11 раз больше общей массы ввозимого алюминия. Суммарные экспортные продажи составили около 50 млрд долл. и в 5 раз превысили стоимость импорта. Объем продаж алюминия на экспорт уменьшился на 22%, масса экспорта – на 12%, при этом импорт сократился ещё больше. Затраты на покупку импортного алюминия снизились на 710 млн долл. (-40%), а его объем – на 191 тыс. тонн (-42%). К сожалению, стоимость экспортируемой тонны алюминия сократилась на 11%, а импортной – увеличилась на 4%, в результате чего импортный алюминий в среднем оказался в 2,2 раза дороже экспортируемого (табл. 5).

Таблица 4. Динамика экспортно-импортных продаж никеля в России за 2013–2020 гг.

Период	Экспорт никеля			Импорт никеля			Соотношение экспорта и импорта		
	млн долл.	тыс. тонн	тыс. долл. за тонну	млн долл.	тыс. тонн	тыс. долл. за тонну	млн долл.	тыс. тонн	тыс. долл. за тонну
2013	3780	241	15685	289	24,5	11796	13,1	9,8	1,3
2014	4020	241	16680	164	5,3	30943	24,5	45,5	0,5
2015	2660	232	11466	70,8	1,5	47200	37,6	154,7	0,2
2016	2020	230	8783	88,3	1,7	51941	22,9	135,3	0,2
2017	2080	245	8490	104	3,4	30588	20,0	72,1	0,3
2018	2610	248	10524	109	2,1	51905	23,9	118,1	0,2
2019	2970	272	10919	105	2,0	52500	28,3	136,0	0,2
2020	3020	262	11527	93,6	2,3	40696	32,3	113,9	0,3
Итого:	23160	1971	11750	1023,7	42,8	23918	22,6	46,1	0,5
2020 к 2013, раз	0,80	1,09	0,73	0,32	0,09	3,45	2,47	11,58	0,21

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной таможенной службы.

Таблица 5. Динамика экспортно-импортных продаж алюминия в России за 2013–2020 гг.

Период	Экспорт алюминия			Импорт алюминия			Соотношение экспорта и импорта, раз		
	млн долл.	тыс. тонн	тыс. долл. за тонну	млн долл.	тыс. тонн	тыс. долл. за тонну	млн долл.	тыс. тонн	тыс. долл. за тонну
2013	7010	3612	1941	1780	455	3912	3,9	7,9	0,5
2014	6260	3189	1963	1560	367	4251	4,0	8,7	0,5
2015	6830	3697	1847	1020	257	3969	6,7	14,4	0,5
2016	5570	3678	1514	939	261	3598	5,9	14,1	0,4
2017	6420	3554	1806	1260	305	4131	5,1	11,7	0,4
2018	6540	3430	1907	1240	289	4291	5,3	11,9	0,4
2019	5840	3169	1843	1200	294	4082	4,9	10,8	0,5
2020	5460	3174	1720	1070	264	4053	5,1	12,0	0,4
Итого:	49930	27503	1815	10069	2492	4041	5,0	11,0	0,4
2020 к 2013, раз	0,78	0,88	0,89	0,60	0,58	1,04	1,30	1,51	0,86

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной таможенной службы.

Среди основных потребителей ключевых цветных металлов, производимых Российской Федерацией, можно выделить Нидерланды, куда направляется 60,1% всего экспортируемого никеля, 36,8% меди и 14,4% алюминия. Доходы России за 2013–2020 гг. от продажи Нидерландам меди составили 14,2 млрд долл., от реализации никеля и алюминия – 13,9 и 7,2 млрд долл. соответственно.

Несмотря на санкции Евросоюза, поставки меди Нидерландам за 8 лет выросли на 2%, в отличие от Германии, где российский медный экспорт сократился в 3 раза. Также от импорта российской меди практически отказалась Бельгия.

Так или иначе, Россия переориентировала рынки сбыта меди на страны Азии, в первую очередь Китай и Кувейт. В 2020 пандемийный год продажи меди этим странам оказались в несколько тысяч раз больше, чем в 2013 году. В Китай в основном шла рафинированная и необработанная медь, в Кувейт – медная прово-

лока. Особенно примечательно наращивание темпов роста экспорта медной катанки в Кувейт. В августе 2019 года экспорт медной катанки из РФ составил 16,6 тыс. тонн, что на 94,9% больше, чем в июле того же года⁶.

Помимо меди, Бельгия отказалась и от российского никеля. Трехкратно сокращен экспорт в Нидерланды, более чем в пять раз – в Украину. Однако начались активные поставки никеля в Швейцарию и Финляндию. Так, например, в Швейцарии находится партнер и акционер «Русала» – трейдер Glencore, а благодаря европейской регистрации компания может перенаправлять металл потребителям, которые опасаются прямых закупок в России⁷. Важно отметить, что около 95% доходов России от продажи никеля приходится на три страны – Нидерланды, Швейцарию и Финляндию. Ключевой никелевой продукцией, экспортируемой в Нидерланды и Швейцарию, является необработанный никель, в Финляндию – никелевый штейн и агломераты оксидов никеля.

Таблица 6. Экспорт ключевых цветных металлов из России в страны мира за 2013–2020 гг., млн долл.

№	Страна	Доля страны в экспорте, %	2013	2020	Всего за 2013–2020	2020 к 2013, раз
Медь						
1	Нидерланды	36,8	1680	1710	14200	1,02
2	Германия	13,6	1150	390	5250	0,34
3	Китай	12,1	36,5	1800	4670	49,32
4	Кувейт	8,0	0,2	650	3100	3250,00
5	Бельгия	5,3	534	0,046	2100	0,0001
	Итого:	75,8	3401	4550	29320	1,34
Никель						
1	Нидерланды	60,1	3580	1200	13900	0,34
2	Швейцария	19,1	0	828	4430	х
3	Финляндия	15,4	0,94	895	3570	952,13
4	Украина	1,3	86,7	15,6	311	0,18
5	Бельгия	0,7	19,2	0	172	х
	Итого:	96,6	3687	2939	22383	0,80
Алюминий						
1	США	17,2	1630	376	8600	0,23
2	Нидерланды	14,4	1600	637	7170	0,40
3	Турция	11,9	847	802	5960	0,95
4	Япония	11,1	696	559	5530	0,80
5	Южная Корея	5,9	394	333	2950	0,85
	Итого:	60,5	5167	2707	30210	0,52

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной таможенной службы.

⁶ Россия продолжает наращивать экспорт медной катанки в Кувейт. URL: <https://ekoprommet.com/news/rossiya-prodolzhaet-narashhivat-eksport-mednoj-katanki-v-kuvejt/>

⁷ Glencore вернулся за алюминием. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4314117>

Все главные потребители российского алюминия сократили закупки в общей сложности на 48%, из них: США – на 77%, Нидерланды – на 60%, Турция – на 5%, Япония – на 20% и Южная Корея – на 15%. За исследуемый период продажи алюминия этим странам составили 30,2 млрд долларов, главная продукция – необработанный алюминий (табл. 6).

Главными экспортёрами меди среди регионов РФ стали Красноярский край, Свердловская и Челябинская области. На их долю пришлось 78,5% общероссийского экспорта меди. Экспорт меди из Красноярского края увеличился на 71% в денежном выражении, из Свердловской и Челябинской областей – на 9 и 28% соответственно. Санкт-Петербург, экспортирующий 1/10 часть всей меди в стране, сократил вывоз на 58% – с 566 до 235 млн долларов.

Ключевыми экспортёрами никеля за границу являются Мурманская область и Красноярский край, их удельный вес составляет 94,5% от всероссийского экспорта никеля. В Мурманской области находятся производственные и транспортные (Мурманский транспортный фи-

лиал) активы ПАО «Норникель». В связи с более выгодными логистическими коридорами экспорт никеля из Красноярского края прекратился и был переориентирован на Кольский полуостров.

Ответственными за вывоз алюминия из России оказались Иркутская область, Красноярский край, а также Республика Хакасия, на долю которых пришлось 72,3% всего экспорта алюминия. При этом Иркутская область и Хакасия, где расположены активы ПАО «Русал», сократили экспорт в среднем на 39%, а экспорт из Красноярского края практически не изменился (табл. 7).

Общий импорт меди в Россию из пяти стран-лидеров увеличился на 56%, при этом больше всего меди закупается в Финляндии (+97%). Импорт меди из Германии вырос на 80%, из Китая и Италии – на 37 и 55% соответственно. Поставки меди из Казахстана сократились на 29%. Стоит сказать, что на территории Казахстана разведано более 90 месторождений меди, ее текущие запасы составляют около 41 миллиона тонн, т. е. примерно 5% от мировых

Таблица 7. Экспорт ключевых цветных металлов из российских регионов за 2013–2020 гг., млн долл.

№	Регион	Доля региона в экспорте по стране, %	2013	2020	Всего за 2013–2020	2020 к 2013, раз
Медь						
1	Красноярский край	35,8	1310	2240	13800	1,71
2	Свердловская область	28,3	1710	1870	10900	1,09
3	Челябинская область	14,4	646	830	5560	1,28
4	Санкт-Петербург	10,3	566	235	3960	0,42
5	Мурманская область	5,2	251	250	2010	1,00
	Итого:	94,0	4483	5425	36230	1,21
Никель						
1	Мурманская область	53,6	720	2960	12400	4,11
2	Красноярский край	40,9	2810	0,012	9470	0,00
3	Челябинская область	2,5	133	3,1	570	0,02
4	Московская область	1,2	51	24	278	0,47
5	Москва	0,8	42,8	14	194	0,33
	Итого:	99,0	3757	3001	22912	0,8
Алюминий						
1	Иркутская область	30,3	2310	1390	15100	0,60
2	Красноярский край	24,8	1580	1620	12400	1,03
3	Хакасия	17,2	1170	727	8600	0,62
4	Москва	4,2	98,9	399	2100	4,03
5	Свердловская область	4,1	303	235	2030	0,78
	Итого:	80,6	5462	4371	40230	0,8
Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной таможенной службы.						

запасов. Республика занимает 4-е место в мире по запасам меди после Чили, Индонезии и США⁸. На пять главных импортеров меди в Россию за 2013–2020 гг. приходится около 52% всего импорта, при этом четкой зависимости от одной страны нет. Определенная дифференциация импорта меди оказывает положительное влияние на стабильность поставок, а также на возможность смены поставщиков в условиях каких-либо ограничений. В основном в Россию импортируются медные отходы и лом, медный штейн, медные фитинги и муфты для труб, медные трубки.

Поставки никеля в Россию от ключевых стран-поставщиков за исследуемый период сократились на 73%, или на 118 млн долларов. К основной импортируемой никелевой продукции относятся необработанный никель; никелевые ткани, решетки и сетки; никелевые штейны и агломераты, а также прутки, профили и проволока. Закупки никелевой продукции из США и Франции сократились на 30 и

11% соответственно, поставки из Финляндии практически прекратились, импорт никеля из Германии вырос на 77%.

Импорт алюминия, являющегося самым популярным из закупаемых цветных металлов, сократился на 44%, или 550 млн долларов. В исследуемом периоде около 30% всего алюминия Россия закупала у Китая. Импорт из Казахстана сократился десятикратно, из Италии – на 65%, из Китая, Германии и Белоруссии – на 19, 34 и 18% соответственно. Из Китая в основном импортировалось сантехническое оборудование, кухонные столовые приборы и изделия для быта. В Казахстане закупались необработанный алюминий и алюминиевый лом. Импорт из Германии был представлен метизной продукцией и алюминиевой фольгой. На российский рынок из Белоруссии поставлялись алюминиевые металлоконструкции, прутки и профили, из Италии – сантехническое оборудование и крепежи (табл. 8).

Таблица 8. Импорт ключевых цветных металлов из зарубежных стран в Россию за 2013–2020 гг., млн долл.

№	Страна	Доля страны в импорте, %	2013	2020	Всего за 2013–2020	2020 к 2013, раз
Медь						
1	Финляндия	12,5	189	373	862	1,97
2	Германия	11,9	110	198	820	1,80
3	Казахстан	10,9	105	74,6	752	0,71
4	Китай	10,3	74,7	102	713	1,37
5	Италия	6,3	55,5	86,3	437	1,55
	Итого:	51,9	534	834	3584	1,56
Никель						
1	США	14,8	17,5	12,2	152	0,70
2	Норвегия	10,1	33,5	2,5	103	0,07
3	Финляндия	9,4	88,5	0,3	96,5	0,003
4	Франция	9,3	12,3	11	94,8	0,89
5	Германия	9,1	10,2	18,1	92,6	1,77
	Итого:	52,7	162	44	538,9	0,27
Алюминий						
1	Китай	29,4	467	376	2950	0,81
2	Казахстан	11,1	286	29,4	1110	0,10
3	Германия	10,4	169	111	1050	0,66
4	Беларусь	8,7	136	112	875	0,82
5	Италия	7,9	186	66	794	0,35
	Итого:	67,5	1244	694	6779	0,56

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной таможенной службы.

⁸ Империя «Казакмыса»: В чьих руках медные ресурсы Казахстана. URL: <https://knews.kg/2021/03/14/imperiya-kazahmysa-v-chih-rukah-mednye-resursy-kazahstana/>

Ключевыми импортерами медной продукции стали Свердловская область и г. Москва, их удельный вес составил 46,5% общего импорта. Объем импорта в Свердловскую область вырос в 10 раз в основном за счет медного лома и цементационной меди. На 8 и 49% сократились закупки меди в Калининградскую и Московскую области соответственно. Совокупный импорт в денежном выражении по пяти ключевым регионам за 9 лет вырос с 420 млн до 1 млрд долларов. К основной импортируемой продукции относятся медные фитинги, трубки и трубы, медные штейны и лом, а также порошки и медные чешуйки.

Ключевыми потребителями импортного никеля стали г. Москва, Мурманская, Ярославская и Московская области. На долю этих регионов пришлось около 69% всего ввозимого в страну никеля. Суммарно импорт данного металла за исследуемый период сократился в 4 раза. Полностью от импорта отказалась Мурманская область. Основная импортируемая продукция – никелевые штейны, агломераты и необработанный никель. Чуть больше полови-

ны импортируемого алюминия приходится на г. Москву и область, а также г. Санкт-Петербург. Общий импорт алюминия сократился на 38% в Москву, на 76 и 50% в Московскую область и г. Санкт-Петербург соответственно. Основная импортируемая продукция – сантехническое оборудование, алюминиевая фольга, алюминиевые профили и прутки (табл. 9).

Существует немалое количество как краткосрочных, так и долгосрочных предпосылок для переориентации рынков сбыта продукции цветной металлургии со стран Европы на внутрисистемный рынок, рынки стран Северной Африки, Юго-Восточной Азии и прочие рынки, в которых Россия связана экономическими союзами. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

1. Санкционное давление со стороны государств Евросоюза.

С начала специальной военной операции РФ в Украине страны Европы ввели против российской металлургии санкции. Несмотря на то, что в большей мере пострадала черная металлургия, под ударом оказалась и цветная металлургия. Так, например, у ПАО «Норни-

Таблица 9. Импорт ключевых цветных металлов в российские регионы за 2013–2020 гг., млн долл.

№	Регион	Доля региона в импорте по стране, %	2013	2020	Всего за 2013–2020	2020 к 2013, раз
Медь						
1	Свердловская область	29,2	67,1	682	2020	10,16
2	Москва	17,3	153	174	1200	1,14
3	Калининградская область	8,5	35,8	32,8	585	0,92
4	Санкт-Петербург	7,7	67,6	69	533	1,02
5	Московская область	6,8	97,4	49,5	467	0,51
	Итого:	69,5	420,9	1007,3	4805	2,39
Никель						
1	Москва	26,4	41,6	38,1	270	0,92
2	Мурманская область	15,3	149	0	156	х
3	Ярославская область	14,7	18,6	11,8	150	0,63
4	Московская область	12,3	33,2	9,86	125	0,30
5	Белгородская область	3,9	9,42	1,48	40,3	0,16
	Итого:	72,6	251,82	61,24	741,3	0,24
Алюминий						
1	Москва	31,5	529	329	3170	0,62
2	Московская область	12,2	190	144	1230	0,76
3	Санкт-Петербург	8,4	174	86,5	844	0,50
4	Ленинградская область	4,5	82,6	50,1	449	0,61
5	Самарская область	4,2	170	19,2	427	0,11
	Итого:	60,8	1145,6	628,8	6120	0,55

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной таможенной службы.

кель» появились трудности в транспортировке палладия. Компания перевозила его на пассажирских самолетах, а в результате прекращения полетов между Россией и остальным миром «Норникелю» приходится искать альтернативные маршруты. Следует отметить, что доставлять цветные металлы морским путем также проблематично. Великобритания запретила входить в ее порты кораблям, имеющим любое отношение к России. Такому принципу могут последовать и другие страны Евросоюза, что в дальнейшем приведет к невозможности перевозить цветные металлы на судах⁹.

2. Гарантия получения денежных средств.

По словам Президента РФ, осуществлять внешнюю торговлю «в скомпрометировавших себя валютах», а именно долларах и евро, с каждым разом становится все более рискованно¹⁰. Существует большая вероятность, что корреспондентские счета российских экспортеров в европейских банках могут быть заблокированы и российские компании просто не получат деньги.

В начале апреля 2022 года спикер Госдумы Вячеслав Володин предложил расширить список экспортируемых за рубли товаров, однако, по мнению основного акционера НЛМК Владимира Лисина, есть определенные опасения, что переход на платежи за металлы в рублях просто «выбросит» Россию с международных рынков. Владелец металлургического комбината утверждает, что логистические проблемы уже усложнили доставку продукции до потребителя. Российская металлургия на протяжении десятилетий выстраивала отношения с тысячами клиентов в 70 странах мира, боролась за экспортные рынки, где ее особо никто не ждет, и сейчас сложно представить, что может убедить покупателей переключиться на расчеты в рублях и нести валютные риски¹¹.

⁹ Неприятно, но не смертельно: как металлургов заставят работать на благо родины. URL: https://fedpress.ru/article/2951636?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

¹⁰ «Отказаться от скомпрометировавших себя валют»: Путин поручил перевести расчёты за газ для недружественных стран в рубли. URL: <https://russian.rt.com/russia/video/980093-putin-gaz-valyuta-rubli>

¹¹ Глава НЛМК заявил, что переход на платежи в рублях выбросит Россию с рынков. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14280771>

3. Отсутствие налога на углеродный след.

Активная борьба стран Евросоюза за благоприятную экологическую ситуацию в мире в целом имеет положительные мотивы. В июле 2021 года Еврокомиссия представила экологический план, согласно которому к 2030 году углеродные выбросы в атмосферу должны сократиться на 55% до уровня 1990 года. Одно из главных требований — введение углеродного налога в виде квот на 1 тонну выбросов CO₂ с 2026 года. Данный налог придется платить тем странам, которые ввозят в Евросоюз продукцию неэкологичных предприятий.

Естественно, что российской промышленности необходимо стремиться к углеродной нейтральности, поскольку сокращение выбросов CO₂ — это общемировой тренд. Об углеродной нейтральности как о национальной цели заявляют такие страны, как Китай, Япония и Южная Корея¹². В перспективе на 2026–2030 гг. регулирование может привести к тому, что российские производители с высоким углеродным следом уйдут на другие азиатские рынки, поскольку страны Азии не смогут последовать примеру Евросоюза в связи со сложностями исполнения нормативных планов¹³.

По мнению руководителя Центра экологии и развития Института Европы РАН Сергея Рогинко, ЕС ведет крайне агрессивную политику в отношении традиционных источников топлива и энергии, что представляет серьезную угрозу для российского экспорта, в первую очередь энергоносителей. Ежегодные дополнительные расходы российских экспортеров от внедрения углеродного налога оцениваются в 2,1 млрд евро для газовой отрасли, 967 млн евро для черной металлургии, 348 млн евро — для цветной металлургии (Рогинко, 2021).

4. Сохранение НДС в федеральном бюджете и отсутствие таможенных пошлин.

Переориентация рынков сбыта цветных металлов с европейского рынка на обеспечение внутренних потребностей России или же на

¹² Углеродное голодание: как России адаптироваться к налогу ЕС на импорт. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/cmrm/617a91d89a79477d74afe1e0>

¹³ ЕС вводит углеродный налог. В чем его суть и как он работает: Новости экологии +. 15.07.2021. URL: https://finance.rambler.ru/economics/46827367/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

рынки стран ЕАЭС благоприятно скажется как на доходах федерального бюджета, так и на себестоимости самих компаний. Например, возврат НДС по экспортным операциям из федерального бюджета в пользу предприятий цветной металлургии Красноярского края (ПАО «Норникель») и Иркутской области (ПАО «Русал») за 2006–2021 г. составил около 260 млрд рублей. Таким образом, смена рынков сбыта позволила бы сохранить в федеральном бюджете до 16 млрд рублей ежегодно лишь в отношении двух компаний цветной металлургии. Кроме того, отсутствие экспортных пошлин для экспортируемой из России в страны ЕАЭС продукции способствует сокращению расходов компаний по оплате таких пошлин, которые приводят к увеличению себестоимости продукции. Такие расходы сокращают налогооблагаемую прибыль и, соответственно, поступления налога на прибыль в бюджеты регионов базирования компаний.

5. Покрытие внутривоспольского спроса на цветные металлы за счет активного импортозамещения.

В утвержденном плане мероприятий по импортозамещению в отрасли цветной металлургии РФ подробно прописаны целевые ориентиры относительно доли отечественной продукции в разных товарных наименованиях к 2024 году.

Согласно документу, планируется повысить долю отечественной продукции руд и концентратов цветных металлов: с 0 до 12,9% – у циркониевых, с 0 до 8,2% – у ильменитовых и с 0 до 43,1% – у рутиловых концентратов. В отношении цветных металлов, соединений и сплавов планируется заменить на 50% индивидуальные оксиды редкоземельных металлов; ангидрид гидроксида лития – с 0 до 80%, увеличить долю олова собственного производства с 71 до 95%. Среди существенных изменений в импортозамещении продукции высоких переделов в планах на 80% покрыть импорт медной электродной проволоки и катодного порошка; полностью изготавливать алюминиевые аэрозольные баллоны на основе технологии DWI; на 50% заменить импорт алюминиевых велосипедных рам¹⁴.

Таким образом, активное импортозамещение в отрасли цветной металлургии позволит российской промышленности не зависеть от зарубежных производственных цепочек, а также контролировать весь производственный цикл без рисков.

Выводы

В завершение проведенного исследования тезисно перечислим ключевые полученные выводы.

1. Товароборот в денежном выражении.

Для финансовой структуры товарооборота металлургической отрасли России характерно доминирование черных металлов, которые в среднем за исследуемый период составляли 60% или 32 млрд долларов. Ключевыми цветными металлами в товарообороте России с зарубежными странами являлись алюминий (14,1%), медь (10,7%) и никель (5,7%), при этом с 2013 года товароборот никеля и алюминия сократился на 23 и 26% соответственно, а меди – вырос на 24% к 2020 году.

2. Товароборот в натуральном выражении.

Более высокий уровень производственных объемов черной металлургии в сравнении с цветной подтверждает анализ товарооборота в весовых значениях. В исследуемом периоде объем товарооборота металлургической отрасли России составил 465,5 млн тонн, из которых 419,1 млн тонн, или 90% – товароборот черных металлов. Товароборот алюминия равнялся 30 млн тонн, меди и никеля – 7,5 и 2 млн тонн соответственно. Доля этих металлов в весовой структуре составила 6,4% у алюминия, 1,6 и 0,4% соответственно у меди и никеля.

3. Стоимость экспортной и импортной тонны цветных металлов.

За исследуемый период стоимость экспортной тонны меди сократилась на 18%, а импортной – на 37%. Стоимость 1 тонны ввозимого никеля уменьшилась на 27%, при этом цена импортного никеля выросла в 3,5 раза за счет увеличения поставок дорогой никелевой продукции (трубки, фитинги, муфты, колена, никелевые фланцы). Цена 1 тонны алюминия сократилась на 11%, импорта – выросла на 4%.

¹⁴ Об утверждении плана мероприятий по импортозамещению в отрасли цветной металлургии Российской Федерации: Приказ Минпромторга РФ от 31.03.2015 № 651. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297024/1080c5207773f8f88cca332f1240c1f7e85871c9/

4. *Ключевые изменения в рынках сбыта и поставки продукции цветной металлургии.*

Для ключевой продукции цветной металлургии России уже с 2013 года была характерна переориентация с европейских на восточноазиатские рынки. Экспорт меди в Германию сократился на 66%, практически прекратился экспорт в Бельгию, при этом начались интенсивные поставки в Кувейт и Китай. Экспорт никеля Нидерланды, как одну из ключевых стран, закупающих цветные металлы из России, сократился на 66%, алюминия – на 60%.

5. *Преимущества от смены рынков сбыта.*

Ключевые преимущества от постепенного перенаправления с европейских потребителей на рынок внутренний и рынок стран ЕАЭС: отсутствие санкционного давления со стороны государств Евросоюза; гарантия получения денежных средств; отсутствие налога на углеродный след; сохранение НДС в федеральном бюджете и отсутствие таможенных пошлин; развитие импортозамещения и снижение зависимости от зарубежных поставок.

6. *Вклад в науку, новизна и направления дальнейших исследований.*

Статья вносит вклад в развитие прикладной науки, в ней наглядно демонстрируется структурная трансформация рынков поставки и сбыта в условиях санкционных ограничений, а точнее ее постепенная переориентация на восточноазиатские рынки, на примере отрасли цветной металлургии России.

Систематизация преимуществ от переориентации рынков сбыта, составляющая новизну исследования, позволит органам власти и бизнесу спроектировать необходимые меры для дальнейшего роста в условиях санкционного давления и ограничений.

Следует отметить, что дальнейшие исследования будут сосредоточены на изучении возможностей, связанных с ростом добавленной стоимости продукции российских корпораций цветной металлургии, а также на возможностях импортозамещения наиболее необходимых и дорогостоящих товаров отрасли.

Литература

- Буданов И.А. (2020). Управление развитием металлургии и глобальным рынком металла // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 104–118. DOI: 10.47711/0868-6351-183-104-118
- Буданов И.А. (2021). Формирование социальных ориентиров отраслевого развития металлургии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 5. С. 85–99. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.5
- Гулин К.А., Якушев Н.О., Мазилев Е.А. (2018). Активизация экономического роста в регионах РФ на основе стимулирования развития несырьевого экспорта // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 3. С. 57–70. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.4
- Журавлев М.С. (2018). К вопросу о повышении конкурентоспособности отраслей цветной металлургии государств-членов ЕАЭС // Евразийский юридический журнал. № 10 (125). С. 481–483.
- Ильин В.А., Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. (2021). Государство и крупные корпорации черной металлургии: тенденции и особенности 20-летнего взаимодействия: монография. Вологда: ВолНЦ РАН, 180 с.
- Ильин В.А., Поварова А.И. (2019). Крупнейшие металлургические корпорации и их роль в формировании бюджетных доходов: монография. Вологда: ВолНЦ РАН. 204 с.
- Литвинова А.В., Талалаева Н.С., Парфенова М.В. (2019). Развитие методических подходов к оценке результативности импортозамещения в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 4. С. 67–85. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.5
- Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. (2021a). Ключевые факторы формирования налога на прибыль в региональные бюджеты от российских корпораций черной металлургии // Регионология. № 1 (114). С. 10–36.
- Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. (2021b). Металлургические корпорации и государство: тенденции финансового взаимодействия последнего десятилетия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 3. С. 150–166. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.9
- Растяжникова Е.В. (2020). Мировой рынок ресурсов цветной металлургии // Восточная аналитика. № 3. С. 109–130.

- Рогинко С.А. (2021). Трансграничные углеродные налоги: риски для российского ТЭК // ЭП. № 10 (164). С. 38–47.
- Ультан С.И., Роговская Н.Ю. (2012). Методологические основы формирования и исследования экспортного потенциала отрасли (на примере отрасли цветной металлургии) // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. № 1. С. 26–32.
- Ультан С.И., Роговская Н.Ю. (2013). Тенденции и проблемы роста экспортного потенциала России на мировом рынке цветных металлов // Экономика России в условиях глобализации. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. С. 94–120.
- Ayuchatova P.A., Volodina N.V., Dronova O.V. (2013). Trade development trends between Eurasian Economic Community member countries and their foreign partners. *Models, Systems, Networks in Economics, Technology, Nature and Society*, 3(7), 9–12.
- Baumann B. (2015). The battle of Bretton Woods: John Maynard Keynes, Harry Dexter White, and the making of a new world order. *Eastern Economic Journal*, 41, 289–291. Available at: <https://doi.org/10.1057/ej.2014.18>
- Birkeland K., Prescott E.C. (2006). On the needed quantity of government debt. *Working Paper 648*, Federal Reserve Bank of Minneapolis.
- Bordo M.D. (2014). Tales from the Bretton Woods. *Open Economic Review*, 25(5), 981–991. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11079-014-9326-8>
- Chen K., İmrohoroğlu A. (2017). Debt in the U.S. economy. In: *Economic Research Forum, Working Paper 1401*. Available at: <https://doi.org/10.1007/s00199-015-0908-5>
- Dibooglu S. (1999). Inflation under the Bretton Woods system: The spillover effects of U.S. expansionary policies. *Atlantic Economic Journal*, 27, 74–85. Available at: <https://doi.org/10.1007/BF02299179>
- Leela P. (1979). Import dependence of the non-ferrous metals industry in India. *Foreign Trade Review*, 13(4), 324–340.
- Liu Y., Yang Ch., Huang K., Gui W. (2019). Non-ferrous metals price forecasting based on variational mode decomposition and LSTM network. *Knowledge-Based Systems*, 188, 105006.

Сведения об авторах

Мария Александровна Печенская-Полищук – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 5164088@bk.ru)

Михаил Константинович Малышев – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: mmk1995@mail.ru)

Pechenskaya-Polishchuk M.A., Malyshev M.K.

Financial and Economic Aspects of Export-Import Activity of Russia's Non-Ferrous Metallurgy for 2013–2020 and Its Further Development Trends

Abstract. Non-ferrous metallurgy has a rather high significance for the Russian economy. The industry creates jobs and demand for highly qualified specialists providing a fairly high salary relative to other industries. Non-ferrous metallurgy is not inferior in importance to ferrous metallurgy. The industry's products act as indispensable components in the production of electronics and household appliances, batteries, lighting systems, machine tools and equipment, jewelry, various kinds of wires and cables, kitchen appliances, plumbing and other household items. Non-ferrous metallurgy assumes a higher price for final products relative to ferrous metallurgy and lower production volumes. The purpose of the research is to analyze the key financial and economic indicators of the development of foreign trade activities of non-ferrous metallurgy in Russia, as well as to predict further directions for the development of trade turnover in the prevailing new economic conditions. The object of the study is foreign trade

relations arising between the Russian Federation and foreign countries regarding the export and import of non-ferrous metals. We use methods such as structural (weight) and dynamic analysis, comparison, systematization, and forecasting. The information base is statistical data on the export-import activities of Russia's non-ferrous metallurgy; Russian and foreign literature on the industry development; Rosstat statistics, as well as information from the annual reports of the largest Russian non-ferrous metallurgy corporations PAO RusAL and PAO Nornickel.

Key words: foreign trade, export-import operations, sales markets under sanctions, non-ferrous metallurgy, added value of turnover.

Information about the Authors

Mariya A. Pechenskaya-Polishchuk – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 5164088@bk.ru)

Mikhail K. Malyshev – Junior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: mmk1995@mail.ru)

Статья поступила 26.04.2022.

Экологическое инвестирование как ключевой фактор формирования и становления инвестиционной модели роста российской экономики

Людмила Александровна КОРМИШКИНА

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
Саранск, Российская Федерация
e-mail: kormishkinala@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6009-3374; ResearcherID: AAK-2150-2021

Евгений Данилович КОРМИШКИН

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
Саранск, Российская Федерация
e-mail: kormishkined@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7524-4072; ResearcherID: AAK-1819-2021

Ирина Анатольевна ИВАНОВА

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
Саранск, Российская Федерация
e-mail: ivia16@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1113-0858; ResearcherID: CAG-4446-2022

Дмитрий Александрович КОЛОСКОВ

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
Саранск, Российская Федерация
e-mail: Kda1977@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2916-4626

Для цитирования: Кормишкина Л.А., Кормишкин Е.Д., Иванова И.А., Колосков Д.А. (2022). Экологическое инвестирование как ключевой фактор формирования и становления инвестиционной модели роста российской экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 118–135. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.8

For citation: Kormishkina L.A., Kormishkin E.D., Ivanova I.A., Koloskov D.A. (2022). Environmental investment as a key factor in the formation and involvement of an investment model for the growth of the Russian economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 118–135. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.8

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена развернувшейся в новейшей экономической литературе сложной дискуссией о качестве окружающей среды при экономическом росте, а также поиском возможности возврата к долговременному устойчивому росту совокупной факторной производительности (TFP) с учетом признания экологического аспекта развития в качестве императивного. Цель исследования состоит в теоретическом обосновании экологического инвестирования как ключевого фактора обеспечения долговременного и устойчивого экономического роста, «активного начала» радикальных преобразований экономики России в соответствии с требованиями глобальной ESG-повестки, а также в экспериментальной проверке обозначенной научной идеи. В связи с этим экологические инвестиции характеризуются как разновидность ответственных и преобразующих инвестиций, способных генерировать поступательный рост TFP посредством стимулирования особых «зеленых» инноваций. Методологию исследования составили методы идентификации, анализа и верификации эконометрической модели в виде системы динамических регрессий Ш. Алмон с распределенными лагами. В рамках такой методологии экспериментальным путем (с помощью построения различных регрессий и тестирования для них гипотез Стьюдента, определения оценок t-статистик) применительно к российской экономике осуществлена оценка долгосрочного и краткосрочного откликов показателей экономического роста от объемов экологического инвестирования (конкретно такого его приоритетного направления, как безотходность и рециклинг ресурсов). Построенная эконометрическая модель позволила установить долговременный положительный эффект от экологических инвестиций в виде сохранения целостности природного капитала и улучшения состояния экосистем, что имеет принципиальное значение для сохранения потенциала экономического роста в долгосрочной перспективе; краткосрочные и среднесрочные эффекты – в виде создания новых высокотехнологичных рабочих мест в секторах экономики с низким уровнем выбросов CO₂ и восстановления роста TFP на основе применения «зеленых» технологических инноваций. Определены ограничители экологического инвестирования в России; сформирован минимально необходимый экономический инструментарий для его стимулирования.

Ключевые слова: экономический рост, экологические вызовы, глобальная ESG-повестка, экологическое инвестирование, деинвестиции, совокупная факторная производительность (TFP), долговременный устойчивый рост, «зеленая» экономика.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) научного проекта № 20-010-00060 «Развитие теории и методологии экологического инвестирования с позиции концепции „развязки” дилеммы роста».

Введение

Масштаб происходящих в мировой экономике (включая российскую) потрясений дает основание рассматривать текущую экономическую ситуацию как некий глобальный катаклизм, сравнимый с Великой экономической депрессией или даже превосходящий ее параметры. Карантинные меры, применяемые большинством стран мира (Россия – в их числе), позволили снизить летальность от пандемии COVID-19, но вызвали серьезную экономическую рецессию, которую усугубляет беспрецедентное внешнее санкционное давление на Россию. На этом фоне обостряются все проблемы и ограничения развития, накопившиеся в

мировой и отечественной экономике в последние десятилетия. Несомненно, приоритетное место в числе нынешних тенденций и закономерностей занимают экологические.

Следует сказать, что сегодняшний кризис, например, для России может быть отображен посредством таких показателей, как падение спроса на российский экспорт, подавляющую часть (около 90%) в котором занимают сырье и полусырье; падение объемов производства из-за инфляции и снижение инвестиционной активности. Очевидно, что в таких условиях не только Российская Федерация, но и все экономики мира – бедные, богатые и среднеразви-

тые — на ближайшие десятилетия запрограммированы на экономический рост. «Рост — это, прежде всего, средство достижения цели; он повышает шансы людей на продуктивную и созидательную занятость, ...создает свободу и возможность самореализации», — отметил Майкл Спенс, лауреат Нобелевской премии по экономике (Spence, 2012). *Член-корреспондент РАН Р. Гринберг подчеркивает, что «перспективы социально-экономического образа страны необходимо оценивать в первую очередь с точки зрения перспектив экономического роста»* (Гринберг, 2008). Иными словами, «пока происходит рост экономики, положительные механизмы обратной связи, как правило, толкают систему в направлении дальнейшего развития» (Jackson, 2009).

В данном контексте заметим, что в соответствии с Целями устойчивого развития ООН (ЦУР) на период 2016–2030 гг., являющимися своеобразным призывом к действиям, исходящим от всех стран мира, ежегодный прирост ВВП на душу населения (наиболее адекватный на сегодня показатель роста благосостояния) установлен для наименее развитых экономик на уровне 7% (цель 8%); Высший Евразийский экономический совет определил для стран — членов ЕАЭС в качестве ориентира по данному показателю 5–5,5%. По оценкам академика РАН С.Ю. Глазьева, даже в условиях внешнего санкционного давления на Россию «нормальная работоспособная» модель национальной экономики, не рентная, а настроенная на постоянную технологическую модернизацию как встроенную, органическую компоненту, может обеспечить ежегодный экономический рост не менее чем на 10%¹ (Глазьев, 2018).

Кроме того, необходимо признать, что рост экономики в его неолиберальной модели (в России — экспортно-сырьевой), в которой его основным локомотивом является валовое потребление, ведет к усилению нагрузки на экологию под влиянием увеличения экологического следа и экологического долга человечества, ухудшения качества окружающей среды (перенасыщение атмосферы парниковыми газами и изменение климата, наращивание объ-

емов вредных отходов и выбросов, сокращение биоразнообразия и запасов пресной воды, деградация почвы, истощение минерально-сырьевых ресурсов и др.). Обозначенные экологические вызовы, которые в XXI веке приобрели планетарный характер, диктуют необходимость смены экономической парадигмы: «переход к укладу экономики, функционирующему не наперекор производительным силам природы, а вместе с ними» (Фюкс, 2019), обеспечиваемый радикальными преобразованиями экономики в соответствии с глобальной ESG-повесткой (Бобылев, 2020; Бобылев и др., 2021; Матвеева, Гриднев, 2022). Добавим, что даже в условиях пандемии именно на эколого-экономические приоритеты развития стран был сделан акцент на Всемирном экономическом форуме, состоявшемся в Давосе в 2020 году. В докладах форума среди традиционных приоритетных рисков были обозначены только экологические (экстремальные погодные явления, неудача климатических действий, потери биоразнообразия, истощение природных ресурсов, резкий рост количества отходов, природные катастрофы антропогенного происхождения)².

В текущих условиях, когда беспрецедентное внешнее санкционное давление фактически совпало с исчерпанием возможностей экспортно-сырьевой (потребительской, рентной) модели экономического роста страны, сложно не признать, что экономика России пребывает в бифуркационной точке своего развития, в состоянии неустойчивого равновесия, когда имеется несколько основных вариантов развития, продолжающих этот неустойчивый тренд. Принятые в соответствии с Указом Президента РФ от 07.05.2018 № 204 национальные проекты, включая проект «Экология», план первоочередных действий Правительства РФ по посткризисному восстановлению экономики в условиях внешнего санкционного давления (одобрен 15.03.2022), безусловно, необходимы и способны поддержать развитие отечественной экономики. Вместе с тем, с точки зрения стратегической перспективы, их недостаточно для того, чтобы обеспечить темпы

¹ Глазьев С.Ю. (2022). Рост в 10% в год — не фантазия // Аргументы и факты. № 13. С. 3.

² The Global Risks Report 2020. Available at: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risk_Report_2020.pdf

роста ВВП, опережающие мировую динамику. Сложившаяся в настоящее время ситуация принуждает искать пути формирования новой модели роста экономики, способной развиваться и обеспечивать высокий уровень доходов за счет не природной и конъюнктурной ренты, а наукоемкого, высокотехнологичного и ресурсоэффективного производства.

Иными словами, речь идет о такой модели роста экономики, которая должна быть адекватна принципам глобальной ESG-повестки и обладать следующими важными чертами:

- приоритет в развитии получают наукоемкие и высокотехнологичные обрабатывающие и инфраструктурные виды хозяйственной деятельности с минимальным воздействием на окружающую среду;
- экологически эффективные взаимодействия производства и потребления, снижающие загрязнение окружающей среды;
- безотходность и рециклинг ресурсов;
- обеспечение экологической безопасности в качестве особого социального блага и др. (Фишман и др., 2019; Бобылев и др., 2021).

На этом фоне в рамках развернувшейся в новейшей экономической литературе сложной дискуссии о качестве окружающей среды при экономическом росте все возрастающее число ученых и специалистов возможность возврата к устойчивому росту совокупной факторной производительности (TFP), обеспечивающего рост экономики (Gordon, 2016), связывают с изменением баланса между потреблением и инвестициями в экономику в пользу последних³ (Spence 2012; Сухарев, 2019, Сухарев, Ворончихина, 2020; Banerjee, Duflo, 2019), конкретнее — «с существенными заблаговременными экологическими инвестициями» (Jackson, 2009; Jackson, 2017; Яковлев и др., 2017; Кормишкина и др., 2018; Спиридонова, 2020; Kormishkina et al., 2021), «которые создают правильную среду для такого расцвета инновации и такого преобразования окружающей среды, что мы даже не можем себе представить»⁴.

³ Spence M. (2021). High Growth Sectors in the Post Recovery Decade. Project Syndicate. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/post-covid-high-growth-sectors-6y-michael-spence-2021-04.2021>

⁴ Robert Gordon and Joel Moky, “Boom vs. Doom: Debating the Future of the US Economy,” debate, Chicago Council of Global Affairs, October 31, 2016.

До настоящего времени экологические инвестиции остаются малоизученными и не имеют общепринятого, четкого терминологического определения, зачастую отождествляются с «зеленым» финансированием и «зелеными» инвестициями. Вместе с тем, опираясь на толкование «зеленой» экономики ЮНЕП и многочисленные конкурирующие между собой цели экологического инвестирования (сокращение выбросов в атмосферу углекислого газа, продуктивное использование природного капитала, замена невозобновляемых природных ресурсов возобновляемыми, адаптация и улучшение экосистем, создание общественных активов и т. д.), данную дефиницию, на наш взгляд, следует рассматривать как все виды имущественных и интеллектуальных вложений в хозяйственную деятельность, обеспечивающих инвесторам не только получение прибыли, но и достижение известной экологической выгоды в виде снижения негативного воздействия на природную среду и позитивного социального изменения в контексте устойчивого развития экономических систем. Мировая практика свидетельствует о большой отдаче таких инвестиций: их эффект (предотвращенный ущерб) в целом по экономике в 10–15 раз превышает их первоначальные объемы (Раков, 2017; Спиридонова, 2020).

Добавим, что Россия может выиграть от смещения акцента на экологическое инвестирование по следующим причинам: 1) игнорирование их возрастающей роли, обусловленное сохранением экспортно-сырьевой (рентной) модели роста экономики, формирует антиустойчивые экологические тенденции (высокий уровень природоемкости и интенсивности загрязнений; истощение природного капитала; структурные сдвиги в экономике, повышающие удельный вес природоэксплуатирующих и загрязняющих окружающую среду видов хозяйственной деятельности; природоресурсный характер экспорта и т. п.), которые, в свою очередь, ставят под угрозу достигнутые экономические и социальные результаты; 2) экономические издержки от ухудшения качества окружающей среды, которые составляют в России, по оценке экспертов Всемирного банка, от 1 до 6% ВВП, что существенно превышает значение этого показателя для развитых

стран⁵, снижают конкурентоспособность ее экономики на мировом уровне; 3) такие инвестиции способны повысить занятость населения в секторах экономики с низким углеродным следом, сократить бедность и повысить уровень и качество жизни населения, его жизненный потенциал (Banerjee, Duflo, 2019); 4) в сложившейся сегодня ситуации нет необходимости выбирать между экономическим ростом и защитой окружающей среды; этих двух целей можно достичь одновременно. Экономическая рецессия, обусловленная пандемией COVID-19 и внешним санкционным давлением, предоставляет России уникальную возможность инвестировать в радикальные преобразования экономики XXI века, чтобы осуществить решительный поворот с обочины на магистраль социально-экономического прогресса, обеспеченного становлением «зеленой» экономики.

Такой подход к природе экологического инвестирования формирует четкое понимание: наносить вред окружающей среде хозяйственной деятельностью неправильно, как и неправильно получать доходы от экологической катастрофы. Это означает, что экологические инвестиции одновременно порождают деинвестиции, то есть изъятие средств или их направление в другие, экологически безопасные отрасли; отказ от инвестиций в ценные бумаги и фонды, если они осуществляют неэтичную или морально сомнительную деятельность с позиции глобальной ESG-повестки (Анимица и др., 2020). Наконец, в контексте обеспечения долговременного устойчивого роста TFP экологические инвестиции адекватны критериям и движущим силам «четвертой промышленной революции» (Шваб, 2017) и неиндустриальной парадигмы современного развития России, фундаментальная программа которой была обоснована еще до пандемической экономической рецессии российскими учеными-экономистами (Губанов, 2012; Дасковский, Киселев, 2016).

Сказанное выше обуславливает необходимость формирования предметной области экологического инвестирования, требует детально-

го изучения ее составляющих. Цель нашего исследования заключается в теоретическом обосновании и экспериментальном тестировании оригинальной научной гипотезы о том, что в текущей сложной ситуации, сформировавшейся в России под воздействием пандемии COVID-19 и беспрецедентного внешнего санкционного давления, прежде всего экологическое инвестирование может создать «окно возможностей» для запуска действенной, инвестиционной модели экономического роста, адекватной требованиям глобальной ESG-повестки; стать «активным началом»⁶ радикальных преобразований экономики XXI века.

Методология исследования

Методологическую основу исследования, помимо традиционных общепринятых методов познания (научная абстракция, анализ и синтез, сочетание логического и исторического, метод аналогии и др.) составили эконометрические методы и модели, спецификация которых учитывает, наряду с прочим, запаздывание во времени эндогенных и экзогенных показателей. При этом в основу создания оценочной эконометрической модели, отражающей долгосрочные и краткосрочные отклики показателей экономического роста от объемов экологических инвестиций, был положен концептуальный подход, заключающийся в сочетании в той или иной форме компонентов совокупного спроса из известной кейнсианской макроэкономической модели⁷ с модифицированной производственной функцией Кобба – Дугласа, в которую, помимо традиционных компонентов, дополнительно включен фактор образования и переработки отходов производства и потребления (Pittel et al., 2010). Значение этого фактора заметно усилилось вследствие пандемии COVID-19 и ее ограничений.

В качестве показателя экологических инвестиций рассматривается (согласно приказу Росстата «Об утверждении методологических указаний по расчету индекса физического объема природоохранных расходов» от 21.11.2018 № 682) показатель «инвестиции в основной

⁵ «Зелёное финансирование» в России: создание возможностей для «зеленых» инвестиций (2018): аналитическая записка / А. Дамианова [и др.]; Всемирный банк. М. 110 с.

⁶ Keynes J.M. (1936). The General Theory of Employment, Interest and Money. Create Space Independent Publishing Platform. Available at: <http://www.library.fa.ru/files/generaltheory.pdf>

⁷ Там же.

капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов»⁸; по другим странам мира – «государственные расходы на защиту окружающей среды» (Bubble environmental expenditures) и «зеленые» инвестиции бизнеса (Business «green» investments)⁹.

Проверка обозначенной выше гипотезы осуществлялась с помощью построенной системы двух динамических регрессий Ш. Алмон (The Almon Polynomial Distributed Lag) (Griffiths et al., 1993) с распределенными лагами вида (1):

$$\begin{cases} Y_{1t} = \delta + \beta_0 X_{1t} + \beta_1 X_{1t-1} + \beta_2 X_{1t-2} + \dots + \beta_l X_{1t-l} + \varepsilon_t \\ \ln(Y_{2t}) = \alpha + \gamma_0 \ln(Y_{1t}) + \gamma_1 \ln(Y_{1t-1}) + \gamma_2 \ln(Y_{1t-2}) + \dots + \gamma_l \ln(Y_{1t-l}) + u_t, \end{cases} \quad (1)$$

где Y_{2t} – объем ВВП на душу населения РФ (показатель экономического роста);

Y_{1t} – объем инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов в РФ;

X_t – объем образования и переработки отходов производства и потребления.

Для идентификации, анализа и верификации эконометрической модели (1), ее экономической интерпретации применялись методы корреляционного, линейного и нелинейного регрессионного, факторного и дисперсионного анализа, обобщенный метод наименьших квадратов, а также метод инструментальных переменных.

В модели (1) β_0, γ_0 – краткосрочные мультипликаторы, $\sum_{k=1}^l \beta_k; \sum_{k=1}^l \gamma_k$ – долгосрочные мультипликаторы, характеризующие изменение результативных показателей под воздействием единичного изменения экзогенных переменных в каждом из рассматриваемых будущих периодов времени.

Согласно методу Ш. Алмон, если результативный показатель зависит от текущих и лаговых значений экзогенных показателей, то веса в β_j, γ_j в (1) подчиняются полиномиальному распределению (2) (Иванова и др., 2021):

$$\begin{cases} \beta_j = c_0 + c_1 j + c_2 j^2 + \dots + c_k j^k, \\ \gamma_i = d_0 + d_1 i + d_2 i^2 + \dots + d_k i^k. \end{cases} \quad (2)$$

Процедура применения метода Ш. Алмон для оценки параметров моделей с распределенным лагом (1) предполагает:

– определение максимальной величины лага l ;

– определение степени полинома k , описывающего структуру лага (2);

– введение инструментальных переменных (3):

$$\begin{aligned} Z_0 &= X_t + X_{t-1} + X_{t-2} + X_{t-3} + \dots + X_{t-l}; \\ Z_1 &= X_{t-1} + 2X_{t-2} + 3X_{t-3} + \dots + l \cdot X_{t-l}; \\ Z_2 &= X_{t-1} + 4X_{t-2} + 9X_{t-3} + \dots + l^2 \cdot X_{t-l}; \\ &\dots \dots \dots \\ Z_k &= X_{t-1} + 2^k X_{t-2} + 3^k X_{t-3} + \dots + l^k \cdot X_{t-l}; \end{aligned} \quad (3)$$

– определение параметров c_i множественной линейной регрессии (4):

$$Y_t = \delta + c_0 \cdot Z_0 + c_1 \cdot Z_1 + c_2 \cdot Z_2 + \dots + c_k \cdot Z_k + \varepsilon_t; \quad (4)$$

– с помощью соотношений (5) рассчитываются параметры исходных моделей с распределенным лагом (1):

$$\begin{aligned} \beta_0 &= c_0 \\ \beta_1 &= c_0 + c_1 + c_2 + c_3 + \dots + c_k \\ \beta_2 &= c_0 + 2c_1 + 4c_2 + 8c_3 + \dots + 2^k c_k \\ &\dots \dots \dots \\ \beta_l &= c_0 + l \cdot c_1 + l^2 \cdot c_2 + l^3 \cdot c_3 + \dots + l^k \cdot c_k. \end{aligned} \quad (5)$$

Обозначенный методологический подход, на наш взгляд, дает возможность оценить вклад разных видов экологических инвестиций в рамках их структуры не только в совокупный спрос, но и в производственный потенциал экономики, обеспечение долговременного устойчивого экономического роста.

Результаты исследования

Тенденции и проблемы экологического инвестирования, ответственного по своей сути и преобразующего по функциональной роли

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о неравномерности даже в крупнейших экономиках мира прогресса в области политики и инвестиций, обеспечивающих становление новой модели национальной экономики – «зеленой» экономики. Такой вывод наглядно подтверждают значения глобального индекса «зеленой» экономики (Global Green Economy Index, GGEI), разработанного американской консалтинговой компанией Dual Citizen и впервые рассчитанного в 2010 году

⁸ <https://rosstat.gov.ru/>

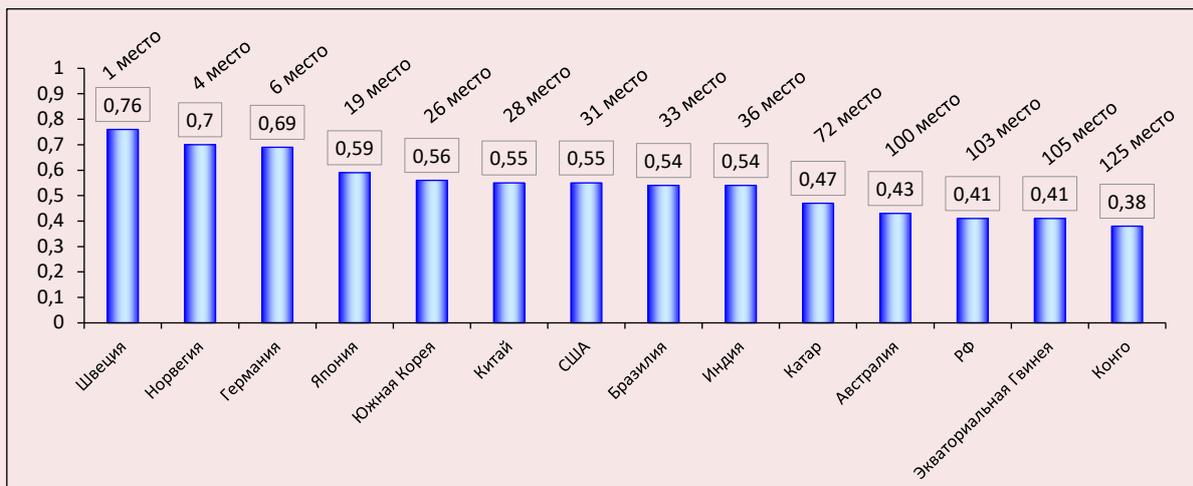
⁹ OECD.Stat. URL: <https://stats.oecd.org/>

(по России в 2016 году). По итогам расчета GGEI 2018 года, который был проведен по 130 странам мира по четырем параметрам (лидерство и изменение климата, секторы эффективности, рынки и инвестиции, окружающая среда), среди 5 крупнейших экономик самые высокие показатели в общем индексе отмечены у Германии (6-е место; GGEI = 0,69), Японии (19-е место с индексом 0,59), Китая (28-е место;

0,55); США (31-е место; 0,55) и Индии (36-е место; 0,54; *рис. 1*). Примечательно, что Россия в этом рейтинге заняла лишь 103-е место (GGEI = 0,41), несмотря на 6-е место в мировом рейтинге по показателю «зеленые экономические возможности» (Green Economic Opportunities), значение которого составляло 37,17%.

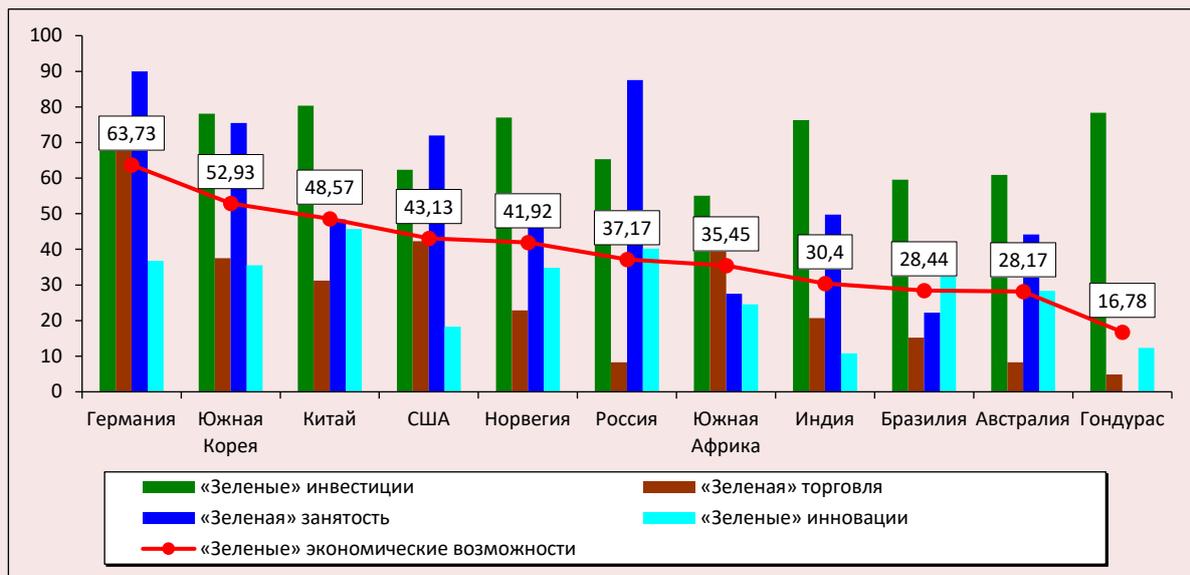
Для сравнения: у Германии значение GEO равнялось 63,73, у Китая – 48,57 (*рис. 2*).

Рис. 1. Глобальный индекс «зеленой» экономики по странам мира, 2018 г.

Источник: Американская консалтинговая компания Dual Citizen: официальный сайт. Нью-Йорк. URL: <https://dualcitizeninc.com> (дата обращения 04.04.2022).

Рис. 2. «Зеленые» экономические возможности некоторых стран мира, 2020 г.

Источник: GGGI Technical Report. 2020. № 16 (дата обращения 04.04.2022).

На необходимость радикальных преобразований экономики XXI века и признания экологического аспекта хозяйственной деятельности в качестве императивного указывает, помимо прочего, устойчивость в большинстве стран мира такой негативной тенденции, как увеличивающийся экологический след человечества и/или рост дефицита биоемкости (наши экологические активы). Наглядное представление о динамике упомянутых показателей в некоторых индустриально развитых странах мира в 2008–

2018 гг., которые в большей или меньшей степени поддержали так называемый «Новый зеленый курс» ПРООН, можно получить на основе данных, приведенных в *таблице 1*.

В РФ, несмотря на автономную экономическую рецессию 2013–2017 гг., наблюдалось увеличение экологического следа и сокращение биоемкости в расчете на человека. И хотя имеющиеся у страны «зеленые» экологические возможности (см. рис. 2) позволяют ей пока сохранять профицит биоемкости, все отчетливее

Таблица 1. Динамика экологического следа и дефицита (профицита) биоемкости на человека в 2008–2018 гг., га

Страна	Показатель	Год										
		2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
КНР	Биоемкость на человека	0,88	0,88	0,9	0,9	0,91	0,9	0,9	0,93	0,92	0,92	0,92
	Экологический след на человека	2,81	3,05	3,22	3,39	3,45	3,56	3,53	3,51	3,45	3,62	3,8
	Резерв/дефицит биоемкости	-1,93	-2,17	-2,32	-2,49	-2,54	-2,66	-2,63	-2,58	-2,53	-2,7	-2,88
Южная Корея	Биоемкость на человека	0,7	0,7	0,68	0,67	0,65	0,66	0,66	0,65	0,65	0,65	0,64
	Экологический след на человека	5,7	5,42	5,86	5,9	5,76	5,73	5,64	5,77	5,88	6,17	6,32
	Резерв/дефицит биоемкости	-5	-4,72	-5,18	-5,23	-5,11	-5,07	-4,98	-5,12	-5,23	-5,52	-5,68
Германия	Биоемкость на человека	1,8	1,82	1,76	1,65	1,7	1,72	1,78	1,7	1,63	1,6	1,49
	Экологический след на человека	5,57	5,15	5,55	5,42	5,22	5,24	5,06	4,95	4,83	4,81	4,67
	Резерв/дефицит биоемкости	-3,77	-3,33	-3,79	-3,77	-3,52	-3,52	-3,28	-3,25	-3,2	-3,21	-3,18
США	Биоемкость на человека	3,6	3,63	3,56	3,43	3,4	3,45	3,47	3,44	3,54	3,4	3,39
	Экологический след на человека	9,26	8,46	8,79	8,34	7,95	8,18	8,11	7,96	8,06	7,97	8,12
	Резерв/дефицит биоемкости	-5,66	-4,83	-5,23	-4,91	-4,55	-4,73	-4,64	-4,52	-4,52	-4,57	-4,73
Норвегия	Биоемкость на человека	8,01	7,82	7,77	7,58	7,45	7,32	7,29	7,23	7,16	7,08	6,91
	Экологический след на человека	6,94	6,13	7,15	6,36	6,17	6,42	6,12	5,8	5,44	5,73	5,67
	Резерв/дефицит биоемкости	1,07	1,69	0,62	1,22	1,28	0,9	1,17	1,43	1,72	1,35	1,24
РФ	Биоемкость на человека	6,86	6,77	6,49	6,75	6,5	6,62	6,68	6,66	6,75	6,83	6,72
	Экологический след на человека	5,57	5,08	5,28	5,79	5,48	5,56	5,41	5,08	5,07	5,27	5,31
	Резерв/дефицит биоемкости	1,29	1,69	1,21	0,96	1,02	1,06	1,27	1,58	1,68	1,56	1,41

Составлено по: Data Sources: National Footprint and Biocapacity Accounts 2022 edition (Data Year 2018); GDP, World Development Indicators, The World Bank 2020; Population, U.N. Food and Agriculture Organization.

проявляются ресурсные и экологические ограничения утвердившейся здесь экспортно-сырьевой модели роста.

В целом же в настоящее время сложилась ситуация, требующая предложить новое, адекватное глобальной ESG-повестке решение актуальной проблемы восстановления долгосрочного устойчивого роста TFP. Последний должен генерироваться экологическими («зелеными») инновациями — новыми технологиями, производственными процессами, цепочками поставок, которые способны решать вопросы переработки отходов и промышленного воспроизводства сырья из отходов ресурсов, а также использования альтернативных источников энергии (Banerjee, Duflo, 2019). Решение этой сверхглобальной задачи, еще до конца полностью не осознанной обществом, требует заблаговременных массовых экологических инвестиций — «жертвы, которую приносят сейчас ради будущей выгоды»¹⁰ (Spence, 2012).

Исходя из сказанного выше, экологические инвестиции представляется возможным рассматривать как специфический вид экономических ресурсов (денежные, материальные и интеллектуальные вложения), которые могут быть направлены на:

- повышение эффективности использования ресурсов, приводящее к их экономии (например, энергоэффективность и энергосбережение, сокращение отходов и их переработка);
- замену традиционных технологий экологически чистыми или низкоуглеродными технологиями, работающими в соответствии с принципами замкнутого ресурсного цикла (например, возобновляемые источники энергии; принципиально новые, прорывные технологии, исключающие появление отходов, промышленное воспроизводство сырья из отходов);
- улучшение состояния экосистем и повышение качества окружающей среды (адаптация климата, посадка лесов, обновление водно-заболоченных земель и др.) (Kormishkina et al., 2021).

В таком понимании экологическое инвестирование согласуется с известными 17-ю целями

устойчивого развития (ЦУР) на период 2016–2030 гг. для всех стран мира¹¹, которые были сформулированы в концептуальных документах ООН и утверждены на конференции ООН в 2015 году:

1. Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах.
2. Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания, содействие устойчивому развитию сельского хозяйства.
3. Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте.
4. Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех.
5. Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек.
6. Обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех.
7. Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех.
8. Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех.
9. Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям.
10. Сокращение неравенства внутри стран и между ними.
11. Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов.
12. Обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства.
13. Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями.
14. Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития.

¹⁰ Spence M. (2021). High Growth Sectors in the Post Recovery Decade. Project Syndicate. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/post-covid-high-growth-sectors-by-michael-spence-2021-04.2021>

¹¹ Цели в области устойчивого развития ООН. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения 04.04.2022).

15. Защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биоразнообразия.

16. Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях.

17. Укрепление средств осуществления и активизация работы в рамках глобального партнерства в интересах устойчивого развития.

Как видим, упомянутые цели охватывают все составляющие устойчивого развития – социальную, экономическую и экологическую, рассматривают и его институциональные аспекты, включая системные и структурные барьеры (бедность, неравенство, экологические вызовы, институциональные структуры и т. д.) и их преодоление. Примечательно, что 7 целей (6, 7, 11–15) в данном перечне носят экологический характер (они касаются водных ресурсов, источников энергии, экологической устойчивости городов и населенных пунктов, изменения климата, экосистем суши, морей и океанов и др.).

Сравнительный анализ содержания ЦУР и обозначенных выше направлений (целей) экологического инвестирования является основанием для вывода о том, что значительная их часть не только взаимосвязана, но и взаимодей-

полняет друг друга, а их совместное решение может дать, наряду с экологическим, экономический и социальный эффекты (табл. 2).

Учитывая отмеченную взаимосвязь и взаимодополняемость ЦУР и целей экологических инвестиций, справедливо утверждать, что последние можно рассматривать как ответственные по своей сути и преобразующие по функциональной роли. Необходимо сказать, что экологическое инвестирование способно принести хозяйствующим субъектам, при определенных рыночных условиях, высокую прибыль, прежде всего за счет использования сверхновых инновационных технологий по широкому спектру направлений, ориентированных на промышленное воспроизводство сырья и производство высокотехнологичной продукции из отходов ресурсов, а также удовлетворение их растущей потребности в системах защиты окружающей среды; а обществу – создание новых высокотехнологичных рабочих мест в секторах экономики с низким уровнем выбросов CO₂, сохранение естественного капитала и улучшение состояния экосистем, энергетическую независимость и, в конечном итоге, переход к прогрессивной («зеленой») модели экономики.

Вывод о преобразующей роли экологических инвестиций может быть конкретизирован, помимо сказанного выше, с позиций теории эндогенного экономического роста и известной концепции Й. Шумпетера, которые в точных выражениях объясняют, «каковы экономические стимулы к инновациям и как работает эта динамика» (Spence, 2012).

Таблица 2. Цели устойчивого развития и приоритетные направления экологического инвестирования

Основные приоритеты экологического инвестирования	Цели устойчивого развития																
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1. Повышение эффективности использования ресурсов (например, сокращение отходов, энергоэффективности)						+	+	+	+		+	+					
2. Замена традиционных технологий экологически чистыми или низкоуглеродными в соответствии с принципами замкнутого цикла (ВЭИ, переработка отходов)		+		+		+	+	+	+			+					+
3. Улучшение состояния экосистем и качества окружающей среды (адаптация климата, посадка лесов, обновление заболоченных земель и т. д.)	+		+			+		+	+	+	+	+	+	+	+		
Источник: составлено авторами.																	

Следует отметить, что, исходя из обозначенных ранее приоритетных направлений экологических инвестиций, они априори связаны с «зелеными» инновациями в виде новейших, прорывных экологически чистых технологий (или безотходных технологий), обеспечивающих глубокую очистку конечного продукта и всех целевых компонентов окружающей среды; исключение появления не утилизируемых отходов и использование альтернативных источников энергии; создание новой высокотехнологичной продукции в результате промышленного воспроизводства сырья. Можно утверждать, что экологическое инвестирование дает импульс следующим радикальным изменениям экономики XXI века:

- экономическое развитие не будет зависеть от потребления сырья;
- сократится использование невозобновляемых источников энергии (нефти, газа, угля);
- уменьшится техногенное воздействие энергетики на экологию;
- появятся новые высокотехнологичные рабочие места в секторах экономики с низким уровнем выбросов CO₂ и др.

Таким образом, перспективы формирования и развития таких технологий безграничны, что создает большое поле деятельности для новаторского бизнеса, а значит, для обеспечения долгосрочного устойчивого роста ТФР.

Осознание возрастающей роли экологических инвестиций в обеспечении радикальных преобразований экономики XXI века и долгосрочного устойчивого роста ТФР сопровождается их положительной динамикой в разных странах мира. Например, доля таких расходов в антикризисных пакетах 2020 года в Южной Корее достигла 81%, в странах ЕС — 59%, в Китае — 38%, США — 12% (Миркин, 2020).

Вместе с тем приходится с сожалением констатировать, что, несмотря на возможность получения упомянутых ранее выгод от экологического инвестирования, в России сохраняется ряд факторов и барьеров, сдерживающих его активность, среди которых следует назвать вторичность экологических целей по отношению к экономическим для государства и бизнеса; медленное внедрение в экономику высокотехнологичных «зеленых» инноваций (Липина и др., 2018), включая циркулярные, из-за уста-

ревшей сырьевой структуры и высокого уровня коррупции; неэффективный баланс налоговой системы; отсутствие четкой и понятной системы государственной поддержки таких инвестиций; неуверенность инвесторов в «зеленой» («циркулярной») экономике, их приверженность нынешней концепции производства; слабое развитие соответствующих компетенций в финансовом секторе.

С учетом устойчивости таких факторов в России в рамках нашего исследования были построены регрессионные модели с целью прогнозирования объема инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов в РФ на 2022–2024 гг. (рис. 3).

Статистика представленных на рисунке 3 регрессионных моделей (кривых роста) приведена в таблице 3.

Анализ данных таблицы 3 позволяет сделать вывод о том, что общая тенденция объема инвестиций в основной капитал в РФ, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, в прогнозной перспективе наиболее точно может быть выражена линейной моделью тренда с наименьшей ошибкой аппроксимации (10,39%):

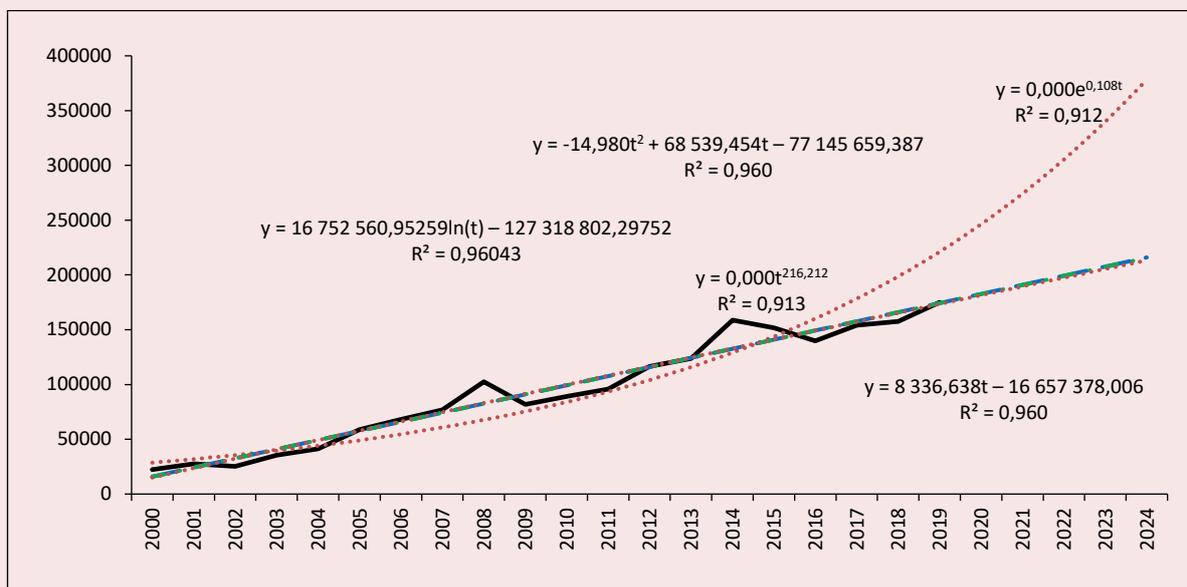
$$Y_t = 8336,63835t + 7562,04737 + \varepsilon. \quad (6)$$

Данная регрессионная модель, кроме того, подчеркивает недостаточную интенсивность экологического инвестирования, а также пока еще слабо используемого в РФ экономического инструментария его государственной поддержки.

Эконометрическая модель зависимости экономического роста от объема экологических инвестиций с учетом их приоритетов

В рамках экспериментального тестирования выдвинутой научной гипотезы была построена эконометрическая модель, отображающая зависимость экономического роста (объема ВВП РФ на душу населения) от объема инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, для оценки долгосрочного и краткосрочного отклика показателей экономического роста от объема обозначенных инвестиций с учетом их основных приоритетов

Рис. 3. Динамика и прогнозирование на 2022–2024 гг. объема инвестиций в основной капитал в РФ, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов

Источник: расчеты авторов.

Таблица 3. Трендовые модели (кривые роста) анализа и прогнозирования динамики объема инвестиций в основной капитал в РФ, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов

Уравнение тренда (кривая роста) / Trendequation (growthcurve)	Критерии качества модели / Criterion of model quality		Прогноз / Forecast		
	Коэффициент детерминации / Coefficient of determination	Средняя ошибка аппроксимации / Average approximation error, %	2022 г.	2023 г.	2024 г.
$Y = 8336.63835t + 7562.04737 + \varepsilon$	0.960	10.39	199304.73	207641.37	215978.01
$Y = -14.97955t^2 + 8651.20892t + 6408.62193 + \varepsilon$	0.960	10.57	205386.43	214037.64	222688.85
$Y = 25719.78432 \cdot e^{0.10756t} \cdot \varepsilon$	0.912	16.66	305255.75	339920.03	378520.71
$Y = 56151.83796 \ln t - 23764.38378 + \varepsilon$	0.8222	32.36	152299.38	154689.18	156981.41
$Y = 14874.28795 \cdot t^{0.79225} \cdot \varepsilon$	0.934	12.50	178344.35	184460.24	190523.39

Источник: расчеты авторов.

(ресурсосбережение и ресурсоэффективность; улучшение состояния экосистемы и повышение качества окружающей среды) и включением в качестве регрессоров лаговых независимых переменных. В соответствии с поставленной в исследовании гипотезой были определены максимальные величины лага l и степени k полинома (2), описывающего структуру лага для каждой динамической регрессии (1),

при этом экспериментальным путем (с помощью корреляционно-регрессионного анализа, тестирования гипотез Стьюдента, оценок t -статистик) выявлено, что для оценки параметров регрессии β_j и $\gamma_i(1)$ целесообразно использовать полиномы 3-й степени (7):

$$\begin{aligned} \beta_j &= c_0 + c_1j + c_2j^2 + c_3j^3, \\ \gamma_i &= d_0 + d_1i + d_2i^2 + d_3i^3. \end{aligned} \quad (7)$$

Используя метод инструментальных переменных, с целью снижения мультиколлинеарности экзогенных переменных мы провели оценку параметров модели (4) для первого уравнения с распределенным лагом системы (1):

$$Y_{1t} = -25638.55 + 17.14Z_0 - 30.90Z_1 + 14.39Z_2 + \varepsilon_t, \\ (0.02) \quad (0.07) \quad (0.03) \\ F = 73,83, \quad (8)$$

где новые инструментальные переменные имеют вид (8).

$$Z_0 = X_{1t} + X_{1t-1} + X_{1t-2} + X_{1t-3}, \\ Z_1 = X_{1t-1} + 2X_{1t-2} + 3X_{1t-3}, \\ Z_2 = X_{1t-1} + 4X_{1t-2} + 9X_{1t-3}, \quad (9)$$

Вычислив значения лаговых переменных X_{1t-1} , X_{1t-2} , X_{1t-3} и переменных Z_0 , Z_1 и Z_2 (9) для оценки параметров динамической эконометрической модели зависимости темпа роста объема инвестиций в основной капитал в РФ, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов (Y_{1t}), от темпа роста образования и переработки отходов производства и потребления (X_{1t}), построили уравнение множественной регрессии (10):

$$Y_{1t} = -25638.55 + 17.14X_{1t} + 0.63X_{1t-1} + \\ + 12.88X_{1t-2} + \varepsilon_t. \quad (10)$$

Анализ эконометрической модели (10) позволяет сделать вывод о том, что увеличение образования отходов производства и потребления на 1 млн тонн в текущем периоде через год должно сопровождаться увеличением объема инвестиций в основной капитал в РФ, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, на 17,80 млн руб., через 2 года – на 30,68 млн руб. для защиты целостности окружающей среды.

Поскольку исходные данные для второго уравнения модели (1) имеют логнормальное распределение, то оценивание параметров произведено для логарифмов рассматриваемых рядов динамики. Динамическая регрессионная модель зависимости объема валового внутреннего продукта на душу населения (Y_{2t}) от объема инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное

использование природных ресурсов (Y_{1t}), имеет вид (11):

$$\ln(Y_{2t}) = \alpha + \gamma_0 \ln(Y_{1t}) + \gamma_1 \ln(Y_{1t-1}) + \\ + \gamma_2 \ln(Y_{1t-2}) + \dots + \gamma_l \ln(Y_{1t-l}) + u_t. \quad (11)$$

Используя метод инструментальных переменных для модели (11), оценим параметры при новых переменных Z_0 , Z_1 , Z_2 (12):

$$\ln(Y_{2t}) = -9584.504 + 0.366 \cdot Z_0 - 0.462 \cdot Z_1 + \\ (0,001) \quad (0,044) \\ + 0.143 \cdot Z_2 + \varepsilon_t, F = 201.46. \quad (12) \\ (0,056)$$

Выполнив обратные преобразования (5) параметров модели (12), получили второе динамическое уравнение регрессии с распределенным лагом (13) системы (1):

$$\ln(Y_{2t}) = -9584.504 + 0.366 \cdot \ln(Y_{1t}) + \\ + 0.047 \cdot \ln(Y_{1t-1}) + 0.014 \cdot \ln(Y_{1t-2}) + \\ + 0.266 \cdot \ln(Y_{1t-3}) + u_t. \quad (13)$$

Анализ построенной модели (13) позволяет сделать вывод о том, что увеличение объема инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов (Y_{1t}), на 1% в текущем периоде приведет в среднем к увеличению объема валового внутреннего продукта на душу населения (Y_{2t}) на 0,366%; на 0,413% – на следующий год; на 0,426% – через год; на 0,693% – через 2 года.

$$\left\{ \begin{array}{l} \ln(Y_{2t}) = -9584.504 + 0.366 \cdot \ln(Y_{1t}) + \\ + 0.047 \cdot \ln(Y_{1t-1}) + 0.014 \cdot \ln(Y_{1t-2}) + \\ + 0.266 \cdot \ln(Y_{1t-3}) + u_t \\ Y_{1t} = -25638.55 + 17.14 \cdot X_{1t} + \\ + 0.63 \cdot X_{1t-1} + 12.88 \cdot X_{1t-2} + \varepsilon_t. \end{array} \right. \quad (14)$$

Таким образом, система динамических регрессионных моделей (14) подтверждает целесообразность отказа от экспортно-сырьевой модели роста российской экономики в пользу инвестиционной модели. Кроме того, она является основанием рассматривать экологическое инвестирование в качестве мощного фактора обеспечения поступательного экономического роста без ущерба для экологии, а значит, «активного начала» трансформации экономики России в соответствии с требованиями глобальной ESG-повестки.

Обсуждение

Экономическое стимулирование экологического инвестирования в России

Изучение и обобщение практического опыта ведущих стран мира по использованию различных механизмов и экономического инструментария государственной политики в области стимулирования экологического инвестирования явилось основанием для выдвижения следующих рекомендаций по обеспечению комплексного подхода к формированию такой политики в постпандемической России.

1. Достижение рационального (предельного) значения по такому обобщающему индикатору устойчивости и безопасности инвестиционной деятельности, как доля накопления валовых инвестиций в ВВП. Экологическое инвестирование, предполагающее замену традиционных технологий экологически чистыми или низкоуглеродными, повышение качества окружающей среды и т. п., ориентирует на развитие наукоемких и инновационных, а следовательно, капиталоемких производств и секторов экономики. В таких условиях представляется целесообразным увеличить долю накопления валовых инвестиций в ВВП РФ с современных 21,9% (2020 г.) минимум до 28–30%. На этом фоне возникает потребность в надежном механизме трансформации денежных средств, накопленных населением, в экологические инвестиции, которая может быть реализована путем гарантирования полного возврата вкладов при любых дефолтах и начисления повышенных процентов при их вложении в «зеленые» ценные бумаги, кредитуемые экологические инвестиционные проекты.

2. Повышение привлекательности экологических инвестиций для частного капитала за счет проведения политики снижения цен на низкоуглеродные инвестиционные проекты. Такая политика означает разработку и внедрение в хозяйственную практику экологических стандартов и норм, экоменеджмента и аудита (ISO14000, EMAS); использование государственных гарантий по кредитам в чистые технологии и «зеленые» фирмы; отказ от субсидий, поощряющих использование энергии углеводородов (нефть, уголь) и истощающих природный капитал, и, напротив, субсидирование чистой энергетики и чистых технологий; разработку

системы контрольных показателей для проверки «надежности» экологических инвестиций; создание «тестовых» территорий (инициатива КНР) и апробацию на них системы торговли углеродными правами на выбросы, единицами их сокращения (кредитами или взаимозачетами, единицами поглощения CO₂ и другими углеродными единицами). Бесспорно, что такая политика требует сильной политической воли. Вместе с тем очевидно, что в конечном итоге она содействует постепенному превращению экологической ответственности в экономический актив.

3. Формирование нового финансово-экономического механизма, отличительными чертами которого являются ресурсосбережение и максимальное вовлечение отходов производства и потребления в хозяйственный оборот в качестве адекватных новейшим глобальным экологическим вызовам источников сырья и для получения энергии. Реализация данного направления стимулирования экологического инвестирования предполагает:

– модернизацию ценообразования с учетом соблюдения принципа социальной справедливости, что означает необходимость определения полной суммы затрат производства продукции, включая стоимость переработки отходов, с привязкой платы за дальнейшую повторную переработку этой продукции (в виде незначительной суммы) к ее потребителю;

– государственные гарантии в виде субсидий на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам и займам, привлеченных частными инвесторами для реализации экологических проектов;

– предоставление комплекса льгот и преференций (например, налоговые льготы и вычеты, льготирование ставки по кредитам) хозяйствующим субъектам, осуществляющим переработку отходов по циркулярным технологиям и поставляющим вторичное сырье с улучшенными экологическими качествами, и, напротив, создание условий, при которых собственнику отходов становится экономически невыгодно хранить отходы (налог на сбор отходов и захоронение).

4. Повышение экологической грамотности населения и бизнеса. Формирование понимания бизнесом, какой вред окружающей среде и

здоровью человека наносит сегодняшняя концепция производства; подготовленность общественного сознания в этом вопросе.

Заключение

В экономике будущее оценивается через призму перспектив экономического развития, которые, как известно, конкретизируются в такой категории, как экономический рост, и характеризуются его динамикой и структурой. В текущей ситуации, сложившейся в России под воздействием пандемической экономической рецессии и внешнего санкционного давления на отечественную экономику, принципиальное значение приобретает необходимость отказа от экспортно-сырьевой (рентной) модели экономического роста в пользу действенной, инвестиционной модели, адекватной требованиям глобальной ESG-повестки, в которой приоритетное место занимает экологический аспект, связанный с производственным отношением бизнеса к природе.

Обобщая вышеизложенное, считаем необходимым отметить, что данное исследование способствует приращению научного знания в следующем:

1) теоретическом обосновании научной гипотезы о том, что экологические инвестиции в условиях планетарных проявлений экологических ограничений роста должны быть признаны ключевым фактором обеспечения долгосрочного устойчивого роста совокупной факторной производительности (TFP); в работе содержатся оригинальные научные суждения о влиянии экологического инвестирования на активизацию «зеленых» инноваций (экологически чистые технологии или безотходные технологии; новая высокотехнологичная продукция, полученная в результате промышленного воспроизводства сырья, и т. д.), способных генерировать поступательный рост экономики на долгосрочную перспективу;

2) выдвижении и теоретическом обосновании научной идеи о необходимости рассматри-

вать экологическое инвестирование в качестве «активного начала» радикальных преобразований экономики XXI века, обеспечиваемых становлением «зеленой» экономики; в связи с этим доказано, что именно экологические инвестиции, имеющие важное значение для устойчивости, но менее привлекательные для бизнеса, способны принести хозяйствующим субъектам прибыль и удовлетворение их растущей потребности в системах защиты окружающей среды, а обществу – создание новых высокотехнологичных рабочих мест в секторах экономики с низким уровнем выбросов CO₂, сохранение естественного капитала и улучшение состояния экосистем, энергетическую безопасность и переход к «зеленой» (циркулярной) экономике;

3) экспериментальном тестировании гипотезы об экологическом инвестировании как ключевом факторе обеспечения устойчивого роста экономики с помощью построения эконометрической модели; модель представляет собой систему динамических экономических регрессий с распределенным лагом полиномиальной структуры; она может быть применена для оценки долгосрочного и краткосрочного отклика показателей экономического роста от экологического инвестирования;

4) предложенном минимально необходимом экономическом инструментарии государственной политики в области стимулирования экологического инвестирования в современной России.

Заметим, что предметная область экологического инвестирования находится в стадии становления. В связи с этим предстоит более глубоко изучить природу и особенности экологических инвестиций (новые условия инвестирования, норма и природа прибыли, сроки окупаемости, структура рынка капитала и т. п.), чтобы конкретизировать механизмы их влияния на экономический рост и преобразования экономики и общества.

Литература

- Анимица Е.Г., Дворядкина Е.Е., Квон Т.М. (2020). Преобразующие инвестиции – мейнстрим развития региона // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. № 4 (83). С. 83–95.
- Бобылев С.Н. (2020). Устойчивое развитие: новое видение будущего? // Вопросы политической экономики. № 1 (21). С. 67–83. DOI: 10.5281/zenodo.375332

- Бобылев С.Н., Кирюшин П.А., Кошкина Н.Р. (2021). Новые приоритеты для экономики и «зеленое» финансирование // *Экономическое возрождение России*. № 1 (67). С. 152–166. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-152-166
- Глазьев С.Ю. (2018). Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир. 768 с.
- Гринберг Р.С. (2008). Есть ли несырьевое будущее у России? // *Вестник ИЭ РАН*. № 1. С. 6–21.
- Губанов С.С. (2012). Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. М.: Книжный мир. 223 с.
- Дасковский В.Б., Киселев В.Б. (2016). Новый подход к экономическому обоснованию инвестиций. М.: Канон+; РООН Реабилитация. 400 с.
- Иванова И.А., Бусалова С.Г., Горчакова Э.Р. (2021). Региональный инвестиционный рынок в сфере обращения с отходами: динамика, структура, методика оценки // *Регионология*. Т. 29. № 4. С. 840–865. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407/117/029/202104/840-865>
- Кормишкина Л.А., Кормишкин Е.Д., Королева Л.П., Колосков Д.А. (2018). Рециклинг ресурсов в современной России: необходимость, проблемы и перспективы развития // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 11. № 5. С. 155–170. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.10
- Липина С.А., Агапова Е.В., Липина А.В. (2018). Развитие зеленой экономики в России: Возможности и перспективы. М: ЛЕНАНД. 328 с.
- Матвеева Л.Г., Гриднев Д.С. (2022). Применение ансамбля методов циркулярной экономики в анализе страновых рисков в условиях неоиндустриализации // *Естественно-гуманитарные исследования*. № 39 (1). С. 179–187. DOI: 10.24412/2309-4788-2022-1-39-179-187
- Миркин Я. (2020). Как противостоять рецессии: что делать // *Научные труды Вольного экономического общества России*. Т. 223. № 3. С. 188–196. DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-188-196
- Раков В.Д. (2017). Механизмы поддержки финансирования «зеленых» проектов: опыт стран // *Актуальные проблемы экономики и права*. Т. 11. № 2. С. 67–82. DOI: <https://doi.org/10.21202/1993-047X.11.2017.2.67-82>
- Спиридонова А.В. (2020). Экологическое инвестирование в Российской Федерации: теоретико-правовой подход // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Право»*. Т. 20. № 1. С. 72–79. DOI: 10.14529/law200111
- Сухарев О. (2019). Инвестиционная модель экономического роста и структурная политика // *Экономист*. № 1. С. 23–52.
- Сухарев О., Ворончихина Е. (2020). Структурная динамика экономики: влияние инвестиций в старые и новые технологии // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 13. № 4. С. 74–90. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.4
- Фишман Л.Г., Мартыянов В.С., Давыдов Д.А. (2019). Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 416 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-1913-4
- Фюкс Р. (2019). Зеленая революция: экономический рост без ущерба для экологии: пер. с нем. М.: Альпина нонфикшн. 330 с.
- Шваб К. (2017). Четвертая промышленная революция: пер. с англ. М.: Эксмо. 208 с.
- Яковлев И.А., Кабир Л.С., Никулина С.И., Раков И.Д. (2017). Финансирование «зеленого» экономического роста: концепции, проблемы, подходы // *Финансовый журнал*. № 3. С. 9–20.
- Banerjee A., Duflo E. (2019). *Good Economics for Hard Times*. New York: Public Affairs.
- Gordon R. (2016). *The Rise and Fall of American Growth*. New York: Princeton University Press.
- Griffiths W.E., Hill R.C., Judge G.G. (1993). *Learning and Practicing Econometrics*. New York: Wiley.
- Jackson T. (2009). *Prosperity without Growth: Economics for a Finite Planet*. Earth can Publications Ltd.
- Jackson T. (2017). *Prosperity without Growth? Foundations for the Economy of Tomorrow*. Routledge.
- Kormishkina L.A., Kormishkin E.D., Sausheva O.S., Koloskov D.A. (2021). Economic incentives for environmental investment in modern Russia. *Sustainability*, 13(21). DOI: 10.3390/su132111590
- Pittel K., Amigues J-P., Kuhn T. (2010). Recycling under a material balance constraint *Resource and Energy Economics*, 32(3), 379–394.
- Spence M. (2012). *The Next Convergence: The Future of Economic Growth in Multispeed World*. New York: Farrar, Straus and Giroux.

Сведения об авторах

Людмила Александровна Кормишкина — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68; e-mail: kormishkinala@mail.ru)

Евгений Данилович Кормишкин — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68; e-mail: kormishkined@mail.ru)

Ирина Анатольевна Иванова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68; e-mail: ivia16@mail.ru)

Дмитрий Александрович Колосков — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68; e-mail: Kda1977@mail.ru)

Kormishkina L.A., Kormishkin E.D., Ivanova I.A., Koloskov D.A.

Environmental Investment as a Key Factor in the Formation and Evolvment of an Investment Model for the Growth of the Russian Economy

Abstract. The complex debate in the recent economic literature about environmental quality in economic growth, looking for a return to long-term sustainable growth in total factor productivity, recognizing the environmental aspect of development as an imperative confirm the relevance of the research topic. The aim of the study is to provide a theoretical substantiation of environmental investment as a key factor in ensuring long-term and sustainable economic growth, an “active start” to the radical transformation of the Russian economy in accordance with the requirements of the global Environmental, Social, and Corporate Governance agenda; another aim is to conduct an experimental testing of the identified scientific idea. Environmental investment is characterized as a type of responsible and transformative investment capable of generating incremental total factor productivity growth by stimulating specific green innovations. The methodology of the study included methods of identification, analysis and verification of an econometric model in the form of a system of dynamic regressions by Sh. Almon with distributed lags. Experimentally (by constructing different regressions and testing Student’s hypotheses for them, determining estimates of t-statistics) as applied to the Russian economy, we evaluated long-term and short-term responses of economic growth indicators to the volume of environmental investment (specifically, its priority focus, such as waste-free and recycling resources). The econometric model has established a long-term positive effect of environmental investments. The effect consists in protecting the integrity of natural capital and improving the condition of ecosystems, which is fundamental to maintaining the potential for economic the long-term growth. Short- and medium-term effects include creating new high-tech jobs in low CO₂ sectors and restoring total factor productivity growth through green technological innovation. The main barriers to environmental investment in Russia have been identified, and the minimum necessary economic instruments to stimulate it have been developed.

Key words: economic growth, environmental challenges, global ESG agenda, environmental investment, disinvestment, total factor productivity, long-term sustainable economic growth, green economy.

Information about the Authors

Lyudmila A. Kormishkina – Doctor of Sciences (Economics), Professor, head of department, Ogarev Mordovia State University (68, Bolshevistskaya Street, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russian Federation; e-mail: kormishkina@mail.ru)

Evgenii D. Kormishkin – Doctor of Sciences (Economics), Professor, professor of department, Ogarev Mordovia State University (68, Bolshevistskaya Street, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russian Federation; e-mail: kormishkined@mail.ru)

Irina A. Ivanova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor of department, Ogarev Mordovia State University (68, Bolshevistskaya Street, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russian Federation; e-mail: ivia16@mail.ru)

Dmitrii A. Koloskov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor of department, Ogarev Mordovia State University (68, Bolshevistskaya Street, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russian Federation; e-mail: Kda1977@mail.ru)

Статья поступила 01.06.2022.

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.9

УДК 332, ББК 65.9

© Иванов С.Л., Метляхин А.И.

Разработка методики оценки влияния инновационного предпринимательства на развитие экономики региона

Семен Леонидович

ИВАНОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: slivanov2020@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4647-5824

Александр Игоревич

МЕТЛЯХИН

Вологодский государственный университет

Вологда, Российская Федерация

e-mail: metlyahin.ai@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0449-0396; ResearcherID: ABH-7573-2020

Аннотация. С переходом отечественной экономики на путь инновационного развития заметно повысилась роль инновационного предпринимательства как фактора интенсивного экономического роста. Рассматриваемый тип предпринимательства обеспечивает регионам конкурентные преимущества. Целью исследования является оценка степени влияния инновационного предпринимательства на уровень экономического развития российских регионов посредством апробации методики регрессионного анализа панельных данных. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: во-первых, проведен обзор научных работ, в которых исследуется влияние инновационного фактора (в том числе инновационного предпринимательства) на развитие региональной экономики; во-вторых, осуществлен и научно обоснован отбор статистических показателей, отражающих развитие, с одной стороны, инновационного предприни-

Для цитирования: Иванов С.Л., Метляхин А.И. (2022). Разработка методики оценки влияния инновационного предпринимательства на развитие экономики региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 136–154. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.9

For citation: Ivanov S.L., Metlyakhin A.I. (2022). Elaborating a methodology for assessing the impact of innovation entrepreneurship on the development of the region's economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends. Forecast*, 15(4), 136–154. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.9

мательства, с другой стороны, экономики российских регионов; в-третьих, проанализировано влияние инновационного предпринимательства на экономическое развитие российских регионов на основе выделенных показателей посредством использования эконометрических инструментов. При подготовке статьи применялись следующие научные методы: систематизация, обобщение, изучение литературы, документов и результатов деятельности. Отдельно отметим метод математического моделирования, при помощи которого был осуществлен регрессионный анализ. По итогам работы получены следующие результаты: во-первых, на основе проведенного обзора установлено, что инновационное предпринимательство оказывает значимое влияние на развитие экономики регионов, особенно в периоды рецессии; во-вторых, в ходе регрессионного анализа подтверждена гипотеза о том, что инновационное предпринимательство следует рассматривать как один из значимых факторов экономического развития российских регионов. Также было выявлено, что в условиях современной отечественной экономики наиболее выраженной является технологическая компонента инновационного предпринимательства (сущность которой состоит в разработке инновационных решений).

Ключевые слова: инновационное предпринимательство, регион, валовой региональный продукт, показатель, инновационное решение, инновационный продукт, регрессионный анализ, моделирование, панельные данные.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с темой государственного задания № FMGZ-2022-0002 «Методы и механизмы социально-экономического развития регионов России в условиях цифровизации и четвертой промышленной революции».

Введение

Проблема, связанная с выявлением факторов и поиском источников экономического развития, во все времена была актуальна среди ученых-экономистов. Ярким примером может послужить разработанная в рамках меркантилизма протекционистская экономическая политика, основными положениями которой провозглашались установление высоких импортных пошлин, оказание поддержки национальным производителям и пр. (Де Сантис, У. Стаффорд, Т. Манн, А. де Монкретьен) (Гаджиев, 2017; Swik, 2011).

А. Смит считал, что основой экономического развития в рамках той или иной социально-экономической системы являются ее абсолютные преимущества, то есть факторы, обеспечивающие возможность производства большего числа продуктов при использовании постоянного количества ресурсов. Например, в качестве абсолютных преимуществ для большинства сельскохозяйственных районов могут рассматриваться благоприятные агроклиматические условия. Развивая теорию А. Смита, Д. Рикардо ввел понятие «сравнительных преимуществ». По его мнению, даже если регион

не обладает абсолютными преимуществами, это вовсе не означает, что производство какого-либо товара для него не является выгодным. Согласно теории Д. Рикардо, временные затраты на изготовление единицы товара – это основное условие обеспечения конкурентоспособности в процессе производства (Фенин, 2017; Shumacher, 2012a; Shumacher, 2012b).

Представители институционализма (У. Хамилтон, Т. Веблен, Д. Гэлбрейт, Д. Коммонс и др.) особую роль в экономическом развитии отводили деятельности социальных институтов. Как отмечал Дж. Кейнс, государственное регулирование экономики (в частности воздействие на совокупный спрос) является базисом ее устойчивости и последующего развития, а также основным инструментом преодоления кризисных состояний. И. Шумпетер, основатель «теории инноваций» (1911 г.), в качестве доминирующего фактора, обеспечивающего развитие экономической системы, признавал инновации (Курц, 2007; Бесси, Фавро, 2010; Ковалева, 2015; Саламова, 2020; Hospers, 2005; Caballero, Dequech, 2012; Soto-Oñate, 2015).

Можно привести большое количество подобных примеров из истории экономических учений. Однако следует отметить, что исследователи так и не пришли к единому выводу о том, какие факторы оказывают наибольшее влияние на экономическое развитие.

С появлением регионалистики и региональной экономики (первая половина XX века) наибольшее распространение получило исследование факторов, влияющих на экономическое развитие отдельных территориальных единиц. Это объясняется тем, что в условиях индустриального и постиндустриального общества регион становится сложной многокомпонентной системой, по своей структуре и специфике ничем не уступающей государству в целом. Во многих случаях развитие государства определяется развитием его отдельных регионов.

Важно отметить, что в контексте настоящего исследования мы будем рассматривать понятие «регион» с позиции административно-территориального подхода (Г.В. Гутман, В.И. Лескин, А.В. Швецов, К. Deutsch и др.). Таким образом, регион будет отождествляться с субъектом федерации (или группой субъектов, например экономическим районом или федеральным округом) (Лексин, Швецов, 1997; Гутман, 2002), т. к. данные для регрессионного анализа, проведенного в рамках работы, взяты по каждому региону РФ, где регион – административно-территориальная единица (то есть субъект федерации).

Актуальность исследования. В условиях глобальных ресурсных ограничений, сопровождающихся пессимистичными прогнозами о высокой мере истощения природных ресурсов и продовольственных запасов, напряженной военно-политической обстановкой и рядом других обстоятельств, одним из путей решения проблемы для России является разработка инновационно ориентированной парадигмы социально-экономического развития. Постепенно страна должна трансформироваться из экспортера сырьевых ресурсов в технологически развитую державу, производящую высокую долю добавленной стоимости (Полянская, Найденова, 2015).

Современная система воспроизводства нуждается в разработке и внедрении инноваций практически на всех стадиях – от производства до потребления. Старые, исчерпавшие свой ре-

курс технологии не могут позволить российским регионам (и России в целом) справиться с конкуренцией и достигнуть поставленных целей. Для этого необходима практическая реализация инноваций в отдельных хозяйственных процессах в экономике каждого из субъектов РФ. Инновации выступают в качестве ключевого фактора устойчивого экономического роста, способствуют созданию надежной материальной и нематериальной основы жизнедеятельности настоящего и будущих поколений.

С переходом к четвертой промышленной революции (шестому технологическому укладу) Российская Федерация, как и многие другие страны, выбрала инновационный путь развития. В связи с этим широкое распространение получило формирование инновационного предпринимательства, инновационных предприятий и т. п., т. к. именно данный тип предпринимательства играет ключевую роль в рамках инновационного процесса. Функция по реализации наиболее важной стадии инновационного процесса (а именно стадии коммерциализации новшеств) в условиях рыночной экономики возложена на частные инновационные компании, которые играют определяющую роль в процессе перевода новшества в категорию инновации. Кроме того, они участвуют в создании «инновационных решений» наряду с вузами, НИИ, научными центрами и пр. Обладая финансовым ресурсом, субъекты инновационного предпринимательства способны проводить лонгитюдные и достаточно затратные научные исследования, что зачастую трудно выполнимо в рамках научных организаций, находящихся в государственной собственности, поскольку последние существенно ограничены фактором финансирования (Буркина, 2020; Oliveira, 2019).

На основании обзора ряда научных работ (Жильников, 2014; Буркина, 2020; Куприянов и др., 2020; Голова, 2021; Смотрицкая, Черных; 2021; Oliveira, 2019; Oswald, 2019), а также трудов представителей теории эндогенного экономического роста (P. Romer, R. Lucas, G. Grossman, P. Aghion, D. Audretsch, A. Rodriguez-Pose, B. Jovanovich и др.), исследования которых являются действующим мейнстримом в изучении влияния инновационного фактора на экономическое развитие регионов, можно заключить, что инновационное предпринима-

тельство обеспечивает регионам конкурентные преимущества за счет использования качественно новых средств и предметов труда, производства продукции с высокой добавленной стоимостью, оптимизации ряда производственных процессов, экономии на использовании природных ресурсов, освоения новых секторов рынка, видов экономической деятельности, создания новых рабочих мест (в том числе высокотехнологичных) (Задумкин, Теребова, 2009; Lucas, 1988; Grossman, Helpman, 1989; Romer, 1990; Rivera-Batiz, Romer, 1991; Romer, 1992; Nelson, Romer, 1996).

Положительное влияние инновационного предпринимательства на развитие региональной экономики не вызывает сомнения, что фиксируется в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей. Тем не менее актуальной научной проблемой остается отсутствие инструментария, позволяющего комплексно и объективно оценить влияние инновационного предпринимательства на экономическое развитие регионов (включая оценку степени такого влияния).

В рамках работы предпринята попытка решить указанную научную проблему путем применения методики регрессионного анализа панельных данных, характеризующих инновационное предпринимательство. Следует отметить, что в научной литературе этот инструмент для решения задачи, заключающейся в оценке влияния инновационного бизнеса на экономику региона, ранее применялся крайне ограниченно. В ряде исследований, в которых были осуществлены попытки провести подобный анализ, отсутствует учет специфики данных, имеющих панельную структуру; более того, круг показателей, характеризующих инновационное предпринимательство, недостаточен (Жильников, 2014; Челнокова, Сумарокова, 2014). В то же время при устранении указанных «пробелов» выбор обозначенной выше методики, обусловленный структурой значений показателей, отобранных для анализа, с нашей точки зрения, является наиболее объективным при решении установленной научной проблемы. Это предположение составляет основу научной гипотезы настоящего исследования. Гипотеза сформулирована следующим образом: применение методики регрессионного анализа панельных данных позволит получить состоя-

тельные, статистически значимые оценки показателей, характеризующие инновационное предпринимательство, и комплексно охарактеризовать его влияние на развитие экономики региона.

В качестве объекта исследования будут рассматриваться российские регионы. Предмет исследования – инновационное предпринимательство как фактор экономического развития регионов РФ. Стоит обратить внимание, что под инновационным предпринимательством будут пониматься не только малые или средние предприятия, но и предпринимательство в целом (включая крупный бизнес).

Цель работы – оценить степень влияния инновационного предпринимательства на экономическое развитие российских регионов.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) провести обзор научных работ, в которых исследуется влияние инноваций, а также инновационного предпринимательства на развитие региональной экономики;

2) осуществить и научно обосновать отбор статистических показателей, отражающих, с одной стороны, отдельные аспекты деятельности инновационного предпринимательства, с другой стороны, развитие экономики российских регионов;

3) проанализировать влияние инновационного предпринимательства на экономическое развитие регионов РФ на основе выделенных показателей посредством использования эконометрических инструментов.

Обзор литературы

Инновации рассматриваются как значимый фактор экономического развития. Ряд ученых (Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма, Д. Белл и др.) считают, что в современном мире именно инновационная экономика обеспечивает мировое экономическое превосходство большинства развитых государств (Тоффлер, 1986).

Действующая практика и труды отечественных и зарубежных ученых доказывают зависимость экономического роста от темпов развития научно-технического прогресса (исследования Н.Я. Тинергена, Р. Солоу, Дж. Хикса и др.). Выдвинутая в рамках теории эндогенного экономического роста гипотеза о научно-технологических нововведениях как о внутренних источниках постоянного роста позволила раз-

работать ряд моделей долгосрочного экономического роста, продуцируемого инвестициями, с одной стороны, в физический капитал (техника и оборудование), с другой стороны, в человеческий капитал. Особое место занимают модели с инвестициями в сектор знаний (Ускова, 2009; Rivera-Batiz, Romer, 1991; Nelson, Romer; 1996). Кроме того, возрастающая общественная отдача наблюдается по расходам на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (Romer, 1990).

Стоит отметить, что российская экономика выбрала курс в сторону инновационного пути развития. Однако формирование и развитие объектов инновационной инфраструктуры в России произошло с некоторым отставанием от экономически развитых стран.

Можно выделить несколько ключевых этапов в постсоветской истории инноваций. Период, протекавший в 90-е гг. XX века, характеризовался практически полным отсутствием спроса на инновации. Государственная инновационная политика существовала номинально – в виде Указа Президента РФ от 27.04.1992 № 426 «О неотложных мерах по сохранению научно-технического потенциала Российской Федерации»¹. Поскольку в тот период характер отечественной экономики был объективно сырьевым, основными заказчиками инноваций выступали представители сырьевых отраслей (чаще нефтегазодобывающие корпорации) (Гретченко, Монахов, 2011).

На следующем этапе (2000-е гг.) произошел общий подъем промышленного производства и экономики в целом. Отдельные отрасли хозяйства стали предъявлять спрос на научно-технические достижения (в том числе легкая, пищевая промышленность, а также отрасли топливно-энергетического комплекса). Государственная инновационная политика проводилась через формирование федеральных целевых программ, создание особых экономических зон, технополисов и технопарков, была представлена в Письме Президента РФ № Пр-576 от 30.03.2002 «Основы политики Российской

¹ О неотложных мерах по сохранению научно-технического потенциала Российской Федерации: Указ Президента РФ от 27.04.1992 № 426 (ред. от 30.09.2012) // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3269/

Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу»². На данном этапе, связанном с завершением переходных процессов, сложилась сравнительно устойчивая ситуация в области инновационных исследований. На протяжении рассматриваемого периода устойчиво обозначилась тенденция активизации государственного участия в инновационном процессе (Гретченко, Монахов, 2011).

Среди трудов отечественных ученых-экономистов, которые занимались вопросами влияния инновационного фактора на экономическое развитие регионов в этот период, отметим работы Л.И. Абалкина, С.Ю. Глазьева и др. (Абалкин, 2004; Глазьев, 2008; Глазьев, 2011; Глазьев, 2013а; Глазьев, 2013b). В частности, Л.И. Абалкин изучил факторы обеспечения экономического развития страны и отметил оригинальность модели рыночной экономики, где на первое место ставится инновационный подход к решению актуальных экономических проблем (Абалкин, 2004).

Следующий этап (начиная с конца 2000-х гг.) характеризуется включением инновационной деятельности в перечень основных приоритетов страны. В этот период был зарегистрирован «Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий» (фонд «Сколково»), утверждена «Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 года», а также начата реализация поручения от 4 января 2010 г. № Пр-22 (пункт 5, подпункт «б») о разработке программ инновационного развития (ПИР) (Буркина, 2020). В настоящее время обсуждаются поправки в законодательство, направленные на стимулирование инновационной деятельности. Её активизация возведена в статус национального проекта.

Как считают И.И. Смотрицкая, С.И. Черных (Смотрицкая, Черных, 2021), на современном этапе экономическая модель, построенная на основе непрерывного процесса инновационного обновления, не имеет альтернативы для обеспечения устойчивого социально-экономи-

² Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу: Письмо Президента РФ от 30.03.2002 № Пр-576 // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_91403/

ческого развития. Стоит отметить, что подобного мнения придерживается большинство как зарубежных, так и отечественных ученых (Аганбегян и др., 2020; Голова, 2021; Oswald, 2019). Тем не менее можно встретить «полярные» позиции. В частности, Ю.В. Симачев и его соавторы (Симачев и др., 2021) отмечают, что на страновом уровне положительная связь между производительностью и инновациями наблюдается не всегда. Данного тезиса придерживаются некоторые зарубежные авторы (Ramadani et al., 2019), говоря о том, что значение инноваций для роста производительности повышается по мере приближения к технологической границе. В экономике, далекой от технологической границы, напротив, экономический рост основан скорее на «физических» факторах (основной капитал, численность рабочей силы и пр.).

По оценке А.Г. Аганбегяна, для обеспечения устойчивого развития отечественной экономики необходимо в ближайшие годы обеспечить ежегодный прирост высокотехнологичного сектора производства примерно на 15% (Аганбегян и др., 2020). В современном мире, при глобальном характере конкуренции производителей и резком ускорении темпов научно-технологического развития, принципиально возможно достичь этого только в русле инновационной парадигмы.

Как отмечает И.М. Голова, переход России на инновационную парадигму развития – объективная необходимость в контексте обеспечения устойчивого конкурентоспособного роста. Тем не менее, по мнению исследователя, в настоящее время Россия существенно отстает по инновационной активности от стран – технологических лидеров. По глобальному инновационному индексу она занимает 48-е место (между Румынией и Индией). Кроме того, доля России в мировом высокотехнологичном экспорте сократилась до 0,35%. Зависимость экономики от импорта по таким важнейшим позициям, как станки и инструменты, составляет порядка 90%, что представляет серьезную угрозу социально-экономической безопасности страны, особенно в условиях нарастания международных санкций (Голова, 2021).

На данный момент переход отечественной экономики на путь инновационного развития

ограничен большим числом факторов, в том числе последствиями глобального кризиса, а также санкциями, введенными в отношении России рядом зарубежных государств. Эти причины оказывают негативное воздействие на ведение инновационной деятельности, а также провоцируют отрицательную динамику темпов промышленного роста, замедляя развитие объектов инфраструктурных отраслей, что серьезно ограничивает институциональные и технологические перемены в экономике и приводит к большему падению конкурентоспособности российской промышленности на мировых рынках, в том числе высокотехнологичных. Для успешного развития российской экономики в инновационном аспекте важной остается разработка мероприятий, направленных на модернизацию производства, промышленности, развитие инновационного предпринимательства, реализация которых будет способствовать изменению технологического облика территории РФ (Якушев, 2017; Кузнецова, 2019).

Как правило, непосредственными локальными «точками» внедрения инноваций и реализации соответствующих инвестиционных проектов становятся микроэкономические единицы – субъекты инновационной деятельности и организации инновационной инфраструктуры. Это предприятия, а также индивидуальные предприниматели, занятые в отраслях промышленности, сельского хозяйства, сферы услуг.

Частный сектор (в лице предпринимателей) рассматривается в качестве одного из ключевых акторов инновационного развития в региональных социально-экономических системах, т. к. предпринимательство является представителем «реального» сектора экономики, который создает продукт и занимается его реализацией на рынке. В условиях перехода крупнейших мировых экономик на путь инновационного развития особое внимание хотелось бы сосредоточить на роли инновационного предпринимательства в обеспечении экономического развития регионов. Стоит заметить, что позиция Р. Нельсона (одного из основателей концепции национальных инновационных систем (НИС)) состояла в том, что частные коммерческие фирмы являются «сердцем» национальных инновационных систем крупных промышленно развитых стран.

Инновационное предпринимательство представляет собой самостоятельную, осуществляемую на систематической основе предпринимателями деятельность, связанную не только с разработкой новшеств, но и с переводом их в категорию инноваций (Иванов, 2021). Среди ученых, которые занимались и по сей день занимаются изучением влияния инновационного предпринимательства на развитие экономики регионов, можно назвать представителей Гарвардской школы, Австрийской школы, Современной российской школы инноваций. Особо хотелось бы отметить представителей теории эндогенного экономического роста (Lucas, 1988; Grossman, Helpman, 1989; Romer, 1990; Rivera-Batiz, Romer, 1991; Romer, 1992; Nelson, Romer, 1996).

Как и в случае с инновационным развитием, история становления инновационного предпринимательства в России также насчитывает три этапа (90-е, 2000-е, 2010-е гг.). Формирование в России частных инновационных организаций стартовало еще в первой половине 1990-х гг. в процессе приватизационной кампании, когда из отраслевых научно-исследовательских институтов стали образовываться малые предприятия, стремящиеся использовать свой интеллектуальный потенциал для поддержания «жизнеспособности» в условиях новой экономической ситуации. Их число постепенно сокращалось, что было обусловлено низким спросом на инновации и трудностью выхода на рынок с новой продукцией. Тем не менее с конца 90-х гг. появлялись новые инновационные организации, которые создавались в целях ведения научных исследований и разработок для крупных компаний. Отдельно следует отметить, что в 2009 году был принят ФЗ-217³, позволяющий на базе вузов организовывать малые инновационные предприятия. Таким образом, до принятия данного федерального закона большая часть инновационных предприятий вы-

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности: Федеральный закон от 02.08.2009 № 217-ФЗ // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90201/

ступала как самостоятельные компании. Доля государственного участия была сравнительно мала (Бауман, 2005).

Только за первые несколько лет после принятия ФЗ-217 (с августа 2009 по конец декабря 2013 г.) на базе 281 российского вуза было создано порядка 2000 малых инновационных предприятий (МИП)⁴. Стоит отметить, что подобные фирмы создавались на базе не только университетов, но и научно-исследовательских институтов, а также других учреждений РАН.

Влияние инновационных предприятий на региональную экономику рассмотрено в работах (Полунин, 2012; Жильников, 2014). Как отмечает Л.В. Полунин, назрела острая необходимость в разработке долговременной региональной инновационной политики (Полунин, 2012). В трансформируемой экономической системе инновации должны занять совершенно другое, ключевое место в создании ВРП, обеспечении конкурентоспособности экономики региона. В работе (Жильников, 2014) произведена попытка корреляционного анализа, направленного на оценку значимости влияния инновационной деятельности предприятий на экономическое развитие субъектов РФ. В частности, автором были выбраны показатели, характеризующие, с одной стороны, инновационную деятельность (средний уровень затрат на исследования и разработки, средний объем инновационных товаров, работ, услуг), с другой – экономическое развитие региона (средний ВРП). Результаты множественного корреляционного анализа позволили авторам сделать вывод о том, что инновационная деятельность предприятий оказывает существенное влияние на экономическое развитие региона.

Следует сказать, что роль инновационного предпринимательства заметно возросла в период экономической рецессии, наблюдаемой в последнее время во многих странах и вызванной различными причинами. В частности, это обусловлено влиянием ограничительных мер, введенных в период пандемии. Кроме того, активно ведутся торговые войны между странами

⁴ Малые инновационные предприятия: в условиях «барьерной среды» // Аккредитация в образовании. URL: https://akvobr.ru/problemi_razvitiya_malih_innovacionnih_predpriyatii.html

(в том числе США и страны Европы вводят экономические санкции в отношении России, Китая, стран «латиноамериканского рынка»: Мексики, Бразилии, Аргентины) (Куприянов и др., 2020).

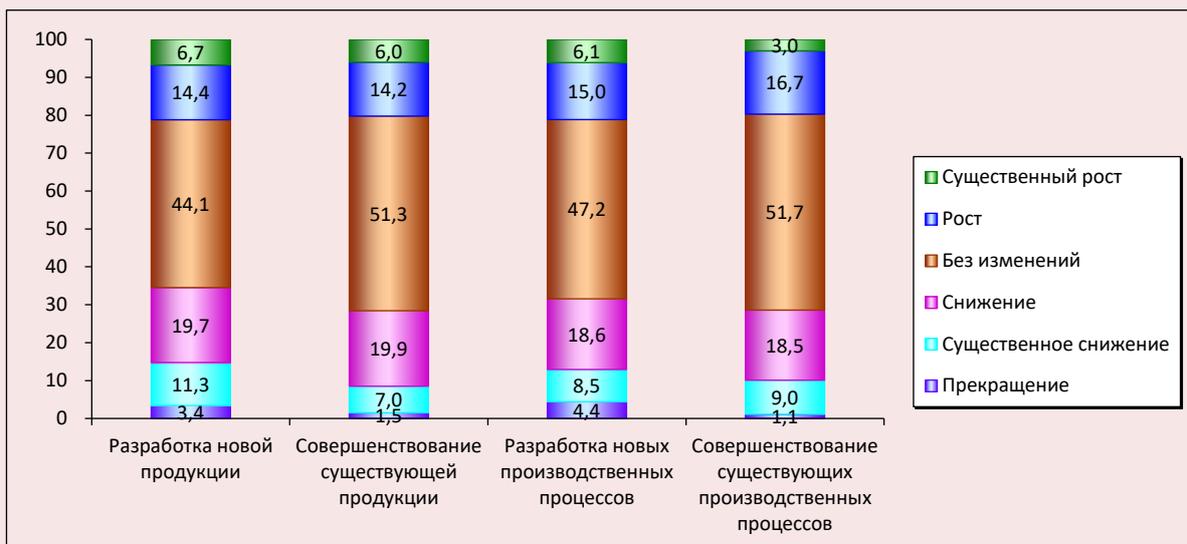
Несмотря на негативные последствия экономической рецессии, нельзя отрицать, что текущий спад создает благоприятную «почву» для развития инноваций, которые запускаются благодаря творческому использованию существующих технологий и компетенций. Вследствие принятия нестандартных управленческих решений многие инновационные предприятия выгодно встроились в среду. Например, организации, занятые разработкой робототехники, подстроили собственные технологии для медицинских целей, внедрив их в процесс дезинфекции помещений. Компания «Amazon» запустила технологию искусственного интеллекта, позволившую предприятиям розничной торговли отказаться от оборота наличных денежных средств. Также было разработано диагностическое оборудование, дающее возможность менее чем за минуту сканировать легкие на предмет поражения вирусом. Согласно отчету Всемирного экономического форума, с апре-

ля 2020 года количество инновационных разработок в области борьбы с пандемией выросло в мире в 3 раза (Куприянов и др., 2020).

Эффекты пандемии COVID-19 для инноваций в современном хайтеке удалось оценить специалистам Института статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Базой для анализа послужили результаты опроса представителей 529 предприятий высокотехнологичных и среднетехнологичных отраслей высокого уровня обрабатывающей промышленности (согласно классификации Евростата/ОЭСР) в рамках регулярного Мониторинга инновационного поведения предприятий НИУ ВШЭ по итогам 2020 года. Выборка репрезентативна по видам экономической деятельности. Результаты взвешены для отражения реальной структуры российской экономики (рисунок).

Как видим, пятая часть (19,5%) компаний воспользовались кризисом для расширения программы собственных исследований и разработок. Более того, в 2020 году общий уровень инновационной активности организаций в РФ составил 10,8%, что на 1,7 процентного

Эффекты пандемии: инновационная активность, % от числа инновационно активных предприятий, представители которых участвовали в опросе

Источник: Эффекты пандемии COVID-19 для инноваций в российском хайтеке / Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/news/473020936.html> (дата обращения 21.01.2022).

пункта (п. п.) выше, чем годом ранее (до наступления пандемии). Наибольший прирост продемонстрировали такие сферы, как ИТ (на 10,2% против 5,5% в 2019 году), здравоохранение (8,6% против 5,3), разработка софта (13,2% против 11,1)⁵.

Получается, что роль инновационных предприятий в периоды рецессии имеет особую важность, поскольку они одними из первых наращивают собственную деловую активность, что, несомненно, способствует «оживлению» экономики в целом. С одной стороны, это обусловлено тем, что инновационные предприятия являются активными субъектами научно-производственной кооперации (Кузнецова, 2019). Кроме того, для обеспечения стабильного функционирования инновационных компаний нередко задействованы фирмы, которые занимаются «обслуживанием» их деятельности, например, специализирующиеся на поставке сырья, ремонте оборудования (в том числе оргтехники), аутсорсинге и пр.

Исследования показали, что инновационное предпринимательство может рассматриваться в качестве одного из значимых факторов экономического развития территории. При этом стоит обратить внимание, что развитие инновационного предпринимательства в РФ на современном этапе имеет тенденцию к замедлению. Об этом свидетельствует отрицательная динамика значений показателей, характеризующих его результативность. В частности, объем инновационной продукции с 2015 года устойчиво сокращается⁶. Более того, была отмечена территориальная дифференциация в развитии инновационных предприятий. Это отчасти обусловлено значительными различиями условий для ведения инновационной деятельности в регионах. Как правило, концентрация субъектов инновационного предпринимательства наблюдается в регионах с развитым инновационным потенциалом, где сосредоточены крупные научные и научно-образовательные организации, которые, в свою очередь, являются базисом для формирования инновационного бизнеса.

⁵ Обострение инноваций. Пандемия активизировала внедрение исследований и разработок. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4987473>

⁶ Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели» // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652>

Методология исследования

При подготовке статьи были использованы как теоретические (систематизация, моделирование, обобщение), так и эмпирические (изучение литературы, документов и результатов деятельности) научные методы.

С помощью метода систематизации отобраны научные работы, где отражены отдельные аспекты влияния инновационного фактора (в том числе инновационного предпринимательства) на развитие региональной экономики, которые в дальнейшем были детально изучены. Также метод систематизации позволил провести отбор статистических показателей, характеризующих как развитие инновационного предпринимательства, так и экономики российских регионов.

Поскольку в рамках статьи приводится значительное количество аналитических и статистических данных, для большей наглядности был использован графический метод.

Отдельно хотелось бы отметить метод математического моделирования, который также применялся для построения регрессионных моделей, отражающих зависимость между показателями развития региональной экономики и инновационного предпринимательства. Эти модели построены в среде программирования «Gretl».

Результаты и дискуссия

Для того чтобы оценить вклад инновационного предпринимательства в региональное экономическое развитие, было принято решение осуществить регрессионный анализ, т. к. он (в отличие от корреляционного анализа) позволяет не только установить наличие «отклика» одной переменной на другую, но и выявить степень влияния каждого регрессора на зависимую переменную. Также важно отметить, что в рамках работы была выполнена апробация методики регрессионного анализа панельных данных, что обусловлено структурой значений показателей, отобранных для анализа.

Первоочередной задачей для реализации регрессионного анализа является выделение показателей, которые отражают, с одной стороны, отдельные аспекты деятельности инновационного предпринимательства, с другой стороны, уровень экономического развития региона.

Поскольку в рамках регрессионного анализа зависимая переменная (в нашем случае —

экономическое развитие региона) должна быть представлена в единственном числе, в качестве наиболее комплексного показателя, отражающего уровень развития региональной экономики, было принято решение использовать показатель ВРП. По мнению ряда исследователей (см., например, Фатьянов, 2018), именно показатель ВРП позволяет оценить масштабы и эффективность развития региональных экономик.

Прежде чем вести речь о показателях, характеризующих деятельность инновационного предпринимательства, следует отметить ряд аспектов, связанных с сущностью данного понятия. Выделенные в контексте исследований сотрудников Вологодского научного центра РАН подходы к сущности инновационного предпринимательства (*технологический*, согласно которому основная задача инновационного предпринимательства сводится к разработке новшеств; *экономический*, когда инновационное предпринимательство рассматривается как экономический субъект, деятельность которого направлена на коммерциализацию новшеств; *комплексный*, совмещающий положения первых двух подходов) позволяют определить статистические показатели, в наибольшей степени детерминирующие обозначенный тип предпринимательства (Иванов, 2021).

В рамках исследования было принято решение придерживаться комплексного подхода, поскольку он включает как технологическую, так и экономическую компоненты инновационного предпринимательства, отражая многоаспектность рассматриваемого понятия.

Условно показатели, которые характеризуют инновационное предпринимательство, можно разделить на две группы.

1. Показатели, характеризующие факторы деятельности инновационного предпринимательства:

- количество организаций, выполнявших научные исследования и разработки;
- удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации;
- внутренние затраты на научные исследования и разработки.

2. Показатели результативности деятельности инновационного предпринимательства:

- объем инновационных товаров, работ, услуг;

- разработанные передовые производственные технологии.

Выбор показателей «количество организаций, выполнявших научные исследования и разработки» и «удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации» обусловлен тем, что специфика инновационного предпринимательства состоит не только в разработке инновационных решений, но и создании на их основе инновационного продукта, что находит отражение в рамках комплексного подхода к определению сущности понятия «инновационное предпринимательство».

Особенность выбора показателя «внутренние затраты на научные исследования и разработки» связана с тем, что именно он наиболее комплексно характеризует затраты на инновационную деятельность предприятий, т. к. включает не только текущие (например, на оплату труда работников, приобретение сырья для производства инновационной продукции и пр.), но и капитальные затраты (в том числе на приобретение оборудования), что может свидетельствовать о перспективах развития инновационных фирм.

Значимость показателя «объем инновационных товаров, работ и услуг» состоит в том, что он характеризует результативность деятельности инновационного предпринимательства. Главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН профессор, доктор экономических наук А.А. Румянцев отметил: «объем инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг» – это результативный показатель деятельности по доведению научного результата до практического использования (Румянцев, 2018). Подобного мнения придерживается А.А. Абдулвагапова, считая, что «объем инновационных товаров, работ и услуг» – важнейший показатель результативности деятельности малого инновационного предпринимательства (Абдулвагапова, 2021).

Однако вышеупомянутый показатель в большей степени характеризует результативность деятельности организаций, осуществляющих технологические инновации. Деятельность же инновационных организаций, которые ведут научные исследования и разработки, характеризует показатель «разработанные передовые производственные технологии».

Включение в регрессионную модель только этих показателей будет выглядеть некорректно, поскольку инновации (в том числе инновационное предпринимательство) — далеко не единственный фактор экономического развития. Более правильно рассмотреть воздействие инновационного предпринимательства на экономику региона на фоне основных факторов регионального экономического роста, соответствующих показателям, отражающим стоимость основных фондов, размер инвестиций в основной капитал, а также численность рабочей силы.

Кроме того, необходимо включить показатель, который бы наиболее комплексно характеризовал предпринимательский сектор. В связи с этим был выбран показатель оборота частных компаний в России.

Стоит сказать, что в ряде статистических сборников, включая «Индикаторы инновационной деятельности», разработанный специалистами НИУ «Высшая школа экономики»⁷, можно встретить широкий круг статистических показателей, в том числе расчетных (относительных), которые характеризуют отдельные аспекты деятельности, а также результативность инновационного предпринимательства (например, «удельный вес организаций, осуществлявших отдельные виды инновационной деятельности, в общем числе организаций, осуществлявших технологические инновации», «удельный вес затрат на отдельные виды инновационной деятельности в общем объеме затрат на технологические инновации», «объем инновационных товаров, работ, услуг, созданных с использованием результатов интеллектуальной деятельности, права на которые принадлежат российским правообладателям», и пр.). Тем не менее включение данных показателей в модель не представляется возможным, поскольку их значения представлены в целом по РФ.

Важно отметить, что значения показателей были взяты за период с 2010 по 2019 год, потому что именно в это время произошло осознание необходимости построения инновационной экономики на государственном уровне. В частности, был учрежден фонд «Сколково»,

⁷ Индикаторы инновационной деятельности // НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/397986230.pdf>

разработана стратегия инновационного развития и пр. (Буркина, 2020). Также следует обратить внимание, что было проведено исследование статистической совокупности на наличие аномального поведения (то есть статистических выбросов). Из анализа были исключены регионы, значения по которым в несколько раз отличаются от средних значений выборки (в частности Москва, Санкт-Петербург, Республика Калмыкия, Республика Дагестан, Еврейская автономная область).

Переходя к вопросу аппроксимации значений отобранных показателей, еще раз хотелось бы обратить внимание на то, что ВРП (зависимая переменная) — это обобщающий показатель экономической деятельности региона, характеризующий процесс производства товаров и услуг для конечного использования. Таким образом, наиболее корректной представляется степенная аппроксимация, соответствующая производственной функции Кобба-Дугласа.

Данная функция имеет следующий вид:

$$Y = A \cdot |Li|^{ai} \cdot |Ci|^{bi}, \quad (1)$$

где A — постоянный множитель;

Li — переменные, соответствующие затратам труда как фактора производства;

Ci — переменные, соответствующие затратам капитала как фактора производства;

ai, bi — коэффициенты эластичности, показывающие процентное изменение зависимой переменной вследствие однопроцентного изменения соответствующих регрессоров (Li, Ci).

Однако следует заметить, что формула (1) отражает классический вид производственной функции, где среди основных факторов производства рассматриваются «труд» и «капитал». С развитием экономической науки к числу факторов экономического роста стали добавляться «предпринимательство» и «инновации».

В рамках данной работы производственная функция приобретает следующий вид:

$$Y = A \cdot |Li|^{ai} \cdot |Ci|^{bi} \cdot |Bi|^{ci} \cdot |Ii|^{di}, \quad (2)$$

где Bi — переменные, характеризующие предпринимательский сектор;

Ii — переменные, характеризующие инновационное предпринимательство;

ci, di — коэффициенты эластичности, показывающие процентное изменение зави-

Таблица 1. Характеристика переменных для регрессионного анализа

Наименование переменной	Единица измерения	Условное обозначение
Валовой региональный продукт*	Млн руб.	Y
Стоимость основных фондов*	Млн руб.	C1
Инвестиции в основной капитал*	Млн руб.	C2
Численность рабочей силы	Ед.	L
Оборот организаций*	Млн руб.	B
Организации, выполняющие научные исследования и разработки	Ед.	I1
Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации	%	I2
Внутренние затраты на научные исследования и разработки*	Млн руб.	I3
Объем инновационных товаров, работ, услуг*	Млн руб.	I4
Разработанные передовые производственные технологии	Ед.	I5

* Значения выделенных показателей были приведены в сопоставимый вид (к уровню 2019 г.).
 Источник: Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели» // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения 27.04.2022).

симой переменной вследствие однопроцентного изменения соответствующих регрессоров (B_i, I_i).

Таким образом, мы имеем одну зависимую (обозначим ее как «Y») переменную и девять независимых переменных (табл. 1).

Возвращаясь к вопросу аппроксимации значений представленных переменных, важно отметить следующее: поскольку наблюдения осуществлялись по различным основаниям за разные временные периоды, то рассматриваемые в контексте анализа данные были интерпретированы как панельные. В свою очередь методика анализа панельных данных имеет ряд преимуществ перед другими методами. Благодаря специальной структуре панельные данные позволяют строить более содержательные модели и получать ответы на вопросы, которые недоступны в рамках моделей, основанных на пространственных (или временных) данных. Более того, зачастую ненаблюдаемые факторы коррелированы с другими переменными. В рамках моделей регрессии это означает, что ненаблюдаемый фактор является существенной переменной в модели и ее исключение приводит к смещенным оценкам остальных параметров. Модели с панельными данными позволяют получать более точные оценки параметров даже с учетом наличия мультиколлинеарности между независимыми переменными⁸.

⁸ Объединенная модель панельных данных. URL: <http://www.machinelearning.ru/wiki/index.php?title=%>

Технология анализа панельных данных включает три основных этапа. На первом этапе строится объединенная модель панельных данных (Pooled model), представляющая линейную регрессионную модель, которая практически не учитывает панельную структуру данных и не позволяет реализовать потенциал панельных данных, в т. ч. индивидуальные характеристики отдельных изучаемых единиц.

Далее строится модель с фиксированными эффектами (Fixed effect model). Данная модель позволяет осуществить переход в уравнении к средним по времени величинам. Условия, которые предполагаются в рамках модели, гарантируют несмещенность и состоятельность оценок. Она является довольно гибкой, так как, в отличие от предыдущей, дает возможность учитывать индивидуальную гетерогенность объектов. Однако учет гибкости может приводить к потере значимости оценок (вследствие увеличения их стандартных ошибок).

Завершающим этапом является построение модели со случайными эффектами (Random effect model), т. е. компромисса между двумя предыдущими, т. к. в ней меньше ограничений, чем в первой модели, и она позволяет получать более статистически значимые оценки, чем вторая⁹.

На основании ряда критериев (в том числе коэффициента детерминации, логарифмиче-

⁹ Введение в анализ панельных данных. URL: https://pokrovka11.files.wordpress.com/2011/12/intro_panel.pdf

ского правдоподобия и пр.), а также статистических тестов (совместного теста на выбранных регрессорах, робастного теста, теста Хаусмана и Бройша – Пагана) выбирается «лучшая» модель.

Построим модели анализа панельных данных, описываемые следующим уравнением:

$$\ln Y = \ln A + a_1 \cdot \ln|C1| + a_2 \cdot \ln|C2| + b \cdot \ln|L| + c \cdot \ln|B| + d_1 \cdot \ln|I1| + d_2 \cdot \ln|I2| + d_3 \cdot \ln|I3| + d_4 \cdot \ln|I4| + d_5 \cdot \ln|I5|$$

Для этого воспользуемся средой программирования «Gretl». Данная программа выбрана из-за того, что в отличие, например, от среды «Excel» среда «Gretl» позволяет применить такой важный инструмент, как робастные стандартные ошибки. Это выражено в осуществлении подбора расчетных формул с поправкой на гетероскедастичность в остатках, что значительно повышает точность результатов моделирования. Итоговые значения оцениваемых

коэффициентов, а также ряд других показателей, характеризующих получившуюся зависимость, представлены в *таблице 2*.

Из таблицы 2 видно, что в рамках объединенной модели панельных данных (Pooled model) наибольшее влияние на ВРП оказывает такой фактор, как стоимость основных фондов предприятий. Второе место «делят» между собой факторы, связанные с инвестициями в основной капитал, а также оборотом частных компаний. Третье место – численность рабочей силы. Что касается инновационного предпринимательства, его вклад тоже заметен (в основном за счет деятельности предприятий, занимающихся научными исследованиями и разработками).

В соответствии с моделью «Fixed effect model» значимость инновационного предпринимательства для развития региональной экономики довольно высока. В частности, по сравнению с предыдущей моделью повысилась влияние на результирующую переменную не

Таблица 2. Результаты моделирования

Значения коэффициентов и их уровень значимости	Pooled model	Fixed effect model	Random effect model
const	3,53***	13,67***	6,22***
ln C1	0,28***	0,01	0,13***
ln C2	0,25***	-0,01	0,09***
ln L	0,18***	-0,6**	0,17**
ln B	0,25***	0,45***	0,40***
ln I1	0,10**	0,13***	0,14***
ln I2	0,03**	0,07***	0,06***
ln I3	-0,03**	0,03	-0,03
ln I4	-0,03***	-0,01	-0,02**
ln I5	0,02	0,02**	0,02**
Значение R ²	0,97	0,99	-
Логарифм правдоподобия	209,32	576,40	78,59
Результаты совместного теста на выбранных регрессорах (значение р-статистики)	-	5,49265e-23	0,00
Результаты робастного теста (значение р-статистики)	-	2,55255e-31	-
Результаты теста Бройша – Пагана (значение р-статистики)	-	-	6,14028e-95
Результаты теста Хаусмана (значение р-статистики)	-	-	5,82948e-35
Примечание: *** переменная является статистически значимой на уровне 1% и менее; ** переменная является статистически значимой на уровне 5%; * переменная является статистически значимой на уровне 10%. Источник: составлено авторами по результатам регрессионного анализа.			

только со стороны предприятий, выполняющих научные исследования и разработки, но и организаций, осуществляющих технологические инновации (что имеет особое значение, поскольку именно технологические инновации рассматриваются в качестве основного результата деятельности инновационного предпринимательства). Более того, в контексте данной модели заметно возросла «отдача» от переменной, характеризующей результативность технологической компоненты инновационного бизнеса (то есть от реализации научных исследований и разработок). Тем не менее наиболее заметное влияние на зависимую переменную в модели с фиксированными эффектами оказывает регрессор, который характеризует предпринимательский сектор (оборот предприятий). Его значимость (по сравнению с объединенной моделью панельных данных) выросла практически вдвое. Однако следует заметить, что степень влияния переменных, соответствующих показателям, характеризующим стоимость основных фондов, размер инвестиций в основной капитал, а также численность рабочей силы, заметно снизилась (а в некоторых случаях стала отрицательной). Это могло быть связано с тем, что учет индивидуальной гетерогенности объектов (являющийся характерной особенностью модели с фиксированными эффектами) привел к потере значимости переменных, которые их характеризуют.

Что касается модели со случайными эффектами, то ее результаты свидетельствуют о следующем: наибольшее влияние на развитие региональной экономики оказывают предпринимательский сектор и трудовой фактор (численность рабочей силы). Также довольно высока степень влияния организаций, выполняющих научные исследования и разработки (здесь она максимальная среди всех представленных моделей). Кроме того, заметно влияние организаций, осуществляющих технологические инновации. Наконец, значимой является переменная, характеризующая результативность технологической компоненты инновационного предпринимательства (разработанные передовые производственные технологии).

На основании сопоставления значений коэффициентов детерминации (R^2) и значений

логарифмов правдоподобия было определено, что наиболее предпочтительной из представленных является модель с фиксированными эффектами (Fixed effect model). Это подтверждают и результаты тестов Хаусмана, Бройша – Пагана, а также робастного теста и совместного теста на выбранных регрессорах.

Однако, с нашей точки зрения, результаты, полученные в рамках данной модели, не совсем объективно отражают влияние отдельных регрессоров на результирующую переменную: в частности, с учетом особенностей протекания инновационного процесса в современных российских реалиях (что более подробно описано в разделе «Обзор литературы») сомнительно, что значимость переменных, характеризующих инновационное предпринимательство, выше, чем переменных, которые характеризуют основные факторы регионального экономического роста. На наш взгляд, наиболее точно отражают ситуацию результаты, полученные в рамках объединенной модели панельных данных, а также модели со случайными эффектами. Более того, значения коэффициентов, характеризующих как факторы деятельности инновационного предпринимательства, так и результативность таковой деятельности, в контексте моделей «Fixed effect model» и «Random effect model» практически одинаковы. Следовательно, в этой ситуации выбор в пользу модели со случайными эффектами будет более объективным.

Сравнив результаты, полученные в рамках всех трех моделей, можно заметить, что наибольшее влияние на ВРП (среди факторов, характеризующих инновационное предпринимательство) оказывает количество организаций, выполняющих научные исследования и разработки. Влияние организаций, осуществляющих технологические инновации, в 2–3 раза меньше (в зависимости от модели). Это можно объяснить тем, что в условиях российской экономики инновационные предприятия по большей части занимаются разработкой инновационных решений, нежели созданием на их основе инновационной продукции. О том же самом свидетельствуют и значения показателей, характеризующих результативность деятельности инновационного предпринимательства.

Научная новизна работы состоит в транспонировании исследовательского приема (регрессионного анализа панельных данных) на предмет исследования (инновационное предпринимательство), по отношению к которому данный метод ранее применялся «узко» (что обусловлено отсутствием полноты построения панельных моделей в изученных методиках и решено в рамках статьи). Апробация методики регрессионного анализа панельных данных на обозначенный предмет исследования показала свою состоятельность, что подтверждается значениями показателей, характеризующих качество моделей (даже в рамках объединенной модели панельных данных значение коэффициента детерминации составило 0,97). А с учетом того, что в модель были включены показатели, которые характеризуют не только инновационное предпринимательство, но и другие факторы развития региональной экономики (например, предпринимательский сектор без учета его «инновационной» составляющей), этот метод может применяться более широко при проведении дальнейших исследований, связанных с оценкой влияния отдельных факторов развития региональной экономики.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы представителями региональных органов управления при разработке стратегий инновационного развития регионов, в том числе на основе инновационного предпринимательства. В частности, результаты моделирования показали, что при однопроцентном приросте количества организаций, ведущих научные исследования и разработки, потенциальный рост ВРП в регионе может составить 0,14%, а при однопроцентном приросте удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации, на 0,07%. В Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» Правительству РФ поставлена задача обеспечить ускорение технологического развития страны, увеличить количество организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50% от их общего числа. Если к намеченному сроку поставленная в цель будет реализована, то потенциальный

рост ВРП только за счет организаций, осуществляющих технологические инновации, в целом по стране может составить 3,5%.

В итоге можно заключить, что выдвинутая научная гипотеза нашла свое подтверждение: применение методики регрессионного анализа панельных данных позволило получить состоятельные, статистически значимые оценки показателей, характеризующие инновационное предпринимательство, а также произвести комплексную характеристику влияния инновационного предпринимательства на развитие региональной экономики (в том числе приняв во внимание действие факторов, которые напрямую не относятся к инновационному предпринимательству, но являются важнейшими факторами развития региональной экономики).

Заключение

В рамках исследования осуществлен вклад в разработку методического инструментария оценки влияния инновационного предпринимательства на развитие региональной экономики. В отличие от существующих, данная методика учитывает фиксированные и случайные эффекты, что обеспечивает полноту построения панельных моделей. Разработанная методика позволяет также рассматривать индивидуальную неоднородность переменных. Это дает возможность получать несмещенные оценки.

С помощью регрессионного анализа оценен потенциальный вклад субъектов инновационного предпринимательства в развитие региональной экономики: однопроцентный прирост организаций, ведущих научные исследования и разработки, потенциально может обеспечить рост ВРП на 0,14%, а однопроцентный прирост организаций, осуществляющих технологические инновации, — на 0,07%. Кроме того, установлено, что в условиях отечественной экономики наиболее выраженной является технологическая компонента инновационного предпринимательства (что подтверждается итогами моделирования).

Полученные результаты могут быть использованы для аналитических, прогнозных исследований, посвященных анализу влияния инновационных факторов, в том числе инновационного предпринимательства, на региональную экономику. Кроме того, они могут быть полезны представителям органов региональной

власти при разработке региональных стратегий инновационного и научно-технологического развития. Это позволит повысить качество реализуемой инновационной политики в российских регионах.

На дальнейших этапах исследования планируется: 1) выявить проблемы и перспективы

развития инновационного предпринимательства в регионах (с применением методов социологического исследования, в том числе анкетирования, экспертного интервью, case-study); 2) разработать комплексный механизм развития экономики российских регионов на основе инновационного предпринимательства.

Литература

- Абалкин Л.И. (2004). Стратегический ответ России на вызовы нового века. М.: Экзамен. 605 с.
- Абдулвагапова А.А. (2021). Развитие системы государственной поддержки малого инновационного предпринимательства в регионе // Вопросы региональной экономики. № 2 (47). С. 3–10.
- Аганбегян А.Г., Клепач А.Н., Порфирьев Б.Н., Узяков М.Н., Широв А.А. (2020). Постпандемическое восстановление российской экономики и переход к устойчивому социально-экономическому развитию // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 18–26. DOI: doi.org/10.47711/0868-6351-183-18-26
- Бауман С.Н. (2005). Малые инновационные предприятия России: взгляд изнутри (результаты анкетного исследования малых инновационных предприятий РФ) // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Т. 3. С. 170–175.
- Бесси К., Фавро О. (2010). Экономика конвергенций и институционализм: результаты взаимодействия // Вопросы экономики. № 9. С. 26–40.
- Буркина Т.А. (2020). Научно-производственная кооперация в инновационной сфере // Вестник евразийской науки. Т. 12. № 6. С. 1–9.
- Гаджиев Ю.А. (2017). Ранние теории экономического роста: от меркантилизма до классической школы // Sciences of Europe. № 16–2 (16). С. 16–23.
- Глазьев С.Ю. (2011). Об альтернативной системе мер государственной политики модернизации и развития отечественной экономики // Российский экономический журнал. № 4. С. 68–85.
- Глазьев С.Ю. (2013а). О неравномерности современного экономического роста как процесса развития и смены технологических укладов // Социология. № 4. С. 42–52.
- Глазьев С.Ю. (2013b). О политике опережающего развития в условиях смены технологических укладов // Вестник РАЕН. Т. 13. № 1. С. 29–35.
- Глазьев С.Ю. (2008). Состоится ли переход российской экономики на инновационный путь развития? // Российский экономический журнал. № 1-2. С. 3–11.
- Голова И.М. (2021). Экосистемный подход к управлению инновационными процессами в российских регионах // Экономика региона. Т. 17. Вып. 4. С. 1346–1360.
- Гретченко А.А., Манахов С.В. (2011). Инновации в России: история, современность и перспективы // Креативная экономика. № 3. С. 76–83.
- Гутман Г.В. (2002). Управление региональной экономикой. М.: Финансы и статистика. 176 с.
- Жильников А.Ю. (2014). Анализ влияния инновационной активности региона на ВРП // Территория науки. № 6. С. 53–57.
- Задумкин К.А., Теребова С.В. (2009). Вологодская область: предпосылки инновационного развития // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. № 1 (45). С. 26–40.
- Иванов С.Л. (2021). Анализ сущности и состояния инновационного предпринимательства в условиях современной российской экономики // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. № 4 (32). С. 77–91.
- Ковалева И.П. (2015). Модели экономического роста: теория и практика кейнсианства // Актуальные вопросы экономических наук. № 45. С. 6–14.
- Кузнецова Е.П. (2019). Систематизация направлений государственных программ по стимулированию научно-производственной кооперации в СЗФО // Социальное пространство. № 4 (21). С. 1–7. DOI: 10.15838/sa.2019.4.21.9

- Куприянов А.Н., Холодова П.К., Острикова О.И. (2020). Развитие инновационного сектора предпринимательства в условиях экономической рецессии // *Управление в условиях экономического кризиса: стратегия противодействия угрозам и перспективы устойчивого развития: мат-лы XVI Междунар. научн.-практ. конф.* С. 57–62.
- Курц Х.Д. (2007). Инновации и прибыль. Шумпетер и наследие классиков // *Финансы и бизнес.* № 2. С. 26–47.
- Лексин В.Н., Швецов А.Н. (1997). Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: УРСС. 372 с.
- Леонтьев Б. (2015). Системная инновационная экономика // *Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность.* № 9. С. 4–14.
- Полунин Л.В. (2012). Влияние деятельности инновационных предприятий на региональную экономику // *Социально-экономические явления и процессы.* № 7-8 (41-42). С. 133–139.
- Полянская Н.М., Найданова Э.Б. (2015). Роль инноваций в экономике России и ее регионов // *Науковедение.* Т. 7. № 4. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/129EVN415.pdf>. DOI: 10.15862/129EVN415
- Рубан Д.А. (2016). Деятельность региональных инновационных систем в России: социально-экономический аспект // *Региональная экономика: теория и практика.* № 8 (431). С. 114–129.
- Румянцев А.А. (2018). Научно-инновационная деятельность в регионе как фактор его устойчивого экономического развития // *Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз.* Т. 11. № 2. С. 84–99. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.6
- Саламова А.С. (2020). Теоретические основы институционализма. Применение в современной экономике // *Актуальные вопросы современной экономики.* № 10. С. 323–329.
- Симачев Ю.В., Кузык М.Г., Федюнина А.А., Зайцев А.А., Юревич М.А. (2021). Производительность труда в несырьевых секторах российской экономики: факторы роста на уровне компаний // *Вопросы экономики.* № 3. С. 31–67.
- Смотрицкая И.И., Черных С.И. (2021). Организационные инновации в сфере государственного управления // *Вестник института экономики российской академии наук.* № 1. С. 9–25.
- Тоффлер О. (1986). Будущее труда. Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс. 252 с.
- Ускова Т.В. (2009). Управление устойчивым развитием региона. Вологда: ИСЭРТ РАН. 355 с.
- Фатьянов А.А. (2018). ВРП как индикатор состояния экономики региона // *Азимут научных исследований: экономика и управление.* Т. 7. № 1 (22). С. 254–256.
- Фенин К.В. (2017). Интерпретация классических теорий территориально-отраслевого разделения труда и международной торговли // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право.* Т. 17. № 2. С. 148–156.
- Челнокова О.Ю., Сумарокова Е.С. (2014). Влияние университетских малых инновационных предприятий на региональное развитие // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право.* Т. 14. № 2-2. С. 368–373.
- Якушев Н.О. (2017). Высокотехнологичный экспорт России и его территориальная специфика // *Проблемы развития территории.* № 3 (89). С. 62–77.
- Caballero G., Soto-Oñate D. (2015). Citation: The diversity and rapprochement of theories of institutional change: original institutionalism and new institutional economics. *Journal of Economic Issues*, XLIX, 4, 947–977. DOI: 10.1080/00213624.2015.1105021
- Cwik P.F. (2011). Citation: The new neo mercantilism: Currency manipulation as a form of protectionism. *Economic Affairs*, 31(3), 7–11.
- Dequech D. (2012). Citation: Post Keynesianism, heterodoxy and mainstream economics. *Review of Political Economy*, 24(2), 353–368.
- Grossman G.M., Helpman E. (1989). Citation: Product development and international trade. *The Journal of Political Economy*, 97(6), 1261–1283.
- Hospers G.-J. (2005). Citation: Joseph Schumpeter and his legacy in innovation studies. *Knowledge, Technology, & Policy*, 18(3), 20–37.
- Lucas R.E. (1988). Citation: On the mechanics of economic development. *Journal of Monetary Economics*, 22, 3–42.
- Nelson R.R., Romer P.M. (1996). Citation: Science, economic growth, and public policy. *Challenge*, 39, 9–21.

- Oliveira S.R.M. (2019). Relationship between technological eco-innovation capacity and innovation performance: Evidence from most innovative firms in the USA. In: *Proceedings of the International Management Conference, Faculty of Management, Academy of Economic Studies, Bucharest, Romania*. 13(1). November.
- Oswald O.R.S. (2019). The new architects: Brazil, China, and innovation in multilateral development lending. *Public Administration and Development*, 39(4–5), 203–214.
- Ramadani V., Hisrich R.D., Abazi-Alili H., Dana L., Panthi L. Abazi-Bexheti L. (2019). Product innovation and firm performance in transition economies: A multi-stage estimation approach. *Technological Forecasting and Social Change*, 140, 271–280. DOI: 10.1016/j.techfore.2018.12.010
- Rivera-Batiz L.A., Romer P.M. (1991). Citation: Economic integration and endogenous growth. *The Quarterly Journal of Economics*, 106, 531–555.
- Romer P.M. (1990). Citation: Endogenous technological change. *The Journal of Political Economy*, 98(5), 71–102.
- Romer P.M. (1992). Citation: Two strategies for economic development: Using ideas and producing ideas. *The World Bank Economic Review*, 6, 63–91.
- Schumacher R. (2012a). Citation: Adam Smith’s theory of absolute advantage and the use of doxography in the history of economics. *Erasmus Journal for Philosophy and Economics*, 5, 54–80.
- Schumacher R. (2012b). Citation: Deconstructing the theory of comparative advantage. *World Economic Review*, 2, 83–105.

Сведения об авторах

Семен Леонидович Иванов – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: slivanov2020@mail.ru)

Александр Игоревич Метляхин – кандидат экономических наук, доцент, Вологодский государственный университет (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: metlyahin.ai@yandex.ru)

Ivanov S.L., Metlyakhin A.I.

Elaborating a Methodology for Assessing the Impact of Innovation Entrepreneurship on the Development of the Region’s Economy

Abstract. Along with the transition of the Russian economy to innovation development, the role of innovation entrepreneurship as a driver of intensive economic growth has significantly increased. This type of entrepreneurship provides regions with competitive advantages. The purpose of the study is to assess the extent of influence of innovation entrepreneurship on the level of economic development of Russian regions by testing the technique of regression analysis of panel data. In order to achieve this goal, we addressed the following tasks: first, we reviewed scientific papers that investigate the influence of the innovation factor (including innovation entrepreneurship) on the development of the regional economy; second, we selected and scientifically substantiated the choice of statistical indicators that reflect, on the one hand, the development of innovation entrepreneurship and on the other – the development of the economy of Russian regions; third, we analyzed the impact of innovation entrepreneurship on the economic development of Russian regions on the basis of the indicators selected and with the use of econometric tools. We applied the following scientific methods: systematization, generalization, study of literature, documents, and results of activities. We should separately highlight the method of mathematical modeling that we used to perform a regression analysis. The following results were obtained: first, on the basis of the review, we found that innovation entrepreneurship has a significant impact on the development of the economy of regions, especially during recession periods; second, the results of the regression analysis allowed us to confirm the hypothesis that innovation entrepreneurship should be considered a significant

factor in economic development of Russian regions. We also revealed that in the conditions of the modern domestic economy, the technological component of innovation entrepreneurship (the essence of which is the development of innovative solutions) is the most prominent one.

Key words: innovation entrepreneurship, region, gross regional product, indicator, innovative solution, innovation product, regression analysis, modeling, panel data.

Information about the Authors

Semen L. Ivanov – Junior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: slivanov2020@mail.ru)

Aleksandr I. Metlyakhin – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Vologda State University (15, Lenin Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: metlyahin.ai@yandex.ru)

Статья поступила 10.03.2022.

DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.10

УДК 332.14, ББК 65.26

© Наумов И.В., Никулина Н.Л.

Сценарное моделирование и прогнозирование степени износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности в регионах России

**Илья Викторович
НАУМОВ**

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: ilia_naumov@list.ru
ORCID: 0000-0002-2464-6266; ResearcherID: U-7808-2017

**Наталья Леонидовна
НИКУЛИНА**

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: nikulinanl@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6882-3172; ResearcherID: J-9846-2013

Аннотация. В условиях ухудшения геополитической ситуации и санкционного давления на российскую экономику отечественные производственные предприятия столкнулись со значительными ограничениями в импорте высокотехнологического оборудования и материалов, необходимых для технического перевооружения и модернизации используемых основных фондов. Эти ограничения способствуют и будут далее способствовать наращиванию степени их изношенности. Гипотезой исследования является предположение о том, что на динамику износа основных фондов предприятий оказывает влияние не только объем привлекаемых инвестиций, но и другие факторы, причем степень их воздействия в разных группах регионов дифференцирована.

Для цитирования: Наумов И.В., Никулина Н.Л. (2022). Сценарное моделирование и прогнозирование степени износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности в регионах России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 155–171. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.10

For citation: Naumov I.V., Nikulina N.L. (2022). Scenario modeling and forecast of the degree of depreciation of fixed assets at manufacturing enterprises in Russia's regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 155–171. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.10

Целью работы стало построение прогнозных сценариев изменения степени износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности с учетом дифференцированного влияния факторов. В исследовании представлен методический подход, опирающийся на статистический и регрессионный анализ с использованием панельных данных, авторегрессионное моделирование со скользящим средним (ARIMA) для выявления факторов, оказывающих влияние на динамику износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности в различных регионах, и проектирования системы прогнозных сценариев ее изменения в будущем. Авторами была проведена группировка регионов по степени износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности (выделены группы регионов с чрезвычайно высоким уровнем износа фондов, выше и ниже среднероссийского уровня). С помощью регрессионных моделей установлено дифференцированное влияние факторов на динамику износа основных фондов: в первой и третьей группах регионов ключевым фактором наращивания износа является тяжелое финансовое положение предприятий; во второй группе – недостаточный объем привлекаемых инвестиций в основной капитал. Для каждой группы регионов проведено авторегрессионное моделирование динамики данных факторов с использованием скользящего среднего для формирования наиболее вероятных прогнозных сценариев изменения степени износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности до 2024 года. В результате прогнозирования были определены регионы с наиболее вероятной динамикой дальнейшего наращивания степени износа основных фондов предприятий, которые и должны стать приоритетом государственной поддержки при реализации промышленной политики в России.

Ключевые слова: износ основных фондов, обрабатывающая промышленность, сценарное моделирование, прогнозирование, регрессионный анализ, ARIMA-моделирование, регионы России.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР лаборатории моделирования пространственного развития территорий Института экономики УрО РАН на 2022 год.

Введение

Состояние основных фондов промышленных предприятий в регионах России приблизилось к критическому уровню. Степень износа основных фондов обрабатывающего производства в РФ на конец 2020 года составляла 51,9%, а удельный вес полностью изношенных основных фондов в общем объеме основных фондов – 20,3%. С.Д. Бодрунов отметил: «За последние 25 лет и ввод в действие новых основных фондов, и выбытие особенно устаревших, изношенных фондов происходит совершенно недостаточными темпами. Весь этот

период характеризуется низким уровнем инвестиций в обновление основного капитала, что проистекает из общего низкого уровня валового накопления в экономике»¹. В исследованиях Е.А. Пановой², Е.В. Лядовой (Лядова, 2017), Л.И. Лугачевой (Лугачева, 2001), Д.В. Розова³, Е.В. Вылегжаниной, В.А. Рослякова (Вылегжанина, Росляков, 2018), Н. Карловой, Е. Пузановой, И. Богачевой (Карлова и др., 2019), Э.К. Прохоровой (Прохорова, 2019), М.А. Печенской (Печенская, 2020) и других ученых внимание акцентируется на необходи-

¹ Выступление С.Д. Бодрунова, директора Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, Президента Вольного экономического общества России (Источник: Производительность труда в России и в мире. Влияние на конкурентоспособность экономики и уровень жизни (2016) // Аналитический вестник. № 29 (628). М.: Аналитическое управление Аппарата Совета Федерации. 78 с. С. 8–14).

² Панова Е.А. (2016). Устойчивое финансирование воспроизводства основных фондов промышленных предприятий: дис. ... канд. экон. наук. М. 219 с.

³ Розов Д.В. (2011). Эффективность обновления основного капитала в инновационной экономике: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М. 52 с.

мости обновления основных фондов промышленного производства, так как «изношенное состояние основных фондов и технологическое отставание не позволяют предприятиям производить новые виды технологичной продукции и делают оборудование предприятий менее конкурентоспособным»⁴. Исследования F. Freiberg, P. Scholz показали, что инвестиции в современное производственное оборудование обеспечивают экономию затрат, сокращение времени производственного цикла, сбалансированное использование мощностей оборудования и улучшение качества продукта (Freiberg, Scholz, 2015). Взаимосвязь между технологическим обновлением основных фондов и инвестициями рассматривалась и в работе R. Boucekine, B. de Oliveira Cruz (Boucekine, Oliveira Cruz, 2015).

Для обновления изношенных, устаревших производственных фондов требуется финансовая государственная поддержка и активное привлечение инвестиций в основной капитал других институциональных секторов. Для выявления региональных приоритетов привлечения инвестиций в обновление основных фондов предприятий необходимы оценка факторов, оказывающих влияние на степень их износа, и формирование прогнозных сценариев ее дальнейшего изменения, что и выступает целью нашей работы. В ходе исследования были поставлены следующие задачи: оценить степень износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности в регионах России; определить факторы, оказывающие влияние на степень износа основных фондов предприятий в выделенных группах регионов; провести ARIMA-моделирование динамики установленных факторов; сформировать прогнозные сценарии динамики износа основных фондов предприятий с учетом выявленных факторов; определить регионы, нуждающиеся в приоритетной государственной поддержке в рамках осуществляемой в России промышленной политики для обновления изношенных фондов.

⁴ Стратегия развития станкоинструментальной промышленности до 2030 года. URL: <https://minpromtorg.gov.ru/common/upload/docs/strategy/project.pdf> (дата обращения 07.05.2022).

Теоретический обзор исследований по оценке влияния факторов на износ основных фондов промышленных предприятий

Теоретический обзор работ в области оценки факторов, оказывающих влияние на степень износа основных фондов предприятий в различных территориальных системах, свидетельствует, что исследователями главным образом использовались статистические методы анализа данных (относительные показатели, средние величины и показатели динамики) и методы регрессионного моделирования. Статистические методы применялись, например, Г.Ю. Гагариной и Л.С. Архиповой. В результате исследования авторы установили, что основными факторами обновления и модернизации производственного потенциала предприятий являются «инвестиции в основной капитал, внедрение инноваций и повышение качества трудового капитала» (Гагарина, Архипова, 2017). Статистические методы использовались М.С. Сапрыкиной для анализа и прогнозирования динамики износа основных фондов предприятий отрасли производства и распределения электроэнергии (Сапрыкина, 2020), Е.С. Джевицкой для оценки состояния основных фондов предприятий и требующихся инвестиций в их обновление (Джевицкая, 2017), а также Т.Ю. Ковалевой для исследования состояния основных фондов российской экономики и эффективности принимаемых центральными, региональными органами власти управленческих решений в инвестиционной сфере (Ковалева, 2010).

Методы горизонтального и вертикального анализа, детализации, группировки, сравнения и синтеза, а также графического анализа применялись Л.И. Розановой и С.В. Тишковым для оценки взаимосвязи степени износа основных фондов и промышленной применимости инноваций. Авторы пришли к выводу о том, что «для реализации инновационного потенциала требуется масштабная модернизация фондов» (Розанова, Тишков, 2018).

Методы корреляционного и регрессионного анализа факторов, оказывающих влияние на степень износа основных фондов, использовались Т.В. Огородниковой и соавторами для оценки взаимосвязи амортизации основных фондов с техническим акселератором и

интегральным показателем их физического износа (Огородникова и др., 2020), Е.А. Пановой для обоснования влияния инвестиций в основной капитал на воспроизводство основных фондов промышленных предприятий⁵. В ходе эконометрического моделирования Е.Ю. Назруллаева подтвердила важную роль инвестиций в технологическом обновлении фондов⁶. В качестве факторов В.С. Бараковым рассматривались не только инвестиции в основной капитал, но и доля технологических затрат на 1 руб. инновационной продукции⁷. Л.Х. Дикаева провела анализ причин снижения динамики промышленного производства в Северо-Кавказском федеральном округе, выявив зависимость обновления основных фондов в промышленности от объема инвестиций⁸.

Взаимосвязь износа основных фондов и объема инвестиций исследовалась в работах М.А. Конденковой (Конденкова, 2017); воздействие износа основных фондов на нарастание инфляционных процессов в экономике — в работе Н.П. Горидько и Р.М. Нижегородцева (Горидько, Нижегородцев, 2011).

У. Kolesnik, О. Dobrovolska, I. Maljuta, А. Petrova и S. Shulyak провели поиск внутренних источников финансирования для воспроизводства основных фондов сельскохозяйственных предприятий. Корреляционно-регрессионный анализ позволил авторам подтвердить тесную взаимосвязь между индексом возврата амортизации для эффективного ремонта основных фондов и объемом инвестиций (Kolesnik et al., 2019).

Е.Н. Чижова и Г.Г. Балабанова исследовали причины снижения производительности труда в сфере промышленности строительных мате-

риалов. Ими была установлена взаимосвязь между износом оборудования и темпами роста производительности труда (Чижова, Балабанова, 2017).

D. Postiguillo García, A. Blasco, J. Ribal с применением линейной, экспоненциальной и степенной регрессионных моделей по методу наименьших квадратов определили необходимую норму амортизации основных фондов предприятий в зависимости от срока их использования (Postiguillo García et al., 2017). Исследование взаимосвязи инвестиций и износа основных фондов осуществлялось и в работах Ф.Г. Альжановой, Н.К. Нурлановой, Ф.М. Днишева (Альжанова и др., 2020), Т. Franik (Franik, 2007), L. Lazebnyk (Lazebnyk, 2018), L. Tang, M. Hao, Y. Zhang (Tang et al., 2013), S.N. Abieva, M.A. Kanabekova (Abieva, Kanabekova, 2021), S. Collings (Collings, 2016), S. Urban, A.S. Kowalska (Urban, Kowalska, 2015).

В ходе теоретического обзора работ выявлено, что авторами в качестве фактора, оказывающего влияние на износ основных фондов промышленных предприятий, чаще всего рассматривался объем привлекаемых инвестиций в основной капитал. В нашем исследовании предполагается оценка влияния на динамику износа основных фондов и других факторов.

Методический подход к сценарному моделированию и прогнозированию степени износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности в регионах России

Теоретический обзор исследований в области оценки и прогнозирования степени износа основных фондов в обрабатывающей промышленности показал необходимость разработки подхода, в комплексе использующего методы статистического и регрессионного анализа, ARIMA-моделирования для выявления факторов, оказывающих влияние на динамику износа основных фондов в различных территориальных системах, и проектирования системы прогнозных сценариев ее изменения в будущем. Методы статистического анализа, такие как среднее значение и среднеквадратичное отклонение, на начальном этапе исследования помогут установить регионы, для которых проблема изношенности основных фондов промышленных предприятий стоит наиболее остро. Для выявления таких регионов предлагается

⁵ Панова Е.А. (2016). Устойчивое финансирование воспроизводства основных фондов промышленных предприятий. дис. ... канд. экон. наук. М. 219 с.

⁶ Назруллаева Е.Ю. (2010). Моделирование влияния инвестиций в основной капитал на материальные затраты в отраслях российской промышленности: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.

⁷ Бараков В.С. (2014). Модернизация экономики регионов России: факторы, оценка и мониторинг результатов: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Волгоград. 26 с.

⁸ Дикаева Л.Х. (2011). Социально-экономическое развитие макрорегиона: модернизация хозяйственного комплекса (на примере Северо-Кавказского федерального округа): автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ростов-на-Дону. 27 с.

расчет верхней границы разброса степени износа основных фондов относительно среднего уровня (1):

$$V_{max} = \bar{V}_i + \sqrt{\frac{\sum(V_i - \bar{V}_i)^2}{n}}, \quad (1)$$

где V_{max} – верхняя граница разброса степени износа основных фондов в обрабатывающем производстве (на конец 2020 года), %; V_i – степень износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности (на конец 2020 года), %; \bar{V}_i – среднероссийский уровень степени износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности (на конец 2020 года), %.

Регионы, у которых степень износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности на конец года превысит границу ($V_i > V_{max}$), будут отнесены к территориям с чрезвычайно высоким уровнем их изношенности. Для подтверждения корректности отнесения регионов в данную группу предлагается и оценка полной изношенности фондов – расчет удельного веса полностью изношенных основных фондов по полной учетной стоимости в обрабатывающем производстве. Данный показатель в регионах первой группы также должен значительно превышать среднероссийский уровень. Статистические показатели будут использоваться и для поиска регионов с высоким уровнем изношенности основных фондов предприятий ($V_i \geq \bar{V}_i$), превышающим среднероссийский уровень, а также регионов с износом основных фондов ниже среднего уровня ($V_i < \bar{V}_i$), для которых задачи проведения модернизации основных фондов стоят не так остро, как в регионах первой и второй групп.

На следующем этапе исследования в рамках выделенных групп регионов предлагается построение регрессионных моделей с использованием панельных данных для оценки влияния факторов на динамику износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности: модели с фиксированными и случайными эффектами, по объединенному методу наименьших квадратов и с корректировкой на гетероскедастичность. Построение регрессионных моделей в рамках выделенных групп будет осуществляться из-за высокой дифференци-

ции в степени изношенности основных фондов в разных регионах. Это позволит повысить однородность распределения данных, используемых для моделирования, и получить более достоверные модели, обладающие робастными оценками, устойчивыми к различного рода выбросам и помехам.

В качестве основных факторов в моделях будут рассматриваться объем инвестиций в основной капитал по виду деятельности «Обрабатывающее производство», сальдированный финансовый результат предприятий по указанному виду деятельности, удельный вес убыточных предприятий обрабатывающей промышленности от общего числа организаций данного вида деятельности и количество используемых передовых производственных технологий. Для построения регрессионных моделей предполагается использовать доступные статистические данные Федеральной службы государственной статистики по 85 регионам России с 2011 по 2020 год. Для выбора оптимальной модели будет проводиться панельный анализ с применением теста Хаусмана и информационных критериев Шварца, Акаике и Хеннана – Куинна, достоверность основных параметров модели будет оцениваться с помощью стандартных ошибок и P -значений, для проверки наличия структурных сдвигов в выборке наблюдений будет использоваться тест Чоу. Достоверность модели предполагается оценивать также с помощью коэффициента детерминации и вероятности выполнения нуль-гипотезы его незначимости (F -знач.). Отдельное внимание будет уделено оценке наличия гетероскедастичности в модели (с помощью теста Уайта), автокорреляции между остатками (теста Вулдриджа и Дарбина – Уотсона), а также нормальности распределения ошибок модели. Построенные модели позволят определить факторы, оказывающие значительное влияние на динамику износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности в различных группах регионов, и в дальнейшем построить среднесрочные прогнозные сценарии ее изменения.

Для формирования наиболее вероятных прогнозных сценариев изменения степени изношенности основных фондов промышленных предприятий в регионах России до 2024 года предполагается *ARIMA*-моделирование

и прогнозирование динамики ключевых факторов, влияние которых было установлено на предыдущем этапе исследования. Рассчитанные в результате *ARIMA*-моделирования прогнозные значения динамики изменения факторов, сохраняющие в будущем отмеченные тенденции прошлого, а также крайне возможные прогнозные значения предлагается использовать на следующем этапе для формирования трех прогнозных сценариев изменения динамики износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности в регионах: инерционного, предполагающего сохранение в будущем отмеченной за последние 10 лет тенденции износа фондов, пессимистичного и оптимистичного. Построенные прогнозные сценарии позволят определить регионы, в которых под воздействием установленных факторов возможно дальнейшее активное наращивание изношенных основных фондов у предприятий обрабатывающих производств, а также регионы, в которых данная проблема будет решаться, а удельный вес изношенных основных фондов – сокращаться. Представленный методический подход к сценарному моделированию и прогнозированию динамики износа основных фондов даст возможность определить пространственные приоритеты решения проблемы обновления основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности, которые так необходимы для реализации промышленной политики в регионах России.

Результаты исследования

Для корректной оценки изношенности основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности в регионах России и исследования факторов, оказывающих влияние на ее динамику, была осуществлена группировка регионов (табл. 1).

В первую группу регионов вошли территории с чрезвычайно высоким уровнем износа основных фондов предприятий, превышающим одно стандартное отклонение от среднероссийского уровня (со степенью изношенности фондов более 60% и удельным весом полностью изношенных фондов более 25%). Среди регионов данной группы наиболее высокой степенью износа основных фондов (78,2%) обладали предприятия Республики Коми. Более 50% всех ос-

новных фондов предприятий в данном регионе на конец 2020 года были полностью изношены. В г. Севастополе удельный вес полностью изношенных фондов предприятий обрабатывающей промышленности составлял 45,2%. Высоким уровнем изношенности фондов предприятий отличались и такие регионы, как Астраханская, Самарская, Костромская, Рязанская, Ярославская и Тамбовская области, Республика Хакасия, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа. Средний уровень изношенности основных фондов предприятий в регионах данной группы составлял 65,3%, а средний удельный вес полностью изношенных фондов – 32,7%.

В регионах второй группы степень изношенности основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности была ниже, чем в первой группе, но превышала среднероссийский уровень в 51,9%. Удельный вес полностью изношенных фондов предприятий в большинстве регионов второй группы был также выше среднероссийского уровня в 19,3% (см. табл. 1). Наиболее высокий удельный вес полностью изношенных фондов предприятий на конец 2020 года наблюдался в Республике Башкортостан, Еврейской АО, Ненецком АО, Челябинской, Псковской, Нижегородской, Саратовской и Вологодской областях. Средний уровень изношенности основных фондов предприятий в регионах данной группы был ниже, чем в регионах первой группы (54,8%), а средний удельный вес полностью изношенных фондов почти в два раза ниже (19,8%).

В третью группу вошли регионы с уровнем износа предприятий обрабатывающей промышленности ниже среднероссийского уровня. При этом в данной группе выделялись регионы с высоким удельным весом полностью изношенных фондов. Так, в Ивановской области у предприятий обрабатывающей промышленности полностью изношенными считались 24,6% основных фондов, в Пермском крае – 21,6%, Смоленской области – 22,2%, Курганской области – 21,6%, Тюменской области – 21,1%, Республике Бурятия – 21%. В остальных регионах данной группы удельный вес полностью изношенных фондов не превышал 19%.

Таблица 1. Степень износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности в регионах России и удельный вес полностью изношенных фондов на конец 2020 г., %

Регион	Степень износа фондов	Удельный вес полностью изношенных фондов	Регион	Степень износа фондов	Удельный вес полностью изношенных фондов
Первая группа регионов (с чрезвычайно высоким уровнем износа основных фондов предприятий)			Вторая группа регионов (с уровнем износа основных фондов предприятий выше среднего по России)		
Республика Коми	78,2	53,3	Еврейская АО	59,7	23,6
Астраханская обл.	67,6	30,3	Санкт-Петербург	57,5	20,9
Севастополь	67,6	45,2	Респ. Северная Осетия	57,2	16,1
Респ. Хакасия	66,6	30,7	Респ. Башкортостан	57,1	26,0
Самарская обл.	65,4	32,4	Челябинская обл.	56,9	24,2
Чукотский АО	64,0	23,0	Калининградская обл.	56,5	18,8
ХМАО	63,2	30,8	Саратовская обл.	56,4	23,1
Костромская обл.	63,1	27,6	Нижегородская обл.	56,3	23,2
ЯНАО	62,6	32,9	Волгоградская обл.	56,3	20,7
Рязанская обл.	62,4	29,3	Респ. Калмыкия	56,1	13,8
Ярославская обл.	62,4	31,4	Томская обл.	55,8	19,2
Тамбовская обл.	60,5	25,5	Вологодская обл.	55,5	23,2
Третья группа регионов с уровнем износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности ниже среднего по России (остальные регионы)			Респ. Марий Эл	55,1	18,0
			Белгородская обл.	54,9	19,0
			Хабаровский край	54,7	18,9
			Тверская обл.	54,6	20,0
			Алтайский край	54,4	20,2
			Респ. Адыгея	54,4	19,3
			Новосибирская обл.	54,3	20,2
			Московская обл.	54,3	16,4
			Респ. Мордовия	53,9	16,1
			Респ. Чувашия	53,9	22,1
			Липецкая обл.	53,9	19,4
			Иркутская обл.	53,7	20,7
			Псковская обл.	53,1	23,5
			Ненецкий АО	52,9	25,3
			Владимирская обл.	52,7	16,4
			Ростовская обл.	52,3	20,5
			Респ. Дагестан	52,1	7,8
Респ. Карачаево-Черкесия	52,1	22,3			
Ульяновская обл.	51,8	19,5			
Омская обл.	51,8	16,4			

Примечание: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики.

Для поиска факторов, оказывающих значительное влияние на динамику износа основных фондов предприятий в обрабатывающей промышленности в рассмотренных группах регионов, проведен регрессионный анализ с использованием панельных данных. При построении регрессионных моделей по первой группе регионов было использовано 120 наблюдений (по 12 регионам за период с 2011 по 2020 год). После удаления факторов с незначимыми по *P*-значению и стандартным ошибкам коэффи-

циентами регрессии в качестве оптимальной была признана регрессионная модель с фиксированными эффектами:

$$Y = e^{1,824} \times X^{0,619}, \quad (2)$$

где *Y* – степень износа основных фондов предприятий обрабатывающих производств (на конец года), %; $e^{1,824}$ – константа в регрессионной модели; *X* – удельный вес убыточных предприятий по виду деятельности «Обрабатывающее производство», % от общего числа организаций.

Основные параметры данной модели и результаты оценки их статистической значимости представлены в *таблице 2*.

Параметры регрессионной модели с фиксированными эффектами являются статистически значимыми, корреляционная взаимосвязь между переменными тесная ($R = 0,78$), около 61% дисперсии данных объяснимо построенной моделью. В модели присутствует гомоскедастичность, то есть фиксируется постоянство дисперсии в наблюдениях, помимо этого, ошибки модели подчиняются закону нормального распределения, между остатками отсутствует автокорреляция, о чем свидетельствуют статистика Дарбина – Вотсона ($1,5 < DW < 2,5$) и тест Вулдриджа. Тест Хаусмана показал, что модель со случайными эффектами лучше объясняет взаимосвязь между переменными, но исходя из наименьших значений информационных критериев Шварца, Акаике и Хеннана – Куинна нами была выбрана модель с фиксированными эффектами, у которой P -значимость статистики Хаусмана находится на уровне 10%. Согласно построенной модели, на степень износа основных фондов в первой группе регионов значительное влияние оказывает финансовое положение предприятий обрабатывающей промышленности. Наблюдаемая в ней дина-

мика роста удельного веса убыточных компаний свидетельствует о сложном финансовом положении предприятий данной отрасли, о невозможности проведения модернизации и технологического обновления производственных процессов, что способствует активному наращиванию степени износа основных фондов. Особенно тяжелое финансовое положение предприятий обрабатывающей промышленности наблюдается в Астраханской области, где, по данным 2020 года⁹, удельный вес убыточных предприятий составлял 57,6%. Более половины предприятий обрабатывающих производств были убыточными в Республике Хакасии (57,1%), Севастополе (50,1%), почти половина – в Ханты-Мансийском автономном округе (48,1%).

В условиях усиливающегося в настоящее время санкционного давления на российскую экономику, ограничения импорта высокотехнологичного оборудования и экспорта производимой предприятиями продукции, которые стали следствием ухудшения геополитической ситуации между Россией и западными странами в 2022 году, неизбежно дальнейшее ухудшение финансового положения предприятий данной отрасли и наращивание степени износа их основных фондов. Для прогнозирования

Таблица 2. Параметры регрессионной модели зависимости степени износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности от удельного веса убыточных организаций в первой группе регионов (с фиксированными эффектами)

	Коэффициент	Ст. ошибка	t -статистика	P -значение
<i>const</i>	1,824	0,208	8,754	3,32E-14***
X	0,619	0,061	10,158	2,23E-17***
<i>LSDV R-squared</i>	0,607		P -значение (F)	7,90E-17***
<i>LSDV F</i> (12, 107)	13,798		Стат. Дарбина – Вотсона	1,823
Крит. Шварца	187,775		Крит. Акаике	151,537
Параметр rho	0,514		Крит. Хеннана – Куинна	166,254
<i>Hausman test statistic:</i>			$H = 0,081$	0,077
<i>Non-linearity test</i> (Нулевая гипотеза – зависимость линейна)			Тестовая статистика: 45,914	1,24E-11
<i>White's test for heteroskedasticity</i> (нулевая гипотеза – наблюдается гомоскедастичность - наблюдения имеют общую дисперсию ошибки)			Chi-квадрат (2) = 6460,7	0,082
<i>Wooldridge test</i> (нулевая гипотеза – наличие автокорреляции остатков)			Тестовая статистика: $t(2) = 9,499$	0,061
Тест по критерию Chi-квадрат (нулевая гипотеза – нормальное распределение остатков)			Chi-квадрат (2) = 143,483	0,069
Примечание: *** – статистическая значимость на уровне 1%. Источник: составлено авторами.				

⁹ Источник: сайт Федеральной службы государственной статистики.

его динамики к концу 2024 года было проведено авторегрессионное моделирование динамики ключевого фактора в представленной выше регрессионной модели (удельного веса убыточных предприятий обрабатывающей промышленности) с использованием скользящего среднего (ARIMA). Этот метод моделирования позволил сформировать наиболее вероятный прогноз изменения доли убыточных предпри-

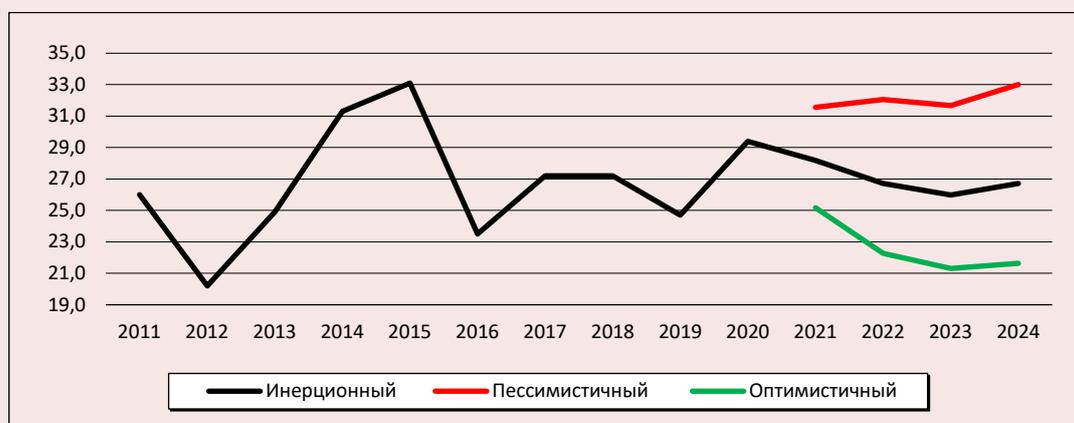
ятий в регионах первой группы с учетом отмеченных тенденций за период с 2011 по 2020 год (инерционный) и определить границы ее возможного колебания в будущем. В качестве примера представляем результаты ARIMA-модели и прогнозы изменения динамики удельного веса убыточных предприятий обрабатывающей промышленности по одному из регионов РФ – Самарской области (табл. 3, рисунок).

Таблица 3. Результаты ARIMA-моделирования динамики удельного веса убыточных организаций обрабатывающей промышленности в Самарской области

	Коэффициент	Ст. ошибка*	Z	P-значение
const	3.3	0.004	844.0	0.0000***
phi_1	0.647	0.214	3.025	0.0025***
phi_2	-0.864	0.133	-6.523	6.90e-11***
theta_1	-1.911	0.617	-3.095	0.0020***
theta_2	1.000	0.418	1.619	0.011***
R-квадрат	0.859	Крит. Акаике	-7.571	
Испр. R-квадрат	0.788	Крит. Шварца	-5.755	
		Крит. Хеннана – Куинна	-9.562	
	Действ. часть	Мним. часть	Модуль	Частота
AR				
Корень 1	0.3742	-1.0084	1.0756	-0.1934
Корень 2	0.3742	1.0084	1.0756	0.1934
MA				
Корень 1	0.9554	-0.2954	1.0000	-0.0477
Корень 2	0.9554	0.2954	1.0000	0.0477

Примечание: * – стандартные ошибки рассчитаны на основе Гессiana; *** – статистическая значимость на уровне 1%.
Источник: составлено авторами.

Базовые прогнозы динамики удельного веса убыточных организаций обрабатывающей промышленности в Самарской области до конца 2024 года, %

Источник: составлено авторами.

Результаты ARIMA-моделирования и регрессионного анализа легли в основу формируемых прогнозных сценариев относительно изменения степени износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности. Расчеты ожидаемых значений износа основных фондов к концу 2024 года в рамках инерционного прогнозного сценария с учетом сохранения отмеченных тенденций показали высокую вероятность дальнейшего наращивания изношенных фондов в таких регионах, как Республика Коми, Астраханская область и г. Севастополь (табл. 4). Указанные регионы обладали самым высоким уровнем износа основных фондов предприятий обрабатывающих производств и высоким уровнем убыточности предприятий данной отрасли.

Согласно построенному инерционному сценарию к концу 2024 года возможен рост степени изношенных основных фондов в Республике Коми с 78,2 до 78,8%, в Астраханской области – с 67,6 до 71,3% и Севастополе – с 67,6 до 78,5%. Дальнейшее ухудшение финансового положения предприятий в данных регионах, а такой сценарий в настоящее время является более реалистичным, приведет к невозможности технологического обновления производственных процессов и более серьезному износу используемых фондов (в Республике Коми до 90,9%, Астраханской области – 80,6% и Севастополе – 93,1%). Реализация этого сценария поставит под угрозу функционирование всей обрабаты-

вающей промышленности в указанных регионах. Высокий удельный вес убыточных предприятий обрабатывающей промышленности в Республике Хакасии и прогнозируемое отсутствие положительной динамики его изменения в Чукотском автономном округе не будут способствовать снижению в них степени износа основных фондов. К концу 2024 года наиболее вероятно реализация самого пессимистичного прогнозного сценария, согласно которому в Республике Хакасии степень износа основных фондов предприятий данного вида экономической деятельности достигнет 76,2%, а в Чукотском автономном округе – 91,6%. С таким уровнем изношенности основных фондов предприятия обрабатывающей промышленности не смогут успешно развиваться и выпускать конкурентоспособную продукцию, поэтому реализуемая на федеральном и региональном уровнях промышленная политика должна рассматривать указанные регионы в качестве приоритетных для привлечения инвестиций и модернизации используемых предприятиями основных фондов. Отмеченный уровень износа основных фондов предприятий является критичным и формирует угрозы для развития обрабатывающей промышленности в названных регионах. Если в первой группе регионов высокий уровень износа основных фондов в обрабатывающей промышленности был обусловлен тяжелым финансовым положением предприятий, высоким уровнем их убыточности, то во второй

Таблица 4. Степень износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности в регионах первой группы в 2020 году и прогнозные сценарии ее изменения к концу 2024 года, %

Регион	Степень износа фондов в 2020 г.	Инерционный прогнозный сценарий	Пессимистичный прогнозный сценарий	Оптимистичный прогнозный сценарий
Республика Коми	78,2	78,77	90,88	57,07
Астраханская обл.	67,6	71,31	80,58	50,96
Севастополь	67,6	78,54	93,10	61,77
Республика Хакасия	66,6	64,76	76,23	51,71
Чукотский АО	64,0	63,97	91,61	39,47
Самарская обл.	65,4	60,18	78,32	46,24
ХМАО	63,2	58,75	74,55	46,30
Костромская обл.	63,1	47,56	62,03	36,46
ЯНАО	62,6	57,40	69,11	47,68
Рязанская обл.	62,4	54,59	66,56	39,46
Ярославская обл.	62,4	51,24	65,64	40,00
Тамбовская обл.	60,5	42,42	56,04	32,11
Примечание: составлено авторами.				

группе, как показал регрессионный анализ, основным фактором выступал недостаточный объем привлекаемых предприятиями инвестиций в основной капитал:

$$Y = e^{4,11} \times X^{-0,032}, \quad (3)$$

где Y – степень износа основных фондов в обрабатывающем производстве (на конец года), %; $e^{4,11}$ – константа в регрессионной модели; X – инвестиции в основной капитал по виду деятельности «Обрабатывающее производство», млн руб.

При построении модели было использовано 320 наблюдений (по 32 регионам за период с 2011 до 2020 год). Панельная диагностика Хаусмана и Бреуш – Пагана, оценка статистической значимости параметров регрессии и информационных критериев Шварца, Акаике и Хеннана – Куинна подтвердили оптимальность регрессионной модели с фиксированными эффектами (табл. 5). Согласно ей, снижение объема привлекаемых инвестиций в основной капитал предприятий данного вида экономической деятельности в регионах второй группы способствовало росту степени износа их основных фондов на 0,03%. Результаты исследования динамики привлекаемых инвестиций свидетельствуют, что не во всех регионах второй

группы наблюдалась отмеченная тенденция. Например, в г. Санкт-Петербурге, Республике Башкортостан, Челябинской, Калининградской, Нижегородской, Вологодской, Московской, Владимирской областях был отмечен рост объема привлекаемых инвестиций.

Проведенный авторегрессионный анализ с использованием скользящего среднего (ARIMA) позволил спрогнозировать дальнейший рост объема привлекаемых инвестиций в данных регионах к концу 2024 года по сравнению с 2020 годом и сформировать прогнозные сценарии, согласно которым предполагается значительное снижение степени износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности (табл. 6). Активное развитие обрабатывающей промышленности в отмеченных регионах будет способствовать привлечению инвестиций даже в условиях реализации более пессимистичных сценариев и даст возможность провести модернизацию производственных процессов и технологий на части предприятий обрабатывающей промышленности. В отдельных регионах, таких как Хабаровский край, Ненецкий автономный округ и Республика Калмыкия, на протяжении исследуемого периода наблюдался устойчивый спад объема привлекаемых инвестиций в основной капитал предприятий обрабатывающих производств.

Таблица 5. Параметры регрессионной модели зависимости степени износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности от объема инвестиций в основной капитал во второй группе регионов (с фиксированными эффектами)

	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение
<i>const</i>	4,111	0,147	27,977	5,56E-84***
<i>X</i>	-0,032	0,017	-1,907	0,058*
<i>LSDV R-squared</i>	0,642		<i>P-значение (F)</i>	4,20E-13***
<i>LSDV F (32, 287)</i>	4,657		Стат. Дарбина – Вотсона	1,39
Крит. Шварца	-191,882		Крит. Акаике	-316,236
Параметр <i>rho</i>	0,786		Крит. Хеннана – Куинна	-266,579
<i>Hausman test statistic:</i>			$H = 1,315$	0,025
<i>Non-linearity test</i> (Нулевая гипотеза – зависимость линейна)			Тестовая статистика: 22,597	1,998E-06
<i>White's test for heteroskedasticity</i> (нулевая гипотеза – наблюдается гомоскедастичность – наблюдения имеют общую дисперсию ошибки)			Chi-квадрат (2) = 426,372	0,821
<i>Wooldridge test</i> (нулевая гипотеза – наличие автокорреляции остатков)			Тестовая статистика: $t (2) = 29,384$	0,643
Тест по критерию Chi-квадрат (нулевая гипотеза – нормальное распределение остатков)			Chi-квадрат (2) = 1,052674	0,591
Примечание: * – статистическая значимость на уровне 10%; *** – статистическая значимость на уровне 1%. Источник: составлено авторами.				

Таблица 6. Степень износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности в регионах второй группы на конец 2020 года и прогнозные сценарии ее изменения к концу 2024 года, %

Регион	Степень износа фондов в 2020 г.	Инерционный сценарий	Пессимистичный сценарий	Оптимистичный сценарий
Респ. Северная Осетия	57,2	57,2	61,7	53,1
Респ. Калмыкия	56,1	58,7	60,2	57,2
Ненецкий АО	52,9	56,0	58,6	54,1
Хабаровский край	54,7	64,3	75,8	54,6
Санкт-Петербург	57,5	43,1	43,8	42,4
Челябинская обл.	56,9	42,4	42,8	42,0
Саратовская обл.	56,4	44,2	52,7	37,1
Нижегородская обл.	56,3	43,5	44,1	43,0
Волгоградская обл.	56,3	43,4	44,2	42,7
Вологодская обл.	55,5	41,7	42,0	41,4
Белгородская обл.	54,9	44,7	45,2	44,3
Тверская обл.	54,6	45,6	46,3	44,9
Алтайский край	54,4	45,5	46,6	44,5
Новосибирская обл.	54,3	44,2	44,8	43,5
Московская обл.	54,3	42,2	42,7	41,8
Липецкая обл.	53,9	44,0	44,9	43,1
Псковская обл.	53,1	47,6	48,5	46,7
Владимирская обл.	52,7	45,2	45,8	44,6
Ростовская обл.	52,3	44,4	44,8	44,0
Ульяновская обл.	51,8	44,9	46,1	43,7
Омская обл.	51,8	41,7	43,3	40,2

Источник: составлено авторами.

Соответственно, в ходе *ARIMA*-моделирования динамики данного показателя спрогнозировано значительное снижение объема инвестиций к концу 2024 года. Так, согласно наиболее вероятному прогнозу, с учетом сохранения отмеченной на протяжении 2011–2020 гг. тенденции в Хабаровском крае возможно сокращение объема привлекаемых инвестиций в 2,9 раза.

В результате степень износа основных фондов предприятий данного вида экономической деятельности повысится до 64,3% (инерционный прогнозный сценарий), а в случае пессимистичного сценария, который в настоящее время является наиболее реалистичным, износ фондов возрастет до очень высокого уровня – 75,8%. *ARIMA*-моделирование позволило спрогнозировать снижение инвестиций в основной капитал предприятий обрабатывающей промышленности и в Ненецком автономном округе (на 96,8%), а также Республике Калмыкии (на 81,3%). Реализация этого прогноза негативно скажется на степени износа основных фондов предприятий данных регионов, поэтому считаем важным при реализации промышленной политики на федеральном и региональном

уровнях оказывать приоритетную государственную поддержку предприятиям в регионах с характерной динамикой снижения объема привлекаемых инвестиций в основной капитал обрабатывающей промышленности.

В третью группу территорий с низким уровнем износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности по данным на конец 2020 года вошел 41 регион. Проведенный регрессионный анализ, результаты которого представлены в *таблице 7*, показал, что основным фактором, оказывающим влияние на динамику износа основных фондов предприятий данной группы регионов, так же как и первой группы, является финансовое положение предприятий (удельный вес убыточных предприятий):

$$Y = e^{2,575} \times X^{0,339}, \quad (4)$$

где Y – степень износа основных фондов в обрабатывающем производстве (на конец года), %; $e^{2,575}$ – константа в регрессионной модели; X – удельный вес убыточных организаций по виду деятельности «Обрабатывающее производство», % от общего числа организаций.

Таблица 7. Параметры регрессионной модели зависимости степени износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности от удельного веса убыточных организаций в третьей группе регионов (с фиксированными эффектами)

	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение
<i>const</i>	2,575	0,091	28,17	0,0001***
<i>X</i>	0,339	0,027	12,195	0,0001***
<i>LSDV R-squared</i>	0,527		P-значение (F)	5,39E-39***
<i>LSDV F (32, 287)</i>	9,987		Стат. Дарбина – Вотсона	1,88
Крит. Шварца	316,212		Крит. Акаике	147,533
Параметр <i>rho</i>	0,474		Крит. Хеннана – Куинна	214,267
<i>Hausman test statistic:</i>			<i>H</i> = 2,428	0,0121
<i>Non-linearity test</i> (Нулевая гипотеза – зависимость линейна)			Тестовая статистика: 67,302	2,328E-16
<i>White's test for heteroskedasticity</i> (нулевая гипотеза – наблюдается гомоскедастичность – наблюдения имеют общую дисперсию ошибки)			Chi-квадрат (2) = 37604,1	0,061
<i>Wooldridge test</i> (нулевая гипотеза – наличие автокорреляции остатков)			Тестовая статистика: <i>t</i> (2) = 18,203	0,118
Тест по критерию Chi-квадрат (нулевая гипотеза – нормальное распределение остатков)			Chi-квадрат (2) = 452,555	0,535
Примечание: *** – статистическая значимость на уровне 1%. Источник: составлено авторами.				

Однако если в первой группе регионов рост доли убыточных предприятий в обрабатывающей промышленности способствовал повышению степени износа основных фондов на 0,62%, то во второй группе регионов – на 0,34%.

Построенная модель обладает статистически значимыми параметрами, несмотря на низкий коэффициент детерминации, между переменными в модели наблюдается тесная корреляционная взаимосвязь ($R = 0,73$). В ней отсутствует гетероскедастичность, наблюдения имеют общую дисперсию ошибки, отсутствует автокорреляция между остатками, наблюдается их нормальное распределение.

Построенные для каждого региона данной группы *ARIMA*-модели динамики удельного веса убыточных предприятий и регрессионная модель ее влияния на степень износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности позволили сформировать базовые, наиболее вероятные прогнозные сценарии изменения динамики данного показателя до конца 2024 года (табл. 8).

Инерционный прогнозный сценарий, учитывающий наблюдавшиеся тенденции в динамике изменения доли убыточных предприятий в период 2011–2020 гг., позволил установить регионы, для которых проблема роста степени износа основных фондов предприятий мо-

жет стать в краткосрочной перспективе сдерживающим фактором развития обрабатывающей промышленности. К таким регионам относятся Курганская область, где из-за вероятного роста доли убыточных предприятий возможно повышение степени износа основных фондов до 68,9%, Краснодарский край (до 52,8%), Ивановская область (до 51,9%), Мурманская область (до 46,9%), Республика Бурятия (до 45,1%), Сахалинская область (до 45%), Республика Саха (до 34,3%) и Республика Тыва (до 32,1%). В случае реализации пессимистичного сценария, вероятность которого в настоящее время наиболее высока, возможен и более значительный рост доли убыточных предприятий в обрабатывающей промышленности и изношенности основных фондов. Особенно критичной проблема наращивания степени износа основных фондов является для предприятий Ивановской и Курганской областей (см. табл. 8). В этих регионах в случае реализации пессимистичного сценария степень износа основных фондов предприятий в обрабатывающей промышленности превысит 76%.

Для снижения степени их износа необходимо повышать финансовую устойчивость функционирующих в данных регионах промышленных предприятий, привлекать льготные банковские кредиты для технологического обновления

Таблица 8. Степень износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности в регионах третьей группы на конец 2020 года и прогнозные сценарии ее изменения к концу 2024 года, %

Регион	Степень износа фондов в 2020 г.	Инерционный сценарий	Пессимистичный сценарий	Оптимистичный сценарий
Ивановская область	51,5	51,9	76,2	35,4
Курганская область	50,2	68,9	87,8	37,7
Краснодарский край	50,0	52,8	59,2	47,0
Мурманская область	44,6	46,9	50,4	43,7
Республика Бурятия	43,1	45,1	52,2	38,9
Сахалинская область	41,6	45,0	47,6	42,5
Республика Саха	34,3	40,9	47,6	32,1
Республика Тыва	30,3	32,1	37,5	25,8
Воронежская область	51,1	36,3	42,6	30,9
Пермский край	50,8	37,2	43,0	32,2
Новгородская область	50,2	46,5	49,7	43,5
Смоленская область	50,2	43,7	51,9	36,8
Свердловская область	50,2	43,6	52,0	36,6
Калужская область	50,0	37,4	48,6	28,8
Пензенская область	49,4	38,7	40,3	37,2
Республика Татарстан	44,1	41,1	43,5	38,8
Ленинградская область	48,9	40,4	43,7	37,2
Тюменская область	46,7	41,5	45,8	37,6
Город Москва	46,8	41,4	44,0	39,0
Примечание: составлено авторами.				

и модернизации производственных процессов, государственные инвестиции для реализации масштабных проектов, предполагающих внедрение инноваций и передовых производственных технологий. Начиная с 2015 года в России в рамках реализуемой на федеральном и региональном уровнях промышленной политики активно используется инструмент государственного софинансирования реализуемых проектов в обрабатывающей промышленности из Фонда развития промышленности РФ (ФРП). Этот инструмент государственной поддержки предприятий активно применяется только в 50 субъектах РФ из 85. К тому же инвестиционные проекты, поддержанные Фондом, реализуются в основном активно развивающимися, крупными производственными предприятиями. Предприятия, обладающие действительно изношенными основными фондами, находящиеся в сложном финансовом положении, не могут участвовать в реализации инвестиционных проектов, которые поддерживаются Фондом развития промышленности. При реализации промышленной политики инвестиционная поддержка предприятий должна осуществляться

с учетом износа основных фондов промышленных предприятий в регионах.

Заключение

В исследовании выдвинутая гипотеза была подтверждена, установлено влияние не только инвестиций в основной капитал, но и финансового положения предприятий на динамику износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности в регионах России. Авторами представлен методический подход, базирующийся на статистическом и регрессионном анализе с использованием панельных данных, авторегрессионном моделировании со скользящим средним (ARIMA), для выявления факторов, оказывающих влияние на динамику износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности в различных регионах, и проектирования системы прогнозных сценариев ее изменения в будущем. Результатом исследования стала группировка регионов по степени износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности: выделены регионы с чрезвычайно высоким уровнем износа фондов, регионы с уровнем износа выше и ниже среднероссийского уровня.

С помощью регрессионного моделирования были определены ключевые факторы динамики износа основных фондов: в первой и третьей группах регионов — тяжелое финансовое положение предприятий, во второй группе — недостаточный объем привлекаемых инвестиций в основной капитал. В рамках выделенных групп регионов проведено авторегрессионное моделирование динамики данных факторов с использованием скользящего среднего для формирования наиболее вероятных прогнозных сценариев изменения степени износа основных фондов предприятий обрабатывающей промышленности до 2024 года: инерционного, учитывающего текущую динамику износа основных фондов, пессимистичного и оптимистичного.

В результате исследования были определены регионы, нуждающиеся в приоритетной государственной поддержке в рамках осуществляемой в России промышленной политики для обновления изношенных фондов, а именно: Астраханская, Ивановская, Курганская, Мурманская, Сахалинская области, республики Коми, Хакасия, Северная Осетия, Калмыкия, Бурятия, Саха, Тыва, Севастополь, Чукотский и Ненецкий АО, Хабаровский и Краснодарский края. Данные пространственные приоритеты решения проблемы износа основных фондов предприятий рекомендуется использовать при финансировании инвестиционных программ Фондом развития промышленности России и реализации промышленной политики на федеральном уровне.

Литература

- Альжанова Ф.Г., Нурланова Н.К., Днишев Ф.М. (2020). Оценка уровня и приоритетные направления модернизации регионов Казахстана // Проблемы развития территории. № 1 (105). С. 124–141. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.9
- Вылегжанина Е.В., Росляков В.А. (2018). Проблема высокой степени износа основных средств на обрабатывающих предприятиях в России // International Journal of Humanities and Natural Sciences. Вып. 12-2. С. 13–16.
- Гагарина Г.Ю., Архипова Л.С. (2017). Региональные особенности использования производственного потенциала макрорегиона как фактора устойчивости экономики России // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. № 4 (94). С. 126–137.
- Горидько Н.П., Нижегородцев Р.М. (2011). Износ основных фондов как фактор инфляции в современной экономике Украины: опыт эконометрического анализа // Проблемы економіки. № 3. С. 98–100.
- Джевицкая Е.С. (2017). Угрозы экономической безопасности российских промышленных предприятий // Russian journal of management. Т. 5. № 4. С. 581–585. DOI: 10.29039/article_5a5df353e63c91.52556497
- Карлова Н., Пузанова Е., Богачева И. (2019). Производительность в промышленности: факторы роста. Аналитическая записка. М.: Центральный Банк Российской Федерации. 27 с.
- Ковалева Т.Ю. (2010). Оценка достаточности информационной базы для выполнения обоснованного анализа динамики и состояния основных фондов // Проблемы современной экономики. № 1 (33). С. 95–100.
- Конденкова М.А. (2017). Статистический анализ объема инвестиций в основной капитал в РФ // Инновационная экономика: мат-лы IV Междунар. научн. конф. (г. Казань, октябрь 2017 г.). Казань: Бук. С. 7–9. URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/262/12656/> (дата обращения 05.04.2022).
- Лугачева Л.И. (2001). Формирование инвестиционных ресурсов машиностроения и их институциональное обеспечение // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. Т. 1. Вып. 2. С. 118–140.
- Лядова Е.В. (2017). Анализ динамики производительности труда в России: макроэкономический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 1 (45). С. 46–53.
- Огородникова Т.В., Соломеин А.А., Орлов В.Е., Шипунова И.Г. (2020). Техничко-экономическая оценка состояния основных средств и критерий обоснованности восстановительных инвестиций // Известия Байкальского государственного университета. Т. 30. № 1. С. 89–99. DOI: 10.17150/2500-2759.2020.30(1).89-99

- Печенская М.А. (2020). Современные проблемы бюджетного развития региональных центров // *Актуальные проблемы экономики и права*. Т. 14. № 1. С. 40–56.
- Прохорова Э.К. (2019). Влияние состояния основных фондов на развитие российской промышленности в условиях международных санкций // *Вестник международного института рынка*. № 1. С. 30–36.
- Розанова Л.И., Тишков С.В. (2018). Ограничения промышленного освоения инноваций в условиях высокого износа основных производственных фондов // *Экономика и менеджмент инновационных технологий*. № 5. URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2018/05/16019> (дата обращения 03.04.2022).
- Сапрыкина М.С. (2020). Статистический анализ степени износа основных фондов предприятий отрасли производства и распределения электроэнергии в Российской Федерации // *Вектор экономики*. № 11. URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2020/11/economic_theory/Saprykina.pdf (дата обращения 05.05.2022).
- Чинова Е.Н., Балабанова Г.Г. (2017). Производительность труда как критерий уровня развития предприятий промышленности строительных материалов // *Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова*. № 6. С. 172–177. DOI: 10.12737/article_5926a05a880885.91931435
- Abieva S.N., Kanabekova M.A. (2021). Investments in fixed assets in Kazakhstan. *Bulletin of National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan*, 2(390), 139–145. DOI: 10.32014/2021.2518-1467.62
- Boucekkine R., Oliveira Cruz B. (2015). Technological progress and investment: A non-technical survey. 2015. Available at: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01145485/document> (accessed: May 5, 2022).
- Collings S. (2016). Fixed assets and investment property. In: *UK GAAP Financial Statement Disclosures Manual*. DOI: 10.1002/9781119283393.ch13
- Franik T. (2007). Depreciation of fixed assets and efficiency of investment and operation of a mining plant. *Gospodarka Surowcami Mineralnymi*, 23(4), 87–100.
- Freiberg F., Scholz P. (2015). Evaluation of investment in modern manufacturing equipment using discrete event simulation. *Procedia Economics and Finance*, 34, 217–224. DOI: 10.1016/S2212-5671(15)01622-6
- Kolesnik Y., Dobrovolska O., Malyuta I., Petrova A., Shulyak S. (2019). The investment model of fixed assets renovation in the agricultural industry: Case of Ukraine. *Investment Management and Financial Innovations*, 16(4), 229–239. DOI: 10.21511/imfi.16(4).2019.20
- Lazebnyk L. (2018). Renewal of fixed assets in Ukraine: Problems of their depreciation and use. *Economy of Ukraine*, 9, 62–74. DOI: 10.15407/economyukr.2018.08.062
- Postiguillo García D., Blasco A., Ribal J. (2017). Modeling the depreciation rate of construction machinery. An Ordinary Least-Squares approach and quantile regression approach. In: *19th Edition of the Mathematical Modelling Conference Series at the Institute for Multidisciplinary Mathematics*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/329040628_Modeling_the_depreciation_rate_of_construction_machinery_An_Ordinary_Least-Squares_approach_and_quantile_regression_approach (accessed: May 5, 2022).
- Tang L., Hao M., Zhang Y. (2013). Depreciation of fixed assets to capital budgeting decision analysis of the influence of independent. *Journal of Convergence Information Technology*, 8(10), 429–437. DOI: 10.4156/jcit.vol8.issue10.53
- Urban S., Kowalska A.S. (2015). Investments and basic fixed assets in agriculture. *The Polish Statistician*, 60(9), 66–76. DOI: 10.5604/01.3001.0014.8301

Сведения об авторах

Илья Викторович Наумов – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, Институт экономики Уральского отделения РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: ilia_naumov@list.ru)

Наталья Леонидовна Никулина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: nikulinanl@mail.ru)

Naumov I.V., Nikulina N.L.

Scenario Modeling and Forecast of the Degree of Depreciation of Fixed Assets at Manufacturing Enterprises in Russia's Regions

Abstract. In a deteriorating geopolitical situation and under the pressure of sanctions on the Russian economy, its manufacturing enterprises are facing significant restrictions in the import of high-tech equipment and materials necessary for technical re-equipment and modernization of the fixed assets they use. These restrictions contribute to increasing the degree of their deterioration and will do so in the future as well. The hypothesis of our study consists in the assumption that the dynamics of fixed assets depreciation at enterprises is influenced not only by the volume of attracted investments, but also by other factors, and that the degree of their impact in different groups of regions is differentiated. The aim of the work is to design forecast scenarios that would show the changes in the degree of fixed assets depreciation at manufacturing enterprises, taking into account the differentiated influence of factors. The study presents a methodological approach based on statistical and regression analysis using panel data and autoregressive integrated moving average (ARIMA) model to identify factors affecting the dynamics of fixed assets depreciation at manufacturing enterprises in various regions and design a system of forecast scenarios for its changes in the future. We group the regions according to the degree of depreciation of fixed assets of manufacturing enterprises (we identify groups of regions with an extremely high level of fixed assets depreciation, and the levels above and below the Russian average). Using regression models we identify the differentiated influence of factors on the dynamics of fixed assets depreciation: in the first and third groups of regions, the key factor in increasing depreciation is the difficult financial situation of enterprises; in the second group – insufficient volume of attracted investments in fixed assets. For each group of regions, autoregressive modeling of the dynamics of these factors is carried out using a moving average to form the most likely forecast scenarios for changes in the degree of fixed assets depreciation at manufacturing enterprises until 2024. As a result of forecasting, we identify regions with the most likely dynamics of further increase in the degree of depreciation of fixed assets of enterprises; these regions should become a priority in obtaining state support for the implementation of industrial policy in Russia.

Key words: depreciation of fixed assets, manufacturing industry, scenario modeling, forecasting, regression analysis, ARIMA modeling, Russia's regions.

Information about the Authors

Ilya V. Naumov – Candidate of Sciences (Economics), head of laboratory, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: ilia_naumov@list.ru)

Natalya L. Nikulina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: nikulinanl@mail.ru)

Статья поступила 16.05.2022.

Демографические дивиденды: формирование и использование в странах СНГ и Балтии

Валентина Григорьевна ДОБРОХЛЕБ

Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: vdobrokhleb@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4864-823

Оксана Викторовна КУЧМАЕВА

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: kuchmaeva@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0386-857X

Алексей Дмитриевич БРАГИН

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: alexbragin562@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4065-3546

Мехди АФЗАЛИ

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: mehdi afzali1991@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9577-5639

Для цитирования: Доброхлеб В.Г., Кучмаева О.В., Брагин А.Д., Афзали М. (2022). Демографические дивиденды: формирование и использование в странах СНГ и Балтии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 172–188. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.11

For citation: Dobrokhleb V.G., Kuchmaeva O.V., Bragin A.D., Afzali M. (2022). Demographic dividends: Formation and use in the CIS and the Baltic countries. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 172–188. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.11

Аннотация. Статья посвящена одной из наиболее актуальных проблем современного мира — демографическому старению населения и его влиянию на демографическую безопасность на пространстве СНГ. Процесс изменения возрастной структуры населения носит глобальный характер с увеличивающейся динамикой. При этом демографическое старение имеет существенные региональные различия. Цель исследования связана с выявлением общих тенденций, региональных различий старения населения стран постсоветского пространства, формирования и использования демографических дивидендов. Авторами предлагается применять при анализе второго демографического дивиденда дефиницию «ресурсный потенциал старшего поколения», который в значительной мере определяет возможности стареющего населения. В исследовании широко использовались такие методы, как логический анализ, синтез, обобщение, индукция и дедукция, системный подход к анализу демографических явлений, а также расчеты демографических коэффициентов, используемых при оценке возрастной структуры, ее динамики и формирования демографических дивидендов. Информационной базой исследования послужили данные текущего учета демографических событий, представленные Статистическим комитетом СНГ, материалы Евростата, ООН, отечественные и зарубежные научные публикации, а также материалы авторских исследований по тематике статьи. Основные результаты работы подтвердили вывод о том, что страны постсоветского пространства имеют существенные различия в возрастной структуре населения и интенсивности процесса демографического старения. Определено, что общей тенденцией в большинстве из них стало ускорение процесса старения населения. Это актуализирует проблемы, связанные с необходимостью формирования и эффективного использования второго демографического дивиденда, что позволит обеспечить экономическое благополучие стран.

Ключевые слова: демографическое старение, первый демографический дивиденд, второй демографический дивиденд, страны постсоветского пространства.

Введение. Постановка проблемы

Страны в процессе своего развития проходят различные этапы демографического перехода. В ряде случаев (пока их известно два) открываются «окна демографических возможностей». Государства могут использовать демографический фактор (численность, структуру и качество населения) для экономического развития. При этом необходимо учитывать тенденции демографической динамики, что требует значительных организационных и финансовых вложений при реализации экономической и социальной политики с учетом возникающих демографических перемен.

Цель исследования связана с выявлением общих тенденций, региональных различий старения населения стран постсоветского пространства, формирования и использования демографических дивидендов.

В работе предпринята попытка определить особенности взаимосвязи трансформации возрастной структуры населения постсоветских стран, включая тенденции демографического старения и формирования демографических дивидендов, с их социально-экономи-

ческим развитием. Результаты анализа могут быть значимыми для выстраивания социально-экономической политики государствами, находящимися на разных стадиях реализации демографического дивиденда.

Понятие демографической безопасности вошло в обиход экономических и политических дисциплин. В подавляющем большинстве стран мира оценка ситуации позволяет говорить об усилении влияния демографической компоненты на социально-экономическое развитие (Bloom et al., 2003; Chand, 2017; Misra, 2017; Kashif, Shahid, 2019). Вследствие этого правительства различных государств объективно вынуждены решать широкий спектр демографических проблем. Чаще всего в контексте демографической безопасности рассматривают защищенность социально-экономического развития страны от демографических угроз, обеспечивающую потенциал воспроизводства населения. Исследования последних лет доказывают, что демографические факторы играют существенную роль в наблюдаемом изменении доли трудовых доходов, выявляется связь

между изменениями доли населения трудоспособного возраста и экономическим ростом на душу населения и уровнем бедности (Bloom et al., 2003; Масунович, 2012). Особое внимание привлекают механизмы, посредством которых демографические изменения могут повлиять на экономические результаты деятельности, тем самым обеспечив благополучие населения страны. Установлено, что увеличение доли населения трудоспособного возраста и сокращение доли детей-иждивенцев связаны с ростом валового внутреннего продукта на душу населения, что аналогичным образом положительно сказывается на сокращении бедности (Сгуз, Ahmed, 2018).

Влияние возрастной структуры на социально-экономическое развитие привлекает внимание исследователей из разных стран. Например, демографический дивиденд стал одним из самых значительных факторов, которые способствовали экономическому росту в странах Восточной Азии (Bloom et al., 1999; Bloom, Canning, 2001). Наиболее значительный демографический дивиденд был получен Южной Кореей в 1965–2000 гг. (Gribble, 2012).

Анализ, проведенный в разрезе стран БРИКС и Европейского союза на основе модели с фиксированным эффектом, показал, что между темпами роста ВВП и демографическим дивидендом существует положительная взаимосвязь (Misra, 2017). Однако ситуация весьма дифференцирована даже в рамках отдельных регионов. Так, результаты исследования, осуществленного на микроданных Бразилии, свидетельствуют, что в этой стране необходимо уделять внимание созданию инструментов для получения второго демографического дивиденда (Baerlocher et al., 2019). Рассматривается возможность применения второго демографического дивиденда в Испании. Используя данные межпоколенческих трансфертных счетов, исследователи делают вывод о том, что после 2040 года, с учетом тенденций старения населения, использовать второй демографический дивиденд будет весьма проблематично (Abío et al., 2017).

В ряде государств азиатского континента в последние годы весьма значительно увеличивается численность молодого населения, что может способствовать экономическому росту. Так, в Узбекистане за 26 лет (1991–2017 гг.) доля

трудоспособного населения выросла почти на 17,5%, и в настоящее время этот показатель составляет почти 60,5% (Mirzakarimova, Khajiyev, 2020).

Данные по странам Южной Азии свидетельствуют, что демографический потенциал без грамотной макроэкономической и демографической политики не станет демографическим дивидендом. При использовании эконометрических моделей выявлено, что увеличение доли молодых иждивенцев без принятия ответственных мер в сфере образования и здравоохранения снижает экономический рост в странах Южной Азии в долгосрочной перспективе (Kashif, Shahid, 2019). Странам региона необходимо задуматься о возможности получения второго демографического дивиденда, поскольку процесс старения развивается. Старение населения приводит к многочисленным проблемам в регионе, включая рост расходов на пенсии и здравоохранение, повышение коэффициента иждивенцев и изменение динамики семьи (Chand, 2017).

Значительное внимание в контексте возможностей демографического дивиденда в настоящее время уделяется африканским государствам, где речь идет о возможном получении выгоды в экономическом развитии от первого демографического дивиденда (Cardona et al., 2020).

Взаимосвязь демографических и экономических процессов носит сложный и неоднозначный характер. Демографические дивиденды от снижения темпов прироста населения повышают благосостояние в краткосрочной перспективе и снижают его в долгосрочной перспективе (Ziesemer, Gässler, 2021). Выявлением этих связей обусловлена высокая актуальность исследования демографической динамики СНГ и стран Балтии, т. к. в этих регионах наблюдаются существенные различия структуры воспроизводства населения.

Если ранее работы демонстрировали значительный вклад первого демографического дивиденда в экономический рост Китая (Wang, Mason, 2005), то в настоящее время исследования возрастной структуры Китая направлены на поиск путей использования преимуществ второго демографического дивиденда – увеличения занятости и повышения уровня участия

пожилых людей в рабочей силе (Fang, 2020). Доказывается повышение роли образования и инвестиций в образование в формировании человеческого капитала (Bairoliya, Miller, 2021) в Китае в условиях изменения направленности демографической политики. Политика в области образования, по мнению исследователей, позволит смягчить последствия, связанные с возможно более высокой в перспективе рождаемостью, без повышения которой, в свою очередь, сложно решить проблемы пенсионной системы, вызванные старением населения.

Увеличение предложения рабочей силы, обусловленное изменением демографической структуры, не является чисто демографическим подарком. Величина получаемой выгоды зависит от способности экономики продуктивно использовать дополнительных работников. Чтобы демографический дивиденд мог проявить себя, молодое население должно иметь доступ к качественному образованию, адекватному питанию и здоровью.

Исследователи выделяют ряд условий, необходимых для использования преимуществ демографического дивиденда, важнейшим из которых, по мнению З.Г. Казбековой, поддерживающей точку зрения Д. Блума и Д. Каннига (Bloom, Canning, 2004), является способность экономики создавать рабочие места для все возрастающего населения в трудоспособном возрасте, что зависит от качества государственных институтов, макроэкономической политики государства, политики в области образования. При отсутствии правильной макроэкономической политики государства, направленной на реализацию демографического дивиденда, рост численности населения в трудоспособном возрасте может привести к росту безработицы, политической нестабильности, преступности и снижению социального капитала, что более остро ставит проблему демографической безопасности (Kazbekova, 2018).

В условиях демографических перемен важным становятся два направления исследований. Первое направление позволяет определить общие тенденции демографической динамики в том или ином регионе; второе связано с выявлением специфики демографических трендов. С одной стороны, возрастные структуры населения стран, ставших независимыми государствами в 1991 году, испытали влияние общих

социально-политических шоков, в частности Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), мер демографической политики (например, направленных на увеличение рождаемости в 1981–1983 гг.). С другой – наблюдаются весьма значительные различия по роли культурологических факторов в формировании моделей демографического поведения, национальным традициям, экономическому благополучию. Все это определяет актуальность рассмотрения особенностей трансформации возрастной структуры населения в странах постсоветского пространства, выявления типичных и специфических характеристик, этапов формирования демографических дивидендов. В статье представлены авторские дефиниции второго демографического дивиденда, а также некоторые результаты исследования динамики процесса старения населения и формирования демографических дивидендов стран СНГ и Балтии, поставлены проблемы демографической безопасности, связанные с этими процессами. Проведенное исследование акцентирует внимание на учете демографических параметров развития общества как условия экономического благополучия.

Методология исследования. Источники и методы

Методология исследования основывается на системном подходе к анализу демографических явлений, при этом широко применяются как общенаучные методы, в том числе логический анализ, синтез, обобщение, индукция и дедукция, так и специфические инструменты исследования демографических событий и процессов, среди которых расчеты демографических коэффициентов. Анализ построен на данных текущего учета демографических событий, опубликованных на сайте Статкомитета СНГ¹, в частности данных сборника «Население и социальные индикаторы стран СНГ и отдельных стран мира 2017–2020». Использована статистика ЕЭК ООН, Department of Economic and Social Affairs Population Dynamics UN за период с 1950 года, в том числе прогнозные оценки до 2050 года. Для достижения поставленной цели были проанализированы научные публикации по данной тематике, также учтены результаты авторских исследований.

¹ Статистический комитет СНГ. URL: <http://www.cisstat.com/> (дата обращения 16.01.2022).

Авторами проведены расчеты демографических коэффициентов, применяющихся при оценке возрастной структуры, ее динамики и формирования демографических дивидендов, в том числе коэффициент демографической поддержки, рассматриваемый как соотношение численности населения трудоспособного возраста (15–64 лет) на одного пожилого человека (в возрасте 65 лет и старше). Для анализа изменений в возрастной структуре были использованы коэффициенты нагрузки (иждивенцев), которые показывают соотношение численности населения в возрасте 0–14 лет и старше 65 лет и численности населения в возрасте 15–64 лет.

Применение данных подходов позволило выявить общие тенденции и различия демографической динамики стран СНГ и Балтии за тридцать лет, прошедшие после распада СССР, показать, как формируются демографические дивиденды в этих странах, а также сформулировать проблемы демографической безопасности, связанные с данными демографическими процессами, что обуславливает значимость учета в стратегии экономического развития характеристик демографической ситуации.

Общие тенденции и различия в динамике возрастной структуры населения стран на постсоветском пространстве

Исследователи утверждают, что рост численности и доли пожилых и старых людей в структуре населения («демографическое старение») является вызовом для современного общества как на глобальном, так и национальном уровне (Сидоренко и др., 2013; Alper et al., 2016). Демографическое старение – это процесс, связанный с изменением возрастной структуры населения, а именно ростом численности и доли старых людей в его составе. Он затрагивает самые разные аспекты жизни человека и семьи, а также общества в целом. Эти вызовы в разной степени касаются и стран бывшего СССР, находящихся на разных стадиях демографического перехода. Разнонаправленные и дифференцированные изменения демографических процессов в странах бывшего СССР привели к существенным сдвигам в возрастной структуре населения.

Страны бывшего СССР по уровню демографического старения можно разделить на три группы.

В 2020 году демографически наиболее «старыми» странами на постсоветском пространстве, в которых доля лиц в возрасте 65+ максимальная, были Латвия (20,7%), Литва (20,6%), Эстония (20,4%), Украина (17,0%), Беларусь (15,6%), Россия (15,5%), Грузия (15,3%). Страны с «молодым» населением – это большинство стран Центральной Азии и Азербайджанская Республика. В Узбекистане и Туркменистане доля населения в возрасте 65+ составляет менее 5% (табл. 1).

Для большинства стран за рассмотренные сто лет характерен рост доли населения в старших возрастах. Вместе с тем обращает на себя внимание процесс снижения относительной численности людей в старших возрастах в Азербайджане, Узбекистане, Туркменистане, Киргизии и Таджикистане в период 1990-х гг., что связано с ростом рождаемости на этих территориях.

За постсоветский период наиболее интенсивно процесс демографического старения шел в странах Балтии, где доля людей в возрасте 65 лет и старше выросла почти в два раза.

Процесс старения сопровождается значительной диспропорцией половой структуры населения в старших возрастах (табл. 2). В силу существенного превышения продолжительности жизни женщин над продолжительностью жизни мужчин наблюдается значительный перевес численности женщин, особенно в возрастах старше 75 лет. В этом плане выделяются Беларусь, Россия, Казахстан, Киргизия.

Обратим внимание на динамику демографического старения в относительно новом союзе – ЕАЭС, который сформировался на постсоветском пространстве начиная с 2014 года: в объединение вошли Республика Казахстан, Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Армения, Киргизская Республика. Его целью является свобода движения капитала, товаров и услуг, а также рабочей силы. Входящие в ЕАЭС государства имеют существенные демографические различия. Например, с одной стороны, население

Таблица 1. Доля населения в возрасте 65 лет и старше в республиках СССР и странах бывшего СССР в 1950–2050 гг., % (страны представлены в порядке убывания показателя для 2050 г.)

Страна	1950 г.	1970 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2020 г.	2030 г.	2050 г.
Литва	9,4	10,2	10,9	13,9	17,3	20,6	26,4	29,0
Эстония	10,6	11,8	11,7	15,0	17,5	20,4	23,6	28,7
Латвия	5,6	12,0	11,9	15,0	18,2	20,7	25,0	27,8
Украина	7,6	9,3	12,0	13,8	15,7	17,0	20,0	25,5
Беларусь	8,6	9,0	10,7	13,5	14,0	15,6	20,5	24,0
Молдова	7,7	6,3	8,3	9,4	10,2	12,5	17,0	23,0
Россия	4,8	7,7	10,3	12,4	13,1	15,5	19,6	22,9
Грузия	10,1	7,7	9,3	12,9	14,2	15,3	18,5	21,8
Армения	8,3	5,6	5,6	10,0	11,0	11,8	16,9	21,4
Азербайджан	7,1	5,2	4,6	5,9	5,9	6,7	11,8	17,5
Казахстан	6,5	5,4	5,9	6,8	6,8	7,9	11,1	14,2
Узбекистан	5,9	5,9	4,1	4,6	4,5	4,8	7,6	12,2
Туркменистан	5,9	4,7	3,8	4,3	4,1	4,8	7,1	10,6
Киргизия	8,2	6,2	5,0	5,5	4,5	4,7	7,2	10,1
Таджикистан	4,4	5,1	3,8	3,6	3,3	3,2	5,1	7,5

Источник: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division, 2019. *World Population Prospects 2019*, Volume II: Demographic Profiles (дата обращения 15.01.2022).

Таблица 2. Соотношение численности мужчин и женщин в пожилых возрастах в странах бывшего СССР в 2020 году, число мужчин на 1000 женщин

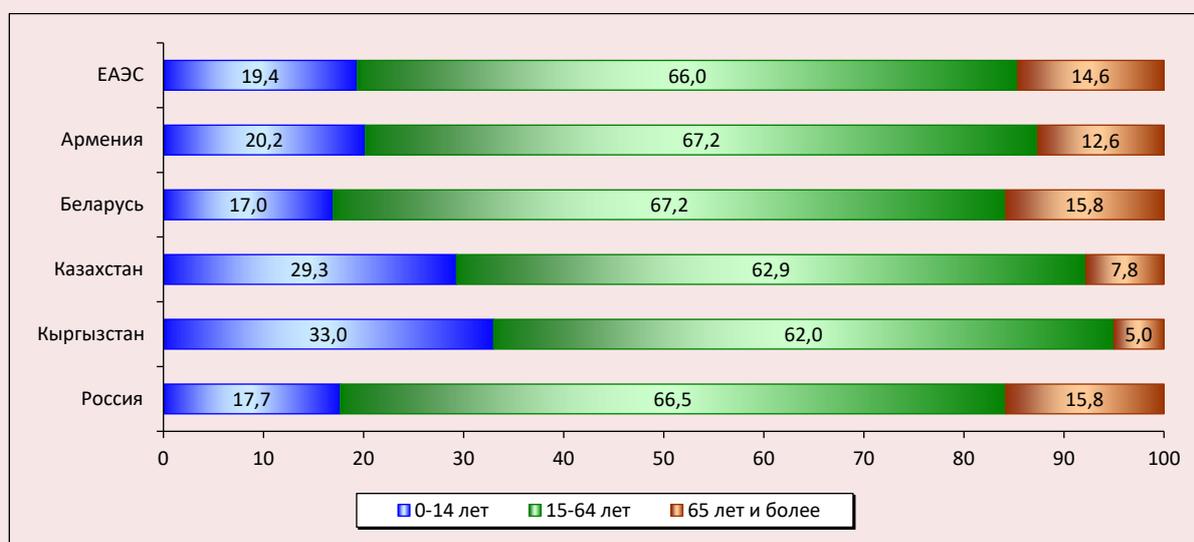
Страна	Возраст, лет								
	60–64	65–69	70–74	75–79	80–84	85–89	90–94	95–99	100+
Литва	769	663	553	479	506	326	246	193	187
Эстония	819	699	629	502	396	329	269	192	140
Латвия	775	659	560	456	412	313	237	170	165
Украина	720	620	558	450	369	337	240	169	152
Беларусь	749	640	582	414	328	257	203	107	69
Молдова	767	688	641	512	411	382	247	159	132
Россия	722	630	554	422	359	298	223	121	91
Грузия	785	708	633	549	465	436	317	198	162
Армения	746	711	669	603	550	559	488	321	227
Азербайджан	867	821	739	673	578	524	399	230	149
Казахстан	772	653	590	467	421	373	263	112	82
Узбекистан	874	852	764	755	661	536	458	286	244
Туркменистан	786	726	733	710	592	502	408	261	220
Киргизия	810	744	611	504	376	340	200	109	57
Таджикистан	922	877	862	919	759	698	719	463	308

Источник: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division, 2019. *World Population Prospects 2019*, Volume II: Demographic Profiles (дата обращения 15.01.2022).

республик Казахстан и Кыргызстан почти на треть состоит из лиц возрастной группы младше 15 лет, при этом удельный вес населения старше 65 лет составляет 5–8% (рис. 1). С другой – в России и Республике Беларусь доля молодого поколения 17–18%, а пожилого – около

16%. Данные обстоятельства обуславливают заинтересованность интегрирующих стран в различных направлениях экономической и социальной политики, в государствах по-разному складываются вызовы демографической безопасности.

Рис. 1. Удельный вес возрастных групп населения на 1 января 2021 года, % к общей численности населения

Источник: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2021.

Процесс демографического старения затрагивает все страны региона. Можно выделить три основных особенности этого процесса: разный уровень демографической старости в странах бывшего СССР; различная скорость изменений возрастной структуры населения; демографическая асимметрия полов по странам региона (разница между численностью мужчин и женщин в старших возрастных когортах).

При этом процесс старения населения на постсоветском пространстве в настоящее время не так драматичен, как, например, в Италии или Японии, где в 2019 году коэффициент демографической нагрузки пожилыми составлял 42,5 и 55,9% соответственно.

Демографические дивиденды, почему открываются «демографические окна»

В ходе демографического развития в современном мире в странах складывается определенная возрастная структура населения. Исследователи показали, что в определенные периоды доля и численность населения трудоспособного возраста в сравнении с когортами младше и старше трудоспособного возраста растет (Bloom, Canning, 2001; Bloom, Canning, 2004; Wang et al., 2005; Cruz, Ahmed, 2018). Иными словами, численность трудоспо-

собных больше, чем численность иждивенцев, коэффициент демографической нагрузки снижается. Открывается «окно благоприятных возможностей» или «демографическое окно» для экономического роста, которое непосредственно связано с изменением возрастной структуры населения.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что «демографическое окно» — это шанс, возможность получить экономическую выгоду. Полученная экономическая выгода в период данной демографической структуры рассматривается как «демографический дивиденд»². Получить демографический дивиденд можно за счет двух основных факторов: во-первых, роста численности и качества населения трудоспособных возрастов, во-вторых, при формировании условий на рынке труда для занятости. Этот дивиденд называется первым демографическим дивидендом. На примере разных регионов показано, что страны могут упустить свой шанс, т. к. вероятность получения демографического дивиденда появляется в течение ограниченного

² Demographic dividend. United Nations Population Fund. URL: <https://www.unfpa.org/demographic-dividend#readmore-expand> (дата обращения 16.01.2022).

периода времени. По данным UNFPA, в конце двадцатого века в Азии был получен значительный демографический дивиденд³. Валовой внутренний продукт в Азии увеличился в семь раз, возник экономический бум, описанный как «азиатское экономическое чудо», который во многом был обусловлен реализацией демографического потенциала из-за снижения демографической нагрузки. В Латинской Америке в это время рост оказался только двукратным, что связано с неравным доступом к инвестициям в образование и здравоохранение, включая репродуктивное здоровье и права женщин и девочек (Барсуков, 2019).

Ранее считалось, что возможность получить демографический дивиденд закрывается по мере старения работающего поколения. Демографический дивиденд зачастую связывают с простой моделью жизненного цикла, в рамках которой люди в трудоспособном возрасте производят больше, чем потребляют, а разница делится между иждивенцами — детьми и пенсионерами. Исследователи показали, что возможна более сложная и, вероятно, более близкая к жизни модель, в рамках которой силы, приводящие к превращению демографического дивиденда в его противоположность, способны вызвать к жизни другой (второй) демографический дивиденд⁴ (Bloom et al., 2003; Bloom et al., 2006).

При таком подходе возникновение второго демографического дивиденда связано с влиянием динамики демографической структуры на накопление капитала. Например, в ответ на рост продолжительности жизни люди среднего возраста могут фундаментально изменить свое финансовое поведение, откладывая больше ресурсов на пенсионный период и наращивая свои материальные ресурсы и капитал, возмещая тем самым снижение общего коэффициента накопления, вызванного увеличением доли пожилых, обладающих низким уровнем накопления (Bloom et al., 2006). Р. Ли и Э. Мэйсон отмечали различия между первым и вторым демографическими дивидендами. По их мнению,

первый дивиденд приносит временную выгоду, а второй преобразует эту выгоду в большой объем активов и устойчивое развитие. Всё это не появляется автоматически, а обусловлено реализацией эффективной политики. Период дивидендов — это больше возможность, чем гарантия повышения жизненного уровня (Ли, Мэйсон, 2006). Следует согласиться с выводом авторов: от того, как общество поддерживает пожилых граждан, зависит степень реализации второго демографического дивиденда.

Существенным элементом в формировании как первого, так и второго демографического дивиденда является способность государства строить социальную политику с учетом демографических перемен, создавая возможности для дальнейшего социально-экономического развития с учетом справедливого перераспределения общественных благ (Барсуков, 2019).

Как было отмечено ранее, важнейшее среди условий, необходимых для использования преимуществ демографического дивиденда, — способность экономики создавать рабочие места как для все возрастающего числа населения в трудоспособном возрасте, так и для стареющего населения, что зависит от качества государственных институтов, макроэкономической политики, политики в области образования. При отсутствии правильной макроэкономической политики государства, направленной на реализацию демографического дивиденда, увеличение численности населения в трудоспособном возрасте может привести к росту безработицы, политической нестабильности, преступности и снижению социального капитала (Kazbekova, 2018).

Сегодня в мире проживает беспрецедентно много (1,8 млрд) молодых людей. В экономико-демографических исследованиях появился термин «молодежная выпуклость» или «молодежный пузырь» (Youth bulge), касающийся значительного увеличения численности населения в возрасте 15–29 лет. Одним из основных показателей успеха страны в сфере обращения «молодежной выпуклости» в демографический дивиденд является уровень молодежной занятости. К сожалению, во многих странах мира темпы увеличения безработицы среди молодежи примерно в два раза значительнее, чем среди всей рабочей силы в целом (Macunovich, 2012).

³ Там же.

⁴ Васин С. Демографическое старение и демографический дивиденд. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0317/tema01.php> (дата обращения 16.01.2022).

Именно поэтому фокус деятельности ЮНФПА в интересах молодых людей в странах Восточной Европы и Центральной Азии направлен на решение таких задач, как «продвижение прав молодых людей; профилактика инфекций, передающихся половым путем; привлечение молодых людей в процессы принятия решений; поддержка комплексного соответствующего возрасту сексуального образования; борьба с практиками, влекущими вред, такими как ранние браки и гендерное насилие...»⁵

Второй механизм для получения дивиденда — увеличение сбережений. По мере уменьшения иждивенческой нагрузки люди могут больше сберегать. Это увеличение нормы национальных сбережений повышает запас капитала и ведет к росту производительности по мере инвестирования накопленного капитала. По мнению исследователей, наибольший уровень сбережений наблюдается среди населения в возрасте от 40 до 65 лет, что связано с двумя факторами: у людей в этом возрасте, как правило, отсутствует необходимость совершения инвестиций в своих детей; люди начинают больше сберегать перед выходом на пенсию, чтобы сохранить равномерный уровень потребления на протяжении следующих десятилетий жизни (Bloom et al., 2003; Kazbekova, 2018).

Третий механизм — формирование человеческого капитала. Требуются вложения в человеческий капитал, здоровье, образование, профессиональные навыки. Снижение рождаемости приводит к более здоровому состоянию женщин и уменьшению их экономической нагрузки дома, росту участия женщин в экономике. Это также позволяет родителям вкладывать больше ресурсов в воспитание и образование ребенка, что приводит к лучшим результатам в отношении здоровья и образования.

Четвертый механизм роста — увеличение внутреннего спроса, вызванное ростом ВВП на душу населения и снижением коэффициента зависимости. Важным условием увеличения внутреннего спроса выступает повышение уровня жизни населения, политика борьбы с бедностью.

При формировании демографического дивиденда существенным является не только

численность возрастных групп, участвующих в рабочей силе, но и их качественные характеристики. Качество населения имеет особое значение при формировании второго демографического дивиденда (Римашевская, 2003). Использование дефиниции ресурсного потенциала старшего поколения может служить инструментом для выявления значимых характеристик старших возрастных групп. Ресурсный потенциал старшего поколения — комплекс социально и личностно значимых характеристик пожилых и старых людей. Методологически понятие ресурсного потенциала позволяет выделить «третий» и «четвертый» возрасты, учитывая уровень сохранности человеческого потенциала старших возрастных когорт. Основными структурными элементами ресурсного потенциала выступают здоровье, образовательно-квалификационный, мотивационный, социальный, материальный, институциональный (Доброхлеб, 2014).

Ситуация в сфере возрастной структуры, состояния и перспектив формирования демографических дивидендов характеризуется значительным разнообразием.

Демографический дивиденд в странах бывшего СССР

Страны бывшего СССР значительно отличаются по возрастной структуре населения и интенсивности демографических процессов. В рамках демографического перехода обычно выделяют 4 этапа или фазы, определяемых соотношением динамики процессов рождаемости и смертности⁶:

1 этап — высокая рождаемость и высокая смертность;

2 этап — сохранение высоких показателей рождаемости и снижение смертности, обусловленное улучшением медицины, санитарии и гигиены, качества жизни, распространением городского образа жизни;

3 этап — низкий уровень смертности и снижение рождаемости; происходит изменение моделей рождаемости, распространяется малодетный тип семьи;

4 этап — показатели рождаемости и смертности выравниваются, происходит дальнейшее сокращение естественного прироста.

⁵ UNFPA Annual Report, 2014. UNFPA — United Nations Population Fund. URL: <https://www.unfpa.org/fr/annual-report-2014> (дата обращения 17.01.2022).

⁶ Notestein F.W. (1945). Population: the long view // Food for the world / Ed. Th. W. Schults. Chi.

В контексте рассмотренных этапов демографического перехода исследователи выделяют несколько групп стран постсоветского пространства:

❖ III этап демографического перехода: Республика Таджикистан, Киргизская Республика, Туркменистан, Республика Узбекистан;

❖ IV этап – Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Грузия;

❖ завершение демографического перехода – Российская Федерация, Республика Беларусь, Украина, Республика Молдова (Безвербный, Бардакова, 2021).

Такая дифференциация отражается на формировании демографического дивиденда.

Некоторые демографические показатели позволяют оценить ситуацию с демографическим дивидендом в странах постсоветского пространства. Наиболее распространённым является коэффициент демографической поддержки – численность населения трудоспособного возраста (15–64 или 25–64 года) на одного пожилого человека (в возрасте 65 лет и старше). По мере старения населения коэффициент демографической поддержки снижается. Это означает, что потенциальных работников для поддержки пожилых людей становится все меньше. Для анализа изменений в возрастной структуре населения обращаются к коэффициентам нагрузки (иждивенцев), как общим, так и рассчитанным отдельно по отношению к группам лиц нетрудоспособных возрастов до 15 лет или старше 65 лет.

По расчетам авторов, разрыв в величине коэффициента нагрузки в совокупности стран бывшего СССР составляет от 1,4% для Украины (превышение нагрузки пожилыми людьми над нагрузкой молодежью) до 57,3% (превышение коэффициента нагрузки молодежью над нагрузкой пожилыми людьми) для Таджикистана. Значительная величина коэффициента нагрузки наблюдается в странах, где значительна численность молодого населения (Таджикистан, Киргизия, Казахстан, Туркменистан), и в странах со значительным уровнем старения (Латвия, Литва, Эстония). Различается структура коэффициента нагрузки: в первом случае речь идет о перспективе роста абсолютной и относительной численности рабочей силы, во втором – росте нагрузки пожилыми людьми, увеличении продолжительности жизни в целом

и трудовой жизни в частности (при создании благоприятных условий).

Государства Прибалтики, а также Россия, Беларусь, Украина, Армения, Грузия в значительной степени исчерпали возможности получения первого демографического дивиденда. С 1997 по 2011 год демографический дивиденд за счет увеличения населения трудоспособного возраста обеспечивал Российской Федерации около трети роста ВВП на душу населения из среднегодовых 4,9%⁷. Демографическое старение населения Грузинской ССР было отмечено еще в 1959 году. Население в возрастной группе 25–34 года за период между двумя последними переписями (2002–2014 гг.) в Грузии сократилось на 31% – более чем в два раза по сравнению с остальными группами населения. Игрет роль и естественная, и миграционная убыль населения (Сулаберидзе, Арчвадзе, 2018). Снижение коэффициента демографической поддержки здесь началось не позднее 1990-х гг. (а в ряде государств и ранее, например, в Украине, России с 1970-х годов). Это происходило за счет постепенного снижения численности лиц трудоспособных возрастов на фоне развития процесса старения населения. Однако сложившаяся благоприятная ситуация – значительная доля населения трудоспособного возраста – длилась довольно долго, с 1970-х до 2020-х гг. Причем в последние годы доля населения трудоспособных возрастов, в том числе наиболее высокопроизводительных (25–64 года), была наиболее значительной. Для этого же периода характерно снижение коэффициентов нагрузки за счет снижения нагрузки молодежью (в возрастах и до 15, и до 25 лет). После 2020 года в большинстве перечисленных государств наблюдается рост нагрузки пожилыми людьми (табл. 3), коэффициент нагрузки пожилыми людьми (65 лет и старше) уже сейчас составляет весьма значительную величину, от 17,2% в Молдавии до 32,9% в Латвии. К 2050 году доля лиц старше 65 лет в общей численности населения государств будет составлять от 1/5 до 1/3. В среднесрочной перспективе (около 2030 года) в них будет увеличиваться доля населения в возрасте до 15 лет – затухающая демографическая

⁷ Всемирный Банк. (2015). В поисках нового «серебряного века» в России: факторы и последствия старения населения: обзорный доклад. 49 с.

Таблица 3. Коэффициенты нагрузки и демографической поддержки (оценка на 2020 г., страны в таблице расположены в порядке убывания коэффициента демографической поддержки)

Страна	Коэффициент нагрузки, %	Коэффициент нагрузки молодежью, %	Коэффициент нагрузки пожилыми людьми, %	Коэффициент демографической поддержки
Таджикистан	67,9	62,6	5,3	18,7
Туркменистан	53,6	47,8	5,8	17,1
Узбекистан	50,6	43,4	7,2	13,9
Киргизия	59,7	52,1	7,5	13,2
Азербайджан	43,4	33,7	9,7	10,3
Казахстан	58,8	46,3	12,6	8,0
Армения	48,4	30,9	17,5	5,7
Молдавия	39,6	22,2	17,4	5,7
Беларусь	48,9	25,7	23,2	4,3
Россия	51,2	27,8	23,5	4,3
Грузия	55,0	31,3	23,6	4,2
Украина	49,1	23,8	25,3	4,0
Литва	50,2	21,5	28,7	3,5
Эстония	58,4	26,1	32,3	3,1
Латвия	59,0	26,1	32,9	3,0

Составлено по: Department of Economic and Social Affairs Population Dynamics UN. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (дата обращения 15.01.2022).

волна, следствие некоторого роста рождаемости, в частности в период начала 80-х гг. XX века (под воздействием мер демографической политики). Но в целом у данной группы стран увеличение коэффициента нагрузки будет происходить за счет роста доли пожилых лиц, что актуализирует формирование инструментов и механизмов для получения второго демографического дивиденда. Особенно значимо эта проблема стоит для прибалтийских государств, где коэффициенты нагрузки пожилыми людьми уже сейчас превосходят коэффициенты нагрузки молодежью. Для рассмотренной группы стран в настоящее время характерны наиболее низкие значения коэффициента демографической поддержки (не более 5,7).

Тесно примыкает к рассмотренной выше довольно представительной группе стран Молдавия, где увеличение численности населения в возрасте 25–64 лет продлится до 2030 года. Первое демографическое окно пока открыто и для Азербайджана.

Европейские страны бывшего СССР характеризуются более высоким уровнем старения населения. Россия, Молдавия, Беларусь, Украина, Литва, Латвия и Эстония практически исчерпали возможности первого демографического дивиденда.

Казахстан и Киргизия обладают довольно молодой возрастной структурой, на которой сказывается уровень рождаемости. «Окно возможностей» для получения демографического дивиденда Киргизской Республики открылось в 1980-х гг. благодаря некоторому снижению показателей рождаемости, смертности и суммарного коэффициента рождаемости (Джолдошева, 2018). В будущем это приведет к формированию значительной доли населения трудоспособного возраста и после 2030 года, снижению нагрузки молодыми людьми. Однако и доля лиц пожилых возрастов увеличится к 2050 году лишь до 10,1% в Киргизии и 14,2% в Казахстане.

В Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане пока очень молодое население, доля пожилых весьма незначительна, коэффициент нагрузки в основном формируется за счет молодого населения нетрудоспособных возрастов. В Таджикистане коэффициент нагрузки молодыми людьми начал снижаться лишь в 2005 году наряду с увеличением доли населения в возрасте 25–64 лет. Эти процессы продолжатся и в 2050 году. В Туркменистане и Узбекистане демографическое окно стало открываться на десятилетие раньше. Странам стоит обратить внимание на опыт государств, сумевших вос-

пользоваться первым демографическим дивидендом, создав условия для формирования человеческого капитала, участия в рабочей силе и повышения производительности труда молодых людей.

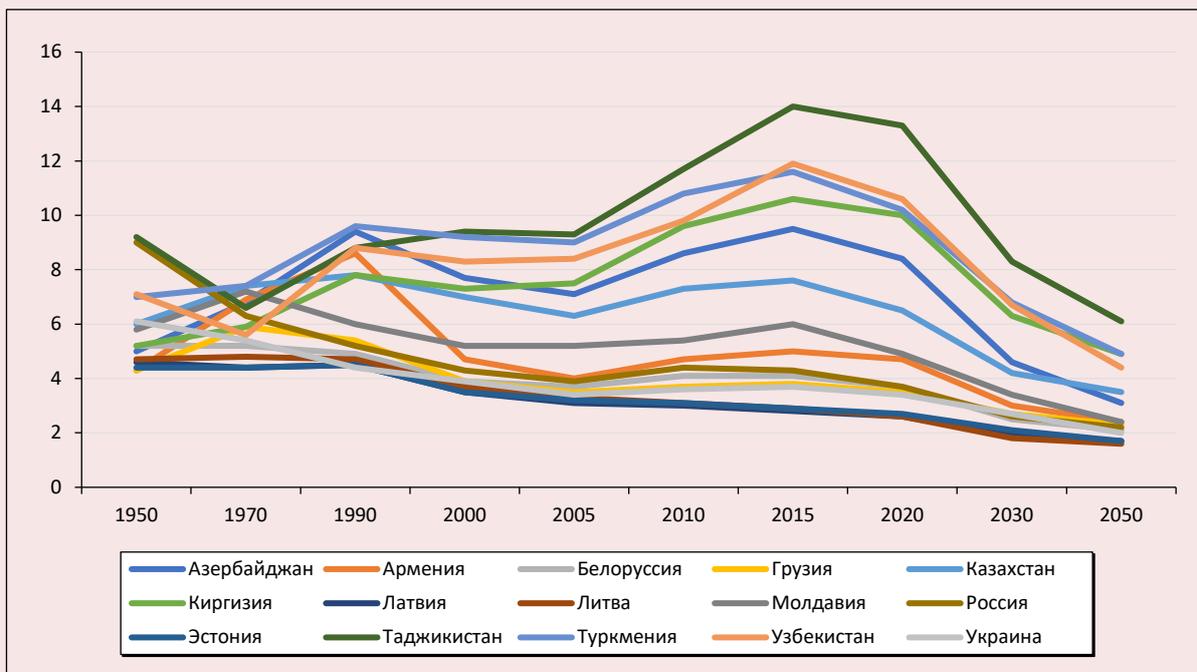
Величина коэффициента демографической нагрузки в государствах постсоветского пространства сближается после значительного подъема показателя в 2005–2020 гг. в Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане, Киргизии, Азербайджане, что обусловлено значительным, но достаточно кратковременным превышением численности населения трудоспособных возрастов над численностью нетрудоспособных. По прогнозам ООН, после подъема коэффициента демографической поддержки наступает его долговременное падение (рис. 2). Значительное снижение показателя в большинстве стран к 2030 году свидетельствует о «закрытии первого демографического окна».

Выводы

Для стран постсоветского пространства характерна значительная дифференциация в сфере формирования и использования демографи-

ческих дивидендов, что обусловлено спецификой демографической ситуации, культурологическими, социальными и экономическими детерминантами. Анализ данных о доле населения в возрасте 25–64 лет в численности населения стран позволяет сделать вывод о том, что в настоящий момент достигнут пик доли населения трудоспособных возрастов в численности всего населения для России, Молдовы, Беларуси, Украины, Армении, Азербайджана, Литвы, Латвии, Эстонии. В перспективе, после 2030 года, предстоит сокращение абсолютной и относительной его численности. В странах, где в ближайшее время будет доминировать население трудоспособного возраста (Киргизия, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан), необходимо внедрять институты, мотивирующие людей делать накопления и инвестировать в развитие человеческого потенциала, способствовать использованию демографического дивиденда в экономике. Узбекистан находится на стадии раннего демографического дивиденда, это предоставляет ему уникальную возможность для достижения значительного и продол-

Рис. 2. Динамика коэффициента демографической поддержки в республиках СССР и странах бывшего СССР в 1950–2050 гг. (соотношение численности населения в возрасте 25–64 лет и 65 лет и старше)

Составлено по: (Сулаберидзе, Арчвадзе, 2018; Джолдошева, 2018; Безвербный, Бардакова, 2021; Fang, 2020).

жительного экономического роста, способного повлиять на благосостояние населения, при условии, что будут сделаны необходимые инвестиции в человеческий капитал, произойдет формирование гибкой экономической модели, внедрение инновационных технологий и расширение возможностей участия молодежи и женщин в социально-экономическом развитии страны. Судя по прогнозам возрастной структуры населения Узбекистана, сделанной ООН, пик численности трудоспособного населения наступит в нем примерно к 2048 году. Важно использовать этот период.

Основной вызов стран бывшего СССР обусловлен необходимостью социально-экономического развития в условиях старения населения. Задача состоит в использовании положительных факторов стареющих обществ (Fang, 2020). Именно с этим направлением связаны возможности решения проблем демографической безопасности. Учет особенностей возрастной структуры населения позволит эффективнее решать возникающие экономические проблемы. Однако это предполагает формирование политики, направленной на сохранение, поддержку и развитие ресурсного потенциала старшего поколения. Безотлагательность проведения соответствующей политики усугубляется тем фактом, что за «демографическим дивидендом» следует время, когда коэффициент нагрузки снова начинает увеличиваться.

В связи с этим актуальным является мнение Ф. Ноутстейна: «Проблема старения – вовсе не проблема, а лишь пессимистический взгляд на величайший триумф человечества» (Notestein, 1954). Но, чтобы этот триумф стал реальностью, необходимы решительные меры, направленные на улучшение условий жизни старших возрастных когорт в странах бывшего постсоветского пространства. Без реальных инвестиций в развитие потенциала стареющего населения не обойтись.

Расширение возможностей старших возрастных когорт связано, с одной стороны, с сохранением их ресурсного потенциала (здоровья, квалификации, мотивации на участие на рынке труда и в иной общественно полезной деятельности), с другой, с реформированием структуры рабочих мест, в том числе для высококвалифицированных специалистов старших

возрастов. Кроме того, второй демографический дивиденд реализуется в случае, если демографические изменения ведут к увеличению производительности работников. Это важно учитывать при формировании образовательной политики и политики на рынке труда.

Демография не определяет судьбу экономического роста, но она, безусловно, является ключевым фактором, определяющим потенциал роста экономики. Старение населения в сочетании со снижением рождаемости указывает на весьма вероятное снижение будущего экономического роста.

Повышение производительности может уменьшить влияние демографических сдвигов, а технологические достижения являются идеальным источником повышения производительности. Однако важно обратить внимание на следующее: технологический прогресс повышает производительность, но в то же время может полностью ликвидировать рабочие места, увеличивая безработицу.

Именно работники, обладающие компьютерными и технологическими навыками, будут преуспевать в экономике будущего. По мере того как возрастной состав рабочей силы будет меняться в будущем, будет меняться и структура рабочих мест, которые востребованы экономикой. Это важно учитывать странам, которые в настоящее время или в ближайшем будущем могут воспользоваться преимуществами первого демографического дивиденда. Отсутствие высокопроизводительных рабочих мест приведет к миграционному оттоку населения трудоспособного возраста, что также отрицательным образом скажется на социально-экономической и демографической ситуации в будущем.

Производительность труда в более старшем возрасте зависит от состояния здравоохранения и политики в отношении нетрудоспособности, налоговых стимулов и препятствий, в особенности от структуры пенсионных программ и мер в области пенсионного обеспечения. Странам, которые находятся на пороге возможного первого демографического дивиденда (Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан), или тем странам, где окно демографических возможностей пока не закрылось (Киргизия, Азербайджан, Армения), необходимо обратить внимание на создание условий для его реализации,

уделяя внимание образованию и структуре занятости молодежи. Стоит использовать опыт государств Восточной Азии, которые придают большое значение расходам на образование детей. Плохое образование в период сокращения рождаемости приведет к тому, что доходы населения начнут сокращаться, поскольку в обществе будет работать меньше людей и их труд станет малоэффективным.

Для стареющих обществ актуальной проблемой выступает формирование механизмов, обеспечивающих инвестиционную активность лиц старших трудоспособных возрастов и старшего поколения в целом. Кроме того, социальная политика в интересах лиц старших возрастов требует серьезных финансовых, кадровых, организационных затрат. Ряд стран, в частности Соединенные Штаты Америки, отводят значительную долю ресурсов на здравоохранение для пожилых.

В странах мира реализуется стратегия в интересах пожилых людей – Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года, принятый второй Всемирной ассамблеей по проблемам старения. Он включает действия по созданию условий для участия пожилых людей в развитии, обеспечению здравоохранения и благосостояния в пожилом возрасте, созданию благоприятных условий для жизни.

Степень реализуемости второго дивиденда зависит от того, каким образом общество поддерживает своих граждан в старости. В развивающихся странах пожилые поддерживаются их семьями и государственным сектором, но, помимо этого, зависят от средств, накопленных ими за годы работы, к числу которых относят-

ся жилье, пенсионные резервы и личные сбережения. По мере старения населения бремя поддержки, возложенное на семьи и государство, возрастает по отношению к ВВП, что вызывает серьезную озабоченность во многих странах. Однако благодаря второму дивиденду большее число работающих среднего возраста может существенно увеличить объем капитала по отношению к ВВП, если проводимая политика стимулирует формирование работающими сбережений на период после выхода на пенсию, в стране функционируют соответствующие институты.

В той мере, в которой страны в состоянии решать проблемы, связанные со старением населения, путем расширения программ трансфертов – семейных, не обеспеченных резервами, или государственных, – рост активов сокращается, а второй дивиденд уменьшается. Напротив, если работники имеют стимулы к сбережению и созданию пенсионных фондов, старение населения может приводить к увеличению объема капитала в расчете на одного работника и доходов на душу населения. Таким образом, при разработке социально-экономической политики необходимо заострить внимание на создании надежных финансовых систем, вызывающих доверие и доступных миллионам людей, которые хотят обеспечить свое финансовое будущее. Это необходимо делать уже сейчас, с тем чтобы по мере старения населения можно было реализовать его потенциал, способствующий экономическому росту. Создание условий по наращиванию второго демографического дивиденда может способствовать как более эффективному социально-экономическому развитию стран, так и их безопасности.

Литература

- Барсуков В.Н. (2019). От демографического дивиденда к старению населения: мировые тенденции системного перехода // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 4. С. 167–182. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.11
- Безвербный В.А., Бардакова Л.И. (2021). Демографический переход в странах СНГ: тенденции и предварительные итоги // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 1. № 3. С. 11–22. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.2
- Джолдошева Д.С. (2018). Миграционные процессы и демографический дивиденд Киргизской Республики // Инновации и инвестиции. № 10. С. 87–91.
- Доброхлеб В.Г. (2014). Старение населения. Ресурсный потенциал старшего поколения // Старшее поколение и будущее / под науч. ред. чл.-корр. РАН Н.М. Римашевской. М.: Экономическое образование. С. 23.

- Ли Р., Мэйсон Э. (2006). Что такое демографический дивиденд? // *Финансы и развитие*. URL: https://ntaccounts.org/doc/repository/LM2006_Russian.pdf
- Римашевская Н.М. (2003). *Человек и реформы: секреты выживания*. М.: РИЦ ИСЭПН РАН. 392 с.
- Сидоренко А.В., Михайлова О.Н. (2013). Осуществление Мадридского международного действия по проблемам старения в странах СНГ: первые 10 лет // *Успехи геронтологии*. Т. 26. № 4. С. 585–593.
- Сулаберидзе А.В., Арчвадзе И.С. (2018). Особенности демографического старения в Грузии // *Демографическое развитие постсоветского пространства: сб. статей и аналитических мат-лов / под ред. М.Б. Денисенко, Р.В. Дмитриева, В.В. Елизарова*. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. С. 259–261.
- Abio G., Patxot C., Sánchez-Romero M., Souto G. The welfare state and demographic dividends. *Demographic Research*, 36(48), 1453–1490. DOI: 10.4054/DemRes.2017.36.48
- Alper F., Alrep A., Ucan O. (2016). The economic impacts of aging societies. *International Journal of Economics and Financial Issues*, 3, 1225–1235.
- Baerlocher D., Parente S.L., Rios-Neto E. (2019). Economic effects of demographic dividend in Brazilian regions. *The Journal of the Economics of Ageing*. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jjeoa>
- Bairoliya N., Miller R. (2001). Demographic transition, human capital and economic growth in China. *Journal of Economic Dynamics & Control*, 127, 104–117.
- Bloom D.E., Canning D. (2001). *Cumulative Causality, Economic Growth and the Demographic Transition*. Oxford.
- Bloom D.E., Canning D. (2004). Global demographic change: Dimensions and economic significance. *National Bureau of Economic Research*, 10817. Available at: <https://www.kansascityfed.org/publicat/sympos/2004/pdf/BloomCanning2004.pdf>
- Bloom D.E., Canning D., Evans D.K., Graham B.S., Lynch P., Murphy E.E. (1999). Population change and human development in Latin America. *Background paper for IPES 2000*. Harvard Institute for International Development.
- Bloom D.E., Canning D., Mansfield R., Moore M. (2006). *Demographic Change, Social Security Systems, and Savings*. National Bureau of Economic Research.
- Bloom D., Canning D., Sevilla J. (2003). The demographic dividend: A new perspective on the economic consequences of population change. *The Rand Corporation*. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/2007/MR1274.pdf
- Cardona C., Rusatira J.C., Cheng X., Silberg C., Salas I., Li Q., Bishai D., Jose G. Rimon J.G. (2020). Generating and capitalizing on the demographic dividend potential in sub-Saharan Africa: a conceptual framework from a systematic literature review. *Gates Open Research*, 4:145.
- Chand M. (2017). Aging in South Asia: Challenges and opportunities. *South Asian Journal of Business Studies*. DOI: 10.1108/SAJBS-09-2017-0103
- Cruz M., Ahmed S.A. (2018). On the impact of demographic change on economic growth and poverty. *World Development*, 105, 95–106. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2017.12.018>
- Fang C. (2020). The second demographic dividend as a driver of China's growth. *China & World Economy*, 28(5), 26–44.
- Gribble J. (2012). South Korea's demographic dividend. *Population Reference Bureau*, 6.
- Kashif M.K., Shahid F.S.U. (2019). Role of demographic factors in economic growth of South Asian countries. *Journal of Economic Studies*. DOI: 10.1108/JES-08-2019-0373
- Kazbekova Z. (2018). Impact of the demographic dividend on economic growth. *Population and Economics*, 2(4), 85–135. Available at: <https://doi.org/10.3897/popecon.2.e36061> has been added to the reference list.
- Macunovich D.J. (2012). The role of demographics in precipitating economic downturns. *Journal of Population Economics*, 25(3), 783–807. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s00148-010-0329-5>
- Misra R. (2017). Impact of demographic dividend on economic growth: A study of BRICS and the EU. *International Studies*, 52(1–4), 99–117. DOI: 10.1177/0020881717714685
- Mirzakarimova M.M., Khajiyev B. (2020). Opportunities of getting demographic dividends in Uzbekistan. *International Journal of Advanced Science and Technology*, 29(8), 223–235.
- Notestein F. (1954). Some demographic aspects of aging. *Proceedings of the American Philosophical Society*, 98, 1, 38–45.

Wang F., Mason A. (2005). Demographic dividend and prospects for economic development in China. *UN Expert Group Meeting on Social and Economic Implications of Changing Population Age Structures*, Mexico City.

Ziesemer T., Gässler A. (2021). Ageing, human capital and demographic dividends with endogenous growth, labor supply and foreign capital. *Portuguese Economic Journal*, 20, 129–160. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10258-020-00176-2>

Сведения об авторах

Валентина Григорьевна Доброхлеб – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения, ФНИСЦ РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32); Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: vdobrokhleb@mail.ru)

Оксана Викторовна Кучмаева – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: kuchmaeva@yandex.ru)

Алексей Дмитриевич Брагин – младший научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: alexbragin562@gmail.com)

Мехди Афзали – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: mehdi afzali1991@gmail.com)

Dobrokhleb V.G., Kuchmaeva O.V., Bragin A.D., Afzali M.

Demographic Dividends: Formation and Use in the CIS and the Baltic Countries

Abstract. The article investigates one of the most pressing problems of the modern world – demographic aging and its impact on demographic security in the CIS. Changes in the age structure are happening on a global scale, and show increasing dynamics. At the same time, demographic aging has significant regional differences. The purpose of the study is to identify general trends, regional differences in population aging in the post-Soviet countries, the formation and use of demographic dividends. When analyzing the second demographic dividend, we propose to apply the term “resource potential of the older generation” that largely determines the capabilities of the aging population. We use the following methods: logical analysis, synthesis, generalization, induction and deduction, a systems approach to the analysis of demographic phenomena, calculations of demographic coefficients used in assessing the age structure, its dynamics and the formation of demographic dividends. The information base of the study includes data of the current accounting of demographic events presented by the Statistical Committee of the CIS, materials of Eurostat, the UN, domestic and foreign scientific publications, as well as materials of own research on the topic of the article. The main results of the work confirm the conclusion that the post-Soviet countries have significant differences in the age structure of their population and the intensity of demographic aging. We determine that the acceleration of the aging process was a general trend in most of them. This brings to the fore the problems associated with the need to form and effectively use the second demographic dividend, which will promote economic welfare of the countries.

Key words: demographic aging, first demographic dividend, second demographic dividend, post-Soviet countries.

Information about the Authors

Valentina G. Dobrokhleb – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation); Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: vdobrokhleb@mail.ru)

Oksana V. Kuchmaeva – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: kuchmaeva@yandex.ru)

Aleksei D. Bragin – Junior Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: alexbragin562@gmail.com)

Mehdi Afzali – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: mehdiafzali1991@gmail.com)

Статья поступила 20.04.2022.

Агенты социальных изменений: критерии идентификации и построение индикаторной модели

**Ирина Николаевна
ВОРОБЬЕВА**

Череповецкий государственный университет
Череповец, Российская Федерация
e-mail: Vorobyova-i-n@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5970-051X; ResearcherID: AAX-4496-2021

**Альбина Анатольевна
МЕХОВА**

Череповецкий государственный университет
Череповец, Российская Федерация
e-mail: albina_mekhova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6377-3404; ResearcherID: AAX-5670-2021

Аннотация. Современное российское общество претерпевает серьезные изменения. Понятие социальных изменений имеет длинную историю теоретического осмысления, как правило, выделяются эволюционный и революционный подходы. Авторы рассматривают этот концепт в рамках новой постмодернистской или организационно-деятельностной парадигмы, где активную преобразующую роль играет «социальный агент». Проблема носит сложный междисциплинарный характер, непосредственно касается теории социальных изменений, социального и человеческого капитала, креативного класса. Авторы задаются вопросом, какие социальные группы российского общества поддерживают изменения, могут стать их агентами-проводниками, что их отличает от других людей, какова их доля в современной социальной структуре общества в целом, региона, города. В статье обосновывается актуальность выявления агентов социальных

Для цитирования: Воробьева И.Н., Мехова А.А. (2022). Агенты социальных изменений: критерии идентификации и построение индикаторной модели // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 189–208. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.12

For citation: Vorobeva I.N., Mekhova A.A. (2022). Agents of social change: Determining identification criteria and designing an indicator model. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 189–208. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.12

изменений как социальной базы преобразования и развития территории. На основании анализа зарубежного и отечественного исследовательского опыта авторы сформировали собственную концепцию понятия «агенты социальных изменений», определили критерии их идентификации, создали индикаторную модель эмпирического выявления доли агентов социальных изменений в социальной структуре городского сообщества. Теоретические суждения и выводы подкреплены эмпирическими данными социологического опроса населения города Череповца. Выбор города для апробации модели не случаен. Череповец имеет статус территории опережающего социально-экономического развития и остро нуждается в агентах социальных изменений. Согласно эмпирическому исследованию, в Череповце ядро агентов социальных изменений составляет 4,6%, а периферия ядра, обозначенная авторами как активисты, 17,4%. Сравнение эмпирических результатов нашего исследования и исследований ведущих российских авторов по теме социального участия показывает, что Череповец в среднем отражает общую по России в целом тенденцию. У населения достаточно ярко выражены установки к активности, тогда как поведенческие практики, связанные с разными формами социального участия, существенно отстают. Доказывается валидность разработанной модели для изучения заявленной проблемы, эмпирически подтверждено, что потенциал развития территории во многом определяется присутствием в социальной структуре агентов социальных изменений.

Ключевые слова: агенты социальных изменений, креативный класс, индикаторная модель, социальный капитал, социальное участие, социальные ресурсы.

Постановка проблемы

Социальные изменения – одно из самых широких и сложных социологических понятий. В самом широком смысле под социальным изменением понимается переход социального объекта из одного состояния в другое. Понятие имеет длительную историю теоретического осмысления: от классических теорий, рассматривающих социальные изменения как эволюционные, имеющие закономерный характер, до современных подходов, принципиально пересматривающих понимание движущих сил социальных изменений. Выделяют прогрессивные и регрессивные изменения, глобальные и локальные и т. п. В контексте поставленной проблемы интерес представляет постмодернистский подход (Э. Гидденс, П. Штомпка, М. Арчер, В.А. Ядов и др.). В соответствии с ним социальные изменения – это многофакторный процесс, на который влияют изменения внешней среды, экономики, культуры, политических институтов, но решающей представляется роль социального субъекта, который своей активностью приспособливает общественные структуры к интересам общественных групп. Территориальное развитие в таком ключе зависит от активистов, готовых поддержать изменение регионального пространства во всех его практиках, от включения в практики соучаствующего управления, городского благоустройства

до социальной поддержки нуждающихся слоёв населения. Но даже повседневные практики, связанные с собственным благополучием, в достаточно близком радиусе действия с трудом реализуются населением, а скорость и эффективность социальных изменений снижена из-за слабой поддержки. Следовательно, необходимо выявлять социальные группы, людей, обладающих определенными качествами и компетенциями, не просто способных в изменяющихся, подчас кризисных условиях увидеть новые возможности для себя, но и склонных к конструированию новой реальности, к социальному участию, которые могут стать социальной базой преобразований, их проводниками и агентами. Тем самым актуальной теоретической задачей представляется концептуализация понятия «агенты социальных изменений», формирование теоретической и эмпирической индикаторной модели анализа этой социальной группы.

Практически значимой задачей становится выявление доли агентов социальных изменений в социальной структуре общества в целом, региона и города. На наш взгляд, количество и качество слоя данной группы во многом определяют потенциал развития территорий. Эмпирическое измерение ее доли в социальной структуре требует формирования валидной социологической методики, т. е. определения

индикаторов идентификации агентов социальных изменений. Проблема в том, что единого подхода к нему в современной науке нет. Таким образом, основная цель исследования заключается в формировании авторской концепции понятия «агенты социальных изменений», разработке теоретической и практической индикаторной модели измерения, эмпирической апробации модели и интерпретации полученных результатов с учетом специфики конкретной территории.

Теоретические основы исследования

Проблема выявления и исследования агентов социальных изменений носит сложный междисциплинарный характер, лежит на стыке социологии, экономики, менеджмента, социальной психологии. Методологические ориентиры исследования обнаруживаются в классических и современных теориях социальных изменений, социального и человеческого капитала, креативного класса.

Под социальными изменениями понимается «переход социального объекта из одного состояния в другое, существенная модификация в социальной организации общества, его институтах и социальной структуре, изменение социальных образцов поведения, обновление и рост многообразия институциональных форм» (Кирдина, 2003). В статье социальные изменения тракуются в рамках организационно-деятельностной парадигмы, то есть рассматриваются не как естественно-исторический, но как социально-исторический процесс, в котором «социальный агент», или «актор», играет активную преобразующую роль.

С точки зрения теории социального поля, «социальная реальность предстает межличностной реальностью, в которой существует сеть связей, привязанностей, обменов, является тканью, соединяющей людей друг с другом» (Штомпка, 1996, с. 27). Агенты социальных изменений – субъекты, создающие в данном поле так называемые узлы, объединяющие остальных для организации общественно значимой деятельности. Данные социальные субъекты «мобилизуют собственные ресурсы и видоизменяют, выстраивают структуры так, чтобы „войти в интерфейс” с ними и активно действовать» (Штомпка, 1996, с. 6). Субъекты предстают в двух аспектах – коллективного действия и индивидуальных взаимодействий, образующих

сложные сети. Именно они создают сети норм, ценностей, предписаний, идеалов, формируют культуру взаимодействия, вырабатывают и преформируют каналы взаимодействия групповых связей. Социальные изменения – это деятельность социальных агентов, их практики, которые изменяют социальные структуры.

Для выделения качеств, установок этих субъектов мы использовали такие теоретические конструкты, как новаторы, креативный класс, агенты обновления. Одним из первых попытался выделить агентов обновления, или агентов «созидательного разрушения», Й. Шумпетер (Schumpeter, 1949). В его теории такими выступают предприниматели, которые обладают не только уникальной мотивацией трудовой деятельности, но и особыми личностными характеристиками: стремлением к нововведениям, ощущением собственной независимости, верой в собственные силы, умением рисковать. Именно эти черты и ценностные установки представляются наиболее важными характеристиками агентов социальных изменений. Не случайно в начале XXI века, в эпоху перехода к экономике знаний, многие исследователи вновь обращаются к Й. Шумпетеру, называя его пророком инноваций (Heertje, 2006; McCraw, 2007).

Известный теоретик менеджмента XX века П. Друкер, обосновывая возможность управления переменами и пытаясь понять, кто есть лидеры этого процесса, связывал перемены с инновациями, а лидеров в первую очередь видел в «knowledge workers», работниках умственного труда, работниках, обладающих знанием (Drucker, 1985). Он утверждал, что в условиях общества знаний именно инновация становится важнейшим источником прибыли, а «knowledge workers», интеллектуалы, легко овладевающие новыми знаниями, приобретают повышенную значимость. По мнению ученого, такой работник является лидером перемен как в бизнесе, так и в государственном управлении. Согласно его теории, перед менеджером общества знания стоят три важнейшие задачи: первая – способность к переменам вторая – готовность к постоянному переобучению в рабочем процессе и, наконец, третья – готовность исполнять функции руководителя, инициировать перемены и управлять ими (Друкер, 2002).

Весьма созвучна понятию «агенты социальных изменений» категория «креативный класс» (Florida, 2002; Florida, 2005). Р. Флорида считал креативным классом часть персонала организаций нового типа, людей, обладающих стремлением к постоянному обновлению, обмену знаниями, способных к творчеству, с ярко выраженной индивидуальностью, самовыражением и толерантностью. Позже понятие получило более широкое толкование – слой людей в обществе, отличительными чертами которого являются активность, толерантность, индивидуальность, самовыражение. В теории Р. Флориды индекс толерантности интегрирует два показателя: индекс ценностей и индекс самовыражения. Индекс ценностей – степень противостояния между традиционным и современным обществами, готовность сообщества к восприятию новых идей. Индекс самовыражения – качество жизни, демократичность общества, терпимость к мигрантам, национальным и сексуальным меньшинствам. Последнее в научном сообществе было воспринято неоднозначно, категория «креативный класс» получила некую негативную коннотацию, что сначала сузило ее использование. Однако сейчас понятия «креативность», «креативный класс», «креативное общество» стали весьма популярными. В контексте заявленной проблемы в этой теории, на наш взгляд, есть большой эвристический потенциал.

В 2015 году Институт Martin Prosperity (Martin Prosperity Institute) запустил исследование «Глобальный рейтинг креативности» (Global Creativity Index), в котором представил новую модель экономического развития, получившую название «3Т»: Талант, Технологии и Толерантность. Исследователи утверждают, что в экономике знаний, где потребление и производство базируются на интеллектуальном капитале, критерии 3Т и креативность в целом тесно связаны с экономическим и социальным развитием.

Тема креативного класса активно разрабатывается и в отечественной социальной науке. Наиболее интересными и близкими нашему видению представляются взгляды на проблему А.Н. Пилясова и О.Ю. Колесниковой (Пилясов, Колесникова, 2008). Они сформулировали перечень характеристик креативного класса, среди которых значатся принятие перемен

и лояльность к настоящему; умение работать на стыке разных профессий и областей знания; готовность менять место жительства, место работы ради профессионального роста и возможности заниматься тем, что соответствует интересам; высокая самооценка и развитая рефлексия по поводу востребованности на рынке труда.

О.И. Шкаратан в составе креативного слоя выделяет категорию информационных работников (Шкаратан, 2009). Подобно П. Друкеру с его «knowledge workers» он акцентирует внимание на исключительной роли знаний, образования. Важно подчеркнуть, что речь идет не о формальном образовании, а о таком, которое способствует постоянному наращиванию интеллектуального и культурного капитала и развитию креативных способностей. О.И. Шкаратан описывает креативных работников как сверхэффективных, чьи уникальные знания и умения соответствуют их уникальным доходам, а доходы, в свою очередь, позволяют формировать особый стиль жизни. Ученый выделил следующие характеристики креативного класса: труд, причастный к компьютерным технологиям, высокая доля автономности в работе, образование и возможность доступа к его более высоким уровням, постоянная готовность к смене вида деятельности, адаптация к все более новым и новым условиям, умение находить оригинальные решения, собственные потребности в повышении квалификации, профессиональная компетентность и возможность «перепрограммировать» себя в соответствии с новыми задачами производства, обладание дефицитными ресурсами из-за невозможности быть замененными, к примеру, машинами (Шкаратан, 2008).

Ю.Г. Волков (Волков, 2014; Волков, 2020) отмечает, что российский креативный класс не идентифицируется по уровню доходов, то есть доходы могут быть как высокими, так и ниже среднего, его отличает самомотивация, умение работать на стыке разных областей знания (Волков, 2010). Ученый говорит о важности взаимодействия государственных структур и креативного класса: государство расширяет возможности социального развития путем включения социальной энергии креативного класса. Именно на креативный класс возлагаются надежды по формированию новой российской идеоло-

гии, которая поможет успешно преодолевать кризисные периоды и выстраивать успешно функционирующую социально-экономическую систему (Волков, 2013).

О.К. Трубицын также утверждает, что именно сетевые структуры креативного класса берут на себя основную роль в обеспечении инновационного национального развития, вытесняя значимость в данном процессе государственных структур (Трубицын, 2019). В отличие от Р. Флориды, доказывающего, что креативный класс аккумулируется в мегаполисах и, как правило, образуется среди техноструктуры, продвинутых программистов или представителей креативных индустрий, он говорит, что сама по себе занятость работников в определенной сфере еще не означает принадлежность к креативному классу. По его мнению, новый класс концентрируется преимущественно в небольшом числе городов с хорошими жизненными условиями, причем далеко не всегда наиболее крупных.

А.Ю. Масленникова и С.П. Лапаев делают акцент на региональных аспектах формирования креативного класса. Авторы считают очень важным для социально-экономического развития территории удержание, закрепление креативных людей в регионах, малых и средних городах. Для этого требуется лояльность государства и общества к стилю и образу жизни таких людей, формирование условий, обеспечивающих новаторство и изобретения, т. е. нужна целенаправленная государственная и региональная политика формирования и воспроизводства креативного класса (Масленникова, Лапаев, 2012).

Проблема социальной поддержки социально-экономических трансформаций современного общества активно разрабатывается в рамках теории социального капитала, фундаментальной основой которой являются труды П. Бурдьё (Bourdieu, 2001; Бурдьё, 2002), Р. Патнема (Putnam, 1995), Дж. Коулмана (Coleman, 1988; Коулман, 2001). В отечественной науке истоки теории социального капитала можно увидеть в деятельностно-активистском подходе В.А. Ядова. По его мнению, решающим «движителем» социальных изменений выступают социальные субъекты, коллективные движения, гражданские общества и простые граждане. Автор подчеркивает, что в данном подходе

на первый план выходит понятие «социальный ресурс» или «социальный капитал». Важное место в ресурсном подходе В.А. Ядова занимает блок индивидуально-личностных ресурсов, среди которых значатся высокая личная самооценка, интернальность (мы предпочитаем употреблять категорию локус ответственности), готовность к риску, способность к адаптации (Ядов, 2001).

Применение ресурсного подхода для изучения возможностей конкретной территории получило продолжение в работах Ю.А. Дроздовой. По ее мнению, развитие региона зависит от включенности горожан и сельских жителей как основных территориальных общностей в процессы модернизации и социального развития территории, а будущее региона определяется его социальными ресурсами (Дроздова, 2019).

Важными характеристиками социального капитала региона, с нашей точки зрения, являются способность адаптироваться к изменениям окружающей среды, готовность объединяться для совместных действий, чувство ответственности за состояние дел в месте проживания (Гужавина, Воробьева, 2017; Гужавина и др., 2018; Guzgavina, Mekhova, 2018). На наш взгляд, эти характеристики гармонично дополняют важные индикаторы выявления класса агентов социальных изменений. Высокий уровень внутреннего локуса ответственности за происходящее вокруг формирует склонность к совместной деятельности для преобразования окружающей среды.

Уровень социальной активности, являющийся индикатором поведенческих практик агентов социальных изменений, можно исследовать через категорию социального участия. Впервые понятия гражданское, общественное и социальное участие стали встречаться в американских социологических исследованиях в таких областях, как теории гражданского общества, урбанистика, в прикладных исследованиях и практиках работы с населением в местных сообществах (Fagence, 1977; Verba et al., 1978). В современной западной литературе проблематика участия стала частью предметного поля исследований, осуществляемых в рамках изучения социальных сетей, социальной идентичности, проблем местных сообществ, партнерства, гражданского общества (Newton, Giebler, 2008; Bartal et al., 2019; Chanda, Mishra, 2019; Bekalu et al., 2020).

В отечественной науке нет методологического единства по поводу трактовки участия. Зачастую термины социальное, гражданское, общественное участие употребляются как синонимы. Некоторые исследователи интерпретируют социальное участие как родовую категорию для политического, гражданского и общественного участия. Другие выделяют две формы участия – собственно социальное и политическое. Проблему «терминологической путаницы» отмечают И.А. Скалабан и Л.И. Никовская (Скалабан, 2011; Никовская, Скалабан, 2017). Не углубляясь в методологические дискуссии, скажем, что большинство ученых в попытке дифференцировать формы и виды социального участия обращают внимание на вертикальное (взаимодействие с властью) и горизонтальное (совместная деятельность самих граждан) измерение участия; формальное (членство в общественных организациях) и неформальное участие; коллективное и индивидуальное участие; главным маркером социального участия, его основным критерием считают значимый общественный результат.

Территориальные аспекты исследования практик социального участия представлены в работах А.А. Мерзлякова и В.С. Богданова (Мерзляков, 2014; Богданов, Мерзляков, 2018). Авторы говорят, что потенциал социального участия зависит от социокультурного поля региона, в которое входят ценности, обычаи, традиции, и убедительно показывают, что в регионах с разным уровнем социокультурного развития формировались разные условия для социального участия.

Методологические ориентиры исследования агентов социальных изменений мы находим и в новых подходах к стратификации общества. Один из подходов связан с теориями стилей жизни, стилей потребления. В контексте заявленной нами темы интересным представляется практическое применение этих подходов. Одна из известных социографических методик выявления стилей потребления принадлежит Е.С. Петренко (Петренко, 2011). На социо- и психографии строится типологизация стилей потребления Фонда «Общественное мнение» (Галицкая и др., 2012). Мы также считаем необходимым выявить некоторые знаковые харак-

теристики стиля жизни и потребления агентов социальных изменений, определить их эмпирические маркеры.

Инновационные практики в сфере потребления, труда, досуга и, конечно, в сфере социального участия сегодня невозможны без особых компетенций, в частности цифровых. На это обращает внимание целый ряд современных исследователей (Dezuanni, Foth, 2019; Батова, 2019; Садовая и др., 2019; Соколов, Барский, 2021; Зайцева, 2021). На наш взгляд, цифровые компетенции – это лишь важное, в современных условиях – необходимое условие для формирования более значимых компетенций, особенно если речь идет об агентах социальных изменений. Мы имеем в виду так называемые *soft skills* – широкий спектр компетенций, включающий умение организовывать, договариваться, работать в команде, брать на себя ответственность, эффективно организовывать свое время и быстро адаптироваться в новых ситуациях, мыслить и поступать нестандартно и т. п. Как показывают тематические научные обзоры, интерес к этой проблеме в зарубежной и отечественной науке в последнее время чрезвычайно высок (Цаликова, Пахотина, 2019). В основном ученые обращают внимание именно на востребованность этих компетенций на рынке труда, на необходимость трансформации системы образования, создания методик и инструментов для формирования *soft skills*¹ (Римская и др., 2021; Уварина, Савченков, 2021).

Следовательно, многообразие теоретических и практических подходов к исследуемой проблеме доказывает ее междисциплинарность и востребованность как в социальной науке, так и в практике. Обобщение отечественного и зарубежного опыта позволяет сделать несколько заключений. Во-первых, очевидно, что главным фактором влияния и стимулом исследований в этой области стали кардинальные изменения в экономике. Экономика знаний требует гибких технологий, выводит на первый план человека и предъявляет

¹ Степанова А., Дятликович В. (2017). Исследование «Россия 2025: от кадров к талантам»// ТАСС. 27.10.2017. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4680191>

к нему, как работнику, новые требования. Для того чтобы быть эффективным самому и делать эффективной, прибыльной свою организацию, необходимо обладать определенными качествами. Такой экономикоориентированный подход, включающий попытки описать именно работника нового типа более отчетлив в работах зарубежных авторов (Й. Шумпетер, П. Друкер, Р. Флорида и др.). В российской науке, на наш взгляд, подходы несколько шире: экономика знаний, общество знаний требуют новых парадигм человеческого капитала в целом, новых механизмов его формирования. Помимо экономических аспектов, требований современного рынка труда, в работах российских ученых чаще исследуются социальные аспекты, человеческий капитал нового типа рассматривается как основа капитала социального, как ресурс для развития общества, в том числе для более эффективной деятельности власти – социальное участие в широком смысле этого слова, соучаствующее проектирование и т. п. (Д.В. Афанасьев, Ю.Г. Волков, И.А. Скалабан, Л.И. Никовская и др.).

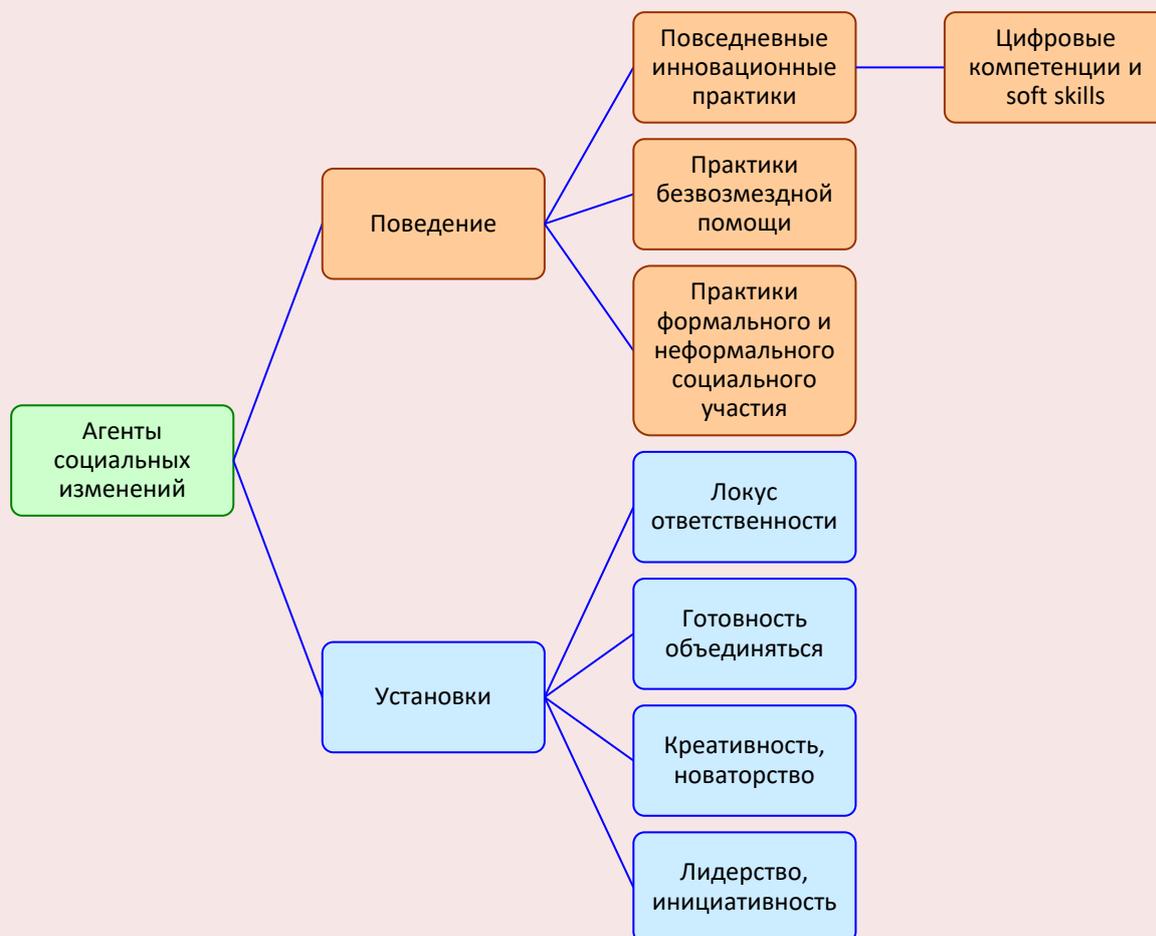
Во-вторых, при всем многообразии подходов цель исследований в этой области одна – сформировать образ «продвинутой» части населения, которая благодаря своим качествам, характеристикам и компетенциям не только быстро вписывается в новую реальность, но и сама создает ее. Ученые в приведенном выше обзоре по-разному называют этот слой: креативный класс, информационные работники, работники знаний и т. п., акцентируя внимание либо на его главной характеристике, либо на каком-то аспекте его функции. На наш взгляд, эти обозначения условны. Главное – все авторы старались определить образ авангардного слоя, его черты и характеристики. Эти черты трудно поддаются верификации и измерению, отсюда и возникает полифония подходов к их определению, однако отчетливо проявляется общий взгляд на необходимость включения в этот перечень принятия перемен и кризисов как новых возможностей, наличия компетенций для использования этих возможностей и создания новых технологий и практик как в производственной сфере, так и в повседневности, то есть новой социальной реальности. Но исследовате-

ли не выделяют в этом перечне черты на установке поведения и компетенции, что нам представляется важным.

На основе глубокого анализа и осмысления различных подходов мы постарались систематизировать указанные черты и характеристики в своеобразный теоретический конструкт «агенты социальных изменений» для выявления слоя людей, поддерживающих преобразовательную социальную деятельность и включенных в нее, обладающих определенным набором установок и поведенческих практик, востребованных в современных условиях социальных трансформаций. Деятельностная активность агентов социальных изменений в нашей интерпретации заключается в соучаствующем управлении, включении в практики организации социального регионального пространства. По классификации П. Штомпки данные субъекты представляют собой мезоуровень, к которому он относит большие группы, социальные сообщества (Штомпка, 1996, с. 44). Но в нашем случае агентами являются люди, склонные организовать данные сообщества для определенных целей, зачастую в русле повседневных практик социального участия, сформировать вокруг себя сети единомышленников или войти в них.

Данные субъекты, на наш взгляд, должны обладать следующими установками: внутренним локусом ответственности за дела в окружающей социальной действительности, склонностью к объединению для решения возникающих проблем, чтобы стать узлами социального поля, инициативностью, новаторством, высоким уровнем адаптации к изменяющимся условиям. Помимо этого, у них должны присутствовать развитые цифровые компетенции в силу частичного перемещения социальной реальности в цифровую среду. Такие установки формируют ценностное ядро агентов социальных изменений. Вторым определяющим компонентом являются уже сформированные поведенческие практики социального участия. Они отражаются в реальных социальных действиях, которые для удобства практического измерения разделены нами на три вида: формальное социальное участие, неформальная помощь, помогающее поведение.

Рис. 1. Теоретическая модель выявления агентов социальных изменений

Источник: составлено авторами.

Методология и методика исследования

Основу теоретической модели выявления агентов социальных изменений составляют два блока — установки и поведение (рис. 1).

На основе анализа и осмысления отечественных и зарубежных теоретико-методологических подходов к исследуемой проблеме мы определили перечень установок и поведенческих практик, которые, на наш взгляд, востребованы в современном российском обществе и выступают отличительными чертами, маркерами агентов социальных изменений. Блок установок включает следующие показатели (маркеры): локус ответственности (агентов социальных изменений отличает приоритет внутреннего локуса ответственности), готовность

объединяться, склонность к новаторству, творчеству, установка на лидерство, стремление проявлять инициативу.

Поведенческий блок также состоит из трех основных элементов: повседневные инновационные практики, которые предполагают владение цифровыми и гибкими компетенциями (soft skills); помогающее поведение — практики безвозмездной помощи и волонтерства; вовлеченность в практики формального и неформального социального участия.

Модель позволяет разделить население на группы в зависимости от наличия и степени сформированности этих установок и поведенческих практик, то есть от близости к группе агентов социальных изменений.

На базе теоретической модели была разработана индикаторная модель эмпирического выявления и измерения доли агентов социальных изменений в социальной структуре общества. Индикаторная модель легла в основу социологической методики исследования, индикаторами служат ответы на вопросы социологической анкеты.

На каждый показатель (маркер) приходится несколько вопросов. Так, например, в блоке установок локус и уровень ответственности выявляется по вопросам «Чувствуете ли Вы ответственность за происходящее в доме / во дворе / в организации, предприятии, где Вы работаете / в городе / в стране?»; «Согласны ли Вы с суждением: «Моё материальное положение в настоящем и будущем зависит прежде всего от меня» и др.

Готовность объединяться определяется с помощью вопроса «Есть люди, которые готовы объединяться для совместных действий по решению общих проблем, а есть те, которые не готовы объединяться с другими людьми. Вы с теми, кто готов объединяться?». Он конкретизируется вопросами: «Готовы ли Вы объединяться с другими людьми, чтобы <...> участвовать в управлении домом / обустроить территорию / помогать бедным / бороться с преступностью / протестовать против неправильных действий властей / защищать свои права / провести досуг?» и т. п.

Креативность, склонность к новаторству, инициативности, лидерству выявляется по ответам на вопросы «Насколько Вы согласны с суждениями <...>?: «для меня характерно выдвигать большое количество идей»; «я предпочитаю быть лидером, а не исполнителем, проявлять инициативу»; «процесс творческой деятельности мне доставляет эмоциональное удовлетворение»; «для меня важно реализовать свои способности»; «я легко привыкаю к изменениям в трудовом коллективе, в жизни, в работе»; «я постоянно стараюсь повышать свое образование»; «я буду заниматься созданием чего-то нового, даже если это связано с трудностями и риском»; «моя общительность способствует решению важных для меня проблем» и т. п.

В целях анализа данных предполагается использовать индексный метод. Практически все индикаторные вопросы блока установок измеряются по классической шкале «Да», «Скорее да», «Скорее нет», «Нет», «Затрудняюсь ответить». Ответам респондентов присваиваются следующие шкальные значения: «Да» – 5; «Скорее да» – 4; «Затрудняюсь ответить» – 3; «Скорее нет» – 2; «Нет» – 1. Индекс – среднее арифметическое присвоенных ответам значений. Для каждого респондента по каждому вопросу рассчитываются частные индексы; индекс по показателю (маркеру) – среднее от частных индексов по вопросам этого показателя; общий индекс по блоку – среднее от индексов по показателям.

Вопросы поведенческого блока, нацеленные на выявление инновационных практик, в основном строятся по формату «Скажите, что из перечисленного Вам доводилось делать за последние год-два?». Так, для выявления инновационных потребительских и повседневных практик предлагается перечень из тридцати практик, большинство из которых предполагает владение цифровыми и гибкими компетенциями, например: «заказывать билеты, отели, через интернет», «пользоваться онлайн-банком», «использовать умную технику», «вносить рацпредложения, оформлять патент», «получать дополнительное образование, в том числе дистанционно или онлайн», «участвовать в научно-практических конференциях, семинарах, в том числе онлайн» т. п.

Формальное и неформальное социальное участие выявляется с помощью вопроса «Участвуете ли Вы в деятельности общественных организаций?», который сопровождается обширным списком общественных организаций. Вопрос предполагает ответы по каждой из них: «Да, я вхожу в состав, являюсь членом этой организации / Я не состою в ее рядах, но принимал участие в мероприятиях, акциях этой организации / Нет, я никак не участвую в деятельности организации». Кроме того, в анкету включен вопрос «В каких из перечисленных общественных дел Вы добровольно и бесплатно участвовали за последние год-два?». Такой же формат вопроса используется для выявле-

ния практик помогающего поведения, безвозмездной помощи: «Что из перечисленного Вам приходилось безвозмездно делать для других людей за последний год?». В вариантах ответа перечислены все виды помощи от материальной, моральной до информационной, консультационной и просто соседской (вызвать врача, присматривать за чужими детьми). Индекс по таким вопросам рассчитывается в зависимости от количества вариантов ответа и суммы выборов респондента. Сумме выборов присваиваются определенные значения-веса. Так, например, для вопроса, предполагающего выбор из перечня 26 наименований практик, значение 1 присваивается, если респондент выбрал от 0 до 4 практик, значение 2 — от 5 до 10, значение 3 — от 11 до 15, значение 4 — от 16 до 20 и значение 5 — от 21 и более. Другой пример: при ответе на вопрос «Входите ли Вы в состав каких-либо официальных общественных организаций?» значение 1 присваивается, если респондент не выбрал ни одного варианта; 2, если входит в одну организацию; 3 — два выбора, 4 — три-четыре выбора, 5 — более четырех выборов. Соответственно, в поведенческом блоке также рассчитываются частные и общие индексы. Интегральный индекс принадлежности группе агентов социальных изменений рассчитывается по каждому респонденту как среднее между индексами блоков установок и поведения, он может достигать значения от 5 до 1.

В апреле 2022 года была проведена апробация индикаторной модели в ходе опроса взрослого населения города Череповца Вологодской области с целью выявления доли агентов социальных изменений².

Результаты исследования

Исследование позволило выделить пять групп населения в зависимости от близости к группе агентов социальных изменений. Сама группа агентов социальных изменений в свою очередь делится на ядро, представи-

тели которого отвечают всем критериям индикаторной модели (интегральный индекс в диапазоне 5–4), их в Череповце всего 4,6%, и периферию (активисты). Активисты не обладают всей полнотой признаков, но несут в себе большой потенциал социальной активности, чаще всего у них значительно развиты ценностные установки, но при этом они не дотягивают до ядра уровнем поведенческих практик и иногда требуют внешней мобилизации (индекс в диапазоне 4–3,34), их в Череповце 17,4%. Третью, самую большую группу мы условно назвали традиционалистами (индекс в диапазоне 3,33–2,67), ее доля составила 34,8%. Это те, кто боится изменений, не хочет выходить из зоны комфорта, придерживается привычных традиционных практик. Они не любят перемены, но и не особенно им сопротивляются, в отличие от четвертой группы — противников перемен. Мы условно обозначили их как сопротивляющиеся (индекс 2,66–2). Они не просто не любят перемены, но противостоят им, тормозят их. Таковых, по данным исследования, 32,2%. В пятую группу (10,9%) вошли те, кто практически не обладает признаками активности и креативности. Это социально пассивные граждане, они дистанцируются от проблем социума и коллективной деятельности. Мы их условно назвали инертными (индекс 2–1; *рис. 2*).

Отличие агентов социальных изменений от остальных групп можно описать через распределение ответов на базовые вопросы. Группа ядра недостаточно статистически представительна, поэтому стоит обращать внимание и на ответы периферии агентов социальных изменений, которых мы обозначили как активистов. Для представительности данных мы объединили эти две группы, которые в совокупности составляют 22% и статистически значимы для выявления закономерностей.

У агентов социальных изменений высоко развита мотивация достижения. 83% представителей данной группы полностью или скорее согласны с суждением «Главное в жизни — это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни». Среди инертных таковых только 45% (*рис. 3*). 74% агентов социальных

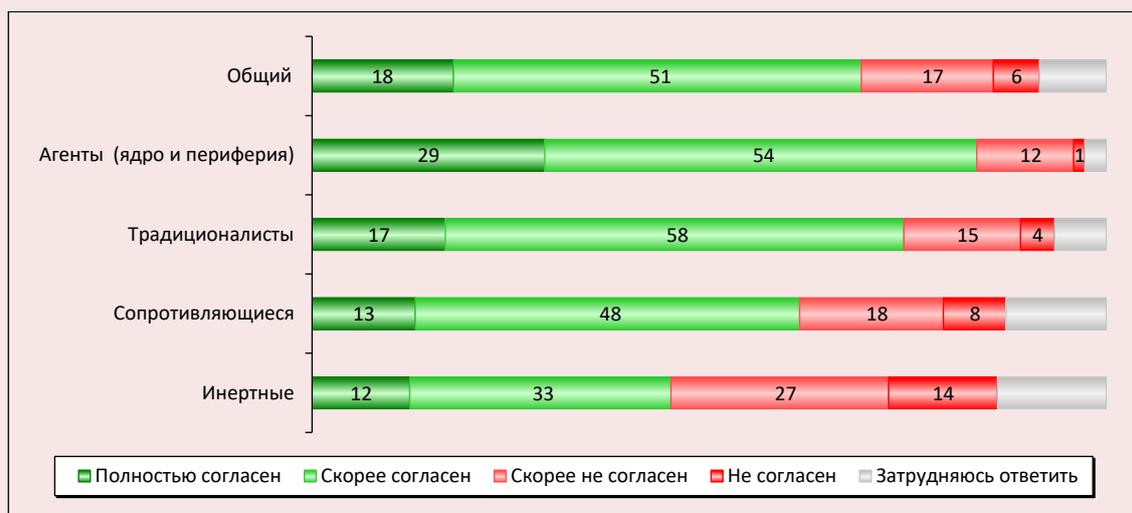
² Социологический опрос населения 18+ по месту жительства методом интервьюирования face-to-face, выборочная совокупность 668 человек, квотирована по полу и возрасту в соответствии с половозрастной структурой населения. Статистическая погрешность не превышает 5%.

Рис. 2. Распределение населения г. Череповца по группам в соответствии с индикаторной моделью, %

Источник (здесь и далее): социологический опрос населения г. Череповца.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы согласны с суждением «Главное в жизни – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни», в разрезе выявленных групп населения, %

изменений ответили, что предпочитают проявлять инициативу, быть лидером, а не подчиненным.

Агенты социальных изменений обладают креативностью, склонны к новаторству и творчеству: 71% согласились с суждением «Для меня характерно выдвигать и выражать большое количество различных идей» (среди инертных только 18%), 82% – «Мне доставляет эмоциональное удовлетворение процесс творческой деятельности» (рис. 4).

Для агентов социальных изменений характерна развитая мотивация помощи окружающим и преобразования окружающей их среды. Среди агентов социальных изменений 46% согласились с суждением «Ради общезначимых целей я готов пожертвовать частично своими деньгами, временем, силами», тогда как среди инертных – только 15%. Большинство населения придерживается противоположной установки «Я не готов жертвовать своими усилиями, деньгами, временем ради общезначимых целей».

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы согласны с суждением «Для меня характерно выдвигать и выражать большое количество различных идей?», в разрезе выявленных групп населения, %

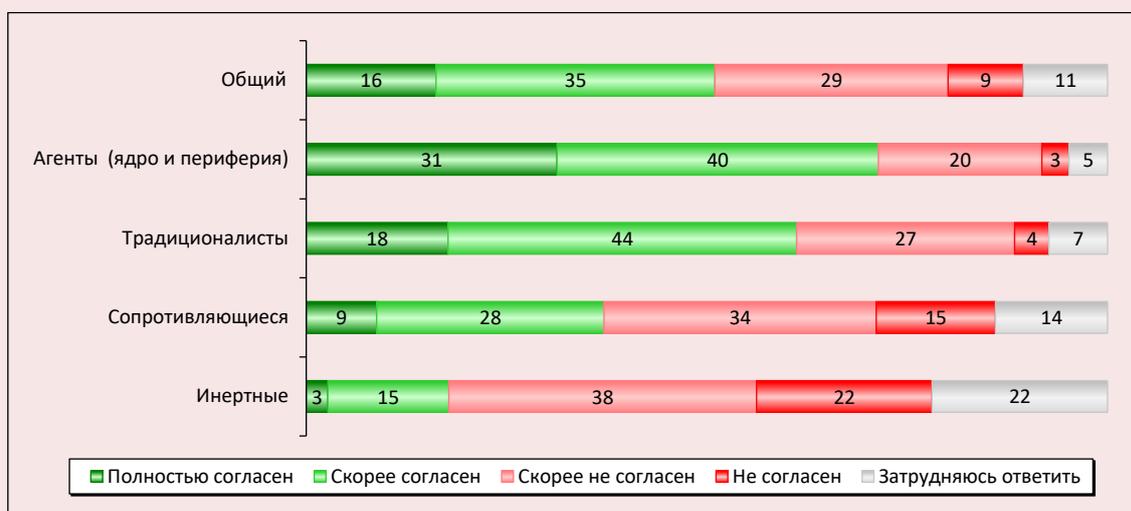
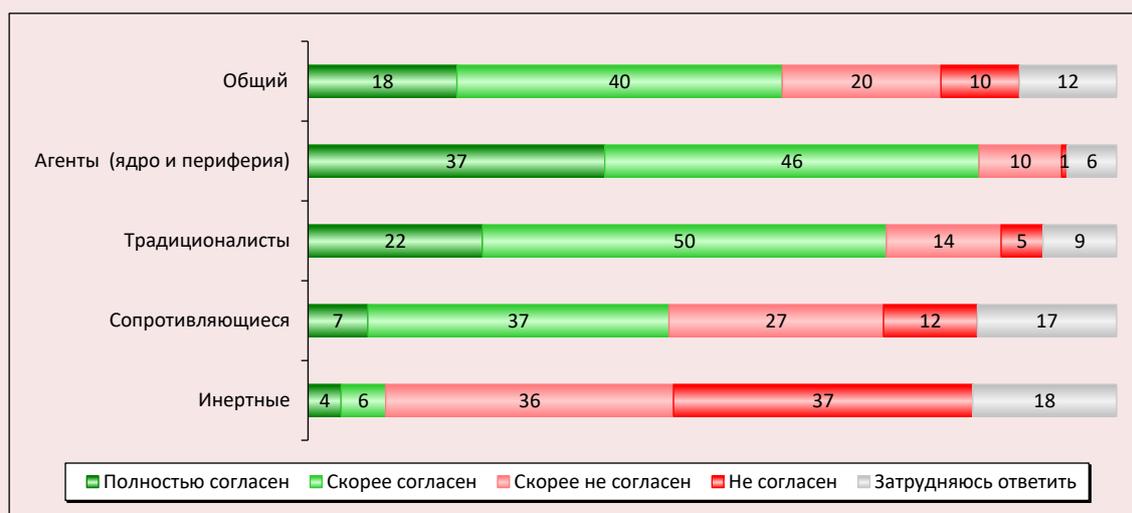

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы согласны с суждением «Я постоянно стараюсь развиваться, повышать свое образование?», в разрезе выявленных групп населения, %

83% представителей группы агентов социальных изменений нацелены на постоянное развитие и совершенствование, повышение образования; среди всего населения — только 58%, среди инертных — только 10% (рис. 5).

Установки — основа активной деятельности, однако они далеко не всегда перерастают в поведенческие реакции. У агентов социальных изменений поведение соответствует активистским установкам. Поведенческий блок индикатор-

ной модели позволяет это замерить. В части измерения поведенческих аспектов установки на постоянное развитие в инструментарий был введен вопрос «Что из перечисленного Вам доводилось делать за последние год-два на работе?». Среди агентов социальных изменений в последнее время 41% получали дополнительное образование, 33% вносили предложения, были инициаторами нововведений, участвовали в конференциях (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Что из перечисленного Вам доводилось делать за последние год-два на работе?» (выберите все необходимые варианты ответа), %

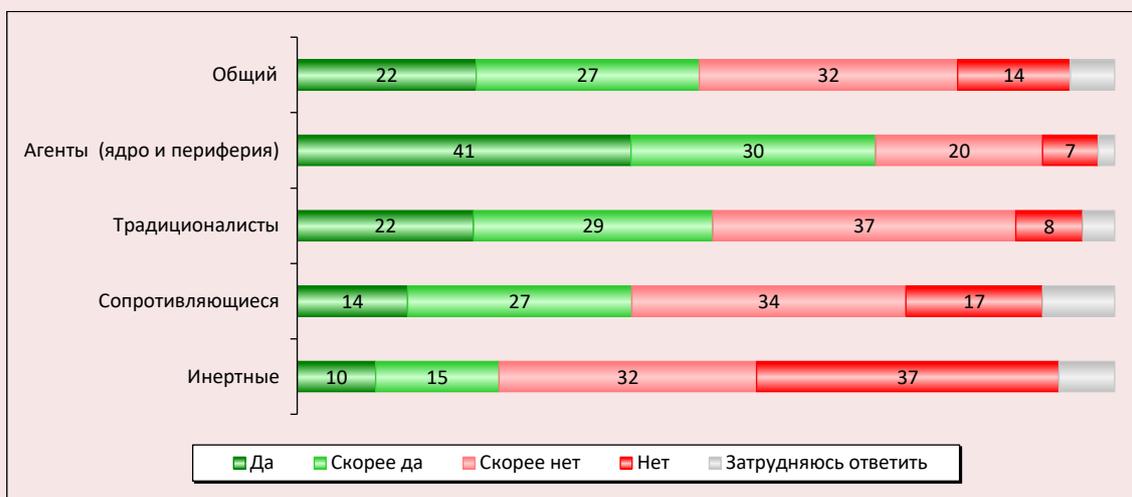
Вариант ответа	По выборке в целом	Агенты (ядро и периферия)	Традиционалисты	Сопrotивляющиеся	Инертные
Я не работаю	29	12	18	38	69
Искать нужную информацию с помощью интернета	42	67	48	32	3
Получать дополнительное образование	21	41	25	9	0
Работать сверхурочно, в выходные дни	42	63	46	34	15
Помогать новым сотрудникам, коллегам	35	59	41	20	6
Проводить досуг с товарищами по работе	22	37	25	16	1
Подрабатывать, иметь дополнительный заработок	23	34	38	17	6
Выполнять нужную для организации работу без вознаграждения	24	39	37	19	4
Вносить рацпредложения, быть инициатором нововведений у себя на работе	16	33	19	9	0
Работать удаленно	16	29	20	7	3
Менять профессию, специальность	11	18	14	8	0
Приобретать (в том числе пользоваться онлайн) книги, газеты, журналы по профессии, специальности	12	29	11	4	1
Участвовать в отраслевых, профессиональных конференциях, выставках	7	20	7	2	0
Ничего из вышеперечисленного	2	0	1	5	10

Источник: результаты социологического опроса населения г. Череповца.

Мы не случайно условно обозначили искомую группу агентами социальных изменений. Важно было выявить не просто креативность и новаторство, но и социальную направленность указанных качеств. В этой части особый интерес представляют установки на совместную деятель-

ность для решения социальных проблем и локус ответственности. 71% агентов социальных изменений чувствуют ответственность за происходящее в доме, дворе; среди населения в целом – только 49%, среди инертных – 25% (рис. 6). Ответственность за дела в городе чувствуют 57%

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Чувствуете ли Вы ответственность за происходящее у Вас в доме, дворе?», в разрезе выявленных групп населения, %

агентов социальных изменений, среди всех горожан – только 32%, среди инертных – 8%.

Агенты социальных изменений обладают высокой склонностью к коллективным действиям: 83% готовы объединяться для обустройства территории проживания (среди противников перемен таковых меньше половины – 43%, среди инертных – 21%; *рис. 7*).

Склонность к коллективным действиям и высокий уровень ответственности за происходящее вокруг подтверждаются реальными практиками социального участия, активной общественной деятельностью. 68% агентов перемен за последние год-два принимали реальное участие в благоустройстве территории. Для сравнения: среди всех жителей города в разных практиках благоустройства принимали участие только 25%, среди инертных – только 1%. 73% представителей группы агентов социальных изменений участвуют в благотворительной деятельности (только 23% среди всего населения; *табл. 2*). 67% помогали людям безвозмездно деньгами, 63% – вещами и продуктами, 23% – в поиске работы. 45% представителей ядра агентов изменений и 20% периферии доставляли на дом продукты, одежду, медикаменты во время пандемии COVID-19 (среди всего населения только 12%).

Уровень формального социального участия – членства в общественных организациях и активного участия в организованных ими акциях – достаточно низок. 72% горожан отметили, что не принимали участия ни в каких мероприятиях. Среди агентов социальных изменений таковых существенно меньше – 39%. Наиболее активно проявляется участие в мероприятиях родительских комитетов школ и детских садов, организаций самоуправления в сфере ЖКХ, физкультурных и спортивных общественных организаций.

В этом контексте нельзя не обратить внимание еще на одну черту агентов социальных изменений – склонность объединяться, чтобы защищать свои права, протестовать против неправильных действий властей. Они готовы поддерживать власть и стать агентами только тех изменений, которые соответствуют их установкам и представлениям о позитивном социальном развитии.

Те решения власти, которые представители групп считают неправильными, будут опротестованы. Для этого готовы объединиться 50% агентов социальных изменений. Для сравнения, отвечая на этот вопрос, только 1% представителей группы условно инертных дали ответ «Да» и 4% выбрали уклончивое «Скорее да» (*рис. 8*).

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «Готовы ли Вы объединяться с другими людьми, чтобы обустроить территорию проживания (дом, двор, город)?», в разрезе выявленных групп населения, %

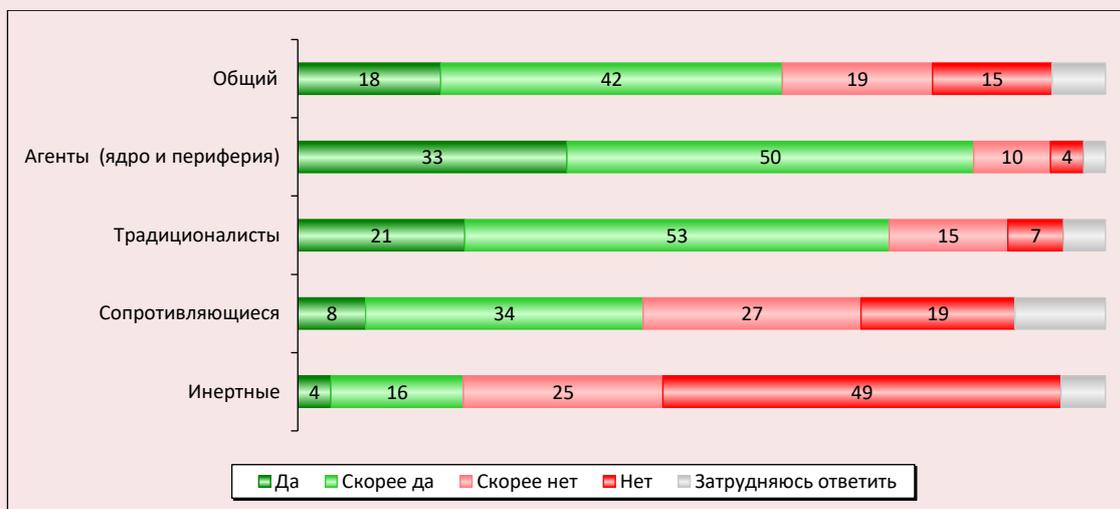
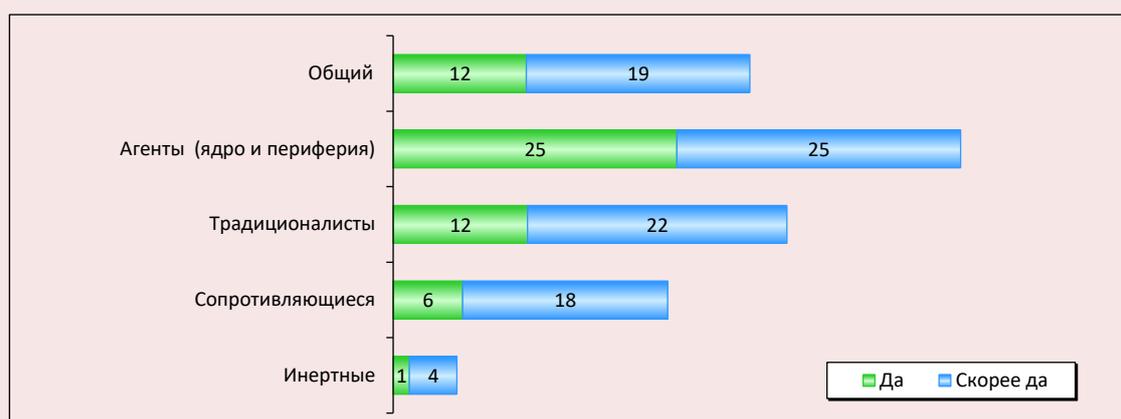

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, в каких из перечисленных общественных дел Вы добровольно и бесплатно участвовали за последние год-два?», %

Вариант ответа	По выборке в целом	Агенты изменений	Традиционалисты	Сопrotивляющиеся	Инертные
Общественные работы по месту жительства (субботники, мероприятия по благоустройству)	25	68	27	9	1
Благотворительные акции (включая денежные пожертвования нуждающимся)	23	73	23	7	0
Массовые мероприятия (городские праздники и т. п.)	13	52	12	2	0
Деятельность некоммерческих организаций, работал волонтером, добровольцем	7	37	5	1	0
Донорство крови	6	22	6	1	0
Публичные дискуссии, акции о социальных проблемах, в том числе в интернете	5	29	3	1	0
Уход за животными в приютах, охотничьих хозяйствах, на ипподроме	3	10	2	1	0
Общественные слушания	2	10	1	1	0
Поиск пропавших людей, работа поисковых групп	1	6	0	0	0
Ликвидация последствий стихийных бедствий (пожар и т. п.)	1	3	0	1	0
Наблюдение за порядком (народные дружины и т. д.)	1	3	1	0	0
Ничего из перечисленного	54	4	45	78	99

Источник: результаты социологического опроса населения г. Череповца.

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос «Готовы ли Вы объединяться с другими людьми, чтобы протестовать против неправильных действий властей?» (доли ответивших «Да» и «Скорее да» в выявленных группах), %

Выводы

Сформированная индикаторная модель, разработанная авторами на основе анализа отечественного и зарубежного теоретического и практического опыта, может служить валидным инструментом выявления наиболее активных людей, в том числе измерения доли агентов социальных изменений в населении конкретного города. Эвристические возможности модели подтвердились в массовом социологическом опросе. Исследование доказало важность комплексного подхода к идентификации агентов социальных изменений, то есть включения в модель как поведенческих характеристик, так и установок.

В теоретической части статьи приводятся общее обоснование и выбор включенных в модель ценностных установок на основании существенного отечественными и зарубежными авторами анализа особенностей наиболее активных слоев населения с точки зрения преобразования социальной реальности в целом, а в более узком понимании — в плане склонных к социальному участию в разных его формах, особенно в русле регионального, территориального развития. Нами выделены такие индикаторы, как локус ответственности, склонность к объединению, новаторству, инициативность, уровень адаптации. Они были преобразованы из теоретических в практические и заложены в инструментарий исследования.

Результаты исследования показали, что уровень активности населения достаточно дифференцирован по разным ее видам, нельзя использовать только один или два поведенческих индикатора для его выявления. Зачастую уровень активности в части социального участия определяется членством в формальных организациях. Однако такой подход не совсем корректен. Уровень формального участия низок не только в Череповце (72% горожан не состоят ни в одной из общественных организаций), но и в России, и в европейских странах по результатам европейского социального исследования, и не является объективно измеряющим уровень участия в целом. Тенденция заключается в перемещении социальной активности в неформальные практики и в повседневную жизнь. А их уровень существенно выше, уже только 54% жителей города Череповца не предпринимали

никаких действий в рамках данных практик. Еще более широко развиты практики помогающего поведения, в них не задействовано только 21% населения. Сравнительный анализ эмпирических результатов нашего опроса и опросов ведущих российских авторов по тематике социальной активности свидетельствует, что общероссийские тенденции практически идентичны тенденциям в Череповце, особенно по уровню участия в разных формах социальной активности. Следовательно, основные закономерности, выявленные в нашем исследовании, могут быть распространены на российские реалии в целом.

Модель представляет собой новаторский методологический конструкт. В отличие от большинства приемов анализа в социологии, когда анализу подвергается массив в целом и типология производится на основании распределения ответов по всей выборке, здесь единицей счета является отдельно взятый респондент. Типологизация производится за счет определения уровня социальной активности и установок каждого респондента из эмпирической базы с помощью расчета общего интегрированного аддитивного индекса по всем включенным переменным. В расчете сочетаются не только порядковые шкалы, которые достаточно легко преобразуются в индекс, но и номинальные поливариантные, которые обычно обозначаются как шкалы низкого порядка и редко переводятся в числовой индекс. Детально описанный в статье алгоритм является инструкцией для расчета уровня активности и типологизации населения любого региона и может быть использован исследователями. При этом не требуется адаптировать его в разных регионах, индикаторы универсальны.

Практическая значимость исследования лежит в области заинтересованности малых и средних городов в формировании ядра активных и продвинутых слоев населения. Площадкой для нашего исследования не случайно стал Череповец, город с населением немного больше трехсот тысяч человек, в котором сосредоточены производственные активы двух крупнейших российских компаний — «Северсталь» и «ФосАгро». Одной из основных задач развития Череповца является диверсификация экономики. Эта задача была поставлена по итогам Форсайта «Череповец-2020» еще в 2009–2010 гг.,

но остается по-прежнему актуальной (Мехова, 2017). В 2017 году Череповец получил статус территории опережающего социально-экономического развития. Сейчас в городе реализуется обновленная стратегия развития – «Череповец – город возможностей», поэтому Череповец очень нуждается в креативных, социально активных людях. Исследование дает руководству города, всем заинтересованным лицам информацию, позволяющую выявить резервы побуждения к активности и инновационности городских сообществ, разработать инструменты поддержания среднего и малого бизнеса, формирования интеллектуальных пространств, развития креативных индустрий, которые станут площадкой для самореализации агентов социальных изменений и послужат драйвером в реализации стратегии города.

Литература

- Батова М.М. (2019). Формирование цифровых компетенций в системе «образование – наука – производство» // Вопросы инновационной экономики. Т. 9. № 4. С. 1573–1584. DOI: 10.18334/vines.9.4.41467
- Богданов В.С., Мерзляков А.А. (2018). Диагностика потенциала социального участия в контексте организации обратной связи между властью и населением // Научный результат. Социология и управление. № 4. С. 65–77. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-6
- Бурдые П. (2002). Формы капитала // Экономическая социология. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf
- Волков Ю.Г. (2010). Креативный класс: поиск социологического концепта // Россия реформирующаяся. № 9. С. 43–60.
- Волков Ю.Г. (2014). Креативный класс и российское государство: перспективы взаимодействия // Власть. № 3. С. 12–17.
- Волков Ю.Г. (2020). Новые социальные лифты в региональном пространстве // Россия реформирующаяся. № 18. С. 131–159. DOI: 10.19181/ezheg.2020.6
- Волков Ю.Г. (2013). Креативный класс как интегрирующее ядро российского общества // Социология и политология. № 2. С. 76–92.
- Галицкая Е.Г., Галицкий Е.Б., Петренко Е.С., Рапопорт С.А. (2012). Методика «ФОМография» и ресурсная дифференциация российского общества // Социологические исследования. № 10. С. 131–142.
- Гужавина Т.А., Афанасьев Д.В., Воробьева И.Н. [и др.] (2018). Региональный социальный капитал в условиях кризиса: монография. Череповец: ЧГУ. 220 с.
- Гужавина Т.А., Воробьева И.Н. (2018). Межличностное доверие в структуре социального капитала (на материалах Вологодской области) // Вопросы территориального развития. № 2 (42). DOI: 10.15838/tdi.2018.2.42.5
- Дроздова Ю.А. (2019). Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей // Вестник Института социологии. Т. 10. № 1. С. 82–103. DOI: DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.557
- Друкер П.Ф. (2002). Задачи менеджмента в XXI веке. М.: Вильямс. 286 с.
- Зайцева А.С. (2021). Влияние цифровых компетенций субъектов малого и среднего предпринимательства на развитие бизнеса // Экономика, предпринимательство и право. Т. 11. № 2. С. 313–322. DOI: 10.18334/err.11.2.111640
- Кирдина С.Г. (2003). Социальные изменения // Социологическая энциклопедия. Т. 2. С. 480–483.
- Коулман Дж. (2001). Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. № 3. С. 122–139.
- Масленникова А.Ю., Лапаев С.П. (2012). Формирование высокого уровня креативности населения как определяющего фактора инновационного развития региона // Вестник ОГУ. № 13. С. 237–243.
- Мерзляков А.А. (2014). Социальное участие как объект социологического анализа // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития: мат-лы Всерос. научн.-практ. конф. и XII–XIII Дридзевских чтений. М.: ИС РАН. С. 321–326.
- Мехова А.А. (2017). Форсайт как инновационная технология прогнозирования и форма социального участия // Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях: мат-лы VII междунар. социол. Грушинской конференции / отв. ред. А.В. Кулешова. М.: ВЦИОМ. С. 1814–1818.

- Никовская Л.И., Скалабан И.А. (2017). Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. № 6. С. 43–60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04
- Петренко Е.С. (2011). Стиль жизни и историческая память россиян о событиях 1985–1999 годов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 5 (105). С. 73–80.
- Пилясов А.Н., Колесникова О.Ю. (2008). Оценка творческого потенциала российских региональных сообществ // Вопросы экономики. № 9. С. 50–69. DOI: 10.32609/0042-8736-2008-9-50-69
- Римская О.Н., Анохов И.В., Кранбихлер В.С. (2021). Человеческий капитал в Индустрии 4.0. Настоящее и будущее. // Экономика науки. № 7 (4). С. 275–289. DOI: 10.22394/2410-132X-2021-7-4-275-289
- Садовая Е.С., Сауткина В.А., Зенков А.Р. (2019). Формирование новой социальной реальности: технологические вызовы. М.: ИМЭМО РАН. 190 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0564-2
- Скалабан И.А. (2011). Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 1. С. 130–139.
- Соколов А.В., Барский Я.В. (2021). Развитие гражданской активности в России в условиях цифровой трансформации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История, политология, социология. № 2. С. 68–74.
- Трубицын О.К. (2019). Развитие креатосферы в информационном обществе // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. № 2 (24). С. 29–49.
- Уварина Н.В., Савченков А.В. (2021). Формирование гибких навыков молодежи в условиях социального партнерства // Современная высшая школа: инновационный аспект. № 1. С. 78–85. DOI: 10.7442/2071-9620-2021-13-1-78-85
- Цаликова И.К., Пахотина С.В. (2019). Научные исследования по вопросам формирования soft skills (обзор данных в международных базах Scopus, Web of Science) // Образование и наука. № 21 (8). С. 187–207. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-7-187-207
- Шкаратан О.И. (2008). Новый средний класс и информационные работники на российском рынке труда // Общественные науки и современность. № 1. С. 5–27.
- Шкаратан О.И. (2009). Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М. 354 с.
- Штомпка П. (1996). Социология социальных изменений: пер. с англ. / под ред. В.А. Ядова. М. 416 с.
- Ядов В.А. (2001). Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: Возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? / под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН. С. 310–319.
- Bartal A., Pliskin N., Ravid G. (2019). Modeling influence on posting engagement in online social networks: Beyond neighborhood effects. *Social Networks*, 59, 61–76. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2019.05.005>
- Bekalu M.A., McCloud R.F., Minsky S., Viswanath K. (2020). Association of social participation, perception of neighborhood social cohesion, and social media use with happiness: Evidence of trade-off. *Journal of Community Psychology*. DOI: 10.1002/jcop.22469
- Bourdieu P. (2001). Forms of capital. In: *The Sociology of Economic Life*. 2nd edition. Boulder: Westview Press.
- Chanda S., Mishra R. (2019). Impact of transition in work status and social participation on cognitive performance among elderly in India. *BMC Geriatrics*, 19(1). DOI: 10.1186/s12877-019-1261-5
- Coleman J. (1988). Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*, 94, 95–120.
- Dezuanni M., Foth M. (2019). *Digital Participation through Social Living Labs. Valuing Local Knowledge, Enhancing Engagement*.
- Drucker P.F. (1985). *Innovation and Entrepreneurship. Practice and Principles*. New York.
- Fagance M. (1977). *Citizen Participation in Planning*. Pergamon.
- Florida R. (2002). *The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life*. Basic Books.
- Florida R. (2005). *The Flight of the Creative Class. The New Global Competition for Talent*. HarperBusiness, HarperCollins.
- Guzgavina T., Mekhova A. (2018). Social capital – a factor in region's sustainable development. *European Journal of Sustainable Development*, 7(3), 483–492. DOI: 10.14207/ejsd.2018.v7n3p483

- Heertje A. (2006). *Schumpeter on the Economics of Innovation and the Development of Capitalism*. Cheltenham: Elgar.
- McCraw T.K. (2007). *Prophet of Innovation: Joseph Schumpeter and Creative Destruction*. Cambridge Mass.: Harvard University Press.
- Newton K., Giebler H. (2008). *Patterns of Participation: Political and Social Participation in 22 Nations. Discussion Paper SP IV 2008-201*. Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB).
- Putnam R. (1995). Bowling alone: America's declining social capital. *The Journal of Democracy*, 6 (1), 65–78.
- Schumpeter J. A. (1949). *Theory of Economic Development*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Verba S., Nie N., Kim J. (1978). *Participation and Political Equality: A Seven Nation Comparison*. Chicago: University of Chicago Press.

Сведения об авторах

Ирина Николаевна Воробьева – кандидат социологических наук, доцент, Череповецкий государственный университет (162600, Российская Федерация, Вологодская обл., г. Череповец, Советский пр., д. 8; e-mail: Vorobyova-i-n@yandex.ru)

Альбина Анатольевна Мехова – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой, Череповецкий государственный университет (162600, Российская Федерация, Вологодская обл., г. Череповец, Советский пр., д. 8; e-mail: albina_mehova@mail.ru)

Vorobeva I.N., Mekhova A.A.

Agents of Social Change: Determining Identification Criteria and Designing an Indicator Model

Abstract. Modern Russian society is undergoing major changes. The concept of social change has a long history of theoretical understanding; usually, two approaches, the evolutionary and the revolutionary, are distinguished. We consider this concept within the framework of a new post-modernist or organizational-activity paradigm, when the “social agent” plays an active transformative role. The problem is of a complex interdisciplinary nature, directly related to the theory of social change, social and human capital, and the creative class. We try to find out which social groups of Russian society support changes and can become their agent-guides, what distinguishes them from other people, what their share is in the modern social structure of society, region, city. The article provides a justification for the relevance of identifying agents of social change as a social basis for the transformation and development of the territory. Based on the analysis of foreign and domestic research experience, we design our own notion of the term “agents of social change”, define the criteria for their identification, create an indicator model for empirical identification of the share of agents of social change in the social structure of the urban community. Theoretical judgments and conclusions are supported by empirical data from a sociological survey of Cherepovets residents. The choice of the city for approbation of the model is not accidental. Cherepovets has the status of a territory of advanced socio-economic development and is in dire need of agents of social change. According to an empirical study, in Cherepovets the core of social change is 4.6%, and the periphery of the core, which we designate as activists, is 17.4%. A comparison of the empirical results of our study and studies of leading Russian authors on the topic of social participation shows that Cherepovets, on average, reflects the general trend in Russia. The population as a whole has rather pronounced attitudes towards activity, while the behavioral practices expressed in our model in various forms of social participation are lagging behind significantly. We prove the validity of the developed model for studying the stated problem and empirically confirm that the development potential of the territory is largely determined by the presence of agents of social change in the social structure.

Key words: agents of social change, creative class, indicator model, social capital, social participation, social resources.

Information about the Authors

Irina N. Vorobeva – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Cherepovets State University (8, Sovetsky Avenue, Cherepovets, Vologda Oblast, 162600, Russian Federation; e-mail: Vorobyova-i-n@yandex.ru)

Albina A. Mekhova – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, head of department, Cherepovets State University (8, Sovetsky Avenue, Cherepovets, Vologda Oblast, 162600, Russian Federation; e-mail: albina_mehova@mail.ru)

Статья поступила 24.01.2022.

Экологические угрозы как фактор экологизации общественного сознания

Наталья Михайловна

ВЕЛИКАЯ

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: natalivelikaya@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5532-844X; ResearcherID: A-9577-2017

Ольга Петровна

НОВОЖЕНИНА

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: olganov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3511-0384; ResearcherID: R-5132-2019

Аннотация. В статье рассматриваются трансформации экологического сознания, которые определяются особенностями артикуляции экологических угроз в общественном мнении и публичном дискурсе России. Опираясь на теорию социокультурных рисков и угроз, авторы рассматривают становление так называемой экологической парадигмы, трактующей экологическое сознание как часть общественного сознания. Анализируя включение экологической повестки в отечественный публичный и политический дискурс, авторы показывают, что начиная с 90-х годов XX века законодательство России ориентировалось на международные документы в этой сфере, Российская Федерация принимала активное участие во всех значимых международных экологических форумах. Инициированное государственной властью наступление на некоммерческий сектор в 2010-е годы существенно сократило количество общественных организаций в экологической сфере и отразилось на содержании публичного дискурса. Низкий уровень ин-

Для цитирования: Великая Н.М., Новоженина О.П. (2022). Экологические угрозы как фактор экологизации общественного сознания // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 209–227. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.13

For citation: Velikaya N.M., Novozhenina O.P. (2022). Environmental threats as a factor promoting environmental consciousness. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 209–227. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.13

формированности о ходе и содержании национального проекта «Экология» свидетельствует о недостаточном взаимодействии Министерства природных ресурсов и экологии РФ с институтами гражданского общества, представителями местных экологических инициатив. В результате слабая включенность населения в природоохранные процессы потенциально может вести к активизации точечных экологических протестов. Данные социологических исследований позволяют заключить, что осознание обществом экологических угроз протекало неравномерно, замедленными темпами. В общем рейтинге угроз экологические традиционно занимают 3–4 место, однако это в малой степени сказывается на экологическом поведении, на формировании природосберегающих социальных практик. Авторы рассматривают экологизацию общественного сознания как процесс осознания антропогенных рисков и актуализации запроса на здоровую экологическую среду. Выделенная на основе этого подхода типологическая группа «ответственных» отличается от группы «равнодушных» рядом социально-демографических и социально-политических признаков и демонстрирует слабую положительную динамику.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экология, экологическое сознание, экологический кризис, национальные проекты, социальные практики, экологическая модернизация.

Введение

Экологическое благополучие и устойчивое развитие активно вошли в научный и публичный дискурс во второй половине XX века, когда экологический кризис был осознан как глобальная проблема человеческой цивилизации и стал предметно рассматриваться международным сообществом, где ведущую роль играли международные организации и объединения. Наиболее полно идеи современного инвайронментализма были отражены в трех знаковых публикациях, которые повлияли на развитие экодвижения в мире: доклад Римскому клубу «Пределы роста» (Медоуз и др., 1991), «План выживания» («A Blueprint for Survival»), составленный редакторами «The Ecologist» с предисловием известного биолога Эрлиха, и «Маленькое прекрасно» («Small is beautiful») Фрица Шумахера (Аксенова, 2006).

Собственно, переход от антропоцентричной парадигмы развития общества к экоцентрической, где высшей ценностью является гармоничное развитие природы и человека, начался со Стокгольмской конференции ООН по проблемам окружающей среды в 1972 году, когда была определена связь устойчивого развития с сохранением окружающей среды и принят совместный план действий государств¹.

¹ Доклад Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды. Стокгольм, 5–16 июня 1972 года / Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 1973. URL: <https://daccessods.un.org/tmp/6735631.22749329.html> (дата обращения 12.07.2022).

Конференция ООН по защите окружающей среды (Саммит Земли) в 1992 году в Рио-де-Жанейро приняла Декларацию Рио, определившую основные принципы международного экологического права², что способствовало развитию экологического законодательства в ряде стран.

Внимание к экологическим проблемам на глобальном и субнациональном уровне вызвало необходимость создания специальных служб по защите окружающей среды и на национальных уровнях. В России к тому времени, в 1991 году, было создано Министерство природопользования и охраны окружающей среды СССР.

Выдвижение проблем экологической безопасности на одно из первых мест в мировой повестке дня обусловило принятие ООН в 2000 году Декларации тысячелетия, где было заявлено о необходимости реализации принципа устойчивого развития, а в 2012 году на конференции ООН по устойчивому развитию «Рио +20», в принятом докладе «Будущее, которого мы хотим», была подчеркнута необходимость интеграции экологической, социальной и экономической составляющих для достижения целей устойчивого развития на всех его

² Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения 12.07.2022).

направлениях³. Среди наиболее значимых документов, где экологическая составляющая является приоритетной, назовем принятый в 2015 году доклад ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»⁴, а также пакет программ объявленного в 2019 году «Десятилетия действий по достижению Глобальных целей устойчивого развития к 2030 году»⁵.

Столь активное включение экологических проблем в политический дискурс современности привело к образованию специальных отраслей на стыке экологии и других наук: политической экологии (Wolf, 1972), социальной экологии (Лосев, 1998; Дерябо, 1999; Панов, 2004), а также вызвало исследовательский интерес к вопросам интерпретации и общей оценки экологических рисков и угроз (Гладун и др., 2021; Маслова, 2022), проблемам формирования экологического сознания (Шумейко, 2003; Орешкина, 2014; Гордин, Рюмина, 2021; Козловский и др., 2022).

В разработку «новой экологической парадигмы» (Catton, Dunlap, 1978; Dunlap, Catton, 1994) существенный вклад внесли российские ученые, заложившие основы современных представлений об особенностях взаимодействия общества и природной среды (Бондарев, 2010; Бабкин, 2014; Яницкий, 2014), а также устойчивого развития территорий (Воронов, Нарбут, 2013; Шушкова и др., 2017). Отдельно имеет смысл вспомнить о тех работах, где подчеркивалась потребительская, экофобная система ценностей в России, что вело к катастрофическим последствиям в воспроизводстве природной среды (Орешкина, Коняшкин, 2018) и малоэффективным

³ Рио+20. Конференция Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию. Рио-де-Жанейро, Бразилия, 20–22 июня 2012 г. URL: <https://www.un.org/ru/events/pastevents/rio20.shtml> (дата обращения 12.07.2022).

⁴ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R (дата обращения 12.07.2022).

⁵ Десятилетие действий. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/decade-of-action/> (дата обращения 12.07.2022).

системам давления гражданского общества на структуры бизнеса и власти (Ефременко, 2006).

Задача исследования информированности и включенности граждан в постановку и решение экологических проблем неоднократно поднималась отечественными социологами. Отметим ряд исследований ВЦИОМ: мониторинг экологической ситуации в целом⁶ и по проблемам загрязнения воздуха и мусорных свалок⁷, опрос, проведенный в 2021 году специально для Экологического форума Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), в ходе которого респонденты оценивали экологическую обстановку в регионе проживания, в России и мире⁸. Изучение оценок российских граждан относительно экологической обстановки в районах проживания, критериев благоприятной экологической ситуации и осведомленности о нацпроекте «Экология» также проводилось в ходе всероссийского опроса населения Аналитическим центром Национального агентства финансовых исследований (НАФИ)⁹.

Результаты исследований фиксируют низкий уровень экологической грамотности, слабую информированность граждан об экологических рисках, растущий интерес к экологическим проблемам в условиях экологического неблагополучия, но не позволяют в полной мере оценить изменения общественного сознания, влияющие на поведение и формирование новых социальных практик, в т. ч. в сфере природосберегающего поведения.

⁶ Экологическая ситуация в России: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ekologicheskaya-situacziya-v-rossii-monitoring> (дата обращения 15.07.2022).

⁷ Экологическая ситуация и вывоз мусора: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ekologicheskaya-situacziya-i-vyvoz-musora-monitoring> (дата обращения 15.07.2022).

⁸ Самый большой вред экологии наносят мусор и транспорт... URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/samyi-bolshoi-vred-ehkologii-nanosjat-musor-i-transport-trete-mesto-deljat-promyshlennost-i-lesozagotovki> (дата обращения 15.07.2022).

⁹ Чистые воздух, вода и почва — «три кита» хорошей экологии по мнению россиян. URL: <https://nafi.ru/analytics/chistye-vozdukh-voda-i-pochva-tri-kita-khoroshey-ekologii-po-mneniyu-rossiyan/> (дата обращения 15.07.2022).

Следуя логике У. Бека и К. Кропп, акцентирующих внимание на особенностях социального конструирования экологических рисков (Beck, Kopp, 2007), мы предполагаем рассмотреть в статье динамику субъективных представлений общества относительно экологической обстановки в стране, а также осознаваемых и артикулируемых в общественном сознании и публичном дискурсе экологических рисков и угроз, которые формируют определенные социальные практики.

Теоретико-методологической основой исследования является теория социокультурных угроз и рисков (Beck, 2010), в соответствии с которой экологическая опасность и ее воздействие на социальные процессы выступают явной угрозой существованию современного общества на глобальном уровне. В этой логике экологический кризис мы интерпретируем как проявление экологического риска (Mol, 1995), который потенциально может перерасти в угрозу. Понимая под угрозами нарушение нормативного порядка в сфере социальных взаимодействий, рассматриваем экологические проблемы, экологическое неблагополучие как социальную угрозу, потенциально опасную для государства и общества.

Мы разделяем точку зрения М. Букчина, отметившего, что «почти все наши современные экологические проблемы происходят из укоренившихся социальных проблем ... эти экологические проблемы не могут быть поняты, уже не говоря об их решении, без осторожного понимания нашего современного общества и той нелогичности, которая доминирует над ним» (Букчин, 1996; Bookchin, 1993).

В свою очередь экологическое сознание, которое становится исключительно социальным, основанным на рефлексии социальных потребностей и интересов (Ашхамаф, 2010; Беркут, 2010), мы операционализируем через ценности и нормы, которым следуют индивиды в повседневной жизни. В этом смысле термин «экологизация сознания», вынесенный в заголовок статьи, подразумевает не только расширение уровня информированности о наличии экологических угроз и степени рисков, но и совместную деятельность по преодолению этих угроз, освоение определённых социальных практик.

Эмпирическую базу работы составляют данные всероссийского социологического монито-

ринга «Как живешь, Россия?»¹⁰, социологического исследования «Политическая культура российского общества...»¹¹ (ИСПИ ФНИСЦ РАН), данные количественно-качественного контент-анализа СМИ, проводимого в рамках исследования «Особенности репрезентации социокультурных угроз в российских масс-медиа» (социологический факультет РГГУ)¹².

¹⁰ Социологический мониторинг «Как живешь, Россия?» проводится Центром социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН с 1992 г. Научный руководитель – д-р. соц. наук В.К. Левашов. В исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования и местожительства. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Объем выборочной совокупности составлял на различных этапах 1312–1866 респондентов. Эмпирическим объектом исследования выступало взрослое население России. К маю 2022 г. проведен 51 этап мониторинга.

¹¹ Социологическое исследование «Политическая культура российского общества в условиях перехода к новому технологическому укладу и реализации Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 „О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года”» проводилось Центром социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН в мае – июне 2019 г. Эмпирическим объектом исследования выступало взрослое население России. В исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования и местожительства. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Объем выборочной совокупности составил 1800 респондентов. Научный руководитель – д-р. соц. наук В.К. Левашов.

¹² В рамках контент-анализа публикаций в СМИ по проблемам экологии за 2012, 2015 и 2019 гг. (январь–сентябрь) из первично отобранных 1357 источников в газетах «Комсомольская правда», «Московский Комсомолец» и «Российская газета» в анализ было включено 1139 публикаций, поскольку часть статей не содержала информативной составляющей. Обработывались только печатные версии конкретных ведущих СМИ, так как зачастую на сайтах газет размещаются материалы, которые по разным причинам не публикуются на бумажных страницах. Методы сбора данных: количественный и качественный контент-анализ статей, размещенных в информационном пространстве РФ. Временной интервал: в выборку включены публикации с января по сентябрь 2012, 2015 и 2019 гг.

Экологическая проблематика рассматривается на всем протяжении мониторингового исследования «Как живешь, Россия?» в контексте оценки уровня тревожности по поводу состояния окружающей среды, зрелости экологического сознания, готовности гражданского общества и отдельных граждан к конкретным мерам для охраны природы и др. После принятия и начала реализации национальных целей и проектов развития РФ в инструментарий мониторинга были включены новые блоки вопросов, которые позволили оценить уровень информированности граждан о задачах, ходе выполнения проекта «Экология» и создаваемых в его рамках возможностях.

Инструментарий исследования «Политическая культура российского общества...» позволил уточнить и конкретизировать данные мониторинга. Получены ответы на вопросы о том, как изменилась экологическая обстановка в месте проживания респондентов за последние 5 лет, возможность усугубления каких проблем в сфере экологии вызывает наибольшую тревогу.

При проведении количественного и качественного контент-анализа были выбраны три периодических печатных издания, отражающих разные точки зрения на процессы, происходящие в России и мире: «Комсомольская правда» и «Комсомольская правда. Толстушка» (КП); «Московский комсомолец» (МК); «Российская газета» и «Российская газета. Неделя» (РГ). Критерием отбора СМИ являлись общероссийская значимость, широта охвата аудитории, тираж изданий. Кроме того, учитывалась публикационная разноплановость: «Комсомольская правда» представляет собой источник консервативно-популистской направленности, «Московский комсомолец» — либерально-популистской, а «Российская газета» отражает официальную точку зрения на процессы, происходящие в России и мире. В рамках исследования выявлялись особенности отражения в СМИ реальных и возможных экологических угроз и рисков, что позволило выделить кластеры экологических проблем, представленных в информационном пространстве.

Экология в поле российской политики и публичном дискурсе

Экологический фактор как одно из основных устойчивого развития по-разному оценивается и интерпретируется на национальном

уровне, в рамках государственных политик разных стран. Базовые документы в сфере устойчивого развития, в том числе «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», были подписаны 25 сентября 2015 года, но страны, взявшие на себя глобальные обязательства, самостоятельно разрабатывают и финансируют собственные стратегии, планы и программы по устойчивому развитию.

К сожалению, Стратегия экологической безопасности РФ, выделяя внешние угрозы экологической безопасности (п. 21), не формулирует четко содержание внутренних угроз¹³. Эксперты в этой сфере выделяют две группы угроз: вызванные деятельностью человека в промышленной и хозяйственной областях (например, уменьшение запасов разнообразных природных ресурсов или непродуктивное природопользование) и связанные с противозаконными проявлениями в действиях ряда лиц и группировок (например, «хищническое» природопользование или браконьерство) (Воронцов и др., 2017).

Экологическая модернизация, которая в данном случае лежит в основе социально-экономических изменений, предполагает отказ от утилитарного, антропоцентрического отношения к окружающей среде (Кулясов, 2005). В Российской Федерации национальный набор показателей целей устойчивого развития¹⁴ в значительной мере ориентирован на решение экологических проблем. Цели устойчивого развития во многом определяют и содержание национального проекта «Экология»¹⁵, который предполагает выполнение таких задач, как охрана окружающей среды, утилизация и переработка отходов, сохранение водоемов и повышение качества питьевой воды, уменьшение загрязнения воздуха, защита природы и животных, внедрение наилучших природоохранных технологий. К сожалению, Национальный проект «Экология» и федеральные проекты в его

¹³ О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 г. № 176. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41879> (дата обращения 15.07.2022).

¹⁴ Национальный набор показателей ЦУР. URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/national> (дата обращения 15.07.2022).

¹⁵ Паспорт Национального проекта «Экология». URL: https://www.mnr.gov.ru/upload/medialibrary/0bd/NP_EkologiyaPasport.pdf (дата обращения 16.07.2022).

Таблица 1. Кассовое исполнение федеральных проектов, входящих в состав национального проекта «Экология»

Федеральный проект	1 квартал 2022 г.			2 квартал 2022 г.		
	Выделено, млрд руб.	Перечислено		Выделено, млрд руб.	Перечислено	
		млрд руб.	%		млрд руб.	%
Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма	1,1	0,4	35	1,1	0,7	64,4
Сохранение уникальных водных объектов	2,7	0,6	22,6	3,0	1,0	34,0
Сохранение лесов	5,3	1,1	20,6	5,4	3,4	62,1
Чистый воздух	11,3	1,1	9,6	11,7	3,5	29,7
Оздоровление Волги	24,2	2,2	9,1	25,3	8,3	32,9
Сохранение озера Байкал	9,2	0,8	9	8,1	1,8	21,9
Чистая страна	39,3	2,9	7,5	37,0	18,5	49,8
Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами	17,6	0,4	2,2	26,3	2,7	10,3
Инфраструктура для обращения с отходами I–II классов опасности	5,7	-	0	10,4	5,7	54,8

Источники: Исполнение расходов федерального бюджета на реализацию национальных проектов. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/press_center/2022/04/01_04_22.xlsx; https://minfin.gov.ru/common/upload/press_center/2022/07/01_07_2022.xlsx (дата обращения 15.07.2022).

составе по итогам первого квартала 2022 года показали наихудшие результаты кассового исполнения. На 1 апреля из выделенных в 2022 году 117,1 млрд рублей на реализацию было направлено 8,2% от запланированных средств (9,5 млрд). Во втором квартале результат оказался лучше: из выделенных 128,3 млрд рублей на реализацию направлено 35,5% от запланированных средств (45,5 млрд), девятое место из 14 по уровню освоения средств (табл. 1).

Формирование экологической повестки зависит от разных акторов, как государственных, так и негосударственных. Принятие закона об «иностранных агентах» вызвало в 2012–2015 гг. значительное сокращение количества некоммерческих организаций (НКО), занимающихся проблемами экологии (Кефнер, Моргун, 2020). Председатель комиссии по развитию некоммерческого сектора и поддержке социально ориентированных НКО Общественной палаты РФ Е.А. Тополева-Солдунова, говоря об экологических организациях, отметила: «...Это не приоритетное направление для господдержки. Раньше хорошей опорой для этой сферы были международные фонды. Российской замены им пока нет»¹⁶. Сокращение количества НКО в сфере природоохранной деятельности становится своеобразным тормозом на пути разви-

¹⁶ В России растет число патриотических и спортивных НКО. URL: <https://iz.ru/news/677126> (дата обращения 17.07.2022).

тия зеленой экономики, поскольку отсутствует эффективный общественный контроль как за деятельностью государственных и коммерческих структур, так и крупных промышленных монополий (Цепилова, 2019).

В связи с этим мы солидарны с теми коллегами, которые полагают, что экологическая проблематика по приоритетности значительно отстает от социально-экономической и политической (Великая, 2019; Расторгуев, 2022), при этом в политическом публичном пространстве она всегда отодвигалась на периферию, что объяснялось острой необходимостью решения экономических и социальных проблем. Попытки включить экологическую повестку в официальный дискурс обернулись декларативностью заявленных целей и задач и, как следствие, слабой включенностью населения в экологические проекты.

Невнимание общества к теме экологии не позволило закрепиться в политическом пространстве России «зеленой» политической партии, обладающей заметным политическим весом. Так, в выборах 2021 года принимали участие две партии экологической направленности: Российская экологическая партия «Зеленые», зарегистрированная еще в 2012 году, и новая партия «Зеленая альтернатива», зарегистрированная в 2020 году. Совокупный результат обеих партий по итогам выборов не достиг 2%, что не позволяет надеяться на успешный

экологический проект в поле российской политики в ближайшей перспективе. Экологическая составляющая в избирательных программах большинства политических партий, участвовавших в выборах 2021 года, представлена ограниченно, как правило, она обсуждалась в контексте других инструментальных задач (Расторгуев, 2022). Если программы партий «Единая Россия», «Справедливая Россия» и «Яблоко» включали отдельные разделы, посвященные экологии, то в программах других политических партий («Гражданская платформа», «Партия Роста», «Российская партия пенсионеров за справедливость») экологическая проблематика не поднимается вообще.

Вместе с тем в средствах массовой информации репрезентация экологических угроз представлена в полном объеме и охватывает широкий спектр имеющихся рисков и опасностей, связанных с окружающей средой. Однако в общем рейтинге угроз, репрезентируемых в СМИ, она находится на одном из последних мест по объему корпуса текстов. По итогам контент-анализа СМИ за 2012, 2015 и 2019 гг. среди публикаций, непосредственно относящихся к экологической тематике, удалось вычлнить основные кластеры по угрозам, наиболее часто упоминаемым в СМИ, а именно:

- вредные выбросы в атмосферу, загрязнение воздуха, вредные выхлопы и т. д. (139 публикаций за весь период);
- сохранение лесного фонда и зеленых насаждений — незаконные вырубки, лесные пожары, торфяники, короед, сухостой и т. д. (138 публикаций);
- сбор, накопление, хранение, сортировка, переработка и утилизация отходов и мусора (121 публикация);
- загрязнение вод мирового океана, рек, озёр, подземных вод, источников питьевой воды, сокращение водных ресурсов, обмеление водоемов, сохранение уникальных водных систем (Байкал, Волга), сточные воды и работа очистных сооружений (108 публикаций);
- вопросы соответствия предприятий и выпускаемой ими продукции экологическим стандартам и нормам экологической безопасности — воздействие на окружающую среду, снижение вредных выбросов и т. д. (67 публикаций);
- вопросы изменения климата — глобальное потепление, таяние ледников, подъем уров-

ня Мирового океана, парниковый эффект, разрушение озонового слоя (62 публикации);

- сокращение биоресурсов и биоразнообразие, нарушение/разрушение сложных экосистем (34 публикации);
- загрязнение почв, недропользование (34 публикации);
- вопросы атомной энергетики, разработки мирного атома, радиации (аварии на АЭС, их последствия и т. д.), радиоактивных захоронений (22 публикации);
- развитие электроэнергетики и альтернативных источников энергии, энергосбережение, утилизация источников электроэнергии (19 публикаций).

Публикации, относящиеся к вышеуказанным кластерам, формируют представление об экологии как о «проблеме», «факторе риска» и «источнике угроз». Самыми актуальными проблемами представляются сохранение лесного фонда (затрагиваются в 19% всех публикаций), загрязнение воздуха (19%), утилизация отходов/мусора (16%) и загрязнение воды (15%). При этом наиболее часто темы лесных насаждений, загрязнения воздуха и воды поднимались в 2012 году, а мусорная проблема — в 2019 году. В исследуемом периоде (2012–2019 гг.) рост актуальности характерен только для темы утилизации отходов. Значительно увеличилось количество публикаций, связанных с мусорной угрозой: с 6% материалов в 2012 году до 28% в 2019 году. Наиболее ощутимое падение актуальности в исследуемый период зафиксировано для угрозы сохранению лесного фонда и зеленых насаждений: с 25% в 2012 году до 14% в 2019 году; соответствия предприятий нормам экологической безопасности — 12% в 2012, 9% — в 2015 году, 7% — в 2019; загрязнения почв — 7% в 2012 году, 6% — в 2015, 2% — в 2019.

В общем объеме публикаций с 2019 года появились статьи, связанные с принятием и реализацией национального проекта «Экология», однако их было не более 20. Необходимо сказать, что и в настоящее время уровень информированности граждан об этом проекте не внушает оптимизма. Согласно результатам наших исследований, в 2020 году о национальном проекте «Экология» были информированы полностью лишь 1,7% респондентов; 16,5% — в средней степени, а половина (51%) не имели информации об этом проекте вообще (Левашов, 2020).

То, что российское общество по-прежнему недостаточно информировано о задачах и результатах реализации нацпроекта «Экология», отмечалось в экспертном докладе о ходе трех лет реализации нацпроекта «Экология» (с 2019 по 2021 год), представленном на заседании Общественного совета при Минприроды РФ 24 марта 2022 г. По мнению экспертов, необходимо «организовать масштабное общественное обсуждение мероприятий национального проекта с освещением в федеральных СМИ»¹⁷.

Оценивая важность национальных проектов для российского общества в целом, в 2021 году большинство граждан считали наиболее приоритетными из них «Здравоохранение» (78%) и «Образование» (70%). Проект «Экология» вышел на третье место, поскольку 64% опрошенных считали его значимым для российского общества (табл. 2).

Отметим, что проект «Экология» стабильно на протяжении трех лет занимает третье место в иерархии оценок значимости национальных проектов как лично для респондентов, так и для российского общества в целом. В 2020 году про-

ект находился по значимости для всего общества на четвертом месте, однако при этом доля назвавших его респондентов (74%) была наибольшей за все годы.

Анализ динамики оценок значения национального проекта «Экология» позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, по мнению граждан, важность проекта для всего общества, оставаясь высокой, все же снижается (с 72% в 2019 году до 64% в 2021 году, рост на 2 процентных пункта в 2020 году находится в пределах ошибки выборки). Такая картина характерна для оценки всех без исключения нацпроектов. Вероятно, сама тема национальных проектов постепенно вытесняется из общественного инфополя иными актуализировавшимися проблемами (коронавирус, санкции и пр.).

Во-вторых, оценка значимости проекта «Экология» лично для граждан за этот же период выросла с 48 до 55%. Можно предположить, что на бытовом уровне граждане все в большей степени осознают значимость «зеленой» повестки для улучшения качества жизни (рис. 1).

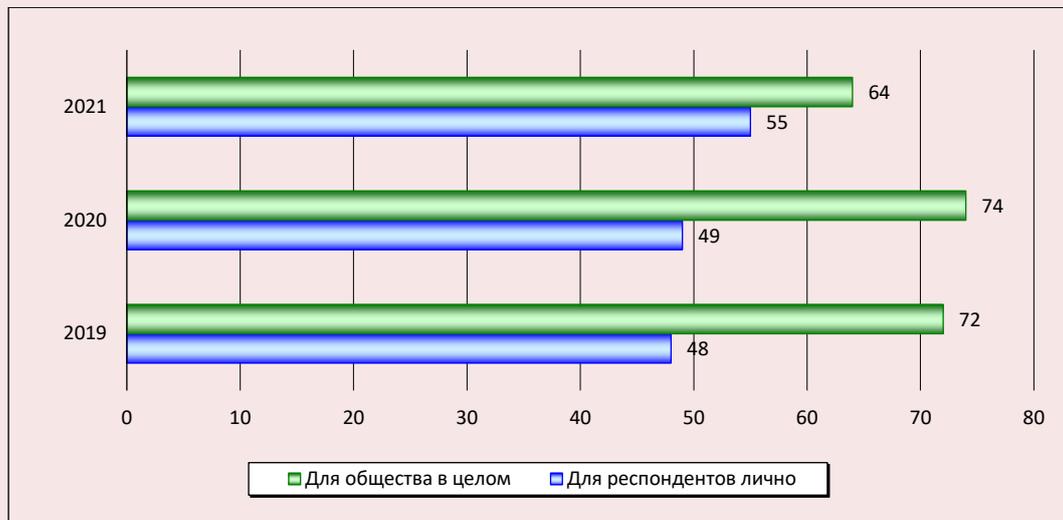
Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие национальные проекты, на Ваш взгляд, являются наиболее важными?», % от числа опрошенных (РФ, ответы ранжированы по столбцу «Для российского общества в целом, 2021»)

Национальный проект	Для Вас лично			Для российского общества в целом		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Здравоохранение	84	80	76	82	87	78
Образование	46	45	62	81	78	70
Экология	48	49	55	72	74	64
Жильё и городская среда	59	47	55	67	62	54
Культура	12	21	41	61	54	47
Наука	22	18	33	57	62	44
Производительность труда и поддержка занятости	29	31	31	60	56	44
Безопасные и качественные автомобильные дороги	47	58	46	66	76	43
Демография	13	14	21	52	63	34
Малое и среднее предпринимательство	18	18	28	38	54	33
Цифровая экономика Российской Федерации	11	20	11	53	50	21
Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры	4	4	9	38	27	18
Международная кооперация и экспорт	2	5	6	28	30	13

Источники: данные Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН; (Левашов, 2020; Левашов и др., 2021).

¹⁷ Нацпроект «Экология» приблизят к народу // Ведомости. Экология. 2022. 24 марта. URL: https://www.vedomosti.ru/ecology/national_projects/articles/2022/03/24/915083-natsproekt-ekologiya-priblizyat-k-narodu (дата обращения 16.05.2022).

Рис. 1. Динамика оценок важности проекта «Экология», 2019–2021 гг. (РФ), % от числа опрошенных

Источники: данные Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН; (Левашов, 2020; Левашов и др., 2021).

Современная экономическая и политическая ситуация, связанная с осуществлением специальной военной операции, обусловила необходимость скорректировать целевые показатели и нормы финансирования практически всех национальных проектов, в том числе экологического.

Обострение взаимоотношений с западными странами после начала военной операции на Украине вызвало пересмотр обязательств страны в сфере экологии. Председатель Высшего совета партии «Единая Россия» 21 апреля 2022 года опубликовал в «Российской газете» текст, который можно считать программным, где выступил против так называемой ESG-повестки, увязывающей проблемы экологии, социальной политики и вопросов управления, называя ее провокацией, «в которой экология служит лишь локомотивом для продвижения „демократических“ правил, стандартов и либеральных „ценностей“ ... Нам не нужно больше сверять наши ценности с западными, нам не нужно их сблизать, нам не нужно их даже сравнивать. Нам нужно лишь иметь выровненное информационное поле с нашими „партнерами“. А жить и дей-

ствовать так, как хорошо для наших граждан!»¹⁸

По мнению политика, следование зеленой повестке, формирование зеленой экономики, соблюдение подписанных обязательств становится невыгодным для граждан. Очевидно, что за этими словами и смыслами стоят те группы интересов, которым выгодна эксплуатация природных ресурсов без оглядки на природоохранное законодательство и международные обязательства страны, которыми теперь можно пренебречь.

В частности, «ЛУКОЙЛ», как и другие крупные нефтекомпании, в условиях жестких санкций испытывает серьезные проблемы с отгрузками топлива, что грозит снижением производства и остановкой нефтеперерабатывающих заводов. Чтобы избежать этого, компания хочет перенаправить избыток мазута на ТЭЦ и предлагает временно отменить высокие штрафы за негативное воздействие на экологию. Такие же послабления нужны для сжигания попутного нефтяного газа, которое, по мнению представителей «ЛУКОЙЛа», может увеличиться из-за временной невозможности продавать за рубеж производимые из него сжиженные углеводородные газы (СУГ).

¹⁸ Борис Грызлов — об экологическом суверенитете России // Российская газета. Федеральный выпуск № 13. URL: <https://rg.ru/2022/01/21/boris-gryzlov-ob-ekologicheskom-suverenitete-rossii.html> (дата обращения 16.07.2022).

Эти меры фактически грозят отказом от политики «зеленого перехода», создают дополнительные риски окружающей среде и сократят расходы на федеральные проекты в рамках национального проекта «Экология». Возможный возврат к использованию мазута фактически нивелирует смысл федерального проекта «Чистый воздух»¹⁹, а в перспективе отказ ряда предприятий от зеленых проектов не пойдет на пользу российской экономике в целом.

Будут ли эти нововведения активно обсуждаться в информационном пространстве и вызовут ли негативную реакцию со стороны гражданского общества, покажет время.

Общественное мнение об экологических рисках и угрозах

Очевидно, что решение любой проблемы, какими бы блестящими ни были ее обоснование и разработка на уровне принятия политических решений, невозможно без имеющегося общественного консенсуса.

Предлагая рассмотреть эволюцию социальных представлений о различных сторонах актуальной экологической повестки, мы исходим из того, что в современном высокотехнологизированном обществе перспективы безопасности и устойчивого развития связаны с угрозами и рисками, возникающими в социокультурной сфере, не в меньшей степени, чем с угрозами военного или техногенного характера. В контексте нашего исследования определяющей является трансформация системы ценностей, связанной с потребительским отношением к окружающей среде, в систему ценностей, ориентированной на устойчивое развитие.

Индикаторы, заложенные в инструментарий мониторинга «Как живешь, Россия?», позволяют выявить уровни и структуру тревожности респондентов. Экологические проблемы входят во вторую по значимости группу страхов, после страхов экономического порядка: сокращение доходов, потеря работы, невозможность обеспечить семье достойную жизнь и т. д. (рис. 2).

Рис. 2. Структура тревожности респондентов (распределение ответов на вопрос «Какие проблемы беспокоят Вас в первую очередь?»), 2021 год, РФ, % от числа опрошенных

Источник: данные Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

¹⁹ Федеральный проект «Чистый воздух». URL: <https://www.mnr.gov.ru/activity/clean-air/> (дата обращения 16.07.2022).

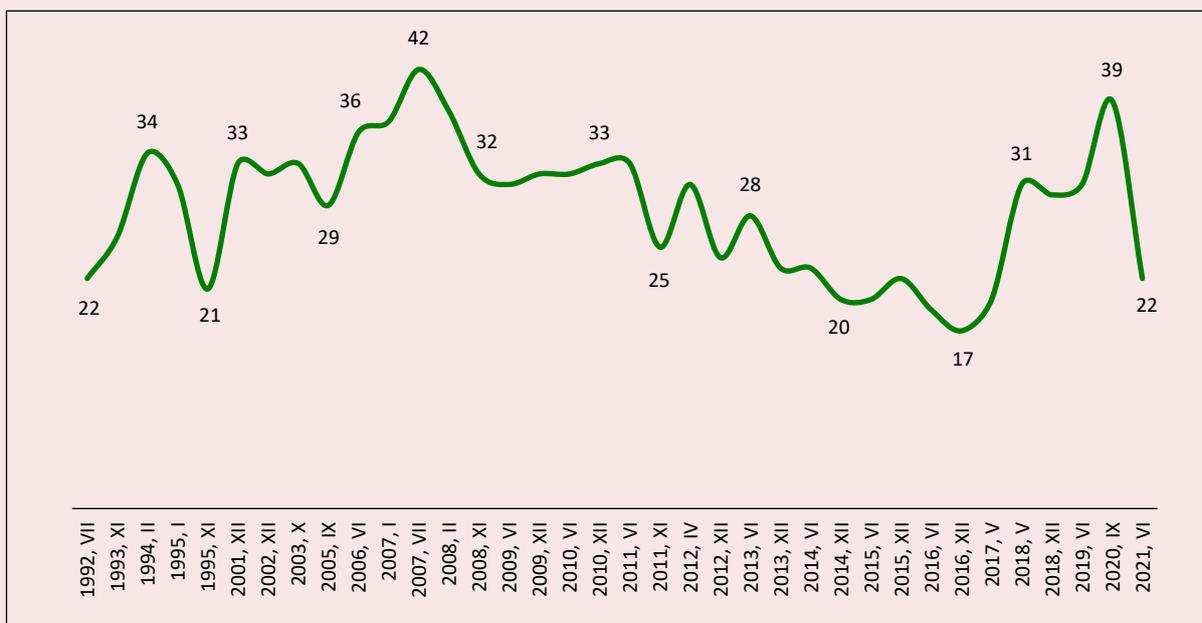
В частности, в июне 2021 года уровень и структура тревожности российских граждан определялись рядом взаимосвязанных факторов, возникших в последние 2–3 года. Влияние таких факторов, как мировой экономический кризис, напряженная эпидемиологическая обстановка, взрывной рост внедрения цифровых технологий усилило уже традиционные для российского общества тревоги не только по поводу материального положения и ущемления интересов наиболее уязвимых слоев (пенсионеров, низкооплачиваемых работников и пр.), но и экологической обстановки. Экологические риски, как правило, входят в первую пятёрку в общем рейтинге наиболее значимых тревог граждан. Максимальная обеспокоенность экологической обстановкой в течение всего периода наблюдений отмечалась в 2007–2008 гг. (37–42% опрошенных). Затем она снизилась до 17–20% в 2014–2017 гг. и вновь подскочила до 39% в 2020 году. В среднем, по данным социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», за весь период наблюдений около трети респондентов высказали озабоченность экологической ситуацией (рис. 3).

Интересно, что общероссийская выборка не дает существенных расхождений в ответах по возрасту. Треть опрошенных (34% молодежи и 30% старшего поколения) воспринимают ухудшение экологической обстановки как угрозу.

Зато есть очевидные территориальные различия, связанные с местом жительства респондентов. Как показывают наши исследования, наиболее остро экологические проблемы стоят в областных центрах, малых и средних городах России, особенно в столицах субъектов Федерации, где большинство опрошенных замечает ухудшение экологической ситуации (рис. 4). Действительно, количество довольно острых противостояний гражданского общества и власти по поводу экологических проблем в последние годы имело место в Московской области, Санкт-Петербурге и Ленинградской области, Челябинской, Архангельской, Кемеровской, Тюменской областях, Хабаровском крае, Волгоградской области и др.

Экологические проблемы, тревожащие российских граждан, по генезису условно можно подразделить на природные и антропогенные. Представленные данные позволяют заключить,

Рис. 3. Динамика тревожности респондентов по поводу экологической ситуации, РФ, % от числа опрошенных

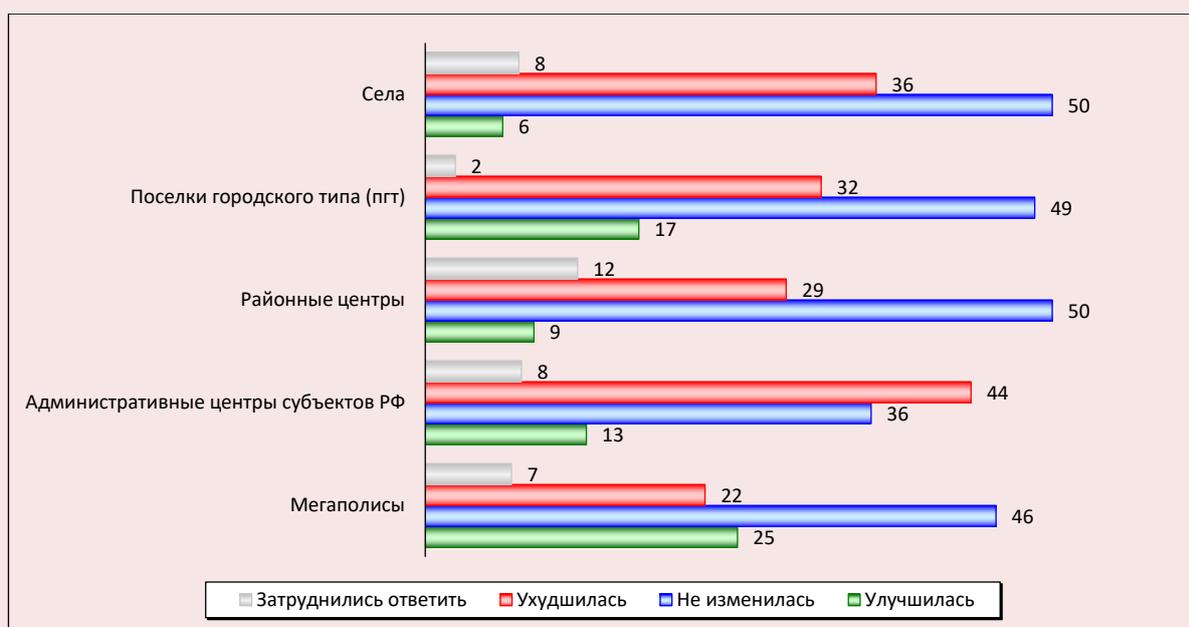

Источник: данные Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

что возможность усугубления антропогенных, в частности техногенных, проблем вызывает у респондентов наибольшую тревогу. Возможность актуализации угроз, связанных с загрязнени-

ем атмосферы, почвы и водных ресурсов Земли вредными выбросами промышленности и транспорта, вырубкой лесов, загрязнением водоемов, беспокоит 40% и более граждан (рис. 5).

Рис. 4. Мнение жителей поселений разного типа о том, как изменилась экологическая обстановка в месте проживания за последние 5 лет, 2019 г., РФ, % от числа опрошенных

Источник: данные Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Возможность усугубления каких из нижеперечисленных проблем вызывает у вас наибольшую тревогу?», РФ, декабрь 2020 г., % от числа опрошенных (N = 1563)

Источник: данные Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Четвертая часть опрошенных граждан опасается размещения экологически вредных и опасных промышленных производств в местах проживания людей (25%), а также проблем, связанных со сбором, переработкой и утилизацией мусора (23%). Каждый пятый выражает тревогу в связи с появлением мусорных полигонов и свалок вблизи проживания людей (18%), что коррелирует с результатами упоминаемого нами исследования НАФИ, где «опрошенные, считающие экологическую ситуацию в своем населенном пункте неблагоприятной, в первую очередь жалуются на большое количество мусора, свалок (58%)»²⁰.

Собственно аварии, техногенные катастрофы вызывают беспокойство 18% граждан — цифра значительная, но несравнимо меньше, чем опасения, связанные с непосредственной производственной деятельностью и жизнедеятельностью населения. К тому же к антропогенным проблемам вплотную примыкают дефицит натуральных и экологически чистых продуктов питания (27%) и ухудшение качества питьевой воды (22%), которые в значительной степени обусловлены человеческой деятельностью. Угроза нарастания природных катаклизмов (наводнений, пожаров, землетрясений и т. д.) тревожит 25% респондентов, опасности, связанные с изменением климата (глобальным потеплением), — 22%.

Несомненно, все эти опасения имеют под собой объективное основание. Коэффициент изношенности основных фондов предприятий в 2020 году составил, по данным Росстата, свыше 60%, износ транспортных средств — порядка 50%²¹. Несвоевременное замещение производственных фондов остается первопричиной роста техногенных угроз — загрязнения атмосферы, почвы и водоемов вредными выбросами. И хотя к предприятиям промышленности и сельского хозяйства, производителям топлива

в настоящее время предъявляются требования обеспечить экологическую безопасность производства, их выполнение не всегда происходит в полном объеме. В 2020 году, чтобы компенсировать убытки, предприятия стали экономить на экологических мероприятиях и приостановили модернизацию машин и оборудования.

В течение ряда последних лет в результате неконтролируемой вырубki сокращаются лесные массивы, что ведет к сужению зон обитания птиц и животных, уничтожению уникальных видов растений. Кроме того, угрозу для лесов представляют расширение населенных пунктов, строительство транспортных магистралей, лесные пожары. Пополнение лесного фонда происходит гораздо более медленными темпами, чем его вырубка. Решение большей части экологических проблем, имеющих техногенную природу, упирается в интересы собственников экономических объектов. В условиях рыночной экономики, особенно во время экономического кризиса, первоочередной задачей собственника является сохранение и приумножение прибыли, что заставляет еще больше экономить на средствах по соблюдению экологических норм.

Экологическое сознание и его носители

Формирование экологического благополучия непосредственно связано с экологической культурой, освоением определённых социальных норм. Наши данные показывают, что изменения общественного сознания в сфере природоохранных практик происходят, но медленными темпами (табл. 3).

Заметно выросло количество респондентов, демонстрирующих, что они готовы к сортировке мусора и сдают его в специальные пункты приема, но большинство практик связаны с необходимостью снижать ежедневное потребление: почти на 10 процентных пунктов выросло количество тех, кто экономит в быту воду, газ, электричество, покупает энергосберегающие товары²² (Левашов, 2020).

²⁰ Чистые воздух, вода и почва — «три кита» хорошей экологии по мнению россиян. URL: <https://nafii.ru/analytics/chistye-vozdukh-voda-i-pochva-tri-kita-khoroshey-ekologii-po-mneniyu-rossiyan/> (дата обращения 15.07.2022).

²¹ Основные фонды по данным Росстат (Табл. Степень износа и амортизация). URL: <https://rosinfostat.ru/osnovnye-fondy/#i-5> (дата обращения 16.07.2022).

²² Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. (2014). Как живешь, Россия?: XL этап социологического мониторинга, июнь 2014 года: экспресс-информация. М.: ФГБУН ИСПИ РАН. 47 с. С. 40.

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что из перечисленного Вы делаете для охраны природы?», РФ, % от числа опрошенных

Вариант ответа	2014, V	2020, XII
Стараюсь выбрасывать мусор только в специально отведенные для этого места	82	80
Собираю за собой мусор после поездки на природу	59	67
Участвую в субботниках по уборке территории	29	30
Сдаю опасный мусор (лампы, батарейки и т. п.) в специальные пункты приема	5	18
Экономлю в быту воду, газ, электричество	36	45
Покупаю энергосберегающие товары, технику	29	41
Ничего из перечисленного не делаю	3	6
Делаю что-то другое	1	2
Затруднились ответить	2	2

Источник: данные Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Очевидно, что у российских граждан растет осознание, что нынешнее избыточное потребление населением планеты природных ресурсов и полезных ископаемых, потребительское отношение к окружающей среде происходит за счет будущих поколений и в ущерб им. Число согласных с этим утверждением, кого мы условно можем назвать «ответственными за будущее», выросло с 2014 года на 8 процентных пунктов, достигнув половины общего количества респондентов. Количество несогласных сократилось на 6 процентных пунктов. Однако треть опрошенных не определили свою позицию по этому вопросу (табл. 4).

Тех, кто ощущает ответственность перед будущими поколениями (назовем эту группу «ответственными»), в большей степени тревожат в первую очередь антропогенные проблемы (рис. 6): вырубка лесов, загрязнение водоёмов (разница 22 процентных пункта), проблемы сбора, переработки и утилизации мусора (разница 16 процентных пунктов), размещение

экологически вредных и опасных промышленных производств в местах проживания людей (разница 14 процентных пунктов), а также природные катаклизмы (разница 14 процентных пунктов).

Для «равнодушных» на первом месте также находится антропогенный фактор, однако он имеет менее конкретное содержание и не предполагает определение субъекта проблем. На втором месте в этой группе — дефицит натуральных и экологически чистых продуктов питания.

Мы рассматриваем группу «ответственных» как носителей нового типа экологического сознания, основными факторами формирования которого становятся социально-демографические, политические и социокультурные. В частности, группа «ответственные» значительно моложе: 39% в ней составляет молодёжь до 35 лет, число женщин (53,2%) несколько выше числа мужчин; уровень достатка выше, чем у «равнодушных»: больше процент

Таблица 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Считаете ли Вы, что сегодняшние потребности человечества в ресурсах, полезных ископаемых и окружающей среде удовлетворяются за счет будущих поколений?», РФ, % от числа опрошенных

Вариант ответа	2014, V	2020, XII
Да	43	51
Нет	24	20
Затруднились ответить	33	29

Источники: данные Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН; Левашов В.К., Афанасьев В.А., Новоженина О.П., Шушпанова И.С. (2014). Как живешь, Россия?: XL этап социологического мониторинга, июнь 2014 года: экспресс-информация. М.: ФГБУН ИСПИ РАН. 47 с.; (Левашов, 2020).

Рис. 6. Распределение мнений респондентов о том, что сегодня является самым опасным для окружающей среды, с дифференциацией по типологическим группам «ответственных» и «равнодушных», РФ, % от числа опрошенных в группах

Рассчитано по: данные Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН; Куда идешь, Россия? (2021). Экспресс-информация / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]; отв. ред. В.К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН. 47 с. URL: <http://испи.рф/wp-content/uploads/2021/02/куда-идешь-россия-экспресс.pdf>. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-344-7.2021

«обеспеченных» и меньше доля «бедных»²³. Представители этой группы в подавляющем большинстве (74,2%) считают, что «людям у власти нет никакого дела до простых людей» (обратное мнение высказали 3,5%), что сопряжено и с другими претензиями к государству, например в социальной сфере. «Ответственные» в меньшей степени склонны доверять государственным институтам, общественным организациям и особенно СМИ

²³ Согласно инструментарию социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», по самооценке уровня доходов приняты условные обозначения: «богатые» — денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать; «обеспеченные» — покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает трудностей; «ограниченные в средствах» — денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды; «бедные» — денег хватает только на приобретение продуктов питания; «нищие» — денег не хватает даже на приобретение продуктов питания.

(48,9% не доверяют, 6,7% доверяют). В социально-политическом плане это скорее оптимисты: большинство (45,2%) чувствуют уверенность в завтрашнем дне, не чувствуют уверенности 19,6%. Говоря о будущем России, большинство в группе (38,9%) считают, что рано или поздно вокруг России начнется процесс объединения народов.

Что касается группы «равнодушных», среди них больше мужчин, меньше молодежи, ниже уровень достатка. Представители этой группы более конформны: на 21 процентный пункт меньше (по сравнению с «ответственными») доля считающих, что «людям у власти нет никакого дела до простых людей», они скорее доверяют (30,3%), чем не доверяют (25,6%) общественным организациям; в значительно большей степени, чем «ответственные», доверяют СМИ — 22,6%. 42,6% «равнодушных» не чувствуют уверенности в завтрашнем дне.

Очевидно, что запрос на безопасную среду обитания к государству со стороны общества растет. Это актуализирует «зеленую повестку», несмотря на проблемы социально-экологического характера. По результатам 51-го этапа мониторинга «Как живешь, Россия?» (2021 г.) почти половина опрошенных (47%) полагают, что государство не реализует право граждан на безопасную окружающую среду²⁴. Следовательно, природоохранная тема в протестном движении ближайших лет, вероятно, сохранится.

Заключение

В настоящее время, несмотря на разделяемые мировым сообществом ценности зеленой экономики и экологической модернизации (Weale, 1992; Mol, Spaargaren, 1993), существует высокий риск возникновения новых угроз, в том числе в экологической сфере, нуждающихся в идентификации и интерпретации. При этом взаимозависимые процессы глобализации – локализации меняют характер рисков и угроз, которые встают перед индивидом и обществом, и способность социальных субъектов противостоять этим угрозам.

Природоохранные и климатические проблемы пусть медленно, но приобретают политическое измерение и в России, становясь неотъемлемой частью политической повестки дня, где важную роль играет экологическая модернизация.

Основными субъектами, занимающимися экологической проблематикой, в последние годы становятся государство и аффилированные с ним структуры гражданского общества, в то время как независимые некоммерческие организации вытесняются на периферию общественной жизни. Это проявляется в сокращении количества гражданских инициатив, нацеленных на решение экологических проблем. Как результат, основными акторами экологических и природоохранных движений остаются местные и региональные гражданские инициативы, которые ограничиваются территориальными

проблемами, связанными с повседневной жизнью и возможностью ухудшения экологической обстановки в зависимости от действий власти.

Как свидетельствуют результаты исследований, формирующееся экологическое сознание постепенно становится существенной актуальной частью общественного сознания. Экологические проблемы общества начинают в значимой мере восприниматься российскими гражданами как осознаваемая угроза благополучию, возникают предпосылки для активного участия людей в решении экологических проблем настоящего и будущего.

Можно констатировать, что сегодня в России население не имеет полноценного доступа к объективной, достоверной и своевременной информации о состоянии окружающей среды в местах своего непосредственного проживания, тем более о глобальной экологической ситуации. Плохая осведомленность граждан о ходе реализации национального проекта «Экология» позволяет говорить о том, что профильное министерство уделяет недостаточно внимания организации связей с общественностью и информированию общества о решении экологических проблем. Между тем, осознание гражданами важности национальных проектов и участие в их реализации невозможно без полного и адресного информирования о стратегических целях и задачах федеральных и региональных программ в экологической сфере.

Большинство граждан России имеют представление о том, что такое благоприятная окружающая среда, какова эта среда в месте проживания и какие экологические проблемы региона являются наиболее важными. Формируются отдельные социальные группы, в большей степени обеспокоенные экологическими угрозами, что ведет к экологизации сознания, выражающейся в более ответственном и последовательном экологическом поведении. Основным носителем нового экологического сознания выступает молодёжь, живущая в крупных городах, со сравнительно высоким уровнем доходов. Для нее характерны черты социального оптимизма – уверенность в завтрашнем дне, вера в будущее России. При этом молодые люди скорее

²⁴ Как живешь, Россия? (2021). Экспресс-информация. 51 этап социологического мониторинга, июнь 2021 года: [бюллетень] / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]; отв. ред. В.К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН. С. 42. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9956>. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-368-3.2021

не склонны доверять действиям властных структур и общественных организаций в сфере экологии, решительно не доверяют СМИ, надеются на собственные силы и проявляют более высокий уровень гражданской зрелости.

Именно эти группы артикулируют запрос к государству и полагают, что важнейшими мерами для предотвращения угроз техногенного характера становятся обеспечение выполнения законодательства в части охраны окружающей среды, ужесточение требований к утилизации

химических отходов, очистке выбрасываемых газов, продуктов производства, внедрение экологических индикаторов и стандартов.

Полученные результаты не только позволят актуализировать инструментарий будущих волн исследования в рамках мониторинга, но могут использоваться для разработки стратегий повышения вовлеченности населения в решение экологических проблем в стране и регионах, прежде всего в рамках взаимодействия государства, гражданского общества и бизнеса.

Литература

- Аксенова О.В. (2006). Социально-экологическая рефлексия на Западе // История и современность. № 2. С. 162–187.
- Ашхамаф А.Р. (2010). Экологическое сознание: к проблеме определения понятия // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. № 3. С. 15–18.
- Бабкин В.О. (2014). Социальная экология как новая развивающаяся дисциплина и ее взаимосвязь с экологией человека // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. № 3. С. 183–186.
- Беркут В.П. (2010). Экофобное сознание: история и современность // Военно-исторический журнал. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekofobnoe-soznanie-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения 12.05.2022).
- Бондарев В.П. (2010). Исторические корни и теоретический базис современной инвайронментальной социологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. № 2. С. 3–20.
- Букчин М. (1996). Реконструкция общества. На пути к зелёному будущему. Нижний Новгород: Третий путь. 195 с.
- Великая Н.М. (2019). Социокультурные угрозы и возможности устойчивого развития // Стратегия прорыва и цифровая реальность России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2019 году: колл. монография / под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской. М.: Перспектива. С. 619–664.
- Воронов Б.А., Нарбут Н.А. (2013). Экологический каркас территории и его системные свойства // География и природные ресурсы. № 3. С. 171–177.
- Воронцов С.А., Понеделков А.В., Нувахов Т.А. (2017). Экологическая безопасность как составная часть национальной безопасности России: проблемы и направления их разрешения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. № 3 (82). С. 134–137.
- Гладун Е.Ф. [и др.] (2021). Управление «зеленым» регионом: концепция эколого-ориентированного регионального развития // Вопросы государственного и муниципального управления. № 3. С. 31–52.
- Гордин И.В., Рюмина Е.В. (2021). Регионально-экологические факторы в ментальной составляющей человеческого потенциала // Регионоведение. Т. 29. № 1 (114). С. 151–171. DOI: 10.15507/2413-1407.114.029.202101.151-171
- Дерябо С.Д. (1999). Экологическая психология: диагностика экологического сознания. М.: Моск. псих.-соц. институт. 306 с.
- Ефременко Д.В. (2006). Эколого-политические дискурсы: Возникновение и эволюция. М.: ИНИОН. 284 с.
- Кефнер Н.В., Моргун А.В. (2020). Экологические некоммерческие организации в Российской Федерации в условиях принятия закона «об иностранных агентах»: последствия и способы адаптации // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт: сб. научн. статей XI Всеросс. Конф. с междунар. участием / редколл.: Н.В. Кефнер, Ю.В. Попова (отв. ред.) [и др.]. С. 320–330.

- Козловский В.В., Недосека Е.В., Тишков С.В. (2022). Экологические практики обращения с твердыми коммунальными отходами в малых городах европейской части Арктической зоны Российской Федерации // Регионология. Т. 30. № 1 (118). С. 129–154. DOI: 10.15507/2413-1407.118.030.202201.129-154
- Кулясов И.П. (2005). Экологическая модернизация: теоретические аспекты // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 8. № 3. С. 100–113.
- Левашов В.К. (2020). Политическая культура российского общества (Опыт социологического исследования): монография. М.: ФНИСЦ РАН. 307 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-347-8.2021
- Лосев А.В., Провадкин Г.Г. (1998). Социальная экология. М.: Гуманитарный изд. центр «Владос». 312 с.
- Маслова Е.А. (2022). Глобальный зеленый императив: место России в международном климатическом режиме // Полис. Политические исследования. № 1. С. 19–30. DOI: 10.17976/jpps/2022.01.03
- Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д. (1991). Пределы роста / перевод А. Саркисов. М.: Издательство МГУ. 208 с.
- Орешкина Т.А. (2014). Экологическое сознание населения в деятельности местного самоуправления (на примере старопромышленных городов Урала // История и современность. Вып. 2 (20). С. 112–126.
- Орешкина Т.А., Коняшкин В.А. (2018). Экологическое сознание и экологические дискурсы цивилизации // Ойкумена. № 4. С. 133–144.
- Панов В.И. (2004). Экологическая психология: Опыт построения методологии. М.: Наука. 197 с.
- Расторгуев С.В. (2022). Экологическая проблематика в предвыборных программах парламентских партий России в 2021 г. // Власть. № 2. С. 59–65.
- Левашов В.К., Великая Н.М., Шушпанова И.С. [и др.] (2021). Социальное государство и гражданское общество в условиях реализации национальных проектов: монография / отв. ред. В.К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН. 128 с. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=9514
- Цепилова О.Д. (2019). Политическое и социально-экономическое развитие современной России: экологические ограничения и риски // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. № 2. С. 20–27.
- Шумейко А.А. (2003). Формирование экологического менталитета как общественная потребность // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. № 1. С. 46–54.
- Шушкова Е.В., Элбакидзе М., Бирюкова М.В. (2017). Обоснование элементов зелёной инфраструктуры на региональном уровне // Псковский регионологический журнал. № 2 (30). С. 96–107.
- Яницкий О.Н. (2014). К вопросу о концепции экосоциального знания // Социологические исследования. № 4. С. 3–13.
- Beck U. (2010). *World at Risk*. Cambridge: Polity Press.
- Beck U., Kropp K. (2007). Environmental risks and public perceptions. In: Pretty J., Ball A.S., Benton T. et al. (Eds.). *Sage Handbook on Environment and Society*. Sage. Available at: https://www.researchgate.net/publication/263656251_Environmental_Risks_and_Public_Perceptions
- Bookchin M. (1993). What is social ecology? In: Zimmerman M.E. et al. (Eds.). *Environmental Philosophy: From Animal Rights to Radical Ecology*. Englewood Cliffs (New Jersey): Prentice-Hall, Inc.
- Dunlap R.E., Catton W.R. (1994). Struggling with human exemptionalism: The rise, decline, and revitalization of environmental sociology. *The American Sociologist*, 25(1), 25–30.
- Catton W.R., Dunlap R.E. (1978). Environmental sociology and new paradigms. *The American Sociologist*, 13, 41–49.
- Mol A.P.J. (1995). *The Refinement of Production. Ecological Modernization Theory and the Chemical Industry*. Utrecht: Van Arkel.
- Mol A.P.J., Spaargaren G. (1993). Environment, modernity and the risk-society. The apocalyptic horizon of environmental reforms. *International Sociology*, 4, 431–459.
- Weale A. (1992). *The New Politics of Pollution*. Manchester – New York: Manchester University Press.
- Wolf E. (1972). Ownership and political ecology. *Anthropological Quarterly*, 45(3), 201–205.

Сведения об авторах

Наталья Михайловна Великая – доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт социально-политических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: natalivelikaya@gmail.com)

Ольга Петровна Новоженина – старший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: olganov@mail.ru)

Velikaya N.M., Novozhenina O.P.

Environmental Threats as a Factor Promoting Environmental Consciousness

Abstract. The article examines changes in environmental consciousness, which depend on how environmental threats are presented and perceived in public opinion and public discourse in Russia. Using the theory of socio-cultural risks and threats, we consider the formation of the so-called environmental paradigm, which interprets environmental consciousness as part of public consciousness. Analyzing the inclusion of the environmental agenda in the domestic public and political discourse, we show that since the 1990s Russian legislation has been guided by international documents in this area, and the Russian Federation has actively participated in all significant international environmental forums. The attack on the non-profit sector initiated by the state authorities in the 2010s significantly reduced the number of non-governmental organizations in the environmental sphere and affected the content of public discourse. The low level of awareness of the progress and content of the national project “Ecology” indicates insufficient interaction of the Ministry of Natural Resources and Environment of the Russian Federation with civil society institutions and representatives of local environmental initiatives. As a result, poor involvement of the population in environmental processes can potentially lead to the emergence of occasional environmental protests. The data of sociological studies show that public awareness of environmental threats is growing rather slowly and unevenly. In the overall rating of threats, environmental threats usually rank 3rd–4th, but this has a small effect on environmental behavior and on the formation of nature-saving social practices. We consider promoting environmental consciousness as a process of helping people to become more aware of anthropogenic risks and strive for a healthy ecological environment. The typological group of “responsible” individuals identified on the basis of this approach differs from the group of “indifferent” ones according to a number of socio-demographic and socio-political features and demonstrates weak positive dynamics.

Key words: sustainable development, ecology, environmental consciousness, ecological crisis, national projects, social practices, ecological modernization.

Information about the Authors

Nataliya M. Velikaya – Doctor of Sciences (Political Science), Professor, deputy director for science, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences Moscow, Russian Federation (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: natalivelikaya@gmail.com)

Ol'ga P. Novozhenina – Senior Researcher, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences Moscow, Russian Federation (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: olganov@mail.ru)

Статья поступила 20.05.2022.

Возрастной фактор цифрового разрыва: грани неравенства

Мария Андреевна

ГРУЗДЕВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8759-4953; ResearcherID: H-4981-2017

Аннотация. В конце 90-х годов прошлого и начале настоящего столетия в связи с увеличением темпов распространения интернета в отдельных странах мира и, соответственно, отставанием других стран стал актуальным вопрос изучения цифровых разрывов. На современном этапе, когда наличие цифрового неравенства в мире и отдельных государствах очевидно и доказано, исследователи обратились к его факторам. В статье поставлена цель оценить влияние возрастного фактора на масштабы и распространённость цифрового неравенства в рамках трёхуровневой модели. Для ее достижения рассмотрены теоретико-методологические подходы к изучению возрастного фактора цифрового неравенства; проанализированы тенденции использования информационно-коммуникационных технологий представителями различных возрастных групп, особенности включенности в цифровую среду детей, подростков и населения третьего возраста. В качестве теоретической основы используется модель трёх уровней цифрового неравенства, разрабатываемая современными учёными. Согласно ей неравенство проявляется в доступе к техническим средствам, различиях цифровой грамотности населения и преимуществ, получаемых от цифровизации. В ходе работы применялся комплекс общенаучных методов. Выявлено существование значительных различий в практиках использования персональных компьютеров и интернета у представителей разных возрастных групп, рассчитаны периоды времени, необходимые для сокращения межпоколенческих разрывов в России и Вологодской области. Оценены влияние онлайн-практик на жизнь человека, цели использования интернета и возможности получения бонусов от этого, наличие цифровых навыков для различных возрастных групп населения Вологодской области. Научная новизна проведённого исследования заключается в оценке влияния возрастного фактора на распространённость параметров цифрового нера-

Для цитирования: Груздева М.А. (2022). Возрастной фактор цифрового разрыва: грани неравенства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 228–241. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.14

For citation: Gruzdeva M.A. (2022). The age factor in the digital divide: The edges of inequality. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 228–241. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.14

венства на региональном уровне. Результаты могут быть полезны для определения групп риска исключенности из процессов цифрового развития, формулирования актуальности социальных программ переподготовки трудоспособного населения в соответствии с требованиями новых рабочих мест, обучения пожилых людей цифровым навыкам и принятия управленческих решений для успешного цифрового развития.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, цифровое неравенство, возрастной фактор, молодежь, пожилые люди, люди старшего возраста, люди среднего возраста, цифровые навыки, интернет.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта 21-011-31702 «Диджитализация гражданского участия: прогресс в достижении социальных эффектов vs имитация общественно полезной деятельности».

Введение

Вопросы изучения цифрового неравенства стали актуальной повесткой научных исследований в рамках масштабной цифровизации экономики и повседневных практик населения. И если в начальный период развития современных информационных технологий исследователей интересовал непосредственный доступ к информационно-коммуникационным технологиям (технический, материальный, собственно потребность в них в ценностно-культурных рамках и ориентирах модернизационного развития), то сейчас, когда каждый второй житель Земли пользуется интернетом (или 53,6 человека из 100 в 2019 году¹), наиболее актуально изучать собственно технологии, их цели и факторы неравного доступа к ним.

Цифровые технологии производятся и используются неравномерно, различия наблюдаются как на межстрановом, так и на внутристрановом уровне. Это стало предметом множества зарубежных и отечественных исследований (Nieminen, 2016; Ragnedda, Kreitem, 2018; Ragnedda, 2018; Груздева, 2020; Шиняева и др., 2019; Гладкова и др., 2019). Вместе с тем вопросы, связанные с факторами цифрового неравенства, особенно на локальном уровне (в случае с Россией между и внутри регионов, муниципальных образований), остаются недостаточно изученными. Кроме того, одна из насущных проблем, относящихся к цифровизации общества, заключается в понимании

механизмов, с помощью которых устоявшиеся, институционализованные формы взаимодействия в обществе, социальные представления, ценности и ориентации будут меняться в новом социальном контексте (Зарубина, Власова, 2018). Так, на современном этапе цифрового развития проявляются тенденции, тем или иным образом связанные с людьми разных возрастных групп и поколений: более раннее приобщение детей к цифровым ресурсам (Шабунова, Короленко, 2019), цифровизация рабочих мест, что актуально для людей трудоспособного возраста, старение населения и обусловленные им барьеры цифрового участия наравне с его возрастающей важностью для людей старших возрастов (Сенокосова, 2018; Смирных, 2020). Это предопределяет актуальность исследований в данном направлении.

Цель нашего исследования состоит в оценке влияния возрастного фактора на параметры цифрового неравенства в рамках трёхуровневой модели. Для достижения цели были поставлены и реализованы следующие задачи: рассмотрены теоретико-методологические подходы к изучению влияния возрастного фактора на цифровое неравенство; проанализированы тенденции использования ИКТ людьми разных возрастов, особенности включенности в цифровую среду детей и подростков, представителей третьего возраста.

Научная новизна проведённого исследования заключается в оценке влияния возрастного фактора на распространенность параметров цифрового неравенства на региональном уровне.

¹ Источник: Всемирная база данных МСЭ по показателям в области электросвязи. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/default.aspx>

Материалы и методы

В основу исследования легла трёхуровневая модель цифрового неравенства, получившая широкое распространение за рубежом (один из ярких представителей направления – Massimo Ragnedda) и развивающаяся в России (научная школа НИУ ВШЭ – М.Ю. Архипова, В.П. Сиротин; МГУ им. М.В. Ломоносова – А.А. Гладкова; Казанский федеральный университет – В.З. Гарифуллин; Ульяновский государственный университет – А.Р. Сафиуллин, О.А. Моисеева и другие) (Архипова и др., 2018; Гладкова и др., 2019; Сафиуллин, Моисеева, 2019). Согласно модели, цифровой раскол может проявляться на трех основных уровнях: 1) уровне доступа населения к интернету и другим ИКТ; 2) уровне цифровых компетенций пользователей и цифровой грамотности; 3) уровне социальных преимуществ, которые пользователи получают при грамотном и полноценном применении цифровых технологий в профессиональной и частной жизни. В совместной работе одного из основоположников модели М. Ragnedda (Великобритания) и ученых из России – А.А. Гладковой (МГУ им. М.В. Ломоносова) и В.З. Гарифуллина (Казанский (Приволжский) федеральный университет) очерчен круг возможных индикаторов оценки каждого из уровней неравенства (Гладкова и др., 2019), которые и легли в основу нашего исследования.

Для реализации цели и задач использован комплекс научных методов, в частности сравнительный анализ, статистический анализ, социологические методы. Для анализа результатов применяются методы системно-структурного и кросс-табуляционного анализа, для оценки динамики разрывов – метод «расстояния во времени», проводится сравнение общероссийских данных с региональными. Теоретическую базу составили научные работы по проблематике цифрового неравенства, его распространённости, методикам оценки, детерминирующим факторам.

Объект исследования – Вологодская область. Период исследования в каждом случае ограничивается доступностью статистических данных.

Информационной базой для работы послужили официальные данные Международного

союза электросвязи, сборники статистических показателей, издаваемые совместно Росстатом и НИУ «Высшая школа экономики»: «Индикаторы цифровой экономики», «Информационное общество в Российской Федерации» и «Информационное общество: основные характеристики субъектов Российской Федерации». Также учтены данные нескольких региональных опросов населения, проведенных ФГБУН «Вологодский научный центр РАН»:

1. Опрос населения Вологодской области в августе 2020 года (объем выборки – 1500 человек, выборка репрезентативная, ошибка не превышает 5%, способ проведения – анкетирование по месту жительства респондента).

2. Опрос семей с детьми в возрасте 3–17 лет в Вологодской области в 2018 году (объем выборки – 1500 человек, выборка репрезентативная, ошибка не превышает 5%, способ проведения – анкетирование по месту жительства респондента).

3. Опрос пожилых людей «Качество жизни пожилых» в Вологодской области в 2015, 2018 гг. (объем выборки – 1500 человек в возрасте от 50 лет, выборка репрезентативная, ошибка не превышает 5%, способ проведения – анкетирование по месту жительства респондента).

4. Опрос населения Вологодской области «Активное долголетие и его факторы» в 2021 году (объем выборки – 1500 человек в возрасте старше 18 лет, выборка репрезентативная, ошибка не превышает 5%, способ проведения – анкетирование по месту жительства респондента).

Результаты

В ходе анализа источников по проблематике цифрового неравенства выявлено, что авторы наиболее часто среди его факторов рассматривают уровень дохода, уровень образования, возраст, гендерную принадлежность, территории проживания, технические возможности. Безусловно, эти параметры могут детерминировать цифровое неравенство в комплексе, так как сами между собой имеют точки соприкосновения. Вместе с тем они могут рассматриваться и обособленно, если во время анализа принять за гипотезу то, что параметр является доминирующим, что и было сделано в данном случае.

Современные исследователи при изучении цифровых разрывов или барьеров так или иначе обращаются к рассмотрению зависимости возраста пользователей персональных компьютеров и интернета и формирования и масштабов цифрового неравенства² (Волченко, 2016; Шиняева, Слепова, 2019; Robinson et al., 2015; Yates et al., 2015). Доказано, что возраст влияет на пользование цифровыми услугами, в частности финансовыми (Кучмаева, Архипова, 2017), потребительское поведение в сети (Горелова, Серебровская, 2021). В работе (Варламова, 2022) показано, что динамика межпоколенческого разрыва в доступе к интернету достаточно стабильна и при отсутствии внешних шоков в краткосрочной перспективе сохранится в существующих границах.

Наиболее часто под призму изучения попадают группы населения с учетом определенных социально-демографических характеристик, при этом возраст является основополагающим фактором для выделения: дети, молодые люди и пожилые люди (чаще пред- и пенсионного возраста, третьего 60+ и четвертого 75+ возрастов). Для каждой из групп замеряется цифровая грамотность³ (Смирных, 2020; Соломатина, 2020). Представители социологии, психологии, педагогики и демографии изучают вопросы влияния ранней цифровизации на здоровье, успеваемость, возникновение зависимостей (Chassiakos et al., 2016; Donelle et al., 2021; Шакирова, 2017; Шакирова, 2020). Значительную часть научного поля по данной проблематике занимают различные аспекты положения пожилых людей в условиях цифровизации. Рассматриваются преимущества более полного включения населения этой возрастной группы в пользование цифровыми благами, в частности касающиеся качества жизни (через активное вовлечение в современную меняющуюся социальную жизнь, расширенные возможности

коммуникации, в том числе сохранение межпоколенных связей) и возможных перспектив при трудоустройстве и продлении периода занятости, переобучения в старшем возрасте (Биккулов, Сергеева, 2016; Даринская, Москвичева, 2017; Дмитриева, 2018; Lelkes, 2013; Anderson, Perrin, 2017; Mitzner et al., 2019).

Ряд авторов считают использование компьютера и интернета важным инструментом сохранения устойчивых когнитивных функций и продления долголетия пожилых людей (Charness, Boot, 2009; Berner et al., 2012).

Таким образом, обзор литературы свидетельствует о наличии явного интереса к проблематике возраста в изучении разных аспектов цифровизации. Накоплен большой опыт изучения отдельных групп пользователей. Однако общей картины различий в доступе к ИКТ, наличии цифровых навыков, привилегий в использовании интернета по возрастным группам, в частности на региональном уровне, не сформировано, что подтверждает востребованность исследований в данном направлении.

Переходя к рассмотрению непосредственно влияния возрастного фактора на распространённость цифрового неравенства, обратимся к анализу его характеристик согласно трехуровневой модели.

Первый уровень неравенства. Для анализа будут применяться данные практик использования персональных компьютеров (ПК) и интернета согласно социологическим наблюдениям в России. Так, выяснено наличие диаметральной возрастной дифференциации: люди старших возрастов в диапазоне с 55 до 74 лет значительно реже пользуются всемирной паутиной, тогда как подростки, молодежь и люди в активном трудоспособном возрасте — практически все (в диапазоне с 93 до 99% в 2019 году; табл. 1). Кроме того, важным трендом, на который стоит обратить внимание, являются существенные темпы роста приобщенности к использованию всемирной сети в старших возрастных группах, среднегодовой темп роста составляет от 3,7 п. п. в группе 45–54 лет до 5,8 п. п. для 65–74 лет.

Применяя метод «расстояния во времени», можно рассчитать расстояние, которое должно преодолеть поколение нынешних пенсионеров (55–64 и 65–74 лет), чтобы достичь уровня

² Цифровой разрыв: Чем он грозит России и каковы его масштабы? URL: <https://iq.hse.ru/news/465308186.html>

³ Оценка цифровой готовности населения России: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. / Н.Е. Дмитриева (рук. авт. кол.). А.Б. Жулин, Р.Е. Артамонов, Э.А. Титов; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 86 с.

Таблица 1. Практики использования персональных компьютеров и интернета в разных возрастных группах (Россия), % от числа ответивших

Возраст	2016	2017	2018	2019	Изменение, 2019 к 2016, п. п.
15–24	98,1	98,2	98,7	99,0	0,9
25–34	96,1	97,2	98,2	98,2	2,1
35–44	91,8	93,9	96,4	96,8	5,0
45–54	79,0	85,7	90,4	92,5	13,5
55–64	57,9	66,8	75,4	78,1	20,2
65–74	32,9	41,7	50,7	56,1	23,2

цифровизации современных молодых людей. Максимальное значение доступа к интернету зафиксировано у младшей из обследуемых групп (молодые люди 15–24 лет), поэтому оно выбрано в качестве базового. Выяснено, что при сохранении существующих темпов роста доступа в интернет и отсутствии внешних шоков представителям группы в возрасте 55–64 года необходимо 4,2 года для достижения уровня цифровизации, сравнимого с молодежной когортой; для представителей группы 65–74 лет этот путь составит 7,4 года.

Региональные данные повторяют общероссийскую тенденцию, 98% молодых людей в возрасте 18–30 лет используют интернет. Наименее включённой в разные аспекты цифровой активности группой являются люди старших возрастов. Однако ситуация меняется. Периодическое изучение образа жизни пожилых людей в Вологодской области ввиду особой актуальности данной проблематики позволяет судить о том, что цифровые технологии все глубже проникают в привычный образ жизни данной категории населения. Выявлено, что в период с 2015 по 2021 год доля пожилых, использующих интернет, выросла в регионе с 36 до 59% (среднегодовой темп

прироста менее значителен, чем в среднем по России, и составляет 3,3 п. п; табл. 2). Частота использования тоже растет, в настоящее время уже 20% заходят в сеть ежедневно, еще 25% несколько раз в неделю (это на 12 и 11 п. п. больше, чем 6 лет назад).

Так, в Вологодской области пожилым людям старше 50 лет при сохранении тенденций вовлеченности в цифровое пространство необходимо 11,7 года для достижения такого же уровня приобщенности к интернету, как у молодежи.

Несмотря на разные темпы роста вовлеченности пожилых людей в среднем по российским регионам и в Вологодской области, наметилась тенденция на сближение поколений в сфере пользования цифровыми благами. Она находит подтверждение в российских исследованиях. Так в работе (Биккулов, Сергеева, 2016) на социологических данных, полученных в 2015 году в Санкт-Петербурге и двух районных центрах (Гатчина, Чудово), делается вывод о том, что представители старших возрастов сокращают разрыв с другими возрастными группами в практиках применения интернета, активно используют его как источник информации и

Таблица 2. Практики пользования интернетом у пожилых людей Вологодской области

	2015	2018	2021	Изменение, 2021 к 2015, п. п.
Использование интернета	36,0	42,2	59,2	+23,2
<i>Частота использования</i>				
Каждый день	8,5	13,4	20,5	+12,0
Несколько раз в неделю	13,3	15,1	24,1	+10,8
Несколько раз в месяц и реже	9,8	11,1	11,5	+1,7
Источник: данные опросов населения «Качество жизни пожилого населения», 2015, 2018 гг., «Активное долголетие и его факторы», 2021 г., ФГБУН ВолНЦ РАН.				

инструмент для общения, много времени проводят за монитором. «Непользовательские» миры сокращаются. Также активный толчок развития e-commerce, полученный во время пандемии, позволил сделать вывод об изменении потребительского поведения населения старших возрастов. Исследователи (Горелова, Серебровская, 2021) выявили, что доля интернет-покупателей старше 55 лет выросла с 24% в 2019 году до 53% в 2020 году.

Безусловно, причины меньшей интернет-активности представителей старшего поколения оправданы по ряду характеристик, которые рассмотрены в статье. Одна из них – это в целом доверие информационным технологиям и оценка их влияния на жизнь. Наиболее вовлеченные группы населения оценивают их более позитивно, тогда как у людей старших возрастов преобладают негативные и неоднозначные оценки. Вместе с тем за доступные 5 лет наблюдения ситуация значительно меняется среди людей старшего возраста: доверие к интернету растет (так, среди людей в возрасте 55–64 лет доля позитивных оценок увеличилась на 23 п. п., 65–74 лет – 24 п. п.; табл. 3). Для более молодых представителей изменения не так существенны, для них изначально характерны преимущественно позитивные оценки.

Второй уровень неравенства. Обратимся к более узким характеристикам, а именно проявлению интернет-активности. Результаты социологических исследований показывают существенную разницу в целях пользования интернетом в разрезе возрастных групп – все

рассматриваемые варианты значительно больше распространены среди молодых людей до 30 лет. Чем старше человек, тем ниже представленность различных типов его активностей в сети (табл. 4). Люди старше 55 лет в 11 раз реже по сравнению с молодежью до 30 лет скачивают программное обеспечение, пользуются услугами дистанционного образования, в 8 раз – играют в игры, в 6 раз – ищут вакансии и интересующую информацию, публикуют свое мнение относительно общественных и политических событий, в 5 раз – загружают личную информацию для публичного доступа и скачивают интересную для себя, в 4 раза – покупают товары в интернете, пользуются мессенджерами и ищут информацию для своего культурного развития и расширения кругозора и так далее. Даже в отношении столь популярного участия в социальных сетях, которое декларируется как действенный инструмент межпоколенной коммуникации, снижения изолированности и одиночества пожилых, видны различия в три раза. При сравнении молодежи с людьми среднего возраста различия не значимы по таким целям использования интернета, как участие в социальных сетях (87 и 71% соответственно), осуществление финансовых операций (44 и 42%), использование электронной почты (41 и 37%), покупка и продажа товаров (32 и 29%). Воложане в возрасте 30–55 лет заметно реже, чем молодежь, используют интернет с целью скачивания программного обеспечения, фильмов, музыки, видео- или компьютерных игр, дистанционного образования.

Таблица 3. Оценка влияния информационных технологий и информационно-коммуникационных сетей на жизнь населения разных возрастных групп (Россия), % от общей численности населения соответствующих возрастных групп

Возраст (лет)	Позитивно			Неоднозначно			Отрицательно			Ничего не изменилось		
	2015	2018	2019	2015	2018	2019	2015	2018	2019	2015	2018	2019
15–24	90,6	95,9	94,9	3,6	2,3	2,2	0,3	0,1	0,2	2,3	0,9	1,0
25–34	85,5	92,8	92,1	6,2	4,2	4,6	0,6	0,2	0,3	3,8	1,7	1,5
35–44	76,5	88,7	88,2	10,4	6,6	7,0	1,3	0,5	0,5	5,3	2,5	2,1
45–54	64,1	81,2	82,0	13,3	9,8	9,9	2,5	1,1	1,1	10,0	4,5	3,4
55–64	46,4	67,3	69,4	16,0	14,5	14,4	4,7	2,3	2,2	15,7	9,4	7,2
65–74	29,0	48,9	52,9	16,3	19,0	18,1	8,2	4,8	4,3	21,0	15,0	12,5

Сумма ответов меньше 100%, так как присутствовал вариант ответа «затрудняюсь ответить».

Источник: Информационное общество в Российской Федерации. 2020: стат. сборник.

Таблица 4. Цели использования интернета (Вологодская область), % от числа ответивших

Вариант ответа	до 30 лет	30–55 лет	старше 55 лет
Участие в социальных сетях	87,1	71,3	31,9
Поиск информации о товарах и услугах	56,9	48,4	17,1
Телефонные звонки или видеоразговоры через интернет (используя, например, Скайп)	66,4	48,6	25,2
Скачивание фильмов, изображений, музыки; просмотр видео; прослушивание музыки или радио	66,8	38,8	14,5
Отправка или получение электронной почты	41,4	37,4	11,1
Получение знаний и справок на любую тему с использованием Википедии, онлайн-энциклопедий и т. д.	32,3	24,4	10,1
Осуществление финансовых операций	44,0	41,5	18,9
Поиск информации, связанной со здоровьем или услугами в области здравоохранения	23,7	21,5	12,3
Загрузка личных файлов (книг/статей/журналов, фотографий, музыки, видео, программ и другого контента) на сайты, в социальные сети, облачные хранилища для публичного доступа	31,9	22,8	6,3
Видео- или компьютерные игры / игры для мобильных телефонов или их скачивание	37,9	24,0	4,6
Продажа/покупка товаров и услуг (в том числе с помощью сайтов-аукционов)	31,5	27,8	7,2
Чтение онлайн или скачивание газет или журналов, электронных книг	22,4	15,8	7,2
Общение с помощью систем мгновенного обмена сообщениями (чаты, ICQ, QIP и др.)	23,7	14,6	6,2
Поиск информации об объектах культурного наследия и культурных мероприятиях, прохождение виртуальных туров по музеям и галереям и др.	12,9	11,6	3,0
Поиск информации об образовании, курсах обучения, тренингах и т. п.	22,4	15,4	3,7
Поиск вакансий	25,0	14,3	4,1
Скачивание программного обеспечения (кроме компьютерных игр)	15,1	7,7	1,2
Участие в онлайн-голосованиях или консультациях по общественным и политическим проблемам	8,2	5,6	2,5
Дистанционное обучение	24,6	11,8	2,1
Участие в профессиональных сетях (например, LinkedIn, Xing, E-xecutive.ru и т. д.)	3,4	2,3	1,1
Публикация мнений по общественным и политическим проблемам через веб-сайты, участие в форумах	3,0	2,6	0,5
Другое	0,4	1,1	1,6
Источник: данные опроса населения, проведенного в августе 2020 года, ФГБУН ВолНЦ РАН.			

Далее обратимся к анализу цифровых навыков. Логично предположить, что они будут детерминированы образованием респондентов и временем его получения. Условно, если представители современных людей старших возрастов обучались во времена отсутствия компьютеров, телефонов и современных средств связи, то представители средних возрастов были более погружены в эту среду, не говоря уже о молодежи. Но стоит сделать уточнение, что речь пойдет в основном о навыках, формируемых на бытовом уровне (пользование ИКТ для личных целей) и зачастую используемых работниками сферы услуг, бюджетной сферы и другими специалистами, проводящими рабочее время

за компьютером, ежедневно применяя те или иные навыки. В данном случае описанная выше тенденция повторяется: молодые люди имеют более развитые цифровые навыки, чем пожилые. Стоит уточнить, что речь не идет о достаточности навыков для определенных целей, так как это требует дополнительного изучения и теоретико-методологической проработки. Цель состоит только в определении масштаба различий. Так, наиболее значительно пожилые люди отстают от молодежи по специальным узконаправленным навыкам, что обусловлено как раз и разницей получения образования. Однако значительно реже они обладают обыденными для большей части населения навыками:

Таблица 5. Наличие цифровых навыков у населения Вологодской области, %

Навык	до 30 лет	30–55 лет	старше 55 лет
Работа с текстовым редактором	83,2	72,5	37,0
Отправка электронной почты с прикрепленным(-и) файлом(-ами)	84,1	71,3	33,9
Копирование или перемещение файла или папки	81,0	69,3	33,2
Передача файлов между компьютером и периферийными устройствами (цифровой камерой, плеером, мобильным телефоном)	80,6	68,2	30,0
Использование инструмента копирования и вставки для дублирования или перемещения информации в документе	77,6	60,8	25,4
Использование программ для редактирования фото-, видео- и аудиофайлов	70,7	58,3	20,8
Работа с электронными таблицами	69,4	52,8	17,1
Подключение и установка новых устройств	64,7	50,8	16,2
Создание электронных презентаций с использованием специальных программ	57,8	44,4	11,8
Изменение параметров или настроек конфигурации программного обеспечения	49,1	33,8	9,7
Установка новой или переустановка операционной системы	42,2	30,5	8,8
Самостоятельное написание программного обеспечения с использованием языков программирования	36,6	24,4	7,2
Источник: данные опроса населения, проведенного в августе 2020 года, ФГБУН ВолНЦ РАН.			

работа с электронными таблицами, подключение новых устройств (в 4 раза; табл. 5), передача файлов с внешних устройств на компьютер, копирование информации внутри файлов и редактирование фото-, видео- и аудиофайлов (в 3 раза), работа с текстовым редактором, копирование файлов и папок, отправка электронной почты с прикрепленным файлом (в 2 раза). Как было выяснено ранее, при сравнении целей использования интернета, различия между пожилыми и людьми среднего возраста преимущественно стираются по специализированным навыкам, в других случаях разрыв приближается к различиям с молодежью.

Выявленные возрастные различия в использовании интернетом и наличии необходимых для этого навыков подтверждаются и причинами отказа от его использования. Для молодых людей все предложенные к выбору причины были не так выражены, как для людей старшего возраста. Практически у 42% людей старше 55 лет нет необходимости в использовании интернета, еще 27% отказываются из-за отсутствия навыков, 5% заботят вопросы безопасности и конфиденциальности данных в интернете, тогда как молодых людей эта тема практически не волнует.

Третий уровень неравенства. Говоря об уровне социальных преимуществ, которые пользователи получают при грамотном и полноценном применении цифровых технологий в профессиональной и частной жизни, большинство исследователей обращаются к наиболее популярной в обывденной жизни теме — получение государственных и муниципальных услуг онлайн (Хватов, Ваторопин, 2017; Ершова, 2018; Добринская, Мартыненко, 2019).

В изучении спроса на цифровизацию данной области взаимодействия общества и государства заинтересованы и органы власти. Так, в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»⁴ предполагается комплексная цифровизация и перевод в онлайн решения большинства жизненных ситуаций россиян. Это, в свою очередь, предполагает некую готовность и возможность населения включаться в указанные процессы. Возрастной срез форм

⁴ Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>

получения различных услуг выявил следующую картину: молодые люди до 30 лет практически все услуги предпочитают получать с помощью интернета (по большей части используя портал «Госуслуги»), единственное отличие кроется в отношении социальных услуг, связанных с получением пенсий, льгот, пособий, что, скорее, обусловлено в принципе низкой их доступностью для данной возрастной группы (табл. 6). Говоря о других обследуемых группах населения по возрасту (30 лет и старше), стоит отметить, что для них более привычен формат получения услуг при непосредственном визите в ведомство. Если для людей в возрасте 30–55 лет по ряду востребованных услуг (таких как услуги здравоохранения, решение вопросов, связанных с квартирой, ЖКХ, транспортом, вождением, получением льгот) одинаково востребованы как онлайн, так и офлайн формы, то

для населения предпенсионного и пенсионного возраста по всем категориям используемых услуг преобладает личное обращение за услугой без использования возможностей интернета, государственных и муниципальных порталов.

Следующий вопрос, важный при изучении интернет-активности, — какие бонусы и привилегии получают пользователи цифровых услуг. Нами было проанализировано, какие преимущества при использовании интернета для себя и своих родных/знакомых видят люди разных возрастов. Как и ранее, отличия оказались существенными: если 59% молодых людей и 47% людей среднего возраста отмечают пользу от интернета, то для людей старшего возраста это не так очевидно (доля ответов составляет лишь 24%). Также среди пожилых в два раза больше тех, кто ответил, что в целом это не несет никаких положительных эффектов,

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Обращались ли Вы в последние 12 месяцев за получением следующих категорий услуг, и в каком виде?» (Вологодская область, ранжировано по доле онлайн-обращений), % от числа ответивших

Категория услуг	до 30 лет		30–55 лет		старше 55 лет	
	Обращался онлайн	Обращался очно	Обращался онлайн	Обращался очно	Обращался онлайн	Обращался очно
Услуги здравоохранения (запись к врачу, установление инвалидности)	22,8	18,5	22,1	22,0	9,5	28,9
Квартира, строительство и земля (оплата ЖКХ, разрешения на строительство, перепланировку, регистрация собственности т. д.)	20,3	10,3	20,0	17,3	8,1	20,3
Транспорт и вождение (регистрация автомобиля, водительское удостоверение, штрафы и т. д.)	18,1	7,3	13,6	12,6	2,5	7,4
Пенсии, пособия и льготы	9,1	11,6	13,7	13,3	4,8	25,2
Налоги и финансы (задолженности, декларации и т. д.)	9,9	6,5	12,6	16,1	4,8	10,4
Семья и дети (регистрация записей актов гражданского состояния, материнский капитал)	10,8	6,5	11,1	10,1	0,5	1,8
Паспорта, регистрации, визы	13,8	11,6	8,7	8	0,9	3,5
Образование (заявление в образовательную организацию, очередь в детский сад)	11,6	5,2	7,7	7,0	0,5	2,1
Работа и занятость (постановка на учет по безработице, оформление пособия по безработице)	4,7	4,3	4,4	4,4	1,2	1,2
Лицензии, справки, аккредитации (на оружие, охоту, справки МВД и т. д.)	7,3	3,4	2,6	5,4	0,9	2,6
Бизнес, предпринимательство, НКО (регистрация юр. лиц)	3,0	0,9	3,6	2,7	0,5	1,1

Источник: данные опроса населения, проведенного в августе 2020 года, ФГБУН ВолНЦ РАН.

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Удавалось ли Вам зарабатывать или экономить средства и время с помощью интернета?» (Вологодская область), % от числа ответивших

Вариант ответа	до 30 лет	30–55 лет	старше 55 лет
Нет, мне не удавалось зарабатывать и/или экономить средства и время при использовании интернета	45,3	46,6	56,1
Да, я работал(а)/работаю с использованием интернета	21,6	21,1	5,3
Да, я успешно продавал/обменивал(а) свои вещи с использованием интернет-ресурсов	16,4	16,7	3,9
Да, я совершал(а) выгодные покупки в интернете	33,2	23,7	6,3
Да, с помощью Интернета я сэкономил(а) своё время (получал государственные и муниципальные услуги онлайн, заказывал доставку на дом и др.)	21,1	23,4	7,2
Другое	0,9	0,6	0,7

Источник: данные опроса населения, проведенного в августе 2020 года, ФГБУН ВолНЦ РАН.

по сравнению с молодыми (14% против 7%). Конечно, примерно четверть представителей всех обследуемых возрастных групп были прагматичны и говорили, что наравне с пользой получают определённый вред. Говоря о конкретных и измеряемых благах от пользования всемирной паутиной, стоит отметить, что примерно половине опрошенных всех возрастов пока не удавалось зарабатывать или экономить средства/время при использовании интернета. Однако среди молодых людей и людей среднего возраста примерно в одинаковой мере распространены практики работы с помощью интернета, в том числе удаленная занятость (по 21%), примеры продажи или обмена вещей на интернет-ресурсах (по 16%), совершение выгодных покупок (33% для молодых и 24% для людей среднего возраста), экономия времени за счет использования услуг онлайн, доставок и так далее (21 и 23% соответственно; табл. 7).

Для людей пенсионного и предпенсионного возраста все перечисленные практики не популярны и занимают менее 10% ответов каждая.

В рамках изучения возрастного фактора цифрового неравенства исследовательский интерес представляют младшие и старшие возрастные группы населения. Первые рассматриваются с позиции проблем раннего приобщения к гаджетам и интернету, угроз здоровью, препятствий и катализаторов обучаемости, успеваемости, вторые – в связи с большей эксклюзивностью из процессов цифровизации, меньшими конкурентными преимуществами на занятие новых цифровых рабочих мест, а также новыми перспективами межпоколенного общения с использованием новых технологий.

Изучался данный вопрос и на региональном уровне. Так, в рамках реализации исследовательского проекта, посвященного изучению формирования человеческого потенциала детей, выяснено, что современные дети приобщаются к использованию гаджетов и интернета значительно раньше (в 2018 году среди дошкольников средний возраст начала использования 3,6 года; младших школьников – 6 лет; подростков 11–14 лет – 7,6 года; старших школьников – 9,2 года). Для старшеклассников наличие цифровых навыков по большей части положительно влияет на школьную успеваемость (современные требования к школьной программе предполагают активное использование ИКТ), а для представителей младшей школы – наоборот (Шабунова, Короленко, 2019). На наш взгляд, это детерминировано двумя главными факторами: возрастом приобщения и организацией использования всемирной паутины ребёнком самостоятельно (самодисциплина) и контролем со стороны родителей (прямым и посредством реализации альтернативных типов совместной деятельности/досуга). Результаты российских обследований также свидетельствуют, что основными целями использования интернета детьми⁵ выступают в равной степени развлекательные направления (79%) и подготовка к урокам, школьным проектам (79%), 54% занимает общение в социальных сетях, чуть менее 4% приходится на дистанционное образование. Феномен людей,

⁵ Информационное общество в Российской Федерации. 2018, 2019: стат. сборники. Используются данные за 2018 год.

родившихся после цифровой революции и привыкших получать информацию через цифровые каналы, также представляет исследовательский интерес в современном научном дискурсе. Так называемых «цифровых аборигенов» наделяют признаками высокой технологической одаренности, ориентации на многозадачность, быстрой переработки информации, предпочтения гипертекстов, большей эффективности при работе онлайн, чем офлайн, призывая к масштабным институциональным перестройкам (по большей части системы образования) (Ершова, 2019). Однако результаты исследований показывают переоценённость названных характеристик нового поколения, множество негативных последствий большей включенности детей в цифровую среду и призывают к аккуратным (а отнюдь не радикальным) изменениям в общественном устройстве.

Обсуждение

Проведённое исследование позволило сделать ряд выводов, созвучных уже полученным ранее результатам отечественных и зарубежных исследований. В свою очередь работа вносит вклад в понимание региональной картины цифровых разрывов, связанных с возрастом.

Итак, на современном этапе возрастной фактор влияет на распространение цифрового неравенства, эта тенденция присутствует как внутри страны, так и внутри региона. Цифровое неравенство проявляется в зависимости от возраста на всех уровнях согласно трехуровневой модели, разрабатываемой в современных исследованиях: практики использования ПК и интернета, оценка их влияния на жизнь человека, цели использования интернета, наличие цифровых навыков и пользования государственными и муниципальными услугами онлайн.

Цифровая активность пожилых людей отличается по сравнению как с наиболее молодой из обследуемых групп (18–30 лет), так и с людьми среднего возраста, особенно по параметрам, требующим специальных знаний и усилий для изучения и освоения на практике. С помощью метода «расстояния во времени» выявлено, сколько времени потребуется пожилым людям, чтобы достичь такого же уровня использования интернета, как у молодежных когорт. В среднем по России эти цифры составляют 4,2 года для молодых пенсионеров в возрасте 55–64 лет, 7,4 года для людей в возрасте 65–74 лет. В Воло-

годской области межпоколенческий разрыв более выражен, для его устранения понадобится в среднем 11,7 года. Данный сценарий возможен в условиях отсутствия внешних шоков и сохранения существующих темпов роста.

Безусловно, возрастная дифференциация цифровых разрывов детерминирована возрастом приобщения к ИКТ, наличием необходимости использования цифровых навыков в рабочей деятельности, личной мотивацией и доверием к технологиям. В ближайшем будущем разрывы в доступе к интернету будут сохраняться.

Полученные выводы во многом созвучны с результатами исследований, проанализированными в рамках проведения литературного обзора. Основное связующее звено — доказательство большей включенности молодежи и людей в трудоспособном возрасте в сферу пользования ИКТ, успешные практики извлечения из этого выгоды, что продиктовано глобальными трендами цифровизации экономики и социальной сферы, современной социально-экономической обстановкой в мире и стране, требованиями новых рабочих мест и принципиально новых форматов занятости. Обратная сторона — это более значительная исключённость из процессов цифровизации и уязвимое положение пожилых людей, что также обусловлено рядом объективных причин (более поздняя включенность, иные требования к организации работы, отсутствие мотивации и необходимых знаний, недоверие и опасение). В то же время, если еще чуть более 10 лет назад исследователи не верили, что цифровой разрыв между молодыми и пожилыми может быть полностью устранен (в целом их прогнозы сбылись, так как по прошествии этих лет неравенство только возрастало за счет высокой активности молодежи) (Даринская, Москвичева, 2017), то сейчас динамика проникновения интернета во все сферы жизнедеятельности человека уже позволяет говорить о преломлении этой тенденции (Chassiakos et al., 2016; Горелова, Серебровская, 2018; Груздева, 2020).

Выводы

В условиях все более раннего приобщения детей к ИКТ, повышения ожидаемой продолжительности жизни, тренда на цифровизацию экономики, социальной сферы и государственного управления в обозримом и прогнозиру-

емом будущем все население страны так или иначе будет нуждаться в возможности пользоваться как минимум интернетом, дабы не быть исключенным из большинства общественных процессов. В этом случае можно будет не просто говорить об общем уровне цифрового неравенства, а дифференцировать его на различных уровнях (например, на базовом, пользовательском и профессиональном) для нового понимания влияния различных факторов. Эта идея требует значительной проработки теоретико-методологической базы и постоянного наблюдения за складывающимися тенденциями цифрового развития, изменениями нормативно-правовой базы, уровня экономических и социальных неравенств среди населения, стратегических целей в данном направлении.

Для формирования цифрового равенства нужны усилия со стороны как общества (фор-

мирование мотивации, получение специальных навыков и т. д.), так и государства, бизнеса и некоммерческих организаций (обучение населения, создание удобных и доступных онлайн-услуг и т. д.). Результаты проведенного исследования имеют практическую ценность для перечисленных выше субъектов, кроме того, могут быть использованы в рамках преподавания в высшей школе, для определения групп риска исключенности из процессов цифрового развития, формулирования актуальности социальных программ переподготовки трудоспособного населения под требования новых рабочих мест, обучения пожилых людей цифровым навыкам, для принятия управленческих решений, разработки стратегических программ региональными и федеральными органами власти, в том числе в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Литература

- Архипова М.Ю., Сиротин В.П., Сухарева Н.А. (2018). Разработка композитного индикатора для измерения величины и динамики цифрового неравенства в России // Вопросы статистики. № 25 (4). С. 75–87.
- Биккулов А.С., Сергеева О.В. (2016). «Компьютер не роскошь, а средство...»: включенность в цифровой мир старших возрастных групп по результатам эмпирического исследования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 2 (42). С. 95–103.
- Варламова Ю.А. (2022). Межпоколенческий цифровой разрыв в России // Мир России. № 31 (2). С. 51–74. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74>
- Волченко О.В. (2016). Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 5. С. 163–182. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.10
- Гладкова А.А., Гарифуллин В.З., Рагнелда М. (2019). Модель трёх уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. № 4. С. 41–72. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.4172
- Горелова Т.П., Серебровская Т.Б. (2021). Поколение N: формирование новых цифровых потребителей // Проблемы теории и практики управления. № 6. С. 263–278.
- Груздева М.А. (2020). Включенность населения в цифровое пространство: глобальные тренды и неравенство российских регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 5. С. 90–104. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.5
- Даринская Л.А., Москвичева Н.Л. (2017). Потенциал межпоколенного взаимодействия при вовлечении пожилых людей в цифровое пространство // Петербургский психологический журнал. № 20. С. 43–65.
- Дмитриева А.В. (2018). Социальное включение пожилых: продление занятости или «продвинутый» досуг? // Журнал исследований социальной политики. № 1. С. 37–50.
- Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. (2019). Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 19. № 1. С. 108–120. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120>
- Ершова Р.В. (2019). Цифровое поколение: между мифом и реальностью // Философские науки. № 62 (2). С. 96–108. DOI: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2019-62-2-96-108>
- Зарубина Ю.Н., Власова А.А. (2018). Гендерное неравенство в цифровом обществе // Вестник социально-политических наук. № 17. С. 16–20.

- Кучмаева О.В., Архипова Ю.М. (2021). Цифровые технологии в повседневной жизни россиян // Вопросы статистики. № 3. С. 45–55.
- Сафиуллин А.Р., Моисеева О.А. (2019). Цифровое неравенство: Россия и страны мира в условиях четвертой промышленной революции // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. Т. 12. № 6. С. 26–37. DOI: 10.18721/JE.12602
- Сенокосова О.В. (2018). Проблемы использования труда и подготовки населения в возрасте 60+ // Профессиональная ориентация. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ispolzovaniya-truda-i-podgotovki-naseleniya-v-vozhaste-60>
- Смирных Л.И. (2020). Цифровая грамотность пожилого населения и цифровизация предприятий: опыт европейских стран // Вопросы экономики. № 12. С. 104–124.
- Соломатина В.А. (2020). Цифровая грамотность детей на ранних этапах развития // Вестник государственного социально-гуманитарного университета. № 1 (37). С. 71–74.
- Хватов А.Е., Ваторопин А.С. (2017). Факторы, препятствующие получению населением государственных услуг в электронной форме // Вопросы управления. № 3. С. 53–61.
- Шабунова А.А., Короленко А.В. (2019). Вовлеченность детей в цифровое пространство: тенденции гаджетизации и угрозы развитию человеческого потенциала // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. Т. 3. № 4. С. 430–442.
- Шакирова Г.Ф. (2017). Взаимосвязь психологического климата, социального статуса семьи и межличностных отношений дошкольников, использующих цифровые технологии // Филология и культура. № 4 (50). С. 249–252.
- Шакирова Г.Ф. (2020). Психологические особенности гаджет-зависимости учащихся // Казанский педагогический журнал. № 1 (138). С. 217–223.
- Шиняева О.В., Полетаева О.В., Слепова О.М. (2019). Информационно-цифровое неравенство: поиски эффективных практик адаптации населения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 4. С. 68–85. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.04>
- Шиняева О.В., Слепова О.М. (2019). Информационно-цифровое неравенство населения: факторы риска и антириска // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. Т. 19. Вып. 1. С. 53–61. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-1-53-61>
- Anderson M., Perrin A. (2017). Tech adoption climbs among older adults: Technology use among seniors. Available at: http://assets.pewresearch.org/wpcontent/uploads/sites/14/2017/05/16170850/PI_2017.05.17_OlderAmericans-Tech_FINAL.pdf.
- Berner J., Rennemark M., Jogr us C., Berglund J. (2012). Distribution of personality, individual characteristics and internet usage in Swedish older adults. *Aging and Mental Health*, 16, 119–126. DOI: 10.1080/13607863.2011.602958
- Charness N., Boot W.R. (2009). Aging and information technology use: Potential and barriers. *Current Directions in Psychological Science*, 18(5), 253–258.
- Chassiakos Y.J., Radesky D., Christakis M. et al. (2016). Children and adolescents and digital media. *Pediatrics*, 138(5). DOI: <https://doi.org/10.1542/peds.2016-2593>
- Donelle L., Facca D., Burke Sh., Hiebert B., Bender E., Ling S. (2021). Exploring Canadian children’s social media use, digital literacy, and quality of life: Pilot cross-sectional survey study. *JMIR Formative Research*, 5. DOI: 10.2196/18771
- Lelkes O. (2013). Happier and less isolated: Internet use in old age. *Journal of Poverty and Social Justice*, 21(1), 33–46.
- Mitzner T., Savla J., Boot W., Sharit J., Charness N., Czaja S., Rogers W. (2019). Technology adoption by older adults: Findings from the PRISM trial. *Gerontologist*, 59(1), 34–44. DOI: 10.1093/geront/gny113
- Nieminen H. (2016). Digital divide and beyond: What do we know of information and communications technology’s long-term social effects? Some uncomfortable questions. *European Journal of Communication*, 31(1), 19–32. DOI: <https://doi.org/10.1177/0267323115614198>
- Ragnedda M. (2018). Conceptualizing digital capital. *Telematics and Informatics*, 35, 2366–2375. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2018.10.006>
- Ragnedda M., Kreitem H. (2018). The three levels of digital divide in East EU countries. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, 4, 5–27. DOI: 10.30547/worldofmedia.4.2018.1

Robinson L., Cotten S.R., Ono H. et al. (2015) Digital inequalities and why they matter. *Information, Communication & Society*, 18(5), 569–582. DOI: 10.1080/1369118X.2015.1012532

Yates S., Kirby J., Lockley E. (2015). Digital media use: Differences and inequalities in relation to class and age. *Sociological Research Online*, 20(4), 1–21. DOI: 10.5153/sro.3751

Сведения об авторе

Мария Андреевна Груздева – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru)

Gruzdeva M.A.

The Age Factor in the Digital Divide: The Edges of Inequality

Abstract. At the end of the 1990s – beginning of the 2000s, due to the spread of the Internet at an increasing rate in certain countries, while others were lagging behind, it became necessary to study the digital gap issues. At the present stage, when the existence of the digital divide in the world and individual states is obvious and proven, researchers have focused on studying its factors. The article aims to assess the influence of the age factor on the scale and prevalence of the digital divide within a three-level model. To do this, we consider theoretical and methodological approaches to studying the age factor of the digital divide; we analyze trends in the use of information and communication technologies by representatives of various age groups, and the inclusion of children, adolescents and the elderly in the digital environment. The model of three levels of the digital divide developed by modern scientists is used as a theoretical basis. According to the model, inequality manifests itself in access to technical means, differences in the digital literacy, and the benefits derived from digitalization. In the course of the work, we use a set of general scientific methods. We reveal significant differences in the practices of using personal computers and the Internet among representatives of different age groups and calculate the time periods necessary to reduce intergenerational gaps in Russia and the Vologda Oblast. We assess the impact of online habits on a person's life, the purposes of using the Internet and the possibility of receiving bonuses from it, the availability of digital skills for various age groups of Vologda Oblast population. The scientific novelty of the study consists in assessing the influence of the age factor on the prevalence of digital gap parameters at the regional level. The results can be used for identifying the groups that are at risk of being excluded from the processes of digital development. The findings will be also useful in formulating the relevance of social retraining programs for the able-bodied population in accordance with the requirements of new jobs, in teaching older people digital skills, and in making managerial decisions for successful digital development.

Key words: information and communication technologies, digital divide, age factor, youth, elderly people, older people, middle-aged people, digital skills, Internet.

Information about the Author

Mariya A. Gruzdeva – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru)

Статья поступила 08.07.2022.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.15

УДК 339.13:330.59, ББК 65.422.2-94

© Дементьева И.Н., Шэн Фанфу

Розничная онлайн-торговля в Китае и России: состояние и перспективы развития

**Ирина Николаевна
ДЕМЕНТЬЕВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: irinika_74@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3072-5614; ResearcherID: H-4767-2017

ШЭН ФАНФУ

Академия общественных наук КНР

Няньчан, Китай

e-mail: shengff1986@126.com

Аннотация. В последние годы в связи с цифровизацией экономики во всем мире стремительно развивается интернет-торговля. Мировым лидером онлайн-торговли является Китай, который демонстрирует самые высокие объемы рынка интернет-продаж. Российский рынок интернет-продаж самый динамичный, Россия занимает первое место по темпам прироста розничного онлайн-ритейла. В рамках исследования проанализировано текущее состояние розничной онлайн-торговли в Китае и России за последние годы, оценен вклад электронной торговли в розничный товароборот двух стран, выявлены факторы, влияющие на активное и динамичное развитие данного сектора, определены перспективные направления дальнейшего развития сферы онлайн-потребления в условиях современных социально-экономических трансфор-

Для цитирования: Дементьева И.Н., Шэн Фанфу (2022). Розничная онлайн-торговля в Китае и России: состояние и перспективы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 242–261. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.15

For citation: Dement'eva I.N., Sheng Fangfu. Online retail in China and Russia: Current state and development prospects. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 242–261. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.15

маций. В ходе проведенного исследования было установлено, что успешное развитие розничной онлайн-торговли в Китае является результатом эффективной системы политического регулирования и стимулирования данного сегмента, постоянного расширения и улучшения интернет-покрытия, совершенствования инфраструктуры электронной торговли, улучшения материального положения населения. В России широкое распространение интернета, в том числе на мобильных устройствах, трансформация потребительских установок, запросов и предпочтений, увеличение объемов продаж крупнейших маркетплейсов и интернет-магазинов отражают большие резервы и потенциал для дальнейшего роста и успешного развития этого сектора экономики. Основными направлениями дальнейшего развития сегмента электронной торговли выступают повышение уровня и качества жизни населения, совершенствование инфраструктуры онлайн-торговли, главным образом в отношении обеспечения безопасности онлайн-платежей и прочих транзакций, расширение информатизации сельских территорий и их населения, экологизация онлайн-потребления, совершенствование нормативно-правовой базы в сфере электронной коммерции.

Ключевые слова: цифровизация экономики, розничная онлайн-торговля, пандемия коронавируса, розничный товароборот, маркетплейсы, инфраструктура электронной торговли, уровень жизни населения, информационные технологии.

Введение

В настоящее время с развитием экономической глобализации и информационных технологий изменился способ охвата потребителей, интернет-торговля превратилась в одну из наиболее динамично развивающихся отраслей экономики, стала новым двигателем потребления. В эпоху взаимосвязи интегрированного взаимодействия «человека, машины и вещей» пространство для развития онлайн-торговли расширяется, а ее вклад в национальную экономику и социальное развитие с каждым днем увеличивается. Пандемия COVID-19 и связанные с ней ограничительные меры привели к фундаментальному сдвигу в структуре глобального спроса на онлайн-покупки товаров, а также к росту использования цифровых инструментов коммуникации и дистанционного потребления, таких как социальные сети, интернет-телефония, телеконференции, потоковое видео. Пандемия преобразовала модели потребления и привычки потребителей, породила новые модели и форматы онлайн-потребления.

По данным исследований компании eMarketer, мировой рынок e-commerce в 2020 году составил \$3,914 трлн, что на 16,5% больше, чем в 2019 году¹. Распределение объемов продаж в розничном сегменте электронной торговли в

десяти лидирующих странах мира показывает, что однозначными мировыми лидерами рынка электронной коммерции являются Китай и Соединенные Штаты Америки: на их долю приходится около 40% рынка (рис. 1). Объем российского рынка e-commerce за 2020 год составил \$37 млрд, что в 26 раз меньше, чем в Китае, и в 10 раз меньше, чем в США. Однако по темпам годового прироста Россия вышла на лидирующие позиции: за 2020 год рынок интернет-торговли увеличился на 58%, что свидетельствует о стремительном расширении данного сектора торговой отрасли.

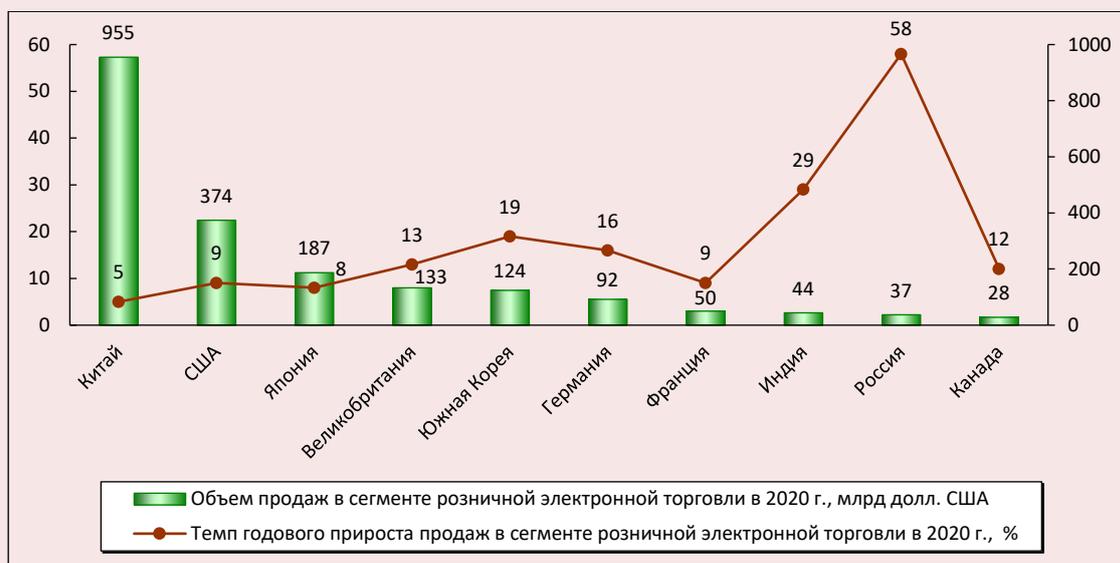
Анализ исследований и публикаций по теме

Проблемы цифровизации экономики в целом и развития интернет-торговли в частности нашли отражение в работах международных и национальных исследовательских центров, а также отдельных ученых.

Изучением основных мировых трендов поведения участников экономической деятельности, в том числе потребителей, а также возникающих в связи с этим социальных и экономических эффектов занимаются крупнейшие консалтинговые агентства: BCG, Deloitte, Euromonitor International, McKinsey, PWC. Показатели развития цифровой экономики представлены в аналитических обзорах информационных агентств Data Insight, East-West Digital News, Российской ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК), Ассоциации

¹ Глобальная электронная торговля 2020. URL: <https://www.emarketer.com/content/global-ecommerce-2020>

Рис. 1. Объем и рост розничной электронной торговли по странам в 2020 году

Источник: Интернет-торговля в России 2020. URL: DI_eCommerce2020(1).pdf

компаний интернет-торговли (АКИТ). Названные исследовательские центры сосредотачивают внимание как на изучении рынка электронной коммерции в целом, так и отдельных сегментов онлайн-торговли, рассматривают основные характеристики цифровых потребителей, их медиапредпочтения, изучают каналы продвижения товаров и услуг в онлайн-пространстве (Прохоров, Карашук, 2020).

В трудах зарубежных и российских авторов представлен широкий спектр теоретико-методологических и практических аспектов анализа электронной торговли.

Среди исследований зарубежных авторов широкое распространение и признание получили работы Р. Глесса и Б. Лейкерта, в которых авторы рассказывают о технологической революции в экономике на примере сферы торговли, анализируют возможности и угрозы внедрения инновационных технологий на торговых предприятиях, рассматривают успешные модели цифровой трансформации известных немецких и международных торговых компаний (Gläß, Leukert, 2016). К. Шваб описывает масштабные изменения во всех сферах жизни общества, в том числе цифровой трансформации экономики, в ходе четвертой промышленной революции (Schwab, 2017).

В трудах Дж. Б. Лонга, Д. Козье, Дж. Вейсмана, К. Эгнебергера рассматриваются современные электронные бизнес-технологии, возможности электронной коммерции в проведении повседневных деловых операций: выставлении счетов, оформлении заказов, денежных переводов и пр. Проанализирован опыт компаний, успешно использующих электронную коммерцию в своей работе, освещены проблемы безопасности (Kosiur, 1998). Ш. Кляйн, С. Кехли, У. Лютти исследовали электронный бизнес с позиций маркетинга; Н. Вулкан осуществил подробный экономический анализ различных моделей ведения электронной коммерции, оценил их достоинства и недостатки²; К. Пейтел и М.П. Мак-Картин затрагивают проблемы стратегического управления электронным бизнесом, анализируют фундаментальные принципы, на которых основывается процесс электронной трансформации экономики (Patel, 2001). Вопросам роли и содержания логистики в современном электронном бизнесе посвящен фундаментальный труд Д.Дж. Бауэрсокса и Д.Дж. Клосса

² Поеров А.С. (2011). Совершенствование системы электронной коммерции в России: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М. 27 с.

(Bowersox, Closs, 2008). Ф. Триливен разработал руководство для начинающих предпринимателей по созданию собственной компании в торговом бизнесе, которое поможет решить вопросы внедрения передовых технологий, позволит сохранить конкурентоспособность фирмы в условиях новой цифровой экономики (Treleaven, 2000).

Среди исследований российских ученых можно отметить труды, посвященные формированию «новой электронной экономики» (Н.И. Иванова, В.В. Мальянов, Д.А. Чашкин, В.Ю. Шишков, А.С. Зуев, С.М. Цирель); исследованию роли сети Интернет в развитии электронной торговли (В.Н. Попов, Р.Н. Костяев, Е.Н. Костомаров, И.К. Успенский, Н.П. Иванов); мировому опыту в сфере электронной торговли (А.А. Соколова, Н.Д. Герашенко, А.К. Дворецкий, М.С. Зеленфройд, Д.А. Кочегарин); правовому обеспечению развития электронной торговли в России (Н.И. Соловяненко, А.М. Кастельская, Г.К. Екатеринина); проблемам безопасности ведения электронного бизнеса (В.В. Быков, В.К. Царев, А.К. Дворецкий); состоянию рынка электронной торговли в России (В.К. Рябцун, К. Лиухто, В.А. Медведев)³.

В целом, несмотря на широкий спектр проблем, затронутых в трудах зарубежных и отечественных исследователей, недостаточно разработанными остаются вопросы, связанные с оценкой состояния и перспектив развития интернет-торговли в условиях трансформации национальных социально-экономических систем, в том числе под воздействием глобального эпидемиологического кризиса, что послужило основанием для проведения настоящего исследования.

Целью работы является комплексный анализ состояния и перспектив развития розничной онлайн-торговли в России и Китае. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

– провести сравнительный анализ текущей ситуации в сфере электронной торговли Китая и России за последние годы;

³ Колодезникова И.В. (2006). Проблемы и тенденции ведения электронной торговли в глобальной информационной сети Интернет: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М. 26 с.

– выявить факторы, влияющие на активное и динамичное развитие данного сектора;

– определить перспективные направления дальнейшего развития сферы онлайн-потребления в условиях современных социально-экономических трансформаций.

Информационно-эмпирическая база включает в себя официальные данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат), данные социологических исследований Международного института маркетинговых и социальных исследований GfK Rus (ГФК-Русь), исследовательского агентства в сфере электронной коммерции Data Insight, информационно-аналитические материалы НИУ ВШЭ, данные Китайского научно-исследовательского института коммерческой промышленности, Государственного статистического управления Китая, Муниципального бюро коммерции Китая.

Для решения поставленных задач использованы общенаучные методы и приёмы (диалектический метод, метод статистического анализа, обобщение, систематизация, метод сравнения).

Результаты исследования

Основные платформы розничной онлайн-торговли в Китае и России

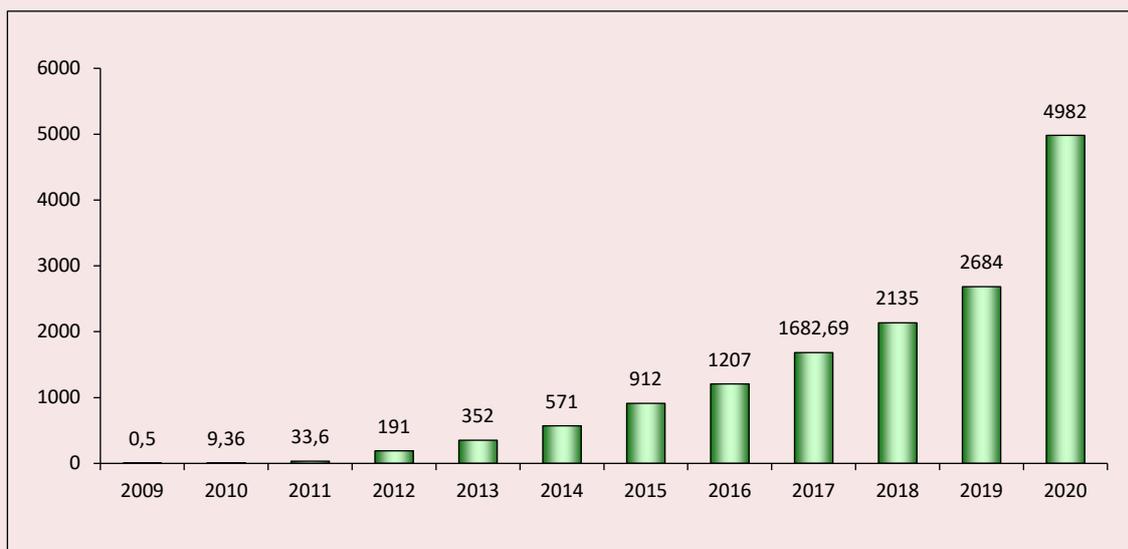
По данным экспертов, современная структура розничной онлайн-торговли включает в себя две основные формы организации интернет-площадок. К ним относятся маркетплейсы – сайты-агрегаторы или специализированные посредники, которые автоматически выполняют сбор и обработку информации от различных поставщиков по разным товарным группам; интернет-магазины – веб-сайты, на которых можно посмотреть информацию об интересующем товаре или услуге и сделать заказ в сети Интернет (Трофимова, 2018).

Структуру розничной онлайн-торговли в Китае представляют такие платформы, как Taobao Mall, основанная в мае 2003 года, JD Mall – в январе 2004 года, Pinduoduo – в апреле 2015 года и т. д. Последовательное создание и быстрое развитие платформ для электронной торговли отражают огромные потребности в развитии розничной онлайн-торговли. В процессе развития онлайн-продаж в Китае различные онлайн-платформы способствовали созданию ряда знаковых потребительских культурных сим-

волов, таких как «Двойной одиннадцатый день» в Taobao Mall с 2009 года, в JD Mall – «6·18» с 2010 года, и т. д., ставших настоящим праздником для китайских интернет-покупателей. Согласно данным, за период «Двойного одиннадцатого дня» в 2020 году (11.01–11.11) объем транзакций компании Taobao Mall со-

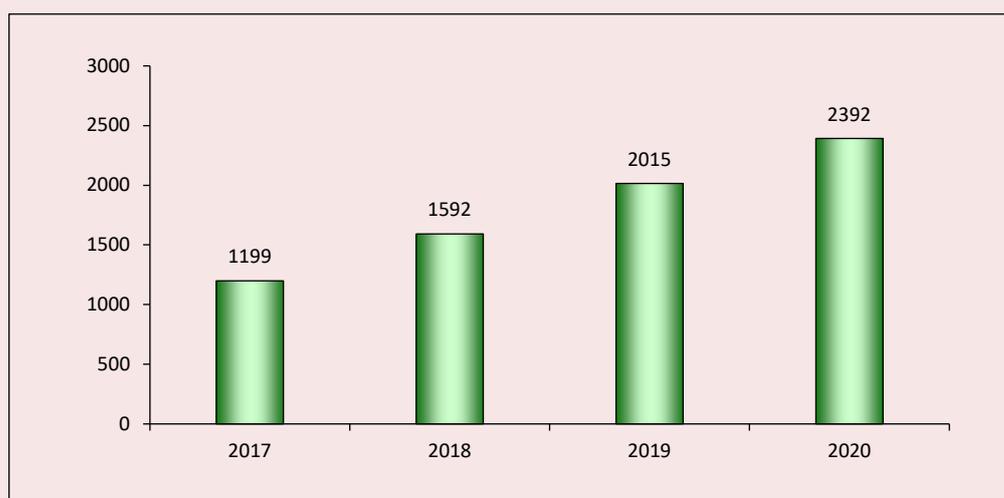
ставил 498,2 млрд юаней, совокупная сумма заказов JD Mall – 239,2 млрд юаней. Также стоит учитывать и объем транзакций онлайн-платформ, таких как Pinduoduo (рис. 2, 3). Общий объем транзакций китайских потребителей за период «Двойного одиннадцатого дня» может приблизиться к одному триллиону юаней.

Рис. 2. Данные об объеме транзакций компании Taobao Mall в «Двойной одиннадцатый день» с 2009 по 2020 год, 100 миллионов юаней

Источник: Китайский научно-исследовательский институт коммерческой промышленности.

Рис. 3. Данные об общей сумме заказов компании JD Mall «618» с 2017 по 2020 год, 100 миллионов юаней

Примечание: данные за 2020 год представляют собой общую сумму заказа с 0:00 1 июня по 14:00 18 июня.

Источник: Китайский научно-исследовательский институт коммерческой промышленности.

В России крупнейшими универсальными маркетплейсами, на которых представлены большинство товарных категорий, являются Wildberries, Ozon, Aliexpress Russia и Яндекс.Маркет. В 2020 году объем этой ниши рынка вырос на 108% до 721 млрд рублей. Всего россияне заказали с этих площадок 405 млн товаров со средним чеком одного заказа 1780 рублей⁴.

Согласно данным исследовательского агентства Data Insight, рейтинг крупнейших интернет-магазинов в России по итогам 2020 года возглавляет компания Wildberries с выручкой в 413,2 млрд рублей, что на 96% больше показателя годичной давности (табл. 1). Второе место в списке занимает Ozon, зарегистрировав выручку в 197 млрд рублей, в сравнении с 2019 годом она увеличилась на 144%. У «Ситилинка» доходы поднялись на 47%, до 132,7 млрд рублей. В 2020 году DNS нарастил онлайн-продажи на 117%, до 116,7 млрд рублей (12 млн заказов), у «М.Видео» рост был двукратным, до 113,2 млрд рублей (8,9 млн заказов). Наиболее востребованными товарами 2020 года на локальном рынке оказались электроника и быто-

вая техника, одежда и обувь, продукты питания, мебель и товары для дома, товары категории «Красота и здоровье» (Мерзлякова, Бридский, 2021).

В целом в последние годы как китайские, так и российские онлайн-площадки развиваются быстрыми темпами, активно наращивают объемы продаж, увеличивают количество заказов.

Базовый статус розничной онлайн-торговли в Китае и России

За последние годы розничная онлайн-торговля в Китае продемонстрировала основную тенденцию быстрого расширения, продолжительного устойчивого роста и увеличения вклада в общий розничный товарооборот. Масштабы розничной онлайн-торговли в Китае быстро расширяются. В 2020 году объем онлайн-продаж составил 11,76 трлн юаней, что в 3,03 раза больше, чем в 2015 году (3,88 трлн юаней). Рост показателей свидетельствует об увеличении масштабов данного сектора (рис. 4). Объем онлайн-торговли в Китае увеличился на один триллион юаней, во многом благодаря пандемии в 2020 году.

Таблица 1. Топ-10 самых посещаемых российских сайтов электронной торговли в 2020 году

№	Магазин	Категория	Онлайн-продажи		Заказы		Средний чек	
			Млн руб.	Прирост, в % к 2019 г.	Тыс. ед.	Прирост, в % к 2019 г.	Руб.	В % к 2019 г.
1	Wildberries.ru	Универсальные магазины	413 200	96	305 000	100	1 350	-2
2	Ozon.ru	Универсальные магазины	197 000	144	73 800	133	2 670	5
3	Citilink.ru	Электроника и техника	132 730	47	12 390	23	10 710	19
4	Dns-shop.ru	Электроника и техника	116 760	117	12 370	82	9 440	20
5	Mvideo.ru	Электроника и техника	113 200	100	8 900	71	12 720	17
6	Eldorado.ru	Электроника и техника	53 760	95	6 400	80	8 400	8
7	Lamoda.ru	Одежда, обувь и аксессуары	52 970	32	14 550	28	3 640	4
8	Apteka.ru	Здоровье	50 070	46	32 240	48	1 550	-2
9	Aliexpress.ru	Универсальные магазины	49 000	171	19 060	218	2 570	-15
10	Pokupki.market.yandex.ru	Универсальные магазины	44 090	136	15 490	159	2 850	-9

Источник: Топ-100 крупнейших интернет-магазинов России. URL: <https://www.top100.datainsight.ru>

⁴ Интернет-торговля в России 2020. URL: [DI_eCommerce2020\(1\).pdf](https://www.datainsight.ru/di_eCommerce2020(1).pdf)

Рис. 4. Объем розничных онлайн-продаж в Китае с 2015 по 2020 год, трлн юаней

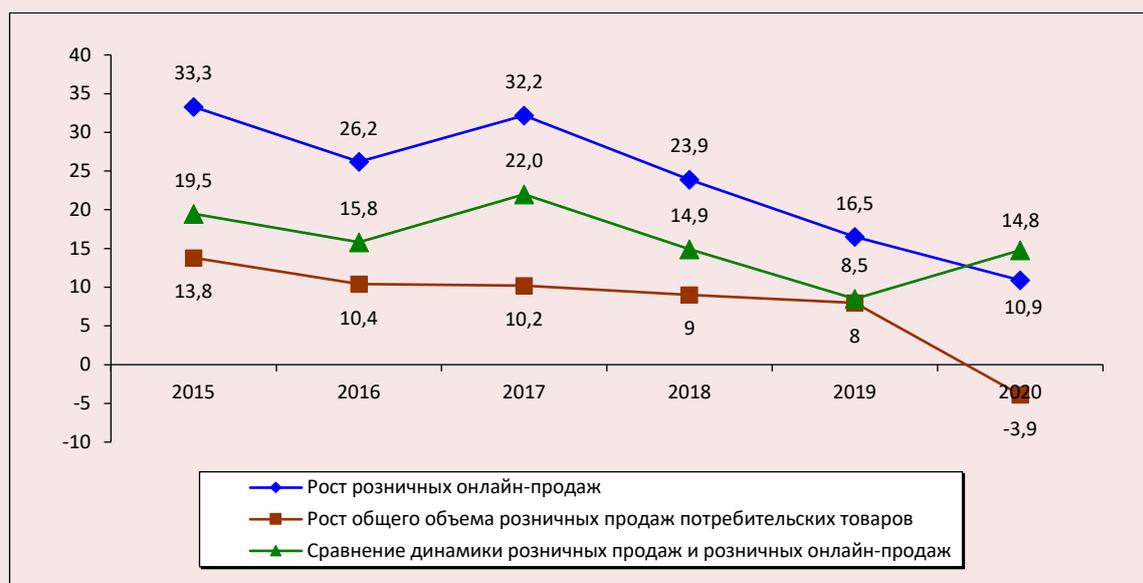

Источник: данные Государственного статистического управления Китая.

Розничная онлайн-торговля в Китае демонстрирует высокие темпы роста. С 2015 по 2020 год средние темпы роста розничных онлайн-продаж составили 23,8%, что на 15,9% выше, чем средние темпы роста общего объема розничных продаж потребительских товаров в Ки-

тае за тот же период (7,9%). В частности, из-за последствий пандемии в 2020 году темпы роста продаж потребительских товаров в Китае снизились на 3,9%, в то время как розничные онлайн-продажи, наоборот, выросли на 10,9%, показав высокие темпы развития (рис. 5).

Рис. 5. Рост розничных онлайн-продаж и розничных продаж потребительских товаров в Китае с 2015 по 2020 год, %

Источник: данные Государственного статистического управления Китая.

Восходящий тренд развития электронной торговли наблюдается и в России. Активно формируется локальная система розничной интернет-торговли, которая интегрируется в глобальную систему электронной коммерции под воздействием процессов глобализации. По данным компании Data Insight, за период с 2015 по 2020 год оборот российской интернет-торговли увеличился почти в 4,5 раза, составив 3,2 трлн руб. (рис. 6). Несмотря на слабую макроэкономическую динамику и многолетнюю стагнацию реальных доходов населения, онлайн-продажи быстро росли благодаря росту проникновения интернета, приходу на рынок новых крупных игроков, улучшению логистики и растущей конкуренции. Стагнация реальных доходов стала, в определенном смысле, одним из главных катализаторов роста онлайн-торговли. За счет меньших (чем у традиционных ритейлеров) операционных расходов интернет-магазины смогли предложить потребителям низкие цены и более выгодные условия для покупок (доставка, обмен и возврат товаров и т. д.) (Магомедов, 2020). Максимальные темпы

прироста (почти в 60%) зафиксированы в 2020 году. Они были обусловлены влиянием пандемии COVID-19, из-за которой люди стали чаще проводить время дома и заказывать товары через Интернет. Это повлекло за собой возникновение новых возможностей и дополнительных направлений роста для сектора электронной коммерции в целом⁵.

Вклад розничной онлайн-торговли в потребление в Китае и России

Стремительное расширение масштабов онлайн-потребления и сильный импульс развития сделали интернет-торговлю в Китае важным двигателем национального общественного потребления. В 2020 году розничные онлайн-продажи в стране составили 30% от общего объема розничных продаж потребительских товаров, увеличившись на 17% по сравнению с показателями 2015 года (13%; рис. 7). Кроме того, согласно «14-му пятилетнему плану» Китая по развитию бизнеса, объем розничных онлайн-продаж в стране достигнет 17 трлн юаней в 2025 году, а доля в общем объеме розничных продаж потребительских товаров в стране будет увеличена до 34%.

Рис. 6. Динамика объема российского рынка интернет-торговли

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

⁵ Трансформация потребителя: глобальное исследование потребительского поведения за 2020 год: Россия. URL: <https://www.pwc.ru/ru/retail-consumer/publications/assets/pwc-global-customer-insights-survey-2020-russia-ru.pdf>

Рис. 7. Доля розничных онлайн-продаж в Китае в общем объеме розничных продаж потребительских товаров в период с 2015 по 2020 год, %

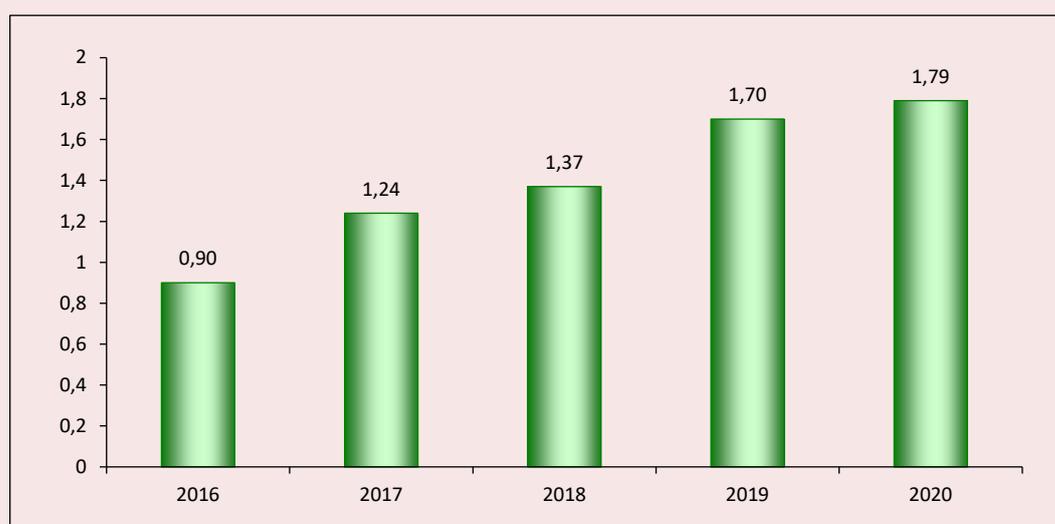

Источник: данные Государственного статистического управления Китая.

Особое внимание следует уделить стремительному развитию интернет-торговли в сельской местности Китая. На конец 2020 года всесторонняя демонстрация электронной торговли в сельской местности в Китае оказала поддержку

1338 уездам и обеспечила полный охват 832 национальных бедных уездов. В 2020 году объем онлайн-продаж в сельской местности Китая достиг 1,79 трлн юаней, что почти в десять раз больше, чем в 2014 году (180 млрд юаней; рис. 8).

Рис. 8. Продажи онлайн-торговли в сельской местности Китая в период с 2016 по 2020 год, трлн юаней

Источник: данные Муниципального бюро коммерции Китая.

Так, в уезде Сюньу городского округа Ганьчжоу провинции Цзянси, на конец 2020 года было зарегистрировано 797 компаний электронной коммерции и создано более 3000 онлайн-магазинов (включая пользователей мобильных телефонов и компьютеров), в которых почти 40 000 человек занимаются электронной коммерцией и соответствующими отраслями промышленности; объем транзакций электронной коммерции составляет 1,028 миллиарда юаней. Стоит отметить, что в относительно удаленном уезде с отстающим уровнем экономического развития количество экспресс-доставок в уезд составило 8236,5 тысячи, а из уезда – 8297 тысяч, при этом число исходящих доставок превышает число входящих относительно редко. Развитие розничной онлайн-торговли привело к росту в интернете продаж, характерных и выгодных для сельскохозяйственной продукции уезда, что увеличило доходы местных жителей.

Характеризуя вклад розничной онлайн-торговли в потребление в России, следует отметить, что, по данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), в период с 2015 по 2020 год доля онлайн-продаж в обороте розничной торговли увеличилась в 4 раза (с 0,9 до 3,9%), в период с 2019 по 2020 год доля электронной коммерции почти удвоилась (с 2 до 3,9%), чему во многом способствовала пандемия коронавируса (табл. 2). При этом

эксперты указывают, что, несмотря на существенный рост, онлайн-торговля не играет решающего значения в розничном товарообороте страны, данный показатель в несколько раз меньше среднего по миру (15,7% в 2020 году). В ряде крупных стран уровень проникновения интернет-торговли уже превышает 20%. Среди европейских стран лидерами по развитию e-commerce в рознице являются Великобритания, Германия, Дания, Нидерланды (15–20%)⁶. Как было указано выше, в Китае доля онлайн-сегмента в розничной торговле составляет 30%.

Данные официальной статистики в разрезе федеральных округов РФ также подтверждают, что региональная электронная торговля развита недостаточно и имеет большие резервы для дальнейшего роста (см. табл. 2). Лидерами среди макрорегионов РФ являются Центральный и Северо-Западный федеральные округа (6,1 и 4,4% соответственно). Причем в этих субъектах развитие интернет-торговли определяется влиянием крупных городов, таких как Москва и Санкт-Петербург. Именно эти регионы в настоящее время выступают драйверами развития электронной торговли в России (Красильникова, 2019; Ли Чжимэн и др., 2020). В целом существует значительный потенциал роста интернет-торговли в ближайшие годы, в том числе за счет увеличения уровня проникновения и замещения традиционных розничных форматов.

Таблица 2. Динамика доли продаж через интернет в общем объеме оборота розничной торговли в федеральных округах РФ (в фактически действовавших ценах), %

Федеральный округ	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Российская Федерация	0,9	1,2	1,3	1,7	2,0	3,9
Центральный федеральный округ	1,2	2,0	2,1	2,7	3,2	6,1
Северо-Западный федеральный округ	0,9	1,0	1,2	2,5	2,7	4,4
Южный федеральный округ	0,5	0,6	0,6	0,6	0,9	4,3
Северо-Кавказский федеральный округ	0,1	0,1	0,2	0,3	0,3	0,8
Приволжский федеральный округ	0,6	0,6	0,7	0,8	1,1	3,0
Уральский федеральный округ	1,0	1,1	1,1	1,3	1,3	4,2
Сибирский федеральный округ	1,4	1,4	1,4	1,7	1,9	3,8
Дальневосточный федеральный округ	0,5	0,6	0,6	0,4	0,4	1,5

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

⁶ Российский рынок интернет-торговли: итоги 2019 года, тренды 2020-го. URL: file:///fs/usefold/ind/Downloads/niu_vshe.pdf

Факторы, определяющие развитие розничной онлайн-торговли в Китае и России

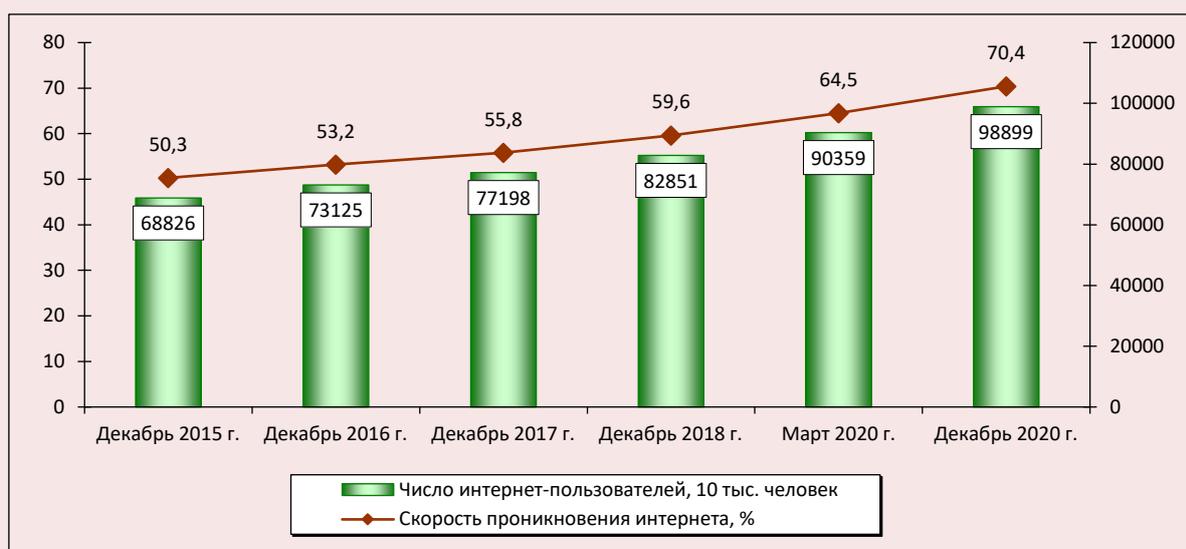
Основываясь на многочисленных исследованиях и мнениях экспертов, можно выделить несколько причин, объясняющих быстрое развитие розничной интернет-торговли в Китае.

Во-первых, создание целостной системы государственного регулирования электронной торговли. Возникновение и развитие новых видов бизнеса является результатом внутреннего движения рынка, что, в свою очередь, требует политического руководства, поощрения и регулирования. Китай последовательно внедрил ряд соответствующих стратегий, таких как «Мнения Государственного совета об активном развитии электронной торговли и ускорении создания нового экономического импульса», «Руководящие мнения о содействии здоровому и быстрому развитию трансграничной электронной торговли», «Основные мнения Государственного совета об активном продвижении действий „Интернет +”», «План действий по содействию развитию больших данных», «Мнения Главного управления Государственного совета о продвижении онлайн и офлайн взаимодействий и ускорении инновационного развития, преобразовании и модернизации коммерческого оборота», «Основные мнения Главного управления Государственного совета по содействию

ускоренному развитию электронной торговли в сельской местности», «Мнения главного управления Государственного совета о глубокой реализации плана действий „Интернет + циркуляция”» и т. д. После вспышки пандемии в целях стимулирования потребления в Китае были обнародованы «Мнения Главного управления Государственного совета о руководстве ускоренным развитием новых видов потребления с новыми типами и моделями бизнеса» (G.V.F. (2020) № 32) и «Мнения о реализации по содействию расширению и повышению качества потребления и ускорению формирования сильного внутреннего рынка» (F.G.J.Y. (2020) № 293) и т. д., что оказало решительную политическую поддержку восстановлению и развитию индустрии онлайн-торговли в стране.

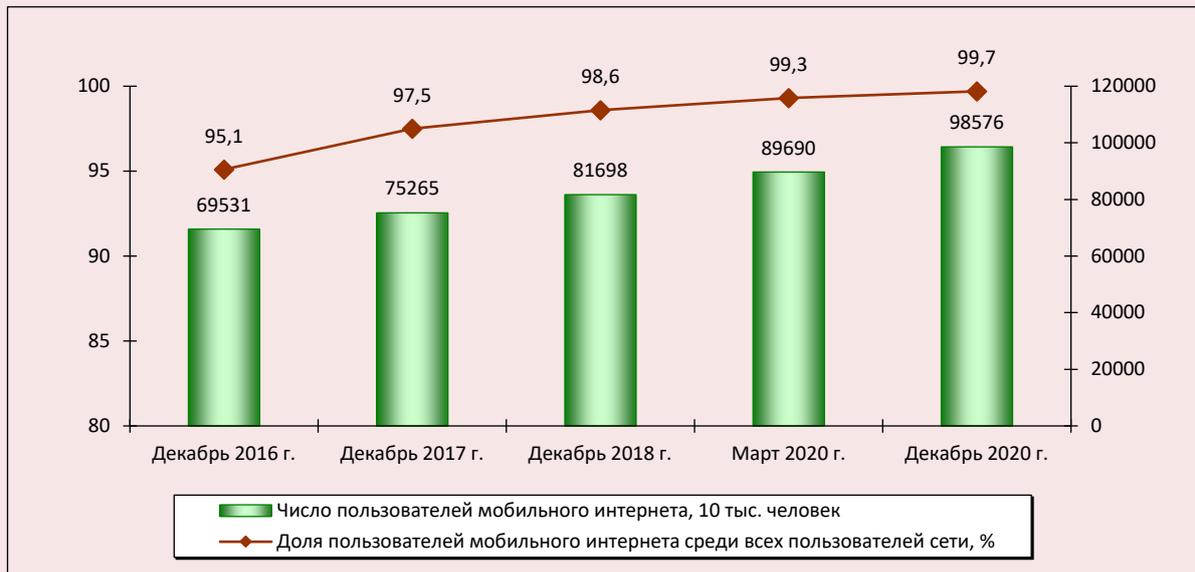
Во-вторых, постоянное увеличение скорости проникновения интернета. Число китайских пользователей сети увеличилось с 688 миллионов в конце 2015 года до 989 миллионов в конце 2020 года. В целом на долю интернет-пользователей Китая приходится около пятой части пользователей глобальной сети; скорость проникновения интернета возросла с 50,3 до 70,4% (рис. 9). В декабре 2020 года в Китае насчитывалось 986 миллионов пользователей мобильного интернета, из них 99,7% использовали мобильные телефоны (рис. 10). Такое

Рис. 9. Число интернет-пользователей и скорость проникновения интернета в Китае с 2015 по 2020 год

Источник: данные статистического обследования развития интернета в Китае.

Рис. 10. Число пользователей мобильного Интернета в Китае и их доля среди всех интернет-пользователей в период с 2016 по 2020 год

Источник: данные статистического обследования развития интернета в Китае.

большое количество интернет-пользователей и пользователей мобильного интернета способствует увеличению объемов онлайн-покупок.

В-третьих, улучшение инфраструктуры. Полная сетевая и современная инфраструктура транспортировки является важной предпосыл-

кой для поддержки розничной онлайн-торговли. К концу 2020 года доля доступа к оптоволокну и 4G в административных деревнях Китая достигла 98%, что, соответственно, на 8 и 10% выше, чем в 2017 году (рис. 11). К концу 2020 года по всей стране насчитывалось

Рис. 11. Рост доступа оптоволокну и 4G в административных деревнях Китая с 2016 по 2020 год, %

Источник: Отчет о развитии цифрового Китая (2020).

более 2000 распределительных центров электронной торговли и логистики на уровне уездов и более 130000 станций обслуживания онлайн-торговли на уровне деревень. Также пункты экспресс-доставки охватили более 30000 населенных пунктов / городов по всей стране (уровень охвата составил 97,6%), 27 провинций (районов, городов) достигли полного охвата экспресс-доставкой в городах и деревнях.

Например, к концу 2020 года провинция Цзянси достигла полного охвата высокоскоростными железными дорогами в 11 городах, разделенных на районы, скоростными автомагистралями в 84 уездах (городах), электрообеспечением и электричеством в 16 тысячах административных деревень и цементными (асфальтовыми) дорогами в 169 тысячах естественных деревенских групп; узкополосный интернет вещей полностью охватил провинцию Цзянси, а базовые станции 5G – основные городские районы в 11 городах, разделенных на районы.

В-четвертых, увеличение уровня доходов городских и сельских жителей. Доход является необходимым условием для потребления. Правительство Китая придает большое значение повышению уровня жизни людей, всегда рассматривает его в качестве отправной точки и опоры для всей работы, придерживается ори-

ентации на занятость. С момента основания Китайской Народной Республики, особенно после проведения политики реформ и открытости, значительно выросли доходы городского и сельского населения, увеличились и потребительские возможности жителей: от отсутствия предметов первой необходимости к всесторонне благополучному обществу. Таким образом, страна победила бедность с помощью комплексных мер. В 2020 году располагаемый доход жителей Китая на душу населения достиг 32189 юаней, что в 648 раз больше, чем в 1949 году. Непрерывный и быстрый рост уровня доходов людей выступает источником для онлайн-потребления (рис. 12). Согласно стандарту ООН, Китай относится к благополучной и богатой стране, поскольку коэффициент Энгеля (доля общих расходов на питание в расходах на личное потребление) в 2020 году среди жителей Китая составлял 30,2%, в городских районах – 29,2%, в сельской местности – 32,7%.

В целом развитие розничной онлайн-торговли в Китае является результатом эффективной системы политического регулирования и стимулирования данного сегмента, постоянного расширения и улучшения интернет-покрытия, совершенствования инфраструктуры, улучшения материального положения и повышения доходов населения.

Рис. 12. Изменения располагаемого дохода жителей Китая на душу населения, юаней

Источник: данные Государственного статистического управления Китая.

Основываясь на данных научных и статистических источников, можно выделить ряд факторов, влияющих на развитие интернет-торговли в России.

Прежде всего следует отметить, что в последние годы российское государство предпринимает серьезные меры в направлении регулирования и совершенствования онлайн-торговли. В 2017 году принята программа «Цифровая экономика Российской Федерации». В ней сформулированы цели, задачи, направления государственной политики по развитию в России цифровой экономики, установлены сроки их реализации. Согласно программе, к 2024 году планировалось обеспечить широкополосным доступом к интернету (100 мбит/с) 97% домашних хозяйств в РФ; во всех крупных городах с численностью населения от 1 млн человек – обеспечить устойчивое покрытие сети 5G и выше. В России планировалось создать десять предприятий, занимающих лидирующие позиции в сфере высоких технологий, а также десять цифровых платформ для обслуживания основных отраслей экономики, в том числе сферы торговли⁷.

Важнейшим для сектора интернет-торговли документом является разработанная Министерством промышленности и торговли РФ «Стратегия развития электронной торговли в Российской Федерации на период до 2025 года», которая определяет концептуальные векторы

развития рынка российской онлайн-торговли на ближайшее десятилетие. Согласно ей, доля электронной торговли в общем объеме российской торговли в 2025 году достигнет 20%. Предполагается, что 70% розничных магазинов (преимущественно мелкие и средние предприниматели) будут использовать интернет-каналы. При этом доля Российской Федерации на мировом рынке электронной торговли составит не менее 10% (Минакова и др., 2020). Данные нормативные акты позволяют констатировать, что в России на высшем законодательном уровне закреплена необходимость создания комплекса благоприятных нормативно-правовых, организационных и технических условий для развития онлайн-сектора сферы торговли, стимулирования деловой активности участников электронной торговли, формирования конкурентной среды и создания комфортного потребительского климата для населения (Жилина, 2018).

Как было указано выше, важнейшим фактором динамичного развития электронной коммерции во всем мире, в том числе в России, является активное внедрение информационных технологий. Специальные измерения российской интернет-аудитории показывают, что в период с 2015 по 2020 год доля домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, возросла на 8 п. п., с 72 до 80%, широкополосный доступ – на 10 п. п., с 67 до 77% (табл. 3).

Таблица 3. Доля домашних хозяйств РФ, имеющих доступ к сети Интернет, % от общего числа домашних хозяйств

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Доля домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, в общем числе домашних хозяйств	72,1	74,8	76,3	76,6	76,9	80,0
Доля домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет, в общем числе домашних хозяйств	66,8	70,7	72,6	73,2	73,6	77,0
Доля населения, имеющего доступ к сети Интернет с использованием мобильных устройств (мобильные телефоны или смартфоны, устройства для чтения электронных книг, КПК)	41,4	48,9	56,0	61,9	65,9	70,7
Доля населения, использовавшего сеть Интернет для заказа товаров и (или) услуг, в общей численности населения	19,6	23,1	29,1	34,7	35,7	40,3
в том числе						
городская местность	22,5	26,5	32,6	38,3	39,6	45,1
сельская местность	10,6	12,9	18,4	23,7	23,8	25,8
Источник: данные Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/statistic						

⁷ Цифровая экономика Российской Федерации. URL: <http://government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>

Наиболее существенный скачок наблюдается в сегменте использования мобильных устройств: аудитория интернет-пользователей на мобильных телефонах, смартфонах и др. увеличилась на 30 п. п., с 41 до 71% соответственно. В региональном разрезе лидерами по уровню проникновения интернета остаются Москва и Санкт-Петербург, однако постепенно различия между регионами по этому показателю сглаживаются⁸.

Широкое и динамичное распространение интернета имеет большой потенциал для привлечения людей к осуществлению покупок в сети. В 2020 году при доле домохозяйств России, имеющих доступ к сети Интернет, в 80%, удельный вес населения, использовавшего данный канал для интернет-покупок, составлял всего 40%. За рассматриваемый период (2015–2020 гг.) наблюдалось неравномерное увеличение вовлеченности жителей в покупки через интернет в зависимости от территории проживания: разница в приросте данного показателя в городской и сельской местности составляла около 10% в пользу города (Советова, 2021). Это отражает большие имеющиеся резервы для дальнейшего развития интернет-торговли в России: расширения аудитории интернет-покупателей, привлечения уже подключенных к интернету людей к осуществлению покупок в сети, в том числе в сельской местности.

Еще одним важнейшим драйвером развития онлайн-ритейла в России становятся формирующиеся в последние годы новые потребительские установки и предпочтения. В качестве современных глобальных потребительских трендов эксперты называют следующие: «стремление к потреблению качественных и безопасных товаров и услуг; осознанный выбор и ориентация на соответствие товара ценностным установкам потребителя; усиление взаимовлияния потребителей, обмен потребительским опытом посредством социальных сетей»⁹.

⁸ Российский рынок интернет-торговли: итоги 2019 года, тренды 2020-го. URL: file:///fs/usefold/ind/Downloads/niu_vshe.pdf

⁹ Демидов А.М. (2017). Глобальные тренды и российский потребитель. URL: www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Press_Releases/2017/Gfk-Global-Russian-Trends-Sep_2017_Report.pdf/

Немаловажно, что предпочтения современных потребителей изменились в сторону индивидуализации потребления (Беляков и др., 2020). Потребители все активнее предъявляют спрос только на продукты и услуги, соответствующие их определенным потребностям, пытаются сделать их предметом самовыражения, личностной идентификации (индивидуализация потребности), а также на наиболее подходящий способ удовлетворения потребности (индивидуализация сервиса) и время (поставляются только тогда, когда потребитель хочет их получить, — индивидуализация времени удовлетворения потребности) (Воробьев, 2015). Согласно исследованию, проведенному компанией KPMG, 56% посетителей онлайн-магазинов ожидают от ритейлеров индивидуального подхода к покупателю и считают отличное обслуживание наиболее важным фактором повышения лояльности клиентов. При принятии решения о том, какой бренд и у какого ритейлера приобретать, россияне учитывают возможность совершения покупок в круглосуточном режиме (59%), удобство и простоту использования (53%), доступность информации о доставке в режиме реального времени (49%)¹⁰. Подобная трансформация потребительских запросов и предпочтений стимулирует предпринимателей к существенным изменениям в ведении торговли, в том числе к цифровизации многих сервисов, расширению и совершенствованию торговли в онлайн-формате.

В целом основными препятствиями на пути развития электронной торговли в России являются недостаточный охват интернет-связью населения различных местностей и регионов, отсутствие технических средств и возможностей для пользования интернетом в отдаленных, в том числе сельских территориях страны, что создает диспропорции в развитии данного сектора экономики. Кроме того, несмотря на формирование новых потребительских установок, определенные ограничения онлайн-потребления связаны с ментальными особенностями россиян: многие покупатели по-прежнему не

¹⁰ Исследование предпочтений онлайн-покупателей в 2017 г. URL: <https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/ru/pdf/2017/03/ru-ru-the-truth-about-russian-online-consumers.pdf>

готовы отказаться от походов в магазины традиционного формата и полностью перейти на онлайн-покупки, физический контакт важен для укрепления доверия к товару и производителю (Дементьева, 2021).

Основные направления дальнейшего развития онлайн-торговли в Китае и России

Несмотря на различный уровень и темпы развития национальных рынков, можно выделить актуальные для Китая и России направления дальнейшего развития розничной онлайн-торговли.

Во-первых, важнейшим направлением, стимулирующим развитие внутреннего спроса и рост онлайн-потребления, является создание условий для роста доходов населения, поддержание покрытий его базовых социально-экономических потребностей как основа обеспечения покупательной активности и расширения материальных возможностей использования технологий электронной торговли. Доход – необходимое условие для потребления, а стабильный и предсказуемый рост доходов – важная основа для обеспечения эффективного использования потребительского потенциала. Повышение покупательной способности доходов населения непосредственным образом связано со стабилизацией ситуации на рынке труда, решением проблем занятости. Немаловажную роль играет увеличение доходов от собственности жителей, особенно сельских, за счет реализации стратегии возрождения сельских районов. Существенное значение имеет также совершенствование системы социального обеспечения. В основе расширения потребительской активности населения лежит ощущение стабильности и уверенности в завтрашнем дне, что требует надежной системы социального обеспечения, а именно улучшения жилищных условий, медицинского обслуживания, пенсионного обеспечения и др.

Во-вторых, оптимизация инфраструктуры и среды онлайн-потребления. Онлайн-потребление – это системный проект, включающий создание сетевой инфраструктуры, современной логистической инфраструктуры, безопасной среды потребления. Оно требует комплексного подхода для оптимизации и улучшения всей цепочки и процесса потребления. Необходимыми шагами в этом направлении должны быть

дальнейшее развитие мобильного ритейла путем создания и значительного функционального усовершенствования интернет-приложений для мобильных устройств, увеличение объема разработок подобных программных продуктов предприятиями торговли; своевременная реструктуризация сайтов интернет-магазинов с целью удобства и простоты использования для покупателей (Матузенко и др., 2021); оптимизация системы доставки товаров; совершенствование форм оплаты путем увеличения строительства интеллектуальных сервисных терминалов и развития услуг бесконтактных транзакций в целях обеспечения безопасности онлайн-платежей, в том числе сохранности персональных данных.

Эти мероприятия будут способствовать расширению предложения онлайн-услуг в сфере розничной торговли, повышению вовлеченности в онлайн-потребление.

В-третьих, сокращение разрыва в онлайн-потреблении между городскими и сельскими территориями. Как было указано выше, в Китае и России сельские районы недостаточно охвачены интернет-связью, что ограничивает возможности сельских жителей делать покупки с использованием каналов интернет-торговли. В связи с этим примечателен опыт Китая, где, с одной стороны, уровень проникновения интернета постоянно расширяется, с другой – совершенствуется инфраструктура онлайн-торговли в сельских районах. Создаваемые на уровне уездов сортировочные центры логистики сосредоточены на складировании, транспортировке сборных грузов (LTL-перевозки), экспресс-доставке, электронной коммерции, почтовых услугах, поставках, маркетинге и других бизнес-форматах. При поддержке почтовой экспресс-доставки и точек снабжения и маркетинга продвигается модель сбора и распределения поставок и маркетинга «Интернет + четырехсторонняя логистика», направленная на углубление продвижения строительства точек комплексного обслуживания в удаленных населенных пунктах, сельских районах, а также создание и совершенствование двусторонней беспрепятственной логистической распределительной сети между городскими и сельскими районами, чтобы стимулировать потенциал потребления в сельской местности.

В-четвертых, содействие экологичному развитию онлайн-ритейла. В процессе розничной онлайн-торговли используется большой объем упаковочного материала, поэтому особенно важно реализовать экологичную переработку экспресс-посылок. Необходимо исследовать, разрабатывать и применять экологически чистые упаковочные материалы, повышать интенсивность переработки, максимально сокращать количество отходов.

В-пятых, в качестве долгосрочного направления при формировании восходящих трендов развития интернет-продаж в России следует назвать необходимость совершенствования нормативно-правовой базы регулирования данного сегмента. По оценкам экспертов, нормативно-правовая база интернет-торговли в России находится в процессе формирования и нуждается в существенном совершенствовании. В первую очередь это касается снижения рисков, сопровождающих осуществляемые транзакции, и обеспечения кибербезопасности. Государство должно уделять пристальное внимание совершенствованию идентификации и аутентификации взаимодействующих агентов, защите от несанкционированного доступа, от фальсификации документов и др. Должна быть создана единая концепция формирования инфраструктуры электронной торговли с четко обозначенными целями, задачами, используемыми инструментами (Минакова и др., 2020).

Выводы

В последние десятилетия под воздействием процессов глобализации и цифровизации экономики активно развивается мировая система электронной коммерции. Абсолютным лидером онлайн-торговли в мире является Китай, который демонстрирует самые значительные объемы рынка интернет-продаж, в 2020 году составившие 955 млрд долл. США, что соответствует 6,7% ВВП страны. Россия в 2020 году входила в топ-10 крупнейших рынков и занимала 9-е место с объемом рынка интернет-торговли в стоимостном выражении в 37 млрд долл. США, что составляет 2,5% ВВП. Вместе с тем, рассматривая динамические изменения, можно констатировать, что российский рынок интернет-продаж является самым активно развивающимся и быстрорастущим. В 2020 году Россия вышла на первое место в мире

по темпам прироста розничного онлайн-ритейла: данный показатель составил 58% (в Китае – 5%).

Интернет-торговля в Китае и России развивается под воздействием общемировых тенденций, обусловленных такими важнейшими факторами, как широкое распространение информационных технологий и пандемия COVID-19. В течение последних лет ключевое значение для развития электронного бизнеса в секторе розничной торговли имело распространение широкополосного интернета, обеспечивающего высокоскоростную передачу данных и формирование на основе ИКТ глобальных сетей. Интернет превратился в площадку для совершения сделок по купле-продаже электронного контента и материальных товаров, открывающую новые возможности как для продавцов, так и для покупателей. В период с 2015 по 2020 год в Китае число пользователей интернета увеличилось на 40% (с 688 до 989 млн человек), в России – на 15% (со 114 до 131 млн человек).

Катализатором развития дистанционной торговли выступила пандемия коронавируса. Экономический спад на фоне коронавируса, карантинные ограничения и трансформация образа жизни и поведения потребителей способствовали резкому и основательному переходу к использованию новейших технологий в розничной торговле (Беляков и др., 2020). Так, в 2020 году крупнейшие китайские платформы Taobao Mall, JD Mall, Pinduoduo в несколько раз увеличили объемы транзакций, количество заказов. Отмечается стремительный рост интернет-торговли в сельской местности Китая. Универсальные российские маркетплейсы Wildberries, Ozon, Aliexpress Russia и Яндекс.Маркет также быстрыми темпами наращивают объемы продаж.

Причинами различий в текущем состоянии национальных рынков интернет-торговли в Китае и России являются неравномерный охват сетью Интернет населения различных регионов и местностей Российской Федерации, недостаточное качество интернет-связи в отдаленных территориях, а также ментальные особенности россиян, связанные с приверженностью традиционным форматам приобретения товаров и услуг. Определенными рисками, с

которыми сопряжено развитие электронной торговли, выступают высокая зависимость от ИТ-технологий, риск мошенничества и необходимость обеспечения информационной безопасности, необходимость значительных инвестиций в логистическую инфраструктуру, изменение структуры занятости и квалификационных требований к трудовым ресурсам торговли, потенциальный риск снижения конкурентоспособности малого и среднего торгового бизнеса.

В качестве перспективных направлений повышения потребительского спроса в сегменте электронной торговли, способствующих ее дальнейшему развитию, следует назвать:

- повышение уровня и качества жизни населения, покупательной способности доходов для расширения материальных возможностей использования цифровых технологий;
- совершенствование инфраструктуры, главным образом в направлении обеспечения

безопасности онлайн-платежей и прочих транзакций, в том числе персональной информации;

- увеличение охвата интернет-связью различных местностей и регионов;
 - информатизацию сельских территорий и их населения, сокращение разрыва в онлайн-потреблении между городскими и сельскими территориями;
 - экологизацию онлайн-потребления;
 - осуществление организационной, информационной, технической поддержки со стороны государства, совершенствование нормативно-правовой базы в интересах предприятий, задействованных в сфере электронной коммерции, а также потребителей.
- Долгосрочные тренды развития электронной торговли в Китае и России во многом будут зависеть от мировой экономической конъюнктуры, эпидемиологической ситуации, состояния национальных экономик, эффективной социальной политики.

Литература

- Беляков С.А., Эйрих В.Е., Степина И.О. (2020). Изменение потребительского поведения и тренды маркетинга, перемены после пандемии COVID-19 // CITISE. № 3 (25). С. 363–373.
- Воробьев К.Ю. (2015). Сущность электронной коммерции в системе международных торговых связей // Российский внешнеэкономический вестник. № 3. С. 106–114.
- Дементьева И.Н. (2021). Интернетизация потребления населения региона в условиях социально-экономической неопределенности // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. № 3 (31). С. 34–47.
- Жилина И.Ю. (2018). Электронная розничная торговля в России: состояние и перспективы // Экономические и социальные проблемы России. № 1. С. 39–70.
- Красильникова Е.А. (2019). Регионы драйверы развития электронной торговли в Российской Федерации // Проблемы теории и практики управления. № 11. С. 22–34.
- Ли Чжимэн, Лукин Е.В., Шэн Фанфу, Чжэн Вэнькай (2021). Оценка влияния пандемии COVID-19 на экономики Китая и России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 5. С. 277–299.
- Магомедов А.М. (2020). Пандемия, онлайн-торговля и продвижение интернет-магазина // Маркетинг в России и за рубежом. № 5. С. 35–43.
- Матузенко Е.В., Глазунова О.А., Изварин А.А. (2021). Тенденции, проблемы и перспективы развития электронной коммерции в сфере интернет-торговли // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. № 1. С. 197–206.
- Мерзлякова Е.А., Бридский Е.В. (2021). Основные тенденции и перспективные направления развития электронной коммерции в России // ЦИТИСЭ. № 2 (28). С. 510–522.
- Минакова И.В., Распопин Д.И., Быковская Е.И. (2020). Возможности и ограничения развития интернет-торговли в России // Фундаментальные исследования. № 5. С. 136–142.
- Прохоров Ю.Н., Карашук О.С. (2020). Розничная интернет-торговля в России: состояние, тенденции и дальнейшее развитие // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. № 5 (113). С. 196–206.
- Советова Н.П. (2021). Цифровизация сельских территорий: от теории к практике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 2. С. 105–124.

- Трофимова В. В. (2018). Развитие интернет-торговли в России и мире // Бизнес-образование в экономике знаний. № 2. С. 73–76.
- Ускова Т.В., Лукин Е.В. [и др.] (2013). Проблемы экономического роста территории. Вологда: ИСЭРТ РАН. 42 с.
- Bowersox D.J., Closs D.J. (2008). *Logistical Management: The Integrated Supply Chain Process*. McGraw-Hill College.
- Gläß R., Leukert B. (2016). *Handel 4.0: Die Digitalisierung des Handels - Strategien, technologien, Transformation*. Berlin.
- Kosiur D. (1998). *Understanding Electronic Commerce*. Microsoft Corporation.
- Patel K. (2001). *Secrets of Success in Electronic Business*. New York.
- Schwab K. (2017). *The Fourth Industrial Revolution*. New York: Crown Business.
- Treleaven Ph. (2000). *E-Business Start-Up. The Complete Guide to Launching Your Internet and Digital Enterprise*. London: Kogan Page.

Сведения об авторах

Ирина Николаевна Дементьева – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: irinika_74@mail.ru)

Шэн Фанфу – степень магистра, научный сотрудник, Академия общественных наук КНР (Няньчан, Китай, Цзянси, 649, North Hongdu Avenue, 330077; e-mail: shengff1986@126.com)

Dement'eva I.N., Sheng Fangfu

Online Retail in China and Russia: Current State and Development Prospects

Abstract. In recent years, due to the digitalization of the economy, there has been a rapid development of online commerce around the world. China is a global leader in online trade; the country demonstrates the highest volumes of the online sales market. The Russian online sales market is the most dynamic, Russia ranks first in terms of the growth rate of online retail. Within the framework of this study, we analyze the current state of online retail trade in China and Russia over the recent years, assess the contribution of e-commerce to the retail turnover of the two countries, identify factors affecting the active and dynamic development of this sector and promising directions for further development of online consumption in the context of modern socio-economic transformations. In the course of the research, we have found that the successful development of online retail in China is the result of an effective system of political regulation and stimulation of this segment, constant expansion and improvement of Internet coverage, improvement of e-commerce infrastructure and people's financial situation. In Russia, the widespread use of the Internet, including on mobile devices, the transformation of consumer attitudes, requests and preferences, the increase in sales volumes of the largest marketplaces and online stores reflect large reserves and great potential for further growth and successful development of this sector. The main directions for further development of the e-commerce segment are as follows: improving the standard of living and quality of life, improving the infrastructure of online commerce, mainly in the direction of ensuring the security of online payments and other transactions, expanding the informatization of rural areas and their population, greening online consumption, improving the regulatory framework in the field of e-commerce.

Key words: digitalization of the economy, online retail trade, coronavirus pandemic, retail turnover, marketplaces, e-commerce infrastructure, standard of living, information technology.

Information about the Authors

Irina N. Dement'eva – Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: irinika74@mail.ru)

Sheng Fangfu – Master, Researcher, Jiangxi Academy of Social Sciences (649, North Hongdu Avenue, Nanchang, 330077, Jiangxi Province, China; e-mail: shengff1986@126.com)

Статья поступила 22.03.2022.

НАУЧНЫЕ ОТЗЫВЫ. РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.16

УДК 332.1, ББК 65

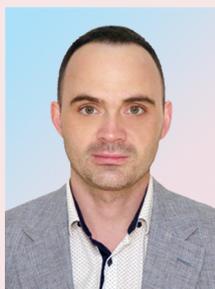
© Бобков В.Н., Бобков Н.В., Чашина Т.В.

Экономика, уровень и качество жизни в регионе (размышления о словаре-справочнике «Экономика региона» Вологодского научного центра РАН¹)

**Вячеслав Николаевич
БОБКОВ**

Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Российская Федерация
e-mail: bobkovvn@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7364-5297; ResearcherID: U-6527-2019

**Николай Вячеславович
БОБКОВ**

Московский государственный медико-стоматологический университет
имени А.И. Евдокимова
Москва, Российская Федерация
e-mail: bobkovnv@bk.ru
ORCID: 0000-0002-1144-7890; ResearcherID: GNM-9460-2022

**Татьяна Викторовна
ЧАЩИНА**

e-mail: Chashinatv@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3384-3413; ResearcherID: GQH-0078-2022

¹ Экономика региона (2021): словарь-справочник / под общ. ред. В.А. Ильина, А.А. Шабуновой. М.: ИНФРА-М. 358 с.

Для цитирования: Бобков В.Н., Бобков Н.В., Чашина Т.В. (2022). Экономика, уровень и качество жизни в регионе (размышления о словаре-справочнике «Экономика региона» Вологодского научного центра РАН) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 262–279. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.16

For citation: Bobkov V.N., Bobkov N.V., Chashchina T.V. (2022). Economy, standard of living and quality of life in the region (reflections on the dictionary-reference book *Regional Economics* Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 262–279. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.16

Аннотация. На новом этапе развития Российской Федерации решение актуальных экономических и социальных проблем развития регионов приобретает важное значение для обеспечения полного экономического суверенитета и достойных уровня и качества жизни российских граждан. В статье рассмотрены вопросы повышения роли научного обеспечения в ходе решения этих задач сквозь призму заметного научно-практического явления – издания в 2021 году словаря-справочника «Экономика региона», подготовленного коллективом авторов Вологодского научного центра РАН. В нем читателю представлены результаты 30-летней работы ВолНЦ РАН по научно-практическому обеспечению деятельности региональных и местных органов власти Вологодской области, способствовавшему развитию экономики региона, повышению уровня и качества жизни граждан. Основным достижением данного издания выступают опубликованные научно-практические методики решения региональных демографических, экономических и социальных проблем, а также повышения результативности деятельности органов регионального и местного управления. В статье показано, что теоретические, методологические и практические решения актуальных региональных проблем на примере Вологодской области вооружают научные и практические сообщества других регионов России инструментарием для решения аналогичных проблем с учетом пространственных особенностей страны. Авторы статьи изложили ряд соображений по развитию теоретической, методологической и практической базы словаря-справочника в целях творческого применения его методик в других регионах России.

Ключевые слова: словарь-справочник, экономика региона, экономическая сфера региона, социальная сфера региона, управление регионом, результативность бюджетного регулирования, производственный, научно-технологический и кадровый потенциал, туризм и развитие, демография, человеческий потенциал, качество жизни населения, управление региональными и муниципальными социально-экономическими системами, управление меж- и внутрирегиональными социально-экономическими коммуникациями, методика.

Введение

Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации². В настоящее время в составе Российской Федерации находятся 85 субъектов.

Федеративное устройство Российской Федерации предусматривает ведение Российской Федерации, совместное ведение Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации

и субъектов Российской Федерации субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти³.

Местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций. Местное самоуправление в Российской Федерации гарантируется правом на судебную защиту, на компенсацию дополнительных расходов, возникших в результате решений, принятых органами государственной власти, запретом на ограничение прав местного самоуправления, установленных Конституцией Российской Федерации и федеральными законами⁴.

Ключевыми текущими документами, регулирующими региональное развитие страны, являются Указ Президента Российской Федерации № 13 от 16 января 2017 г. «Об утверждении Основ государственной политики регионально-го развития Российской Федерации на период

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ), п. 3, ст. 5 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item> (дата обращения 07.07.2022).

³ Там же. Ст. 71–73.

⁴ Там же. Ст. 131, 133.

до 2025 года»⁵ и Стратегия пространственного развития Российской Федерации, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р на период до 2025 года⁶.

Важную роль в региональном развитии России играют результаты научных разработок, представленные в научных монографиях и статьях, а также учебниках и учебных пособиях, энциклопедических и научно-практических словарях. В популярной научной библиотеке⁷ имеется много русскоязычных публикаций по тем или иным аспектам регионального социально-экономического развития и управления. Этим вопросам посвящен целый ряд научных монографий (Зубаревич, 2010; Минакир, 2017; Васильева и др., 2018; Левченко и др., 2018; Бажутова и др., 2019; Черешнев и др., 2019; Бухвальд и др., 2020; Ильин и др., 2020; Бобков и др., 2021; Суслов и др., 2022; Шабунова и др., 2022), учебников и учебных пособий⁸, много-

численные научные статьи по проблемам регионального развития в авторитетных научных журналах⁹. В совокупности они представляют хорошую базу для повышения научного уровня развития российских регионов.

Особое место среди публикаций, посвященных региональной экономической и социальной политике, занимают словари. Их важная роль и место обусловлены тем, что они раскрывают суть экономических и социальных процессов, их отношение к тем или иным положениям теории, историю возникновения и развития, критическое отношение к уже имеющимся трактовкам рассматриваемых понятий,

⁵ Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41641> (дата обращения 07.07.2022).

⁶ Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-р // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения 07.07.2022).

⁷ Научная электронная библиотека РИНЦ. URL: <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp?> (дата обращения 07.07.2022).

⁸ Белокрылова О.С., Киселева Н.Н., Хубулова В.В. (2019). Региональная экономика и управление: учебн. пособие. М.: НИЦ ИНФРА-М. 289 с.; Буров М.П. (2019). Региональная экономика и управление территориальным развитием: учебник для магистров. М.: Дашков и К°. 446 с.; Ермошина Г.П., Поздняков В.Я. (2019). Региональная экономика: учебн. пособие. М.: НИЦ ИНФРА-М, 576 с.; Кулакова Л.И. (2020). Управление региональными экономическими системами: учебн. пособие. Орел: Среднерусский институт управления – филиала РАНХиГС. 104 с.; Манаева И.В. (2020). Социально-экономическое неравенство регионов РФ: теория и практика: учебн.-метод. пособие. Белгород: ИД БелГУ. 113 с.; Морозова Г.Г. (2017). Региональная экономика: учеб. для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям. 4-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 527 с.; Никифорова В.Д., Путькин Ю.Е., Никифоров А.А. (2020). Региональная экономика: учебн. пособие. М.: РИОР. 304 с.; Селищева Т.А. (2018). Региональная экономика: учеб. М.: ИНФРА-М. 469 с.; Урунов А.А. (2020). Региональная экономика: учеб. и практикум. М.: ИНФРА-М. 366 с.; Фетисов Г.Г., Орешин В.П. (2022). Региональная экономика и управление: учеб. М.: ИНФРА-М. 416 с.

⁹ Арктика: экология и экономика (Институт проблем безопасного развития атомной энергетики РАН, Москва);

Вестник Института экономики РАН (Институт экономики РАН, Москва);

Вопросы экономики (Некоммерческое Партнерство «Редакция журнала „Вопросы экономики“», Москва);

Вопросы территориального развития (Вологодский научный центр РАН, Вологда);

Журнал новой экономической ассоциации (АНО Журнал новой экономической ассоциации, Москва);

Народонаселение (ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва);

Общество и экономика (РАН, Москва);

Проблемы развития территории (Вологодский научный центр РАН, Вологда);

Пространственная экономика (Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск);

Регионалистика (Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск);

Регион: экономика и социология (Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск);

Российский экономический журнал (ЗАО «ЭЖ МЕДИА», Москва);

Социальное пространство (Вологодский научный центр РАН, Вологда);

Уровень жизни населения регионов России (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва);

Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург);

Экономика региона (Институт экономики УрО РАН, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург);

Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз (Вологодский научный центр РАН, Вологда);

ЭКО (Сибирское отделение РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск);

Экономическое развитие России (Фонд «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара», Москва).

представляют систематизированные списки литературы. Этот жанр изучения региональных социально-экономических систем, как правило, позволяет в концентрированном виде давать представление о многообразии социально-экономических отношений и практик и ориентировать пользователей в понимании сути и направленности их действий. Изучение нами многочисленных словарей¹⁰ показало, что во многих из них даются общие краткие характеристики экономических категорий, переносимые из словаря в словарь, поэтому часто читатель имеет дело не с авторскими разработками и уточнениями терминологии. Кроме того, нередко теоретические описания не подкреплены практическими рекомендациями по их использованию в социально-экономической политике.

Следует отметить, что большинство выпущенных за последние годы словарей ориентированы на раскрытие общеэкономических и финансовых терминов и понятий. Эти словари представляют интерес скорее для преподавателей, студентов экономических вузов и факультетов, нежели чем для практических работников — экономистов и управленцев.

Усиление значимости региональной экономической политики неизбежно приводит к появлению новых инструментов оценки и управления, вследствие чего растет потребность в осмыслении понятий и терминов, отражающих социально-экономические отношения на региональном уровне. Однако заслуживающих внимания словарей, ориентированных на региональный уровень развития страны, выпускается очень мало.

Из изученного нами большого перечня словарей обращает на себя внимание направленностью на региональную проблематику словарь по региональной экономике, выпущенный в

2011 году издательством Южного федерального университета¹¹. Он содержит трактовку более 750 терминов и понятий, касающихся региональной тематики, в алфавитном порядке. В нем приводится общее и специализированное толкование терминов, что позволило сделать его полезным источником информации для широкого круга читателей.

Новым заметным явлением в изучении региональной экономики, уровня и качества жизни стало издание «Экономика региона: словарь-справочник» под общей редакцией В.А. Ильина, А.А. Шабуневой. От других представителей этого научного жанра он отличается направленностью на раскрытие современных особенностей региональной социально-экономической системы, концентрацией на сути наиболее важных региональных характеристик, представлением методических основ и результатов влияния сделанных социально-экономических обобщений на практическое развитие региональных экономик и социальной сферы, подтвержденное опытом реализации научно-практических проектов в Вологодском научном центре РАН.

Издание включает в себя 5 разделов.

В 1-м разделе представлены наиболее общие понятия, используемые в региональной экономике. Разделы 2–4 посвящены экономической, социальной и управленческой сферам региона соответственно. В заключительном 5-м разделе приведены научные труды ученых-экономистов, являющиеся методологической основой исследований по региональной тематике за период с 1924 по 2020 год.

Цель нашего исследования — охарактеризовать новации данного словаря-справочника, выделить его особенности и практическую значимость, а также поразмышлять о возможных новых рубежах совершенствования этого издания, которые вполне доступны высококвалифицированному коллективу авторов, базирующемуся на исследованиях Вологодского научного центра РАН.

Гипотеза исследования состояла в том, что публикация словаря-справочника «Экономика региона», подготовленного в Вологодском научном центре РАН, выводит на новый уро-

¹⁰ Азрилиян А.Н., Квардакова О. В., Азрилиян О.М. (2015). Экономический словарь. М.: Омега Л. 1152 с.; Архипов А.И., Балашов С.А., Багудина Е.Г. (2019). Экономический словарь. М.: РГ-Пресс. 672 с.; Горшенева О.В. (2011). Словарь терминов и понятий по региональной экономике. Ростов-н/Д: Южный федеральный университет. 122 с.; Пушкарева В.М. (2019). Экономика. Словарь: учебн. пособие. М.: ИНФРА-М. 232 с.; Райзберг Б.А. (2021). Современный социо-экономический словарь. М.: ИНФРА-М. 629 с.; Социальная политика, уровень и качество жизни (2014): словарь / под общ. ред. В.Н. Бобкова. 2-е изд. М.: ВЦУЖ. 409 с.

¹¹ Горшенева О.В. (2011). Словарь терминов и понятий по региональной экономике. Ростов-н/Д: Южный федеральный университет. 122 с.

вень жанр теоретико-прикладных словарных изданий, позволяя соединить теорию регионального развития и практику через опубликованные методики, прошедшие апробацию. Это значительно облегчает работу научных коллективов и органов управления субъектов Российской Федерации, которые могут воспользоваться добротными научно-методическими инструментами с учетом особенностей пространственного развития страны.

Теоретико-методологический инструментарий словаря-справочника

В словарь-справочник вошли 165 терминов, а также классификации, введенные в оборот отечественными учеными-регионалистами¹² (в т. ч. авторами словаря). В разделе 1 «Регион как объект управления» представлены наиболее общие термины, используемые в региональной экономической науке. Раздел 2 «Экономическая сфера региона» содержит функциональные блоки: производственный сектор (21 термин), малый бизнес (8 терминов), инновации (12 терминов), внешнеэкономическая деятельность (10 терминов), финансовая система (17 терминов). Раздел 3 «Социальная сфера региона» представлен подразделами: демография (23 термина), качество жизни (15 терминов), рынок труда (8 терминов), образование (11 терминов). Раздел 4 «Управление регионом» включает следующие блоки: управление социально-экономическими процессами в регионе (14 терминов) и местное самоуправление (17 терминов).

Методологический инструментарий издания нашел отражение в научных публикациях Вологодского научного центра РАН (ранее — Института социально-экономического развития территорий РАН): монографиях, статьях, научных отчетах, препринтах и докладах (243 источника, на которые российские и зарубежные ученые ссылаются в своих исследованиях¹³).

В разделе 5 «Отечественные ученые, труды которых являются методологической основой исследований по региональной тематике» представлены некоторые публикации 72 отечественных ученых¹⁴.

¹² Экономика региона: словарь-справочник (2021) / под общ. ред. В.А. Ильина, А.А. Шабуновой. М.: ИНФРА-М. С. 29; 38–39; 121–123; 127–128; 129–130; 132–133; 240–253.

¹³ Там же. С. 43–51; 152–157; 264–267.

¹⁴ Там же. С. 327–349.

Данные и методы

В словаре-справочнике «Экономика региона» табличным и графическим данным расчетных показателей (102 таблицы, графики и рисунки), как правило, предшествуют схемы взаимосвязей внутри отдельных понятий, характеризующих региональное развитие, а также показателей, характеризующих социально-экономическую динамику Российской Федерации и субъектов Северо-Западного федерального округа (60 схем). Они поясняют представленные понятия, рассматривают их в системе внутренних и внешних факторов развития региона¹⁵.

Авторские методики, в которых нашли применение теоретико-методологические определения, представленные терминами и классификациями словаря, а также алгоритмы и формулы их практического применения подкреплены публикациями монографий, учебных и учебно-методических пособий, статей в авторитетных журналах, а также отчетами о НИР, выполненными в ВолНЦ РАН. Методический инструментарий, алгоритмы пошаговых действий, а также результаты апробации исследований сотрудников научного центра отражены в 43-х методиках. Все это дает комплексное представление в цепочке: понятие — взаимосвязи — уровень и динамика — методические основания для применения понятий и результаты практического применения.

Таким образом, в словаре-справочнике «Экономика региона» дано комплексное теоретическое осмысление понятийного аппарата, методологического и методического инструментария его применения, задействованного в региональных исследованиях, подкрепленного результатами апробации.

В наиболее продвинутых изданиях словарного жанра, как правило, развернуто представлены следующие типы возможных авторских статей: 1) термин (понятие), 2) модель (закон, метод), 3) экономическая школа/теория. Тип статьи «методика», безусловно, является новацией авторского коллектива вологодского словаря-справочника и кардинальным его отличием от всех известных нам подобных изданий. В разделе 2 «Экономическая сфера региона»

¹⁵ Там же. С. 6–8; 10–17; 19; 21–22; 24–28; 30–31; 33–35; 41; 124; 128–129; 130–146; 149–150; 257; 260.

представлены 18 методик. С их помощью с разных сторон решаются три основных вопроса: а) *результативность бюджетного регулирования в регионе* (методика оценки влияния бюджетных угроз на устойчивость доходной базы консолидированных бюджетов субъектов Федерации¹⁶; методика оценки результативности межбюджетного регулирования в регионе¹⁷ (Печенская, 2015); методика оценки уровня бюджетного потенциала муниципальных образований¹⁸ (Pechenskaya, 2019); методика оценки уровня бюджетной обеспеченности региона¹⁹ (Печенская, Поварова, 2010); методика оценки уровня налогового потенциала региона²⁰ (Ускова и др., 2019)); б) *производственный, научно-технологический и кадровый потенциал региона* (методика оценки научно-технологического потенциала территорий²¹ (Гулин и др., 2018а); методика оценки кадрового потенциала малого бизнеса²² (Теребова и др., 2011); методика оценки продовольственной безопасности региона²³; методика оценки экспертной специализации малого и среднего предпринимательства²⁴ (Якушев, 2019); методика оценки эффективности государственной поддержки малого бизнеса на региональном уровне²⁵ (Кремин, 2017); методика сравнительной оценки уровня развития промышленного комплекса регионов на основе расчета интегрального показателя²⁶ (Мазиллов, 2015); методика формирования производственных кластеров в регионе²⁷ (Ускова и др., 2010); методический инструментарий оцен-

ки уровня вертикальной интегрированности хозяйствующих субъектов²⁸ (Кожевников, 2016); методический подход к классификации и оценке несырьевого экспорта²⁹ (Гулин и др., 2018b)); в) *туризм и развитие региона* (методика оценки влияния туризма на развитие региона³⁰ (Лукин и др., 2018); методика оценки развития туристской инфраструктуры региона³¹ (Ускова, Величкина, 2014); методика оценки туристского потенциала территории³² (Печенская, Поварова, 2010; Ускова и др., 2010; Теребова и др., 2011; Кремин, 2017; Мазиллов, 2015; Кожевников, 2016; Гулин и др., 2018а; Гулин и др., 2018b; Лукин и др., 2018; Ускова, Величкина, 2014; Ускова и др., 2019 Якушев, 2019)).

В разделе 3 «Социальная сфера региона» представлены 14 методик³³. Их можно разделить на три блока: 1) *демография*, 2) *человеческий потенциал* (особенно в части трудового потенциала) и 3) *качество жизни населения*. Демографический блок включает в себя две методики (методика моделирования самосохранительного и репродуктивного поведения населения с помощью метода дерева принятия решений³⁴ (Короленко, 2018а; Короленко, 2018b; Калачикова, Короленко, 2018); методика определения стадий демографического дивиденда³⁵ (Барсуков, 2019)). Блок оценивания человеческого потенциала включает 5 методик (методика комплексной оценки трудового потенциала региона³⁶ (Попов, 2019); методика комплексной трехсторонней оценки нереализованного трудового потенциала региона³⁷ (Леонидова и др., 2018; Чекмарева, Россошанский, 2017); методика оценки качества трудового потенциала населения региона³⁸ (Леонидова и др., 2018); методика оценки недоиспользования качества трудового потенциала региона³⁹ (Леонидова, Чекмарева, 2009; Чекмарева, 2011); методика оценки сформированности челове-

¹⁶ Экономика региона (2021): словарь-справочник / под общ. ред. В.А. Ильина, А.А. Шабуновой. М.: ИНФРА-М, С. 51–53; Галухин А.В. (2017). Управление устойчивостью доходной базы консолидированных бюджетов субъектов Федерации (на примере субъектов СЗФО): автореф. дис. ... канд. экон. наук: специальность 08.00.10 / ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный университет. 34 с.

¹⁷ Экономика региона: словарь-справочник / под общ. ред. В.А. Ильина, А.А. Шабуновой. М.: ИНФРА-М, 2021. С. 78–80.

¹⁸ Там же. С. 88–92.

¹⁹ Там же. С. 92–95.

²⁰ Там же. С. 95–98.

²¹ Там же. С. 63–67.

²² Там же. С. 56–62.

²³ Там же. С. 68–72.

²⁴ Там же. С. 99–100.

²⁵ Там же. С. 101–105.

²⁶ Там же. С. 105–110.

²⁷ Там же. С. 110–113.

²⁸ Там же. С. 113–118.

²⁹ Там же. С. 118–119.

³⁰ Там же. С. 54–57.

³¹ Там же. С. 72–77.

³² Там же. С. 83–88.

³³ Там же. С. 158–239.

³⁴ Там же. С. 186–195.

³⁵ Там же. С. 196–199.

³⁶ Там же. С. 175–179.

³⁷ Там же. С. 183–186.

³⁸ Там же. С. 199–204.

³⁹ Там же. С. 204–208.

ского потенциала детей⁴⁰ (Короленко, Гордиевская, 2018)). Блок качества жизни населения представлен 7-ю методиками (методика измерения семейства центильных коэффициентов неравенства доходов макрострат населения⁴¹ (Лапин и др., 2020а; Лапин и др., 2020b); методика измерения социального здоровья⁴² (Шабуннова, Морев, 2015); методика индексной оценки качества жизни населения регионов России⁴³ (Россошанский, 2016); методика оценки субъективного восприятия качества жизни⁴⁴ (Россошанский, 2019); методика оценки субъективного качества трудовой жизни населения⁴⁵ (Леонидова и др., 2018; Белехова, 2019); методика расчета «цены инвалидности»⁴⁶ (Шабуннова и др., 2014); расчет интегрального индекса уровня развития образования в регионе⁴⁷ (Леонидова и др., 2014)).

В разделе 4 «Управление регионом» представлены 11 методик. Их можно разделить на три блока: 1) *управление региональными социально-экономическими системами*, 2) *управление муниципальными социально-экономическими системами*; 3) *управление меж- и внутрирегиональными социально-экономическими коммуникациями*. Блок 1 содержит 4 методики (методика комплексной оценки конкурентоспособности региональной социально-экономической системы⁴⁸ (Ускова и др., 2010); методика оценки уровня социально-экономического развития регионов⁴⁹ (Ворошилов, 2019; Gubanova, Voroshilov, 2019); методика оценки устойчивости региональной социально-экономической системы⁵⁰ (Ускова, 2009); методика расчета индекса экологической устойчивости развития региона⁵¹ (Селименков, Кузнецов, 2014)). Блок, связанный с управлением муниципальными социально-

экономическими системами, представлен пятью методиками (методика оценки состояния жилищно-коммунального хозяйства в муниципальных образованиях⁵² (Кожевников, 2013); методика оценки социально-экономического потенциала муниципальных образований⁵³; методика оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований⁵⁴; методика оценки эффективности региональной политики по развитию муниципальных образований⁵⁵ (Ускова, Ворошилов, 2015; Ворошилов, 2019); методика расчета валового городского продукта⁵⁶ (Ускова и др., 2011; Чекавинский, Гутникова, 2012)). Блок управления меж- и внутрирегиональными социально-экономическими коммуникациями включает две методики (методика оценки эффективности управления агропромышленным комплексом на разных уровнях иерархии⁵⁷ (Ускова и др., 2013) и методический инструментарий активизации межрегионального взаимодействия в качестве фактора развития экономики индустриального региона⁵⁸ (Ускова и др., 2016)).

Обсуждение результатов, представленных в словаре-справочнике

О структуре терминов (понятий)

Содержание терминов в словаре-справочнике раскрывается неравно. Здесь у коллектива, пожалуй, имеется наибольшая необходимость в дальнейшем повысить качество представленного материала. В классических словарных изданиях **к термину (понятию) предъявляются следующие т. н. базовые требования:** 1) *т. н. «черное слово»* на русском и английском языках (полное и сокращенное название); этимология – происхождение слова (если применимо); 2) *дефиниция* – область применения; 3) *история* – автор(ы), ссылки, время, место, первая публикация (название на языке оригинала и перевод); 4) *применение* – показатели

⁴⁰ Экономика региона: словарь-справочник / под общ. ред. В.А. Ильина, А.А. Шабуновой. М.: ИНФРА-М, 2021. С. 219–228.

⁴¹ Там же. С. 158–163.

⁴² Там же. С. 163–169.

⁴³ Там же. С. 169–175.

⁴⁴ Там же. С. 208–211.

⁴⁵ Там же. С. 211–216.

⁴⁶ Там же. С. 228–231.

⁴⁷ Там же. С. 231–239.

⁴⁸ Там же. С. 267–275.

⁴⁹ Там же. С. 291–295.

⁵⁰ Там же. С. 295–302.

⁵¹ Там же. С. 317–322.

⁵² Там же. С. 275–279.

⁵³ Там же. С. 279–287; Ускова Т.В., Ворошилов Н.В. (2017). Региональная политика по развитию муниципальных образований: учебн. пособие. Вологда: ВолНЦ РАН. 136 с.

⁵⁴ Экономика региона (2021): словарь-справочник / под общ. ред. В.А. Ильина, А.А. Шабуновой. М.: ИНФРА-М. С. 287–291.

⁵⁵ Там же. С. 302–303.

⁵⁶ Там же. С. 313–317.

⁵⁷ Там же. С. 306–313.

⁵⁸ Там же. С. 322–326.

(если применимо): абсолютные, относительные; субъекты (если применимо); правовое регулирование (если применимо); примеры применения (ссылки): положительные, отрицательные; 5) *отношение к экономической теории* (ссылки) – предложившие, разделяющие, противники; 6) *критика*; 7) *литература*: научные издания за последние 10 лет на русском и иностранных языках, наиболее цитируемые; издания субъектов применения. Само собой разумеется, что статьи о терминах (понятиях) должны быть авторскими.

Конечно, в данном случае словарь-справочник является не классическим, а прикладным и терминология не является его основным достижением. Тем не менее высокий потенциал его разработчиков позволяет дополнительно учесть ряд вышеизложенных базовых требований к раскрытию понятий и соблюдать их в дальнейших изданиях словаря-справочника. Это поможет раскрыть термины более полно, а зафиксированное авторство повысит ответственность конкретных исполнителей.

О структуре методик

В настоящее время отсутствуют единые государственные требования к методическим рекомендациям (методикам). Наш анализ структуры методик, которые представлены в словаре-справочнике «Экономика региона», показал, что этапы разработки методик можно было бы сгруппировать в следующие логические блоки (разделы): 1) определение показателей, критериев, формирование таблиц,

качественных и математических моделей; 2) сбор данных и подготовка информационной базы исследования; 3) расчет показателей; 4) анализ, оценка и интерпретация результатов; 4) апробация результатов.

Такая структура раскрытия методик представляется нам вполне приемлемой. Однако не все логические блоки в равной мере представлены в отношении методик, описанных в словаре-справочнике (*таблица*).

Все без исключения методики имеют этап «Апробация результатов» (100%), что отражает их практическое внедрение и заслуживает высокой оценки. Этап «Расчет показателей» обозначен в 72,1% методик (в т. ч. по экономической сфере региона – в 72,2%; социальной сфере региона – 57,1%; управлению регионом – в 90,9%). Этап «Определение показателей, критериев, формирование таблиц, качественных и математических моделей» обозначен в 60,5% методик (в т. ч. по экономической сфере региона – в 66,7%; социальной сфере региона – в 21,4%; управлению регионом – 100%). Этап «Анализ, оценка и интерпретация результатов» присутствует в описании 58,1% методик (в т. ч. по экономической сфере региона – в 22,2%; социальной сфере региона – 71,4%; управлению регионом – 100%). Реже остальных обозначен этап «Сбор данных и подготовка информационной базы исследования» – 51,2% методик (в т. ч. по экономической сфере региона – в 44,4%; социальной сфере региона – 78,6%; управлению регионом – 27,3%).

Этапы разработки методик и их реализация в словаре-справочнике

№ п. п.	Этап*	Упоминания этапа в методиках			
		Всего, количество методик	В том числе по сферам анализа, количество методик		
			Экономическая сфера региона	Социальная сфера региона	Управление регионом
1	Определение показателей, критериев, формирование таблиц, качественных и математических моделей	26	12	3	11
2	Сбор данных и подготовка информационной базы исследования	22	8	11	3
3	Расчет показателей	31	13	8	10
4	Анализ, оценка и интерпретация результатов**	25	4	10	11
5	Апробация результатов	43	18	14	11

* Логическая группировка этапов методик проведена авторами статьи.

** Частично вынесено из этапа «Результаты апробации».

Составлено по: Экономика региона (2021): словарь-справочник / под общ. ред. В.А. Ильина, А.А. Шабуновой. М.: ИНФРА-М. 358 с.

Следовательно, этапы создания методик не являются унифицированными. Скорее всего, это связано с различными временными периодами их разработки. Кроме того, этапы реализации методик, предназначенных для анализа разных сфер региона, значительно различаются. Так например, этапы «Расчет показателей» и «Определение показателей, критериев, формирование таблиц, качественных и математических моделей» меньше всего обозначены в методиках по изучению социальной сферы региона (соответственно, в 57,1 и 21,4% методик), этап «Анализ, оценка и интерпретация результатов» менее всего представлен в методиках анализа экономической сферы региона (в 22,2% методик), а этап «Сбор данных и подготовка информационной базы исследования» менее всего обозначен в методиках анализа управления регионом (27,3%). В дальнейшем при актуализации уже разработанных и создании новых методик авторам словаря-справочника целесообразно, на наш взгляд, руководствоваться унифицированными этапами, с тем чтобы все они были обозначены в методиках. Это, безусловно, повысит их качество.

Отражение в методиках изучения уровня и качества жизни людей как конечных целей экономического и социального развития региона

В словаре-справочнике «Экономика региона» широко представлено изучение проблем качества и уровня жизни населения региона (КиУЖ). Основанием для такого вывода является разработанная нами таблица «Изучение компонентов уровня и качества жизни в методиках словаря-справочника „Экономика региона”» (Приложение), в основу которой положено сравнение содержания методик словаря-справочника «Экономика региона» с компонентами уровня и качества жизни, разработанными и подтвержденными публикациями исследователей Всероссийского центра уровня жизни и Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (Бобков и др., 2007; Бобков, 2017; Бобков, Гулюгина, 2021; Бобков и др., 2022). Из таблицы следует, что все основные компоненты уровня и качества жизни населения были учтены при разработке методик, а именно изучались: 1) качество общества; 2) качество трудовой жизни; 3) качество социальной инфраструктуры;

4) безопасность жизнедеятельности; 5) качество окружающей среды; 6) уровень жизни (потребление); 7) удовлетворенность людей уровнем и качеством их жизни. Однако не все из них раскрыты полно и в специальных методиках.

В *Приложении* проанализированы 34 методики, включающие изучение тех или иных аспектов уровня и качества жизни. Методики условно сгруппированы в две группы: раскрывающие изучение тех или иных аспектов влияния экономики на уровень и качество жизни (24 методики) и показывающие характеристики экономического, социального и управленческого потенциала региона (10 методик).

Важно, что авторы словаря-справочника не замыкаются только на разработке инструментария для оценивания тех или иных аспектов влияния экономики на уровень и качество жизни людей. Они достаточно широко изучают потенциал экономической, социальной и управленческой сфер региона (эти методики в *Приложении* выделены курсивом), что позволяет выявлять «зазор» между фактическим положением дел и потенциальными возможностями по его улучшению. В ВолНЦ РАН хорошо развита культура социологических исследований, что позволяет социологическими методами изучать различные аспекты потенциала развития региона. Все методики, направленные на выявление потенциала экономических, социальных и управленческих сторон развития региона, на наш взгляд, актуальны и имеют высокую практическую значимость. Среди них мы особо выделили бы методику 20 «Оценка сформированности человеческого потенциала детей» за ее новизну и основательность подходов к выявлению потенциала молодого поколения, определяющего будущее страны.

Если руководствоваться составом компонентов уровня и качества жизни, используемых авторами статьи, то исследование «*качества общества*» наиболее полно проанализировано в методиках изучения социальной сферы региона (методики 11–18). В них комплексно рассмотрены аспекты «здоровье» и «образование» (методика 13 «Социальное здоровье» и методика 15 «Расчет интегрального индекса развития образования в регионе»). Остальные показатели компоненты «качество общества» рассредоточены по разным методикам.

Компонента «*качество трудовой жизни*» не представлена отдельными методиками, характеризующими ее целостные аспекты, такие, например, как «качество занятости» или «качество рабочих мест» и др. Исследование отдельных показателей, характеризующих качество трудовой жизни, рассредоточено в различных методиках изучения экономической сферы (методики 1–3), социальной сферы (методики 7–9 и 14) и сферы управления регионом (методики 25–28 и 31). Широко и основательно изучены эти вопросы в методиках выявления трудового потенциала (методики 21–24). Однако следует иметь в виду, что категория «потенциал» характеризует только предпосылки уровня и качества жизни – «возможности». Когда же изучаются фактические уровень и качество жизни или отдельные их компоненты, то выявляются также «условия» для реализации/нереализации имеющегося потенциала и проблема рассматривается в парадигмах возможности – условия реализации.

Компонента «качество социальной инфраструктуры» изучена частями в методиках исследования экономической сферы (методика 4), социальной сферы (методики 15 и 17) и сферы управления регионом (методики 25, 28–29; 31 и 33).

Компоненты «качество окружающей среды» и «удовлетворенность жизнью (субъективная компонента)» хорошо представлены комплексными методиками 32 «Расчет индекса экологической устойчивости развития региона», 17 «Оценка субъективного восприятия качества жизни» и 18 «Оценка субъективного качества трудовой жизни». Кроме того, ряд показателей этих компонент качества жизни присутствует в других методиках.

Компонента «уровень жизни» изучена в комплексных методиках 3 «Оценка продовольственной безопасности региона» и 16 «Центильные коэффициенты неравенства доходов». Ряд показателей этой компоненты частями представлен в других методиках.

Пожалуй, менее других в методиках словаря-справочника отражены вопросы, относящиеся к раскрытию такой компоненты уровня и качества жизни, как «*безопасность жизнедеятельности*». Они частично обозначены только в 4-х методиках, посвященных раскрытию других проблем.

Заслуживает высокой оценки представленная в словаре-справочнике методика 19 «Индексная оценка качества жизни». Она содержит показатели, характеризующие качество общества, качество трудовой жизни, безопасность жизнедеятельности и уровень жизни в регионе. Если ее в последующем дополнить показателями, характеризующими развитие социальной инфраструктуры и субъективные оценки удовлетворенности людей жизнью, то такая методика позволила бы комплексно оценивать уровень и качество жизни в регионе.

Еще раз подчеркнем высокую новизну и практическую значимость аналитических материалов и методик, представленных в словаре-справочнике «Экономика региона». При этом отметим, что у его разработчиков имеется большой потенциал для их развития и включения в исследовательское поле новых, еще не в полной мере изученных ими сфер, в которых формируются уровень и качество жизни населения региона.

Заключение

Вопросы повышения уровня научного обеспечения экономического и социального развития регионов, эффективности деятельности законодательных и исполнительных органов власти и местного самоуправления на новом этапе развития Российской Федерации приобретают все более важное значение. Для достижения полного экономического суверенитета страны, повышения уровня и качества жизни российских граждан предстоит еще очень много сделать.

Выпуск словаря-справочника «Экономика региона» является заметным событием в научно-практической жизни, позволяющим вооружить региональные научные сообщества и органы власти научно-методическим инструментарием для решения практических социально-экономических вопросов, проверенным в ходе апробации в региональных и муниципальных образованиях Вологодской области, а также частично примененным для оценки ситуации в других российских регионах. Широкая реализация методик в Вологодской области и их творческая адаптация в других регионах страны, несомненно, позволят более продуктивно решать актуальные задачи экономического и социального развития России и повышения научной обоснованности государственного и муниципального управления.

Гипотеза, выдвинутая авторами статьи, подтвердилась. Публикация словаря-справочника «Экономика региона», подготовленного в Вологодском научном центре РАН, выводит на новый уровень жанр словарно-практических исследований, позволяя соединить теорию регионального развития и практику через опубликованные методики, прошедшие апробацию. Это значительно облегчает работу научных коллективов и органов управления субъектов Российской Федерации.

Коллектив авторов словаря-справочника «Экономика региона», представляющий плодотворно развивающийся Вологодский научный центр РАН, с учетом практических отзывов коллег из других регионов об этом научно-практическом пособии, а также рекомендаций представителей научного сообщества и всех заинтересованных лиц, несомненно, в перспективе реализует возможность выпуска его второго, еще более совершенного издания.

Литература

- Бажутова Е.А. [и др.] (2019). Социально-экономическое развитие Северо-Арктических территорий России: монография / под науч. ред. Т.П. Скуфьиной, Е.Е. Емельяновой. Апатиты: Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина ФИЦ КНЦ РАН. 119 с.
- Барсуков В.Н. (2019). От демографического дивиденда к старению населения: мировые тенденции системного перехода // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 4. С. 167–182. DOI: 10/15838/esc.2019.4.64.11
- Белехова Г.В. (2019). Субъективистский подход к оценке качества трудовой жизни трудоспособного населения региона // Научные исследования и разработки. Экономика. Т. 7. № 6 (42). С. 9–19. DOI: 10.12737/2587-9111-2019-9-19
- Бобков В.Н. (2017). Уровень и качество жизни в Российском обществе (2014–2016 гг.) // Российский экономический журнал. № 6. С. 79–94.
- Бобков В.Н., Гулюгина А.А. [и др.] (2021). Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2020 год: монография / отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: Фабрика Офсетной Печати. 116 с.
- Бобков В.Н., Бобкова Т.Е. [и др.] (2022). Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего: монография / под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой. М.: ФНИСЦ РАН. 274 с.
- Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. [и др.] (2007). Качество и уровень жизни населения в новой России (1991–2005 гг.): монография / под науч. рук. В.Н. Бобкова. М.: ВЦУЖ. 719 с.
- Бухвальд Е.М., Виленский А.В. [и др.] (2020). Новая пространственная стратегия для России: монография / отв. ред. Е.М. Бухвальд, А.В. Виленский. М.: Институт экономики РАН. 250 с.
- Васильева А.В., Волков А.Д., Каргинова-Гулинова В.В. [и др.] (2018). Воспроизводство трудового потенциала северного региона в условиях старения населения (на примере Республики Карелия) / под ред. В.В. Каргиновой-Гулиновой. Петрозаводск: КарНЦ РАН. 189 с.
- Ворошилов Н.В. (2019). Региональная политика по развитию муниципальных образований: оценка эффективности и особенности реализации в современных условиях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 5. С. 58–75. DOI: 10.15838/esc.2019/5.65.4.
- Гулин К.А., Мазилев Е.А., Алферьев Д.А., Квитко К.Б. (2018а). Проблемы формирования научно-технологического пространства. Вологда: ВолНЦ РАН. 219 с.
- Гулин К.А., Якушев Н.О., Мазилев Е.А. (2018б). Активизация экономического роста в регионах РФ на основе стимулирования развития несырьевого экспорта // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 3. С. 57–70. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.4
- Зубаревич Н.В. (2010). Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики. 160 с.
- Ильин В.А. [и др.] (2020). Тенденции и проблемы развития территорий: научные труды 2016–2020 гг. В 6 т. / под науч. рук. В.А. Ильина. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН.
- Калачикова О.Н., Короленко А.В. (2018). Модели репродуктивного поведения населения (на материалах Вологодской области) // Народонаселение. Т. 21. № 4. С. 109–121. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-10

- Кожевников С.А. (2016). Управление формированием и развитием вертикально–интегрированных структур в экономике России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 6 (48). С. 53–69. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.3
- Кожевников С.А. (2013). Комплексная оценка состояния жилищно- коммунального хозяйства в муниципальных образованиях региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 6 (30). С. 225–234.
- Короленко А.В., Гордиевская А.Н. (2018). Человеческий потенциал детского населения: понимание и оценка // Социальное пространство. № 5 (17). DOI: 10.15838/ sa.2018.5.17.3
- Короленко А.В. (2018а). Модели репродуктивного и матримониального поведения населения Вологодской области // Молодые ученые – экономике региона: сб. мат-лов XVII научн.-практ. конф. (15 декабря 2017 г.). Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. С. 137–143.
- Короленко А.В. (2018б). Модели самосохранительного поведения населения: подходы к изучению и опыт построения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 3. С. 248–263. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.16
- Кремин А.Е. (2017). Методика оценки эффективности государственной поддержки малого предпринимательства в регионе // Проблемы развития территории. № 3 (89). С. 46–61.
- Лاپин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В. (2020а). Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 1) // Социологические исследования. № 1. С. 4–17. DOI: 10.31857/S013216250008378-8
- Лاپин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В. (2020б). Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 2) // Социологические исследования. № 2. С. 20–30. DOI: 10.31857/S013216250008491-3
- Левченко С.Г., Балашов Е.Б., Бурак П.И. [и др.] (2018). «Государство развития»: эффективная экономическая модель развития страны и регионов. Опыт реализации в Иркутской области: монография. М.: Экономика. 264 с.
- Леонидова Г.В., Головчин М.А., Соловьева Т.С. (2014). Сфера образования территорий: состояние и перспективы развития / под ред. А.А. Шабуновой. Вологда: ИСЭРТ РАН. 169 с.
- Леонидова Г.В., Россошанская Е.А., Попов А.В. (2018). Мониторинг качества трудового потенциала: 20 лет региональных исследований: монография / под ред. А.А. Шабуновой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. 192 с.
- Леонидова Г.В., Чекмарева Е.А. (2009). Опыт оценки качества трудового потенциала на региональном уровне // Человек и труд. № 12. С. 30–33.
- Лукин Е.В., Леонидова Е.Г., Сидоров М.А. (2018). Стимулирование внутреннего спроса как фактора экономического роста (на примере сферы внутреннего туризма) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 4. С. 125–143. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.8
- Мазилов Е.А. (2015). Развитие промышленного комплекса в контексте модернизации экономики региона: монография / под науч. рук. К.А. Гулина. Вологда: ИСЭРТ РАН. 168 с.
- Минакир П.А. (2017). Исследования экономики Дальнего Востока. 1975–2000. Хабаровск: Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН. 912 с.
- Печенская М.А. (2015). Межбюджетные отношения: состояние, регулирование, оценка результативности: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН. 164 с.
- Печенская М.А., Поварова А.И. (2010). Теоретико-методологические аспекты бюджетной обеспеченности региона // Проблемы развития территории. № 5 (51). С. 41–48.
- Попов А.В. (2019). Трудовой потенциал России: оценка и инструменты повышения уровня реализации: монография / под науч. рук. А.А. Шабуновой. Вологда: ВолНЦ РАН. 181 с.
- Росошанский А.И. (2019). Методические аспекты оценки субъективного восприятия качества жизни населения региона // Вопросы территориального развития. № 5 (50). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28381>. DOI: 10.15838/tdi.2019.5.50.7
- Росошанский А.И. (2016). Методика индексной оценки качества жизни населения российских регионов // Проблемы развития территории. № 4 (84). С. 124–137.
- Селименков Р.Ю., Кузнецов А.П. (2014). Проблемы экологически устойчивого развития территории // Проблемы развития территории. № 3 (71). С. 105–115.
- Суслов В.И., Ершов Ю.С., Гулакова О.И. [и др.] (2022). Модели, анализ и прогнозирование пространственной экономики: монография / отв. ред. В.И. Суслов, науч. ред. Ю.С. Ершов.

- Новосибирск: Изд-во Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН. 479 с.
- Теребова С.В., Подолякин О.В., Усков В.С., Егорова С.Ю. (2011). Предпринимательство в регионе: состояние, перспективы: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН. 160 с.
- Ускова Т.В. (2009). Управление устойчивым развитием региона: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН. 355 с.
- Ускова Т.В., Барабанов А.С., Попова О.И. [и др.] (2010). Производственные кластеры и конкурентоспособность региона : монография / под рук. Т.В. Усковой. Вологда: Ин-т социально-экономического развития территорий РАН. 246 с.
- Ускова Т.В., Величкина А.В. (2014). Туристская инфраструктура в регионе: оценка и перспективы: препринт. Вологда: ИСЭРТ РАН. 60 с.
- Ускова Т.В., Ворошилов Н.В. (2015). Региональная политика территориального развития: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН. 156 с.
- Ускова Т.В., Лукин Е.В. (2016). О перспективах развития региона на основе межрегионального сотрудничества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 3 (45). С. 60–81. DOI: 15838/esc. 2016.3.45.3
- Ускова Т.В., Печенская М.А., Васильева Т.С. (2019). Влияние бюджетно-налоговой системы на общественную эффективность государственного управления в Российской Федерации: отчет о НИР. Вологда. 155 с.
- Ускова Т.В., Селименков Р.Ю., Чекавинский А.Н. (2013). Агропромышленный комплекс региона: состояние, тенденции, перспективы. Вологда: ИСЭРТ РАН. 136 с.
- Ускова Т.В., Чекавинский А.Н., Гутникова Е.А., Ворошилов Н.В., Кожевников С.А. (2011). Разработка методики расчета валового городского продукта муниципального образования «Город Вологда»: отчет о НИР. Вологда: ИСЭРТ РАН. 106 с.
- Чекавинский А.Н., Гутникова Е.А. (2012). Оценка валового продукта города и направления его увеличения // Проблемы развития территории. № 2 (58). С. 36–44.
- Чекмарева Е.А. (2011). Повышение уровня реализации трудового потенциала: роль заработной платы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 2 (14). С. 165–172.
- Чекмарева Е.А., Россошанский А.И. (2017). Комплексная оценка нереализованного трудового потенциала регионов России // Государственное управление: электронный вестник. № 63. С. 280–296. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnaya-otsenka-nerealizovannogo-trudovogo-potentsiala-regionov-rossii/viewer>
- Черешнев В.А., Чичканов В.П., Куклин А.А. (2019). Диагностика и реагирование на угрозы социально-экономическому развитию регионов: монография. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН. 383 с.
- Шабунова А.А. [и др.] (2014). Проблемы социальной консолидации: инвалиды в региональном сообществе: монография / под рук. А.А. Шабуновой. Вологда: ИСЭРТ РАН. 144 с.
- Шабунова А.А. [и др.] (2022). Социальное развитие территорий: актуальные тренды и новые вызовы: монография / отв. ред. А.А. Шабунова. Вологда: ВолНЦ РАН. 295 с.
- Шабунова А.А., Морев М.В. (2015). Разработка методологического подхода к изучению социального здоровья как индикатора общественного развития // Социологический альманах. Вып. 6. С. 473–489.
- Якушев Н.О. (2019). Оценка экспортной специализации малого и среднего предпринимательства в России // Научные исследования и разработки. Экономика. № 6. С. 23–34. DOI: 10.12737/2587-9111-2019-23-34
- Gubanova E., Voroshilov N. (2019). Assessment and mechanism of regulating inter-regional socio-economic differentiation (case study of Russian Federation). *Regional Science Inquiry*, XI(3), 55–68.
- Pechenskaya M.A. (2019). Budget potential of municipal entities: Assessment and directions for development (on the example of Vologda Oblast). *Studies on Russian Economic Development*, 30(4), 453–461.

Приложение

Изучение компонентов уровня и качества жизни
в методиках словаря-справочника «Экономика региона»

В методиках словаря-справочника	Компоненты уровня и качества жизни в классификациях авторов статьи (Бобков и др., 2022)						
	Качество общества	Качество трудовой жизни	Качество социальной инфраструктуры	Безопасность жизнедеятельности	Качество окружающей среды	Уровень жизни (потребление)	Удовлетворенность жизнью (субъективная компонента)
Методики изучения экономической сферы региона							
1. Сравнительная оценка уровня развития промышленного комплекса регионов на основе расчета интегрального показателя		X					
2. Оценка эффективности государственной поддержки малого бизнеса на региональном уровне	X	X					
3. Оценка продовольственной безопасности региона		X				X	
4. Оценка развития туристской инфраструктуры региона			X	X	X		
5. Оценка результативности управления устойчивостью доходной базы консолидированных бюджетов субъектов РФ						X	
6. Оценка уровня бюджетной обеспеченности региона						X	
7. Оценка кадрового потенциала малого бизнеса	X	X					
8. Оценка туристского потенциала территории		X	X		X		
9. Оценка уровня налогового потенциала региона		X					
10. Оценка уровня бюджетного потенциала муниципальных образований						X	

В методиках словаря-справочника	Компоненты уровня и качества жизни в классификациях авторов статьи (Бобков и др., 2022)						
	Качество общества	Качество трудовой жизни	Качество социальной инфраструктуры	Безопасность жизнедеятельности	Качество окружающей среды	Уровень жизни (потребление)	Удовлетворенность жизнью (субъективная компонента)
Методики изучения социальной сферы региона							
11. Определение стадий реализации демографического дивиденда	X						X
12. Самосохранительное и репродуктивное поведение населения	X						X
13. Социальное здоровье	X						
14. Расчет «цены инвалидности»	X	X				X	
15. Расчет интегрального индекса развития образования в регионе	X		X			X	
16. Центильные коэффициенты неравенства доходов						X	
17. Оценка субъективного восприятия качества жизни	X	X	X	X	X	X	X
18. Оценка субъективного качества трудовой жизни		X					X
19. Индексная оценка качества жизни	X	X		X		X	
20. Оценка сформированности человеческого потенциала детей	X						X
21. Комплексная оценка трудового потенциала региона	X					X	
22. Оценка качества трудового потенциала населения региона	X						X
23. Комплексная трехсторонняя оценка нереализованного трудового потенциала региона	X	X					
24. Оценка недоиспользования качества трудового потенциала	X	X					X

В методиках словаря-справочника	Компоненты уровня и качества жизни в классификациях авторов статьи (Бобков и др., 2022)						
	Качество общества	Качество трудовой жизни	Качество социальной инфраструктуры	Безопасность жизнедеятельности	Качество окружающей среды	Уровень жизни (потребление)	Удовлетворенность жизнью (субъективная компонента)
Методики изучения управления регионом							
25. Оценка уровня социально-экономического развития регионов	X	X	X			X	
26. Оценка эффективности управления агропромышленным комплексом на разных уровнях иерархии		X				X	X
27. Расчет валового городского продукта		X					
28. Оценка уровня социально-экономического развития муниципальных образований	X	X	X			X	
29. Оценка состояния жилищно-коммунального хозяйства в муниципальных образованиях			X		X	X	
30. Оценка эффективности региональной политики по развитию муниципальных образований	X						X
31. Оценка устойчивости региональной социально-экономической системы	X	X	X	X	X	X	
32. Расчет индекса экологической устойчивости развития региона					X		
33. Инструментарий активизации межрегионального взаимодействия в качестве фактора развития экономики индустриального региона	X		X				
34. Оценка социально-экономического потенциала муниципальных образований	X	X	X		X	X	

Сведения об авторах

Вячеслав Николаевич Бобков — доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией, Институт социально-экономических проблем народонаселения, ФНИСЦ РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32); директор, Научный центр экономики труда, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: bobkovvn@mail.ru)

Николай Вячеславович Бобков — кандидат экономических наук, старший преподаватель, Московский государственный медико-стоматологический университет имени А.И. Евдокимова (127473, г. Москва, ул. Делегатская, д. 20, стр. 1; e-mail: bobkovnv@bk.ru)

Татьяна Викторовна Чашина — кандидат экономических наук (e-mail: Chashinatv@mail.ru)

Bobkov V.N., Bobkov N.V., Chashchina T.V.

Economy, Standard of Living and Quality of Life in the Region (Reflections on the Dictionary-Reference Book *Regional Economics* Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences)

Abstract. At the new stage of Russia's development, it becomes especially important to find solutions to urgent economic and social issues of regional development so as to ensure full economic sovereignty and decent living standards and quality of life for Russian citizens. The article discusses the issues related to increasing the role of scientific support in addressing these problems through the prism of a notable scientific and practical phenomenon — the publication of the dictionary-reference book *Regional Economics* in 2021; the book was prepared by a team of authors at RAS Vologda Research Center and contains the results of the 30-year work of VolRC RAS on providing scientific and practical support to regional and local authorities of the Vologda Oblast, which contributed to the development of the region's economy, raising the standard of living and improving the quality of life. The published scientific and practical methods for solving regional demographic, economic and social problems and improving the performance of regional and local government bodies represent the main achievements of the book. The article shows that theoretical, methodological and practical solutions to topical regional issues, using the example of the Vologda Oblast, provide scientific and practical communities of other Russian regions with tools for addressing similar problems, taking into account Russia's spatial features. We outline a number of considerations to develop the theoretical, methodological and practical base of the book so that its methods could be applied creatively in other regions of Russia.

Key words: dictionary-reference book, regional economy, economic sphere of the region, social sphere of the region, regional management, effectiveness of budget regulation, production, scientific, technological and human resources potential, tourism and development, demography, human potential, quality of life of the population, management of regional and municipal socio-economic systems, management of inter- and intraregional socio-economic communications, methodology.

Information about the Authors

Vyacheslav N. Bobkov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Chief Scientific Officer, head of laboratory, Institute of Socio-Economic Studies of Population – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation); director, Scientific Center of Labor Economics, Plekhanov Russian University of Economics, (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: bobkovn@mail.ru)

Nikolay V. Bobkov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Lecturer, A.I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry (20, building 1, Delegatskaya Street, 127473, Moscow, Russian Federation; e-mail: bobkovnv@bk.ru)

Tatiana V. Chashchina – Candidate of Sciences (Economics); e-mail: chashinatv@mail.ru

Статья поступила 18.07.2022.

Мониторинг общественного мнения об эффективности государственного управления

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (август 2022 г.), а также за период с октября 2021 по август 2022 г. (последние 6 опросов, то есть почти год).

В материалах представлена динамика среднегодовых данных за 2018–2021 гг.² Дается сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) годы. Также показаны месячные данные за последние 6 опросов, отражающие «текущие» тенденции оценок общественного мнения об эффективности государственного управления.

В июне – августе 2022 г. продолжился рост уровня одобрения деятельности Президента РФ. Доля положительных оценок увеличилась на 3 п. п. (с 58 до 61%); отрицательных – уменьшилась на 3 п. п. (с 25 до 22%).

В целом за период с февраля по август 2022 г. удельный вес позитивных суждений о деятельности главы государства возрос на 13 п. п. (с 48 до 61%); отрицательных – снизился на 11 п. п. (с 33 до 22%).

За последние 6 опросов (с октября 2021 по август 2022 г.) уровень одобрения деятельности главы государства возрос на 9 п. п. (с 52 до 61%), председателя Правительства РФ – на 8 п. п. (с 40 до 48%), губернатора региона – на 6 п. п. (с 38 до 43%)³.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscs.ac.ru/>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения COVID-19.

³ Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в августе 2022 г., с результатами «волны» мониторинга, осуществленной в октябре 2021 г.

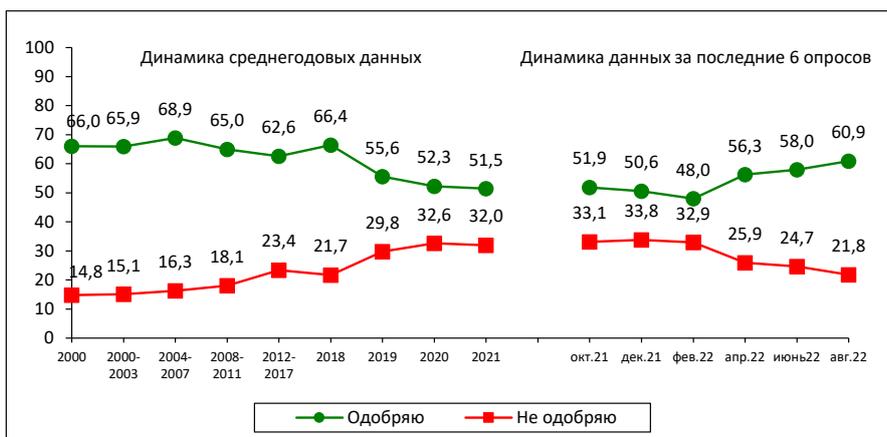
Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных									Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), авг. 2022 к	
	2000	2007	2011	2012	2018	2019	2020	2021	Окт. 2021	Дек. 2021	Фев. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2021	Июню 2022	
Президент РФ																	
Одобрю	66,0	75,3	58,7	51,7	66,4	55,6	52,3	51,5	51,9	50,6	48,0	56,3	58,0	60,9	+9	+3	
Не одобряю	14,8	11,5	25,5	32,6	21,7	29,8	32,6	32,0	33,1	33,8	32,9	25,9	24,7	21,8	-11	-3	
Председатель Правительства РФ																	
Одобрю	-*	-*	59,3	49,6	48,0	41,1	38,7	39,9	39,7	38,3	37,6	43,6	45,5	47,5	+8	+2	
Не одобряю	-	-	24,7	33,3	31,6	38,4	40,4	37,6	38,3	38,9	37,7	32,5	31,4	29,4	-9	-2	
Губернатор																	
Одобрю	56,1	55,8	45,7	41,9	38,4	35,7	35,0	36,7	37,5	35,9	33,9	38,2	41,2	43,3	+6	+2	
Не одобряю	19,3	22,2	30,5	33,3	37,6	40,2	42,5	40,5	40,7	41,9	41,6	37,3	34,3	32,5	-8	-2	

Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?» Согласно методике проведения исследования ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются или считаются незначительными; в таблицах они выделены синим цветом. Позитивные изменения выделены зеленым цветом, негативные – красным.

*Вопрос задается с 2008 года.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ? (в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Изменение (+/-), август 2022 г. к		
Вариант ответа	октябрю 2021 г.	июню 2022 г.
Одобрю	+9	+3
Не одобряю	-11	-3

Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2018, 2019, 2020, 2021 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

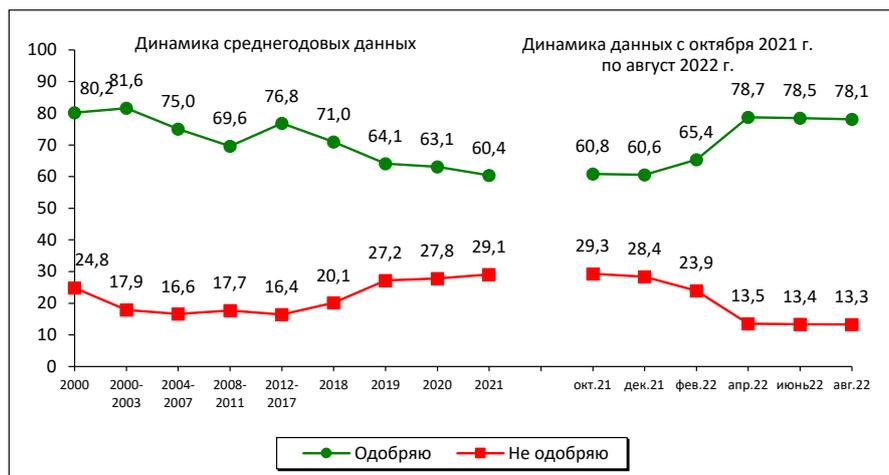
Для справки:

По данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента РФ с июня по август не изменился и составил 78%.

По сравнению с февралем 2022 г. отмечается существенный рост доли положительных суждений (на 13 п. п., с 65 до 78%).

По сравнению с октябрём 2021 г. в августе 2022 г. также наблюдаются позитивные изменения: доля положительных оценок деятельности главы государства увеличилась на 17 п. п. (с 61 до 78%), отрицательных – уменьшилась на 16 п. п. (с 29 до 13%).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

Изменение (+/-), август 2022 г. к		
Вариант ответа	октябрю 2021 г.	июню 2022 г.
Одобряю	+17	0
Не одобряю	-16	0

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?».

Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

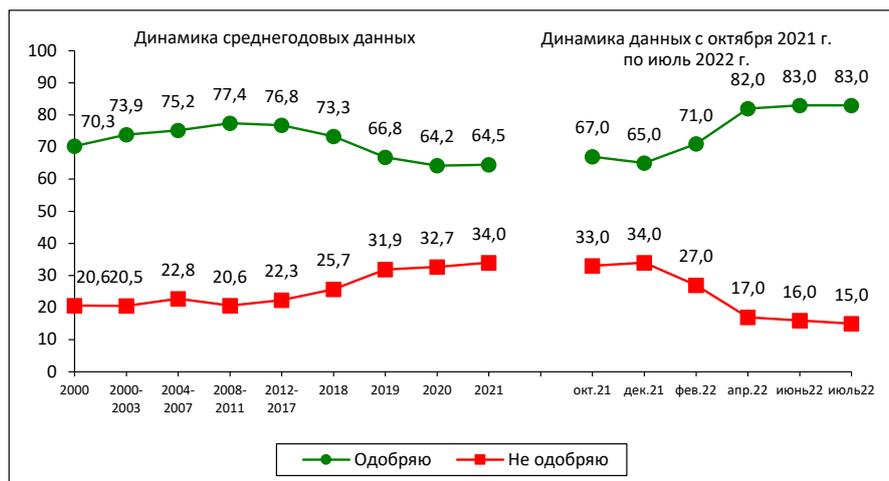
Данные за август 2022 г. – среднее за три опроса: от 07.08.2022, 14.08.2022 и 21.08.2022.

По данным Левада-Центра*, удельный вес позитивных оценок деятельности Президента РФ в июне – июле 2022 г. составил 82%, доля отрицательных характеристик – 15–16%.

По сравнению с февралем 2022 г. доля положительных оценок деятельности Президента РФ увеличилась на 12 п. п. (с 71 до 83%), отрицательных – снизилась на 12 п. п. (с 27 до 15%).

По сравнению с октябрём 2021 г. уровень одобрения деятельности главы государства возрос на 16 п. п. (с 67 до 83%); удельный вес негативных отзывов снизился на 18 п. п. (с 33 до 15%).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Изменение (+/-), июль 2022 г. к		
Вариант ответа	октябрю 2021 г.	июню 2022 г.
Одобряю	+16	0
Не одобряю	-18	-1

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту президента России?»

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

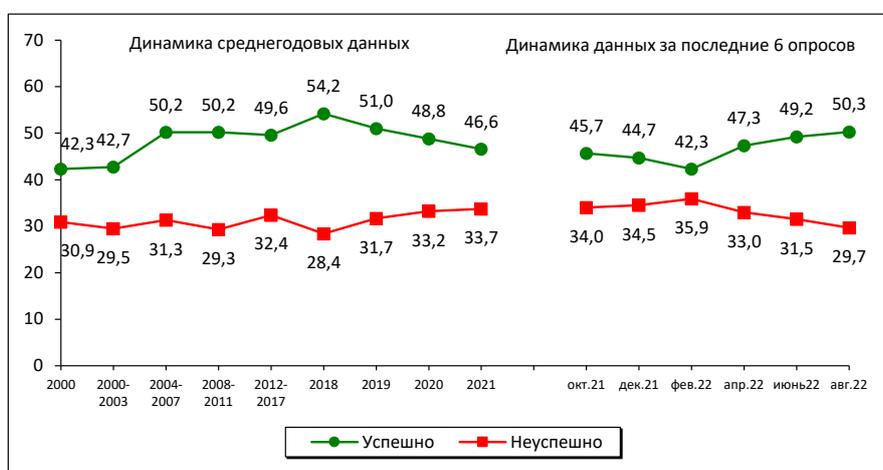
Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

За последние два месяца доля людей, считающих успешными действия Президента РФ по укреплению международных позиций России, существенно не изменилась (49–50%). Удельный вес тех, кто придерживается противоположной точки зрения, снизился на 2 п. п. (с 32 до 30%).

С февраля по август 2022 г. доля положительных оценок увеличилась на 7 п. п. (с 42 до 50%); отрицательных – уменьшилась на 6 п. п. (с 36 до 30%).

По сравнению с октябрем 2021 г. удельный вес жителей области, позитивно оценивающих деятельность главы государства по укреплению международных позиций России, увеличился на 4 п. п. (с 46 до 50%). Доля отрицательных суждений уменьшилась также на 4 п. п. (с 34 до 30%).

Укрепление международных позиций России

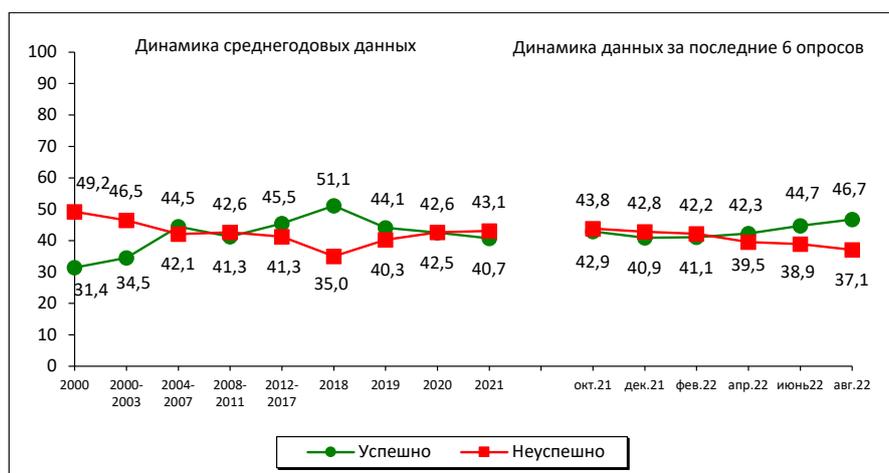
Изменение (+/-), август 2022 г. к		
Вариант ответа	октябрю 2021 г.	июнию 2022 г.
Успешно	+4	+1
Неуспешно	-4	-2

В июне – августе 2022 г. доля жителей области, положительно оценивающих работу главы государства по наведению порядка в стране, увеличилась на 2 п. п. (с 45 до 47%). Удельный вес негативных оценок снизился соответственно на 2 п. п. (с 39 до 37%).

В целом за период с февраля по август 2022 г. доля позитивных характеристик увеличилась на 6 п. п. (с 41 до 47%); отрицательных – уменьшилась на 5 п. п. (с 42 до 37%).

С октября 2021 по август 2022 г. удельный вес жителей области, положительно оценивающих работу главы государства по наведению порядка в стране, возрос на 4 п. п. (с 43 до 47%). Доля отрицательных суждений уменьшилась на 7 п. п. (с 44 до 37%).

Наведение порядка в стране

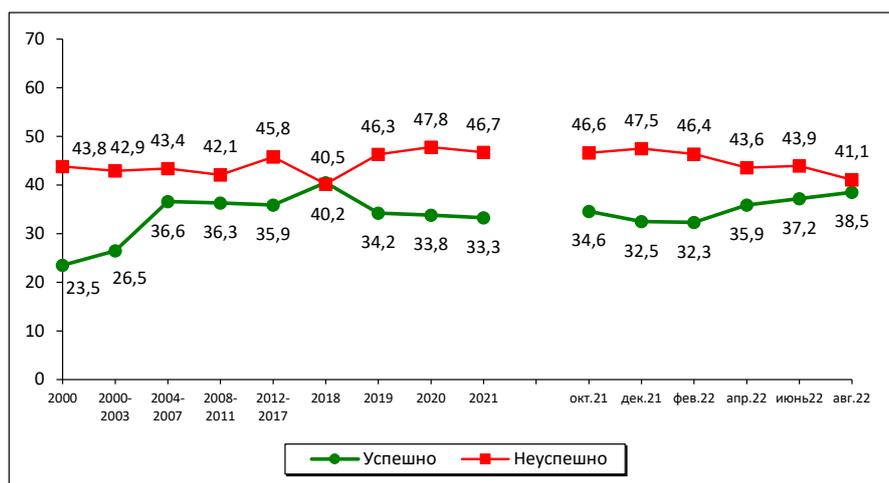
Изменение (+/-), август 2022 г. к		
Вариант ответа	октябрю 2021 г.	июнию 2022 г.
Успешно	+4	+2
Неуспешно	-7	-2

Незначительные позитивные изменения за последние два месяца отмечаются и в динамике оценок успешности решения Президентом РФ проблемы защиты демократии и укрепления свобод граждан. С июня по август 2022 г. доля позитивных суждений увеличилась на 2 п. п. (с 37 до 39%), удельный вес негативных характеристик снизился на 3 п. п. (с 44 до 41%).

В целом за период с февраля по август 2022 г. доля положительных оценок увеличилась на 7 п. п. (с 32 до 39%), отрицательных – уменьшилась на 5 п. п. (с 46 до 41%).

За последние 6 опросов (с октября 2021 по август 2022 г.) доля жителей области, считающих успешными действия главы государства по защите демократии и укреплению свобод граждан, увеличилась на 4 п. п. (с 35 до 39%). Удельный вес тех, кто разделяет противоположное мнение, снизился на 6 п. п. (с 47 до 41%).

Защита демократии и укрепление свобод граждан

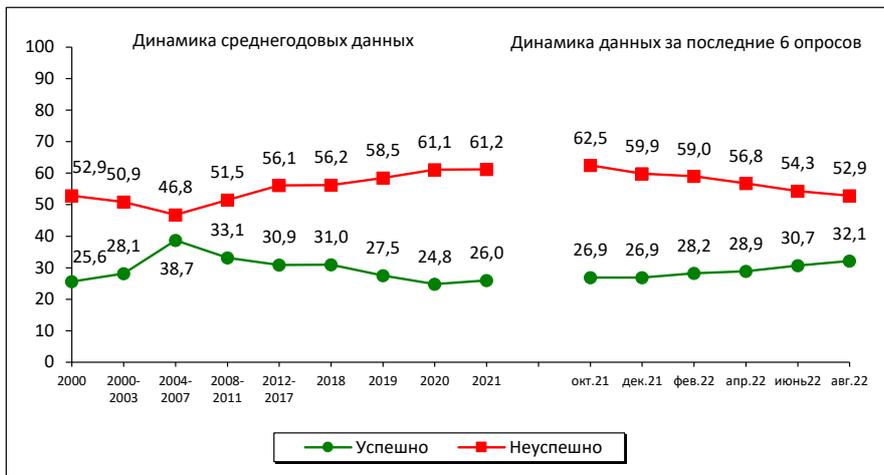
Изменение (+/-), август 2022 г. к		
Вариант ответа	октябрю 2021 г.	июнию 2022 г.
Успешно	+4	+1
Неуспешно	-6	-3

Оценка успешности решения Президентом РФ проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан за период с июня по август 2022 г. существенно не изменилась. Доля положительных суждений составила 31–32%, отрицательных – 53–54%.

С февраля по август 2022 г. отмечаются преимущественно позитивные изменения: доля положительных суждений увеличилась на 4 п. п. (с 28 до 32%); отрицательных – уменьшилась на 6 п. п. (с 59 до 53%).

За последние 6 опросов (с октября 2021 по август 2022 г.) удельный вес положительных суждений возрос на 5 п. п. (с 27 до 32%), отрицательных – снизился на 10 п. п. (с 63 до 53%).

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Изменение (+/-), август 2022 г. к		
Вариант ответа	октябрю 2021 г.	июнию 2022 г.
Успешно	+5	+1
Неуспешно	-10	-1

Структура партийно-политических предпочтений жителей области за последние два месяца не изменилась: доля людей, чьи интересы выражает партия «Единая Россия», составляет 35–36%, КПРФ – 10%, ЛДПР – 7%, «Справедливая Россия» – 5%, «Новые люди» – 2%.

С февраля по август 2022 г. отмечается рост поддержки «Единой России» на 5 п. п., с 31 до 36%.

По сравнению с октябрём 2021 г. доля сторонников партии власти увеличилась на 3 п. п. (с 33 до 36%).

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партия	Динамика среднегодовых данных											Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), авг. 2022 к		
	2000	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2019	2020	Выборы в ГД РФ 2020 г., факт	2021	Окт. 2021	Дек. 2021	Фев. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	окт. 2021	июню 2022
Единая Россия	18,5	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	33,8	31,5	49,8	31,7	32,7	31,9	31,1	34,2	34,9	36,2	+4	+1
КПРФ	11,5	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,8	8,4	18,9	9,3	11,1	10,5	9,5	11,2	10,2	10,4	-1	0
ЛДПР	4,8	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,1	9,5	7,6	9,9	11,2	9,9	9,4	7,7	7,8	6,8	-4	-1
Справедливая Россия – Патриоты – За правду	-	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	3,4	4,7	7,5	4,7	6,3	6,0	5,7	4,5	4,8	4,9	-1	0
Новые люди*	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5,3	2,3	-	2,3	1,6	1,3	1,6	1,9	-	0
Другая	0,9	1,8	1,9	-	2,1	0,3	-	0,7	0,3	0,5	-	0,2	0,5	0,2	0,7	0,3	0,1	0,1	0	0
Никакая	29,6	17,8	29,4	-	31,3	29,4	-	28,5	33,7	34,2	-	33,9	31,7	29,6	32,4	30,8	30,7	29,3	-2	-1
Затрудняюсь ответить	20,3	21,2	13,2	-	11,7	12,0	-	11,2	11,0	11,1	-	10,0	6,6	9,7	9,6	10,0	9,9	10,5	-4	-1

* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думе РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 г.

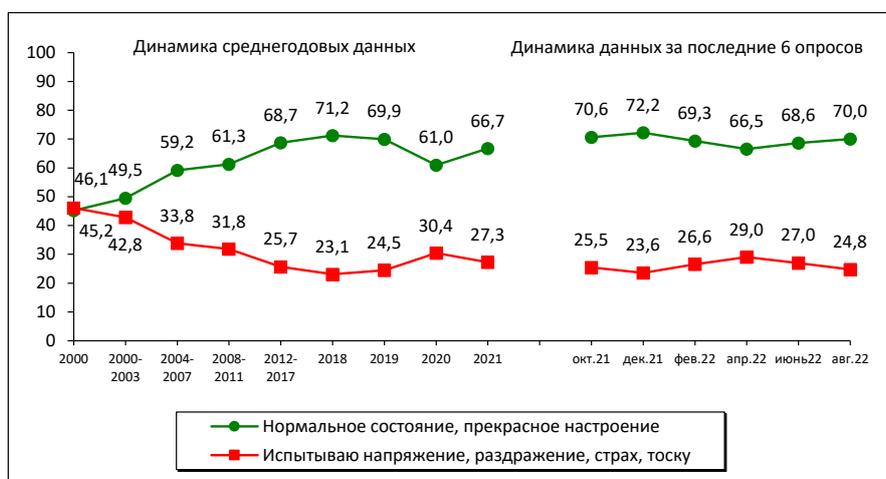
Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

В августе 2022 г. по сравнению с июнем доля жителей области, характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние как «нормальное, прекрасное», существенно не изменилась (69–70%); удельный вес людей, испытывающих преимущественно «напряжение, раздражение, страх, тоску», снизился на 2 п. п. (с 27 до 25%).

В целом за период с февраля по август 2022 г. оценки социального настроения остаются стабильными: доля положительных суждений составляет 69–70%, отрицательных – 25–27%.

По сравнению с октябрём 2021 г. существенных изменений в динамике оценок социального настроения не произошло.

Социальное настроение

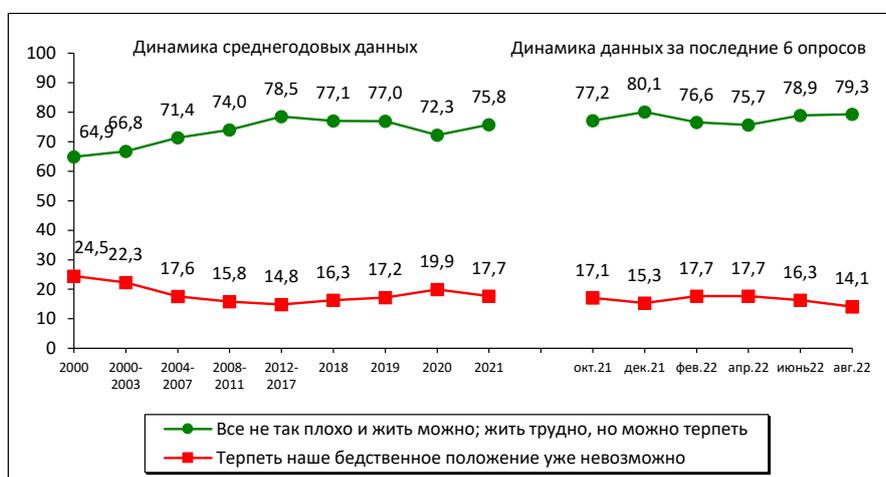
Изменение (+/-), август 2022 г. к		
Вариант ответа	октябрю 2021 г.	июню 2022 г.
Нормальное состояние, прекрасное настроение	-1	+1
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	-1	-2

В динамике показателя запаса терпения за последние два месяца существенных изменений не наблюдается: доля позитивных оценок составляет 79%, отрицательных – 14–16%.

По сравнению с февралем 2022 г. в августе незначительно увеличилась доля положительных оценок запаса терпения (на 2 п. п., с 77 до 79%); снизилась доля отрицательных характеристик (на 4 п. п., с 18 до 14%).

По сравнению с августом 2021 г. в августе 2022 г. также наблюдаются позитивные изменения: удельный вес положительных оценок возрос на 2 п. п. (с 77 до 79%), отрицательных – снизился на 3 п. п. (с 17 до 14%).

Запас терпения

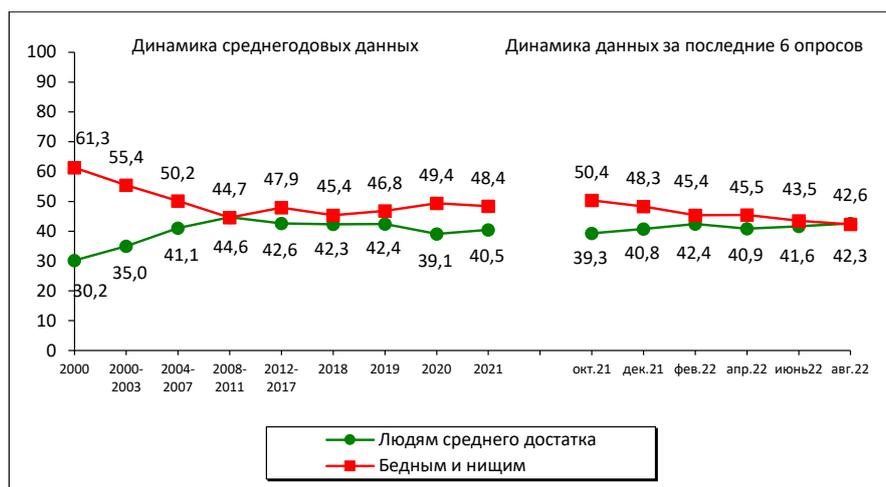

Изменение (+/-), август 2022 г. к		
Вариант ответа	октябрю 2021 г.	июню 2022 г.
Все не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	+2	0
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	-3	-2

Удельный вес жителей области, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих», за последние два месяца снизился на 2 п. п. (с 44 до 42%), за период с февраля по август — на 3 п. п. (с 45 до 42%).

За последние 6 опросов (с октября 2021 по август 2022 г.) доля «бедных и нищих» жителей области уменьшилась на 8 п. п. (с 50 до 42%); удельный вес людей «среднего достатка» возрос на 4 п. п. (с 39 до 43%).

Социальная самоидентификация*

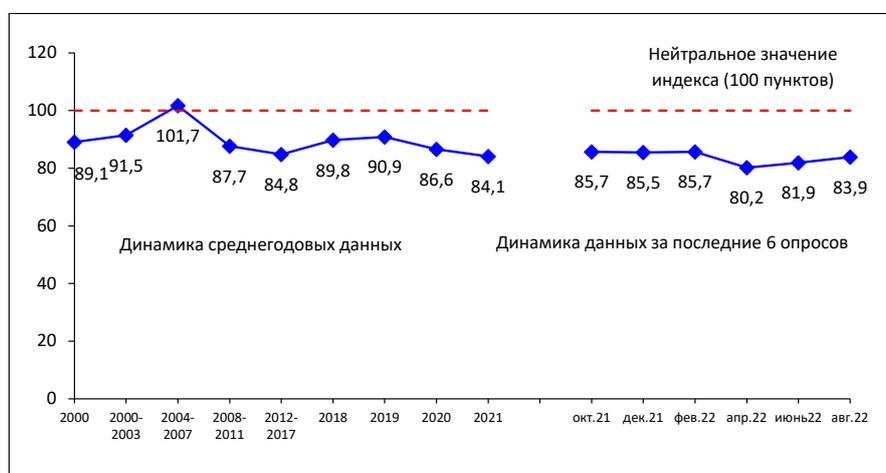
Изменение (+/-), август 2022 г. к		
Вариант ответа	октябрю 2021 г.	июню 2022 г.
Доля считающих себя людьми среднего достатка	+3	+1
Доля считающих себя бедными и нищими	-8	-1

* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

С июня по август 2022 г. незначительно увеличился индекс потребительских настроений (на 2 пункта, с 82 до 84 п.), что свидетельствует об улучшении прогнозов людей относительно будущего российской экономики и своего личного материального положения.

Однако ИПН по-прежнему остается значительно более низким, чем в феврале 2022 г. и в августе 2021 г. (на 2 пункта, 84 п. против 86).

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

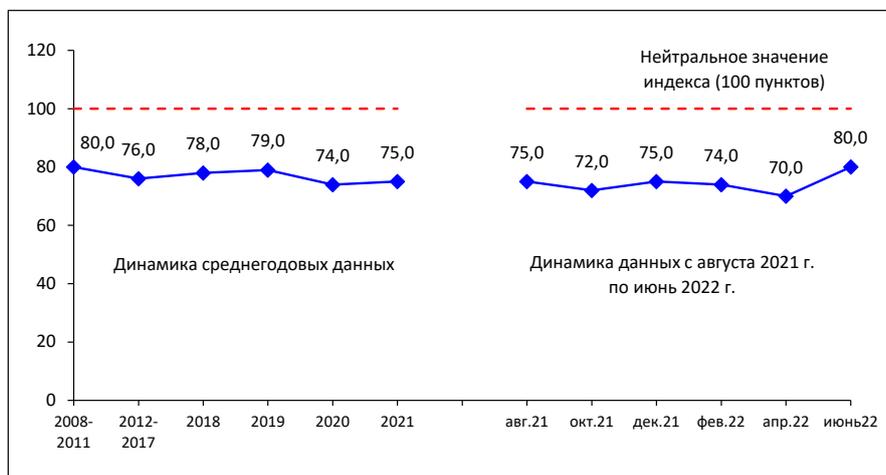

Изменение (+/-), август 2022 г. к		
ИПН	октябрю 2021 г.	июню 2022 г.
Значение индекса, в пунктах	-2	+2

Для справки:

По последним данным Левада-Центра* (на июнь 2022 г.), индекс потребительских настроений в целом по стране составил 80 пунктов, что на 10 пунктов выше, чем в апреле 2022 г. (70 п.), и на 5 пунктов выше, чем в августе 2021 г. (75 п.).

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные Левада-Центра* по России)

Изменение (+/-), июнь 2022 г. к		
ИПН	августу 2021 г.	апрелю 2022 г.
Значение индекса, в пунктах	+5	+10

Индекс рассчитывается с 2008 г.

Последние данные – за июнь 2022 г.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

В большинстве социально-демографических групп (в 9 из 14) существенных изменений в динамике положительных оценок социального настроения за последние два месяца не наблюдается. Незначительное (на 3 п. п.) увеличение доли позитивных суждений отмечается среди мужчин (с 67 до 70%), лиц в возрасте 30–55 лет (с 69 до 72%), людей со средним и неполным средним образованием (с 66 до 69%), а также в группе 60% среднеобеспеченных жителей области (с 70 до 73%).

Снижение удельного веса положительных характеристик социального настроения в июне – августе 2022 г. отмечается только среди лиц, по самооценкам доходов относящихся к категории 20% наименее обеспеченных жителей области (на 3 п. п., с 58 до 55%).

По сравнению с февралем 2022 г. оценки социального настроения также остаются в целом стабильными: в 8 из 14 групп доля позитивных суждений не изменилась; в 4-х категориях доля людей, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное», увеличилась; в 2-х категориях отмечаются негативные изменения (среди 20% наименее обеспеченных и 20% наиболее обеспеченных жителей области).

За последние 6 опросов (октябрь 2021 – август 2022 г.) в половине из анализируемых групп изменений социального настроения не произошло, однако в пяти категориях доля положительных характеристик социального настроения снизилась, а именно среди:

- ✓ лиц старше 55 лет (на 4 п. п., с 68 до 64%);
- ✓ людей с высшим и незаконченным высшим образованием (на 6 п. п., с 77 до 71%);
- ✓ 20% наименее обеспеченных (на 5 п. п., с 60 до 55%);
- ✓ 20% наиболее обеспеченных (на 7 п. п., с 84 до 77%);
- ✓ жителей г. Вологды (на 3 п. п., с 64 до 61%).

* Внесен в реестр иностранных агентов.

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных								Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), авг. 2022 к	
	2000	2007	2011	2012	2018	2019	2020	2021	Окт. 2021	Дек. 2021	Фев. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	окт. 2021	июню 2022
Пол																
Мужской	50,1	65,9	64,5	69,1	72,8	70,1	60,8	65,7	70,0	71,5	65,5	68,3	67,4	69,9	0	+3
Женский	43,3	61,7	62,0	65,8	69,8	69,6	61,2	67,4	70,9	72,8	72,3	65,1	69,7	70,2	-1	+1
Возраст																
До 30 лет	59,1	71,3	70,0	72,3	80,0	81,1	67,6	73,5	75,3	81,9	75,3	81,8	77,3	77,8	+3	+1
30–55 лет	44,2	64,8	62,5	67,9	72,6	71,2	61,8	69,5	70,8	75,1	70,7	71,1	68,8	72,0	+1	+3
Старше 55 лет	37,4	54,8	58,3	62,1	65,2	63,3	57,4	60,5	68,3	65,2	65,3	55,2	65,3	64,6	-4	-1
Образование																
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,4	57,2	64,8	63,2	56,1	62,1	64,1	69,7	68,7	63,0	65,8	68,5	+4	+3
Среднее специальное	46,4	64,6	63,6	66,7	72,2	72,7	63,5	66,7	70,4	70,1	68,3	69,8	70,5	71,0	+1	+1
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	68,3	77,0	76,8	73,4	63,3	71,5	77,1	77,6	71,5	66,9	69,7	70,8	-6	+1
Доходные группы																
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	45,3	51,5	57,3	53,2	43,4	54,6	60,4	64,0	60,5	61,5	58,4	55,4	-5	-3
60% средне-обеспеченных	45,5	62,9	65,3	68,7	71,9	71,4	62,6	67,3	70,9	71,1	68,8	64,2	70,3	73,2	+2	+3
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	75,3	81,1	82,9	81,8	75,6	79,9	84,2	85,3	81,5	81,9	75,7	77,0	-7	+1
Территории																
Вологда	49,2	63,1	67,1	73,6	71,0	68,6	60,9	60,3	64,0	65,7	63,2	60,2	61,0	61,5	-3	+1
Череповец	50,8	68,1	71,2	76,2	75,8	71,2	60,4	71,0	75,2	75,1	72,6	70,1	72,8	74,6	-1	+2
Районы	42,2	61,6	57,1	59,8	68,7	69,8	61,4	67,8	71,5	74,2	70,8	68,1	70,6	72,3	+1	+2
Область	46,2	63,6	63,1	67,3	71,2	69,9	61,0	66,6	70,5	72,2	69,3	66,5	68,7	70,1	0	+1

РЕЗЮМЕ

Как показали результаты последней «волны» мониторинга общественного мнения, проведенной в августе 2022 г., на территории Вологодской области сохраняется стабильный фон социальных настроений.

С февраля 2022 г., когда Президент РФ В.В. Путин объявил о начале специальной военной операции на территории Украины, сохраняется устойчивый тренд на увеличение уровня одобрения деятельности органов власти, причем это касается не только главы государства, но также председателя Правительства РФ и губернатора Вологодской области. В целом за период с февраля по август 2022 г. доля положительных оценок их работы увеличилась на 10–13 п. п. Кроме того, за этот же период на 5 п. п. возрос удельный вес людей, считающих, что партия «Единая Россия» разделяет их интересы. Данные также говорят о том, что широкие слои населения в целом разделяют политику государства и ощущают на себе воздействие мер, предпринимаемых органами управления по поддержанию уровня и качества жизни.

Оценка жителями региона действий Президента РФ по решению ключевых проблем страны подтверждает этот вывод. Так, за период с февраля по август 2022 г. доля людей, считающих успешными действия главы государства по укреплению международных позиций России, увеличилась на 8 п. п. (с 42 до 50%), по наведению порядка в стране – на 6 п. п. (с 41 до 47%), по защите демократии – на 7 п. п. (с 32 до 39%), по подъему экономики и росту благосостояния граждан – на 4 п. п. (с 28 до 32%).

Следует также отметить, что после вполне естественной первой реакции людей на события февраля – марта 2022 г. (начало специальной военной операции на территории Украины, активизация экономических санкций со стороны США и стран НАТО, уход многих зарубежных компаний с российского рынка, ужесточение законодательства в сфере информационной политики и т. д.) **основные показатели социального самочувствия населения к середине года приобрели достаточно устойчивый позитивный вектор**. Так, с апреля по август 2022 г. продолжает постепенно увеличиваться:

- ✓ доля жителей области, позитивно характеризующих своё повседневное эмоциональное состояние (на 3 п. п., с 67 до 70%);
- ✓ удельный вес людей, считающих, что «всё не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть» (на 3 п. п., с 76 до 79%);
- ✓ индекс потребительских настроений (ИПН), что свидетельствует об увеличении оптимистических прогнозов общества относительно будущего российской экономики и личного материального положения (на 4 пункта, с 80 до 84 п.);
- ✓ удельный вес людей, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих», за период с апреля по август 2022 г. снизился на 3 п. п. (с 46 до 43%).

Тенденции ключевых показателей общественных настроений
в феврале – августе 2022 г. (в % от числа опрошенных; ИПН – в пунктах)

Показатель	Фев. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Изменение (+/-), авг. 2022 к	
					фев. 2022	июню 2022
Доля положительных оценок деятельности Президента РФ	48,0	56,3	58,0	60,9	+13	+3
Доля положительных оценок социального настроения	69,3	66,5	68,7	70,1	+1	+1
Доля положительных оценок запаса терпения	76,6	75,7	78,9	79,3	+3	0
Доля «бедных и нищих»	45,4	45,35	43,5	42,3	-3	-1
Индекс потребительских настроений (ИПН)	85,7	80,2	81,9	83,9	-2	+2

Конечно, нельзя сказать, что указанные позитивные изменения основных показателей социального самочувствия жителей Вологодской области носят ярко выраженный характер (как, например, рост ИПН в целом по стране, который, по данным Левада-Центра*, увеличился с апреля по июнь сразу на 10 пунктов, с 70 до 80 п.). Однако в сложившихся на сегодняшний день тревожных внешнеполитических и внутренних социально-экономических условиях **можно констатировать, что органам власти в целом удается сохранять стабильный социально-психологический климат, в том числе на территории региона.**

В то же время регулярно отмечаемые на протяжении последних трех «волн» мониторинга позитивные изменения в динамике основных показателей социального самочувствия и поддержки органов власти носят столь незначительный характер (не более 3 п. п.), что фактически всегда сохраняется риск изменения вектора позитивной динамики на противоположный. Можно сказать, что общество находится в

* Внесен в реестр иностранных агентов.

состоянии тревожного ожидания, надеясь на государство и одновременно осознавая всю серьезность нависших над страной угроз.

Дальнейшая динамика общественных настроений, безусловно, будет во многом зависеть от развития международных событий (особенно от хода специальной военной операции). Однако, чем больше будет крепнуть уверенность людей в том, что государство способно защитить уровень и качество повседневной жизни граждан, тем больше будет расти требовательность в отношении их динамического развития. Это говорит о том, что темпы принятия мер, направленных на социальную защиту населения, как минимум, не должны ослабевать.

И это особенно касается поддержки социально уязвимых категорий, в которых, как показывают данные мониторинга, с апреля 2022 г. наблюдаются негативные изменения социального настроения (так, в группе 20% наименее обеспеченных жителей области доля положительных оценок социального настроения в апреле 2022 г. составила 62%, в июне – 58%, в августе – 55%).

Для широких слоев населения с приближением осенне-зимнего периода (когда заканчивается период отпусков, ухудшается климат, сезонно увеличиваются тарифы ЖКХ) вопросы, связанные с внутренней социально-экономической повесткой, обостряются, и органы власти должны быть готовы к тому, что роль данного фактора в формировании общей динамики социальных настроений будет усиливаться.

Материалы подготовили: М.В. Морев, И.М. Бахвалова

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscc.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи

1. Поля.

Правое – 1 см, остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nr1>.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные).

Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____,

(наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук»
Адрес (юридический и почтовый):
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а;
тел. (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
Банковские реквизиты:
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
ОКТМО 19701000
Наименование банка: Отделение Вологда
Банка России // УФК по Вологодской области
г. Вологда
р. счет 03214643000000013000
корр. счет 40102810445370000022
БИК ТОФК 011909101
Банковский (лицевой счет) л/с 20306Ц32570

_____/_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____
Домашний адрес _____

Паспорт: серия _____ номер _____
выдан _____

когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

АКТ
приёма-передачи произведения

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «**Лицензиат**», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «**Лицензиар**», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «**Сторона/Стороны**», составили настоящий акт о том, что Лицензиар предоставил Лицензиату Произведение _____ в печатной/электронной версии для использования в соответствии с подписанным сторонами Лицензионным договором № _____ от « ____ » _____ 20__ года.

Передал
Лицензиар:

Принял
От Лицензиата:

_____ / _____
подпись ф. и. о. полностью

_____ / _____ / _____
подпись

М. П.

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

- 1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 29.08.2022.
Дата выхода в свет 31.08.2022.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 35,0. Тираж 500 экз. Заказ № 43.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru